

**БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ  
УНИВЕРСИТЕТ**

**Институт социально-гуманитарного образования  
Кафедра политологии**

**СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА О ТРАЕКТОРИЯХ  
РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА, БИЗНЕСА И ГРАЖДАНСКОГО  
ОБЩЕСТВА**

Сборник материалов международной научно-практической  
(онлайн) конференции  
(23 декабря 2020 г.)

Редакционная коллегия: Н. Ю. Веремеев (гл. ред.),  
О. Г. Казак, А. А. Киселёв, О. А. Посталовская

Минск  
«Колорград»  
2021

УДК 32-027.21(082)  
ББК 66.0я43

*Печатается по решению Совета института социально-гуманитарного образования БГЭУ (протокол № 10 от 26.05.2021 г.)*

Редакционная коллегия:

*Н. Ю. Веремеев,*

кандидат политических наук, заведующий кафедрой политологии БГЭУ (гл. ред.);

*О. Г. Казак,*

кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии БГЭУ;

*А. А. Киселёв,*

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии БГЭУ;

*О. А. Посталовская,*

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии БГЭУ

Рецензенты:

*Ю. И. Малевич,*

доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений БГУ;

*К. В. Шевченко,*

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры правовых дисциплин РГСУ

(филиал в г. Минске)

**Современная политическая наука о траекториях развития государства, бизнеса и гражданского обществ** : сборник материалов международной научно-практической (онлайн) конференции (23 декабря 2020 г.) / Белорусский государственный экономический университет ; редкол.: Н. Ю. Веремеев (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Колорград, 2021. – 388 с.  
ISBN 978-985-596-901-4.

В сборник включены материалы международной научно-практической (онлайн) конференции «Современная политическая наука о траекториях развития государства, бизнеса и гражданского общества», организованной кафедрой политологии УО «Белорусский государственный экономический университет» 23 декабря 2020 г. Статьи участников конференции посвящены таким проблемам, как модернизация, функционирование политических институтов, взаимоотношение государства и бизнеса, цифровая трансформация экономических и социальных процессов и др.

**УДК 32-027.21(082)**  
**ББК 66.0я43**

**ISBN 978-985-596-901-4**

© БГЭУ, 2021

© Оформление. ООО «Колорград», 2021

## ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ .....	12
-------------------	----

### МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Aleksanyan A.S. FORMATION OF THE SYSTEM OF SOCIAL PARTNERSHIP IN THE EAEU IN THE CONTEXT OF CHANGING POLITICAL REALITY .....	14
--	----

Божанов В.А. СИЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО .....	17
---	----

Котляров И.В. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПРЕДЕЛ (СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ) .....	21
---	----

Лапин А.В. ДОВЕРИЕ К ОРГАНАМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ .....	24
--	----

Лихачёв Н.Е. ПРИНЦИП «ОДНОГО ОКНА» В СИСТЕМЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ СЕЛЬСКИМ ЖИТЕЛЯМ .....	28
---	----

Rak J. ESTABLISHING RELATIONSHIPS BETWEEN THE STATE AND (UN)CIVIL SOCIETY WITHIN THE FRAMEWORK OF NEO-MILITANT DEMOCRACY .	31
--	----

Семёнова Л.Н. ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА .....	35
--	----

Титаренко И.Н. НАСЕЛЕНИЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК СУБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: ПРОБЛЕМА УЧАСТИЯ В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ .....	39
--	----

### МАТЕРИАЛЫ ОСНОВНОЙ СЕКЦИИ

Посталовская О.А. СУЩНОСТЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ.....	45
---	----

Свиридов А.В. ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ: КУЛЬТУРНО- ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ. ....	49
---	----

Михайловский В.С. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СИНТЕЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ .....	53
---	----

Разумовский А.М. СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ФОРМ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ.....	56
---	----

Александренков Ю.В. СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В ИДЕОЛОГИИ «НОВЫХ ПРАВЫХ».....	59
Галицкая Е.М. ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ .....	62
Геворгян А.С., Мангасаров П.П. ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СТРАНАХ ЮЖНОГО КАВКАЗА (ЗАКАВКАЗЬЯ).....	65
Мушинский Н.И. МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В XXI ВЕКЕ КАК ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ.....	69
Варзин В.В. АНАЛИЗ МЕР ПО ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ .....	73
Мищанин В.В. ЦЕРКОВЬ И НАУКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: БОГОСЛОВСКО- ИСТОРИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ИМ. ВАСИЛИЯ (ПРОНИНА) МУКАЧЕВСКОЙ ЕПАРХИИ УКРАИНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ .....	76
Прибытков Ю.Б. РАЗВИТИЕ ГУБЕРНАТОРСКОЙ ВЛАСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ .....	80
Матюсова А.И. ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИКО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РОССИЙСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ .....	83
Юрочкин М.А. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ МЕЖДУ УРОВНЯМИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ.....	86
Волнистая М.Г. ГОСУДАРСТВО И СТРУКТУРЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА .....	89
Ермак О.И. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН .....	91
Касьяненко А.П. УЧАСТИЕ ОРГАНИЗАЦИЙ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УСТОЙЧИВОМ РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ. ....	94
Козлова Н.Н., Рассадин С.В. ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ СЕТЕВОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА .....	98

---

Костиневич К.И. ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК КАНАЛЫ И СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ .....	102
Курячая М.М. ПРОБЛЕМЫ СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН И ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ .....	106
Лавриненко Г.А. КОНСОЛІДАЦІЯ ДЕРЖАВИ І ГРОМАДЯНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА ЯК УНІВЕРСАЛЬНИЙ МЕХАНІЗМ БОРОТЬБИ З COVID-19 .....	109
Лойко Л.Е. ОБЩЕСТВО В СИСТЕМЕ КОММУНИКАЦИИ .....	112
Надольская В.И. ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ КОДИРОВАНИЕ В ДИНАМИКЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА (СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС).....	116
Северин Э.Н. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ .....	119
Травин Р.А., Аванесов А.Ю. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ «ФАБРИК МЫСЛИ» В РОССИИ.....	123
Федотов А.В. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ УЧАСТИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА .....	127
Лемешова Т.В. МАРКЕТИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ .....	131
Носкова О.С. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОДБОРУ КАДРОВ ДЛЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ.....	133
Острога Г.А. КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОСОЮЗА: РЕГИОНАЛЬНОЕ И МИРОВОЕ ЛИДЕРСТВО.....	137
Рощина М.В. ТЕОРИЯ ГЮСТАВА ЛЕБОНА И ПРАКТИКА ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ 2020 ГОДА	141
Сидорова В.А. МИРОВОЗЗРЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН .....	145



Старичёнок В.В. БЕЛОРУССКОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПРИОРИТЕТЫ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ.....	191
Дорошко А.С. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КОММУНИКАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА.....	197
Занкевич А.В. GR-МЕНЕДЖМЕНТ В СИСТЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА, БИЗНЕСА И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ.....	201
Береснева М.А. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ САМООРГАНИЗАЦИИ .....	205
Волнистая К.С. ИТОГИ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОВАНИЯ БЕЛАРУСИ В ОРГАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА (ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОМИССИИ).....	208
Говорова Н.В. БЕДНОСТЬ И НЕРАВЕНСТВО – ПРЕГРАДА РАЗВИТИЮ ЭКОНОМИКИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА .....	211
Грабова О.Н., Крылов А.И., Грабов А.В. ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА АНАЛИЗ И ПЛАНИРОВАНИЕ НАЛОГОВЫХ РИСКОВ В ТОРГОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ .....	215
Елфимов А.В. ИНФОРМАЦИОННОЕ ОПЕРЕЖЕНИЕ ИНТЕГРАЦИИ .....	217
Елфимов В.А. ГАРМОНИЯ ПЛАНОВ И ЦЕЛЕЙ КАК ЗАЛОГ УСПЕХА СОЮЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА .....	220
Ефименко С.В. АСПЕКТЫ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ .....	226
Ихсанов С.А. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ НЕФТЯНЫХ КОМПАНИЙ .....	230
Казак О.Г. ПАРТИСИПАТОРНОЕ БЮДЖЕТИРОВАНИЕ (БЮДЖЕТ УЧАСТИЯ): ХАРАКТЕРИСТИКА, ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ .....	234
Логвінова Д.А. ІМІГРАЦІЙНА ПОЛІТИКА КВЕБЕКУ ЯК ІНСТРУМЕНТ ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ «SOCIÉTÉ DISTINCTION» .....	238

Михайлов А.С., Ажинов Д.Г. КЛАСТЕРНЫЙ ПРОЦЕСС В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ .....	242
Николаенко А.В. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЕАЭС НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	246
Чжун Хайбо ИЗМЕНЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В ПОСТПАНДЕМИЧЕСКУЮ ЭПОХУ .....	249
<b>МАТЕРИАЛЫ МОЛОДЕЖНОЙ СЕКЦИИ «ШАГ В НАУКУ...»</b>	
Агаев Ф.Ш. РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЛИДЕРА В УСЛОВИЯХ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО КОНФЛИКТА (НА ПРИМЕРЕ ГЕЙДАРА И ИЛЬХАМА АЛИЕВЫХ) .....	254
Алексеева А.А. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ РОССИИ: ДИАЛОГ ИЛИ МОНОЛОГ? .....	257
Атаманенко А.А. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭТИКА КИБЕРПАНКА: ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ АЛГОРИТМЫ ТЕХНОКРАТИИ .....	261
Арутюнов А.Г., Сизов В.О. ФЕДЕРАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИЯ «СИРИУС» КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ .....	265
Баранов В.В., Савельев М.В., Резниченко Р.О., Каршева К.О. ПОДДЕРЖКА НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОНТЕРАМИ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ ...	267
Березнякова М.Д. КЛАССИФИКАЦИЯ ГИБРИДНЫХ РЕЖИМОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ .....	270
Бондарев А.А. РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ И ПОЛЯРИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ .....	272
Butsikova E.A. MEDIA AS AN INSTRUMENT OF "SOFT POWER" FROM THE POSITION OF "PUBLIC DIPLOMACY" AND STATE IMAGE POLICY .....	275
Гринченко Е.А. ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ .....	277
Джигило В.П. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В БЕЛАРУСИ В «ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД» (1988–1994 гг.) .....	281



Егорова Д.М., Орлов П.А. УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ПОЛИТИКЕ: ОПЫТ ФИНЛЯДИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ГЕНДЕРНОГО БАЛАНС .....	285
Ёдко Н.А. ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ .....	289
Зеленкова К.С. ДИНАМИКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ .....	292
Калабанов В.А. РЕАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	296
Козьякова Л.Д. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	298
Колосов И.А. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	300
Кольцов В.В., Почуева К.А. НЕДОСТАТОЧНОСТЬ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ЧЕЛОВЕКА КАК АВТОНОМНОГО СУБЪЕКТА. ....	302
Курадовец А.Н. ГЕНЕЗИС ЛОББИЗМА.....	304
Кутузова А.А. ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ .....	307
Li Xiaoyu CHINA-BELARUS ECONOMIC AND CULTURAL COOPERATION WITHIN THE CONTEXT OF THE «ONE BELT, ONE ROAD» INITIATIVE .....	308
Ловцов Е.В. ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	310
Лосик А.А. ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ .....	313
Макаров А.А. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ФЕДЕРАЛИЗМА В РОССИИ.....	317

Матосян А.Э. КРИЗИС ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ США .....	321
Маубаев Т. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ.....	325
Менаждинова А.Р. ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИММИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ФРГ .....	327
Мермер Д.Б. ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА .....	329
Миц І.І. ДІПФЕЙК І ПОСТПРАВДА ЯК СУЧАСНІ ПЕРЕДВИБОРЧІ ТЕХНОЛОГІЇ.	331
Найденко О.О. ВЗАЄМОДІЯ ДЕРЖАВИ З ГРОМАДЯНСЬКИМ СУСПІЛЬСТВОМ В УКРАЇНІ .....	333
Осипян А.О., Коврикова О.И. ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЛЕГИТИМНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В РОССИИ.....	335
Ошевнева Е.С. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИМВОЛ КАК СРЕДСТВО УПРАВЛЕНИЯ МАССОВЫМ ПОВЕДЕНИЕМ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА .....	338
Панца Р.А. СОПЕРНИЧЕСТВО США И КИТАЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ.....	341
Плаксина Е.А. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ГЕРМАНИИ НА ПРИМЕРЕ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗЕМЕЛЬ ТЮРИНГИИ И ГАМБУРГА .....	343
Плеханов Т.М. БОРЬБА С ИСТОРИЧЕСКИМИ ИНТЕРПРЕТАЦИЯМИ НА ПРИМЕРЕ СТАТЬИ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В.В. ПУТИНА О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ, ОПУБЛИКОВАННОЙ 19 ИЮНЯ 2020 г. В «РОССИЙСКОЙ ГАЗЕТЕ».....	346
Пометько И.И. ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ: СУЩНОСТЬ, ЦЕЛИ, ФОРМЫ .....	348
Самиев А.М. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В ИСТОРИИ РОССИИ .....	350
Свистунова А.Д. К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ПРИНЯТИЯ ЗАКОНА О ДОМАШНЕМ НАСИЛИИ .....	353

Семёнов Е.В. ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: КЛЮЧ К УДОБСТВУ, РАСШИРЯЮЩИЙ ПРОСТОР ДЛЯ МАНИПУЛИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ И ИСКАЖЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ .....	354
Теплюк В.А. ВИКОРИСТАННЯ ІНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГІЙ У ВИБОРЧИХ ПРОЦЕСАХ..	356
Халилов О.У. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА .....	358
Харчик М.О. МЕДИЦИНСКИЕ ОЛИГОПОЛИИ США В РАМКАХ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.....	359
Ходоковская А.Е. ПРОЦЕДУРА ИМПИЧМЕНТА КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ПРАКТИКА В США .....	363
Чаус Р.О. ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ .....	365
Шашков А.М. ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭКСТРЕМИЗМА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ .....	367
Швед М.А. ЛЕГАЛЬНОСТЬ И ЛЕГИТИМНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ .....	369
Шишов Н.Ю. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА ИЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ: ОПЫТ ВЕНГРИИ В 2010–2020 гг.....	372
Юсупов П.В. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БИЗНЕС-АССОЦИАЦИЙ И СОЮЗОВ С ОРГАНАМИ ЕАЭС .....	377
Юшкевич Е.Е. ВОВЛЕЧЕННОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ ФРГ В МЕДИАПРОСТРАНСТВО КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ СТРАНЫ .....	380
Якутина Е.Р. СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ РОССИИ .....	382

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Объектом пристального внимания политологов XXI века выступают проблемы развития институтов государства и гражданского общества, бизнеса и власти, науки и практики. Эти актуальные для современного мира проблемные поля стали предметом обсуждения представителей академического сообщества, государственного управления и гражданского общества, экспертов-аналитиков, молодых ученых – участников первой международной научно-практической (онлайн) конференции «Современная политическая наука о траекториях развития государства, бизнеса и гражданского общества» (23 декабря 2020 г.). Организатором научного форума выступила кафедра политологии Белорусского государственного экономического университета.

Тематика конференции и её проблемные направления были нацелены на детальное рассмотрение различных аспектов взаимоотношений государства, гражданского общества, бизнеса, анализ проблем и определение перспектив выстраивания диалога между ключевыми участниками общественно-политической сферы.

В ходе пленарного и секционных заседаний конференции свои доклады представили более 100 участников из Беларуси, России, Украины, Армении, Узбекистана, Польши. Мероприятие можно смело считать беспрецедентным не только по охвату обсуждаемой тематики (политическая теория в структуре современного социально-гуманитарного знания, трансформация и модернизация политических и экономических систем, информационно-цифровые технологии в современном политическом процессе и др.), но и по количеству и географическому представительству участников, но и по актуальности предлагаемых тем и смелости решений теоретических и практических задач.

Часть докладов на конференции представили студенты, которые выбрали политологию в качестве своей будущей профессии. Сегодня они делают только первые шаги к поставленной ими цели, но именно в их руках находится будущая судьба политической науки.

Мы надеемся, что международная научно-практическая конференция «Современная политическая наука о траекториях развития государства, бизнеса и гражданского общества» станет эффективной площадкой для регулярных дискуссий и обмена мнениями между молодыми и опытными политологами. Будем рады видеть вас в числе участников научно-практических мероприятий кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета!

*Редколлегия*

# **МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ**

*A.S. Aleksanyan, professor  
ashalexanyan@gmail.com  
YSU (Yerevan, Armenia)*

## **FORMATION OF THE SYSTEM OF SOCIAL PARTNERSHIP IN THE EAEU IN THE CONTEXT OF CHANGING POLITICAL REALITY**

The formation of the system of social partnership in the Eurasian Economic Union (EAEU) began on January 1, 2015, when the Treaty on the EAEU entered into force, which marked a new level of civilizational integration in the post-Soviet space [5]. The creation of the EAEU opens up new opportunities for overcoming the integration deadlock to the free movement of labor, goods, services, capital, general regulation rules within the framework of integration rules.

Among the main goals of the EAEU, it is envisaged to create conditions for the stable development of the economies of the member states in the interests of improving the living standards of their populations and striving to form a single market for goods, services, capital and labor resources within the EAEU. Achieving these goals will become possible only under the condition of wide-ranging harmonization of social partnership and labor legislation of the EAEU member states, which should cover not only migration legislation, but also social protection, employment, social dialogue, civilizational mechanisms for protecting rights and freedoms in the field of employment and unemployment.

It is important to note that the harmonization of labor legislation of the EAEU member states should be based on standards developed at the international level. International labor standards and international experience in labor regulation are undoubtedly consolidated in the ILO's concept of decent work [2; 3]. It is obvious that the further development and institutionalization of the ILO concept of decent work has had a civilized impact not only on international labor law, but also on the labor legislation of the EAEU countries [4, p. 44-48].

The Eurasian social dialogue with the active participation of trade unions and civil society organizations (CSOs) will contribute to strengthening the partnership between the EAEU and the ILO, the development of labor legislation of the EAEU member state, as well as the deepening and development of integration processes in the post-Soviet space. At the initial stage, the Eurasian social and economic integration became the basis for harmonizing the labor legislation of the EAEU member states, which will subsequently allow achieving the goals set in the Treaty on the EAEU, namely, improving the living standards of the population and forming a single labor market for the EAEU. As a goal and a tool for improving the quality of life of people, social partnership and decent work have a special dualistic essence, which makes it possible to adapt the solution of strategic tasks, taking into account the national characteristics of each EAEU member state. It should be emphasized that social dialogue and partnership are the basis for the emergence of humanistic trends in the legal regulation of labor of the EAEU member states, which are characterized by the following general features: reforming labor legislation, optimizing the legal regulation of labor relations

and other directly related relations, eliminating negative consequences globalization, as well as strengthening the legal mechanisms for the implementation of the strategic objectives of the ILO concept of decent work.

The particular importance of EAEU tripartism and social dialogue, in which the governments of the EAEU member states will be asked to provide the necessary prerequisites for the existence of social dialogue, including observance of the basic principles and rights to freedom of trade unions and to collective bargaining, respect for the role of social partners, ensuring employment and improving social protection. The Eurasian social dialogue should become an important element for the development of a coherent labor policy by the EAEU member states. The introduction of social dialogue at the integration level of the EAEU will contribute to ensuring macroeconomic stability and sustainable economic growth, which will lead to significant civilizational transformations in the social sphere.

The current labor codes of the EAEU member states establish a mechanism for social dialogue and partnership. The Eurasian social partnership should ensure an effective relationship among trade unions, employers' representatives, authorities, aimed at harmonizing and protecting the interests of workers and employers. The labor legislation of the EAEU member states provides that social partnership is carried out in certain forms. These forms are: collective bargaining, mutual consultations and negotiations on social and labor issues, the participation of trade unions and workers, their representatives in the management of the organization and the participation of representatives of workers and employers in the resolution of labor disputes.

The current labor codes of the EAEU member states establish the concept and legal regulation of a collective agreement. The labor legislation of the EAEU member states also provides for the functioning of commissions at all levels of social partnership from representatives of the parties vested with the necessary powers. The commissions ensure the proper regulation of social and labor relations, the preparation of draft collective agreements, agreements and collective bargaining, as well as the conclusion of collective agreements and agreements and organize control over the implementation of socially significant partnership acts. At the moment, the EAEU member states have acts of social partnership and dialogue at the domestic level.

Social security and protection is an extremely important factor in industrial development. Unconditional adherence to the main goals of social protection, namely: the formation of decent working conditions with stable wages, productive organization of working hours and rest time, as well as effective labor protection and health of workers is a solid foundation for the development of the economy, industry and social sphere of the EAEU member states [1]. On this basis, it seems possible to significantly deepen the Eurasian integration processes and build up the potential of the EAEU in the international arena. In this context, it is necessary to analyze labor legislation on social security, thereby providing and protecting the labor force of the EAEU member states with decent work in order to identify aspects of modifying the mechanisms of legal regulation of social guarantees. In general, the labor legislation of the EAEU member states, before the adoption of the concept of decent work by the ILO, had sufficient regulation of working hours and rest time, wages and labor protection.

Nevertheless, there were some peculiarities [6].

Thus, based on the analysis of the labor legislation of the EAEU member states, regulating social partnership and dialogue, issues of working time and rest time, wages and labor protection, it is possible to draw the following conclusions: 1) Comparative analysis of the current labor legislation on social dialogue of the EAEU member states, it seems possible to draw a conclusion about the significant impact of the ILO concept of decent work and the improvement of the mechanisms of legal regulation of collective contractual relations of the EAEU member states. Trends in the development of labor legislation of the EAEU countries on social dialogue under the influence of the ILO concept of decent work show that the provisions on social dialogue have been embodied in the institutions of social partnership of the labor legislation of the EAEU member states. Also, the concept of social partnership, levels and forms of social partnership, including the functioning of domestic tripartite commissions and the operation of general tripartite agreements, has been legislatively fixed; 2) The current labor legislation on social protection of the EAEU member states after the adoption of the ILO concept of decent work can be analyzed from the standpoint of the general and the particular. Thus, a common feature of the labor legislation on social protection of the EAEU member states is detailed regulation of the provisions on working hours and rest time, wages and labor protection. Nevertheless, there are also peculiarities in the legal regulation of social protection, which are inherent in each individual country. The labor legislation of the EAEU member states establishes the concepts of working time and rest time, wages and labor protection, safety and health of workers; 3) One of the trends in the development of labor legislation of the EAEU member states may be the creation of another level of social partnership, that is, supranational on the basis of the Eurasian trilateral agreement. The subject of this agreement could be the most pressing issues of improving and developing the social and labor legislation of the EAEU and the EAEU member states in particular; 4) It is formulated that a general recommendation for the EAEU member states can be the design and adoption of a number of supranational agreements concerning the legal regulation of working hours and rest time, remuneration, and labor protection. These components of social protection play a decisive role both in the creation of decent and safe working conditions and in joint economic projects.

### References:

1. GCTU (2020) «Statement by the General Confederation of Trade Unions in Connection with the World Day for Decent Work 7 October 2020». [Electronic resource]. – Mode of access: <http://en.vkp.ru/news/index.html>. – Data of access: 20.11.2020.
2. ILO (2020a) «Standards Review Mechanism Tripartite Working Group». [Electronic resource]. – Mode of access: [https://www.ilo.org/global/standards/WCMS\\_449687/langen/index.htm](https://www.ilo.org/global/standards/WCMS_449687/langen/index.htm). – Data of access: 20.11.2020.
3. ILO (2020b) «Labour standards». [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.ilo.org/global/standards/lang--en/index.htm>. – Data of access: 20.11.2020.



4. National tripartite social dialogue: an ILO guide for improved governance / International Labour Office, Social Dialogue and Tripartism Unit, Governance and Tripartism Department. Geneva: ILO, 2013. [Electronic resource]. – Mode of access: [http://ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed\\_dialogue/---dialogue/documents/publication/-wcms\\_231193.pdf](http://ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_dialogue/---dialogue/documents/publication/-wcms_231193.pdf) – Data of access: 20.11.2020.
5. WTO (2020) «Treaty on the Eurasian Economic Union». [Electronic resource]. – Mode of access: [https://www.wto.org/english/thewto\\_e/acc\\_e/ka-z\\_e/WTA-CCKAZ85\\_LEG\\_1.pdf](https://www.wto.org/english/thewto_e/acc_e/ka-z_e/WTA-CCKAZ85_LEG_1.pdf). – Data of access: 20.11.2020.
6. Практическое руководство для инвесторов «государственно-частное партнерство в странах Евразийского Экономического Союза» – М.: Центр развития ГЧП, 2017. – 80 с.

*В.А. Божанов, профессор  
bochanov@tut.by  
БНТУ (Минск, Беларусь)*

## **СИЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО**

С недавних пор интерес политологов переместился от формальных признаков государства к его качественным показателям. Проблемы воспроизводства насилия исключительно со стороны государства вызывают коррекцию определения Вебера с акцентом не на «исключительную монополию» государства на насилие, а на «более-менее успешном» или «относительном преимуществе» в силе. С 80-х гг. XX в. сообщество проявляло огромное стремление к децентрализации политической власти [10, с. 122]. Чем меньше насилия, тем более легитимна власть. Однако сила как потенциальная или реальная способность остается лейтмотивом государственной деятельности и в диктатурах, и в демократиях.

Государственной власти в организации общественных дел оппонирует местная самоорганизация в лице семейных, церковных, клановых и прочих центров влияния, которые нередко выглядят в глазах населения более значимо и ценно, чем государство. Более того, и у каждой ветви власти складываются свои центры влияния. Например, полицейские аппараты Франции располагают большой самостоятельностью по отношению к властным структурам и большой способностью сопротивления государственной политике, которая пытается их изменять [8, р. 1236]. Полиция в состоянии создавать непроницаемость мест своих действий (полицейский автомобиль, комиссариат), территориальные полицейские ускользают от контроля со стороны своего командования и даже могут по своему усмотрению осуществлять противостояние власти. Годами существуют центры сильной концентрации преступности.

Благодаря развитию Всемирной паутины создаются новые условия для взаимодействия органов власти между собой, с населением, бизнесом и институтами гражданского общества, а также для повышения эффективности и прозрачности государственного управления [2, с. 203]. В результате таких

тенденций государству постоянно необходимо отстаивать свой суверенитет и одновременно обладать искусством навязывания единой воли с сохранением определенной самостоятельности оппонентов, что заставляет власти осознавать пределы своего вмешательства в «суверенные» порядки контрагентов, обладающих существенными для государства ресурсами [7, с. 99]. И все же люди понимают ресурсное превосходство власти единого центра, что позволяет государству не только регулировать, но и конструировать социальные связи и интересы.

Однако фактор принуждения со стороны государства постоянно подвергается критическому анализу. Некоторые считают, что условия глобализации несут в себе самые большие угрозы государству [9, с. 124], ведут к концу национально-государственную политику [1, с. 331]. Внутренняя и внешняя стабильность государства все в большей степени зависит не от средств принуждения, а от положения на мировом рынке. К тому же права человека получили приоритет в сравнении с правом народов на самоопределение, что радикально меняет мировой порядок: внутренние дела государства становятся делом всех. В случае террора государства против собственных граждан допускается вмешательство и даже принятие превентивных мер: правительства могут лишиться международного признания своего суверенитета. Примером космополитизации государства является борьба за политическое оформление Европейского Союза, которое лишает национальную политику границ и оснований. Предполагается, что в XXI в. все государства, даже великие державы и сверхдержавы, будут жить в ситуации взаимозависимости, сокращающей степень свободы их деятельности ввиду глобализации и возрастающего значения международных организаций [9, с. 172]. Однако в настоящее время государство остается центральной категорией геополитики, обладая такими важными характеристиками, как структура, авторитет и территория [4, с. 347].

В последнее время ученые говорят о такой классификации государств, как состоятельное-несостоятельное государство, сильное государство, неудавшееся государство, разваленное государство [8, р. 1235; 10; 6]. Термин «государственная состоятельность» включает такие необходимые качества государства, как его способность выполнять основные функции, обладать верховенством над другими субъектами власти, количество проблем, в решении которых участвует государственная власть, обладать приоритетом в концентрации насилия и ресурсов. Предложена модель государственной состоятельности из трех позиций: 1) характеристика размера и объема общественных благ: ВВП на душу населения, размер внешнего и внутреннего долга, количество «бюджетников» и объем бюджета страны; наличие и объем социальной ответственности государства и вмешательства государства в экономику страны. 2) Инфраструктурная способность: наличие бюрократической системы и силовых структур, функциональной дифференциации и разделения властей, рационализация бюрократической системы, регулирующих законов и их охват. 3) Индикаторы качества государственного управления: верховенство государственной власти над всеми

другими субъектами (наличие или отсутствие вооруженных конфликтов и случаев террора, сепаратистских выступлений, наличие незаконных вооруженных формирований), степень концентрации и распределения власти, возможность взаимного контроля и блокирования неприемлемых для большинства решений, возможность воздействия на политическую элиту и смену власти. Формирование на этой основе государственной состоятельности, по мнению авторов, является важным фактором устойчивого развития политики [6, с. 22–24].

Именно публичная политика позволяет государству непрерывно и эластично «подстраиваться» под современность, отвечая на ее вызовы, включаться в рыночные отношения, дополнять иерархические структуры полицентрическими и сетевыми формами организации власти, формировать совместные с международными секторами структуры глобального управления и т.д. Политика творит государство как публичное отражение быстро меняющихся интересов и потребностей общества. Однако утверждается и то, что сама государственная цивилизация образовалась, как принудительно-мобилизационная организация населения в пределах определенной территории. Людей к ней привлекала максимально возможная гарантия их безопасности, порядка, обретения гражданских прав [7, с. 98].

Построение сильного государства остается важнейшей проблемой мирового сообщества, так как слабость и разрушение государства служат источником мировых проблем первого порядка: от бедности до СПИДа, наркотиков и терроризма [10, с. 5]. Ф. Фукуяма радикально пересмотрел свою позицию и стал сторонником сильного государства. Свою книгу он назвал «Сильное государство» (2004). Он обращает внимание на принципиальную основу сильного государства – создавать законы и обеспечивать их соблюдение, обеспечивать способность государства планировать и проводить политические курсы и обеспечивать следование законам, честно и открыто, но самое важное, реализовывать законы [10, с. 21, 26].

Существенные повороты государственности происходят в условиях глобализации. Нарастает финансовая, экономическая и политическая взаимозависимость государств и народов, но также и пропасть между богатыми и бедными странами увеличивается, что вызывает сопротивление этих стран на основе «национализма» и приводит к неустойчивости мирового порядка [5, с. 5]. По мнению Ю. Хабермаса, разрешить эту дилемму может «постнациональное общество», где национально-государственная интеграция потеряет вес в условиях глобализации и человечество от национально-культурной основы перейдет на более надежную основу идей демократии и прав человека.

Другой проект разрешения коллизии глобализации и национализма разработал в виде концепции «космополитического государства» У. Бек. Находясь на позиции необходимости надгосударственных структур в единой Европе, Бек видит на этом пути и необходимость освобождения от национального. «Реальная сила государств парализуется противоположным влиянием неолиберализма и национализма», и выход возможен лишь в

ограничении независимости национальных правительств, создании транснациональных структур и пространства «объединенного суверенитета» [5, с. 9]. Ответом на вызовы глобализации Бек называет «космополитическое государство, основывающееся на индифферентности государства к признаку национальности и допускающее существование национальных идентичностей согласно закрепленному в конституции принципу толерантности». Идея «космополитического государства» настолько увлекла Бека, что он позволил себе почти небрежно смахнуть в космополитический набор культуру и национальную идентичность. Однако нации и культуры остаются наиболее надежными символами человеческих сообществ, в т. ч. и государства. Премьер-министр Великобритании Кэмерон заявил, например, что британское руководство дорожит Евросоюзом, но в тоже время желает защищать свои национальные интересы, а в настоящее время завершает процедуру выхода страны из ЕС. Практически все федеративные государства в мире испытывают настойчивое стремление составляющих их наций выделиться в субъектную нацию-государство.

Государство не может быть просто экономическим организмом, ибо тогда оно заставит население брать на себя бремя возмещения убытков корпораций, что нарушит социальную стабильность и справедливость. Для государства первичными были и должны оставаться вопросы социальных гарантий, снижение социальных расходов, проведение государственной политики в области накопления капиталов и их расходования и т. д. «Поэтому оно может обеспечивать ТНК перекладывание издержек на плечи трудящихся и вытаскивание кампаний из ям кризиса, но может также защищать национального производителя и национальную культуру» [5, с. 13–14].

В XX в. вектор развития государства определился в направлении социального государства, что приводит к кардинальным изменениям взаимоотношений государства и населения. В сознании людей государство становится исполнителем его воли и «список того, что должно делать государство для жителей и граждан постоянно растет». Гринин небезосновательно предвидит, что «приближается эпоха зрелых государств, на смену которой идет новая - надгосударственная и наднациональная – стадия политического развития мира» [3, с. 272, 290].

#### **Список источников:**

1. Бек, У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализации / У. Бек. – М.: Изд. Дом «Территория будущего», 2007. – 463 с.
2. Готовность России к информационному обществу. – М.: Институт развития информационного общества, 2004. – 250 с.
3. Гринин, Л.Е. Государство и исторический процесс / Л.Е. Гринин. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 368 с.
4. Желтов, В.В., Желтов, М.В. Геополитика: история и теория / В.В. Желтов, М.В. Желтов. – М. : Вузовский учебник, 2011. – 445 с.
5. Мариньян, Х.Э. Глобальное гражданское общество, глобальное

гражданство и космополитическое государство, в контексте глобализации / Х.Э. Мариносян // *Философские науки*. – 2011. – № 8. – С. 5–15.

6. Мелешкина, Е.Ю. Исследования государственной состоятельности: какие уроки мы можем извлечь? / Е.Ю. Мелешкина // *Политическая наука*. – 2011. – № 2. – С. 9–27.

7. Соловьев, А.И. Латентные структуры управления государством или игра теней на лице власти / А.И. Соловьев // *Полис*. – 2011. – № 5. – С. 70–98.

8. Favre, P. Quand la police fabrique l'ordre social / P. Favre // *Revue française de science politique*. – 2009. – Vol. 59. – № 6. – P. 1231–1248.

9. Хейвуд, Э. Политология. Учебник / Э. Хейвуд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 544 с.

10. Фукуяма, Ф. Сильное государство / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2010. – 222 с.

*И.В. Котляров, профессор  
kotlarov2018@tut.by  
ИПП (Минск, Беларусь)*

## **ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПРЕДЕЛ (СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)**

В последнее время резко возрос интерес к гражданскому обществу. С одной стороны, это понятие стало одним из самых распространенных и употребляемых в экономической и политической социологии, политологии и теории права, рекламируемых как серьезными журналистами, так и ангажированными учеными и политиками. С другой стороны, научного объяснения гражданского общества на логико-смысловом уровне до сих пор не существует. Гипотетическая реализация такой модели означала бы эклектическое объединение многообразных смыслов и ценностей, желаний и интересов, задач и потребностей, идеалов и мотивов, влияющих на действия и мировоззрение социально-политических субъектов. Как результат, в мировоззрении некоторых элитарных групп обществ сложились крайне примитивные, упрощенные представления о гражданском обществе, его смысле и сущности, ресурсах и возможностях.

Современная политическая ситуация рождает достаточно много вопросов, касающихся гражданского общества. По мнению ряда исследователей, гражданское общество – это в лучшем случае придуманная политическими субъектами модель, некая идеологизированная отвлеченность, в худшем – миф, фантом. Действительно, гражданское общество – это виртуальная конструкция, которой нет на самом деле, и которая существует лишь в умах «продвинутых» политиков. Какая реальность стоит за данным понятием, каков его смысл? Отвечая на этот вопрос, не следует забывать о правиле «бритвы Оккама», запрещающем «умножать сущности». Может быть, можно обойтись и без гражданского общества, тем более что его нельзя потрогать, понюхать,

попробовать на зуб. Являясь теоретической конструкцией второго порядка, дефиниция «гражданское общество» в своей интерпретации напрямую зависит от методологического понимания такого фундаментального понятия как «общество». Многие политики пришли к выводу, что если бы конструкта «гражданское общество» не было бы раньше, его следовало бы придумать для решения многочисленных общественных проблем сейчас [1; 2].

Дефиниция «гражданское общество» является историческим отражением особого среза развития человечества, характеризуемого стремлением людей каждой эпохи создать модель идеального общественного устройства. По мнению многих исследователей, оно представляет теоретическую ступень развития социума, которая предполагает достижение сбалансированного и равновесного состояния общих и частных интересов, реализацию естественных прав личности в различных сферах общественной жизни, участие широких народных масс в управленческой деятельности. Одним из первых мыслителей, кто попытался разобраться в сложностях гражданского общества, был английский философ Томас Гоббс. В работе «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского», которую, кстати, в нашей стране практически никто не читал, он изложил основы теории гражданского общества [1]. Другой английский ученый Джон Локк поддержал и дальше развил идею гражданского общества Т. Гоббса. Причем в его работах оно больше было похоже на нынешнее понимание государства, чем на гражданское состояние социума. В работах мыслителей того времени стала создаваться популярная в настоящее время модель «гражданское общество против государства». Наиболее ярко описал эту модель американский журналист Томас Пейн [1].

Однако затем идея гражданского общества стала постепенно умирать. В Европе начала прошлого столетия ее заменила концепция корпоративного государства. Катализатором возрождения идеи гражданского общества стала перестройка в Советском Союзе. Некоторые ее идеологи попытались «транзитировать» перестроечные процессы в страны Центральной Европы. Они считали, что в процессе борьбы против социализма центр тяжести необходимо переносить из области политической в неполитическую сферу общественной жизни, в мир социального общения, который образован из сетей гражданского взаимодействия и скреплен сотрудничеством и общественным партнерством. Так родилось новое понимание гражданского общества, широко известное сегодня [1].

На развитие дефиниции современного гражданского общества существенно влияет новая социальная реальность. Человечество живет в условиях «глобального хаоса», в мире неадекватных понятий и сформировавшихся догм, принимает за аксиомы сомнительные теории и гипотезы. Оно, вступив в полосу информационной бифуркации, постепенно сходит с ума, функционируя в условиях рисков, угроз и катаклизмов. В настоящее время все, что окружает людей, сопряжено с неясностью и неопределенностью, хаосом и турбулентностью, энтропией и непредсказуемостью.

Императивами современного выживания и будущего развития социумов может стать новая модель гражданского общества, не тождественная отшлифованным стереотипам, по-другому объясняющая и берегущая сложный мир от происходящего саморазрушения. В ее основе должен находиться так называемый «антропологический поворот», суть которого сводится к следующему. Нет и не может быть человека вообще, каждый человек конкретен. Он принадлежит к той или иной традиции, входит в некую общность, связан с определенной социальной и природной средой. «Антропологический поворот» означает переключение внимания исследователей на требования и интересы живых людей, неотделимых от конкретных условий существования и интересы которых ранее не учитывались в концепциях гражданского общества.

Прежде всего, что такое гражданское общество. Предлагаю авторское, чисто условное определение гражданского общества – это полностью независимое от государства социальное пространство человека, взаимодействие его связей и смыслов, идеалов и принципов, отражающих политические и социальные, правовые и идеологические, экономические и другие ценностные ориентиры, детерминирующие создание кондоминиума свободных и полноправных граждан, в котором происходит переход некоторых властных функций от государства к независимым от власти общественным структурам, способным создать необходимые и достаточные условия развития личности, реализации ее свобод и прав, удовлетворения ее интересов и потребностей.

Очень важно отметить взаимоотношения государства и гражданского общества». Это самое слабое место гражданского общества. Государство – это институт, имеющий определенный аппарат и полномочия, которые распространяется на всю территорию страны и ее население, располагает для этого специальным аппаратом управления, издает обязательные для всех указания и обладает самостоятельностью при решении внутренних и внешних проблем. Структуры гражданского общества не входят в государство. Если какой-то элемент подвергается целенаправленному, правовому воздействию государства, то сразу же выпадает из сферы гражданского общества. Например, средства массовой информации, зарегистрированные государственными органами, – это не структуры гражданского общества. То же самое можно сказать о политических партиях, коммерческих организациях и образовательных институтах.

Следует особо подчеркнуть, что гражданское общество всегда находится в антагонистических отношениях с государством. Оно не может быть рядом или вместе, оно всегда – против. Оно и формируется для этого. Если государство не способно решать те или иные вопросы, то создается гражданское общество. Оно и пытается решать эти проблемы самыми различными, присущими только гражданскому обществу способами. Когда они решены, гражданское общество само ликвидируется.

И самый спорный тезис. Эффективное государство – это то, где нет необходимости в гражданском обществе. Там граждане в рамках существующего законодательства способны решать все проблемы. Однако в

некоторых социумах может наступить такой момент, когда проблемы, сформировавшись в сгусток энергии, перешагивают критический предел (как в атомной бомбе), что приводит человека в состояние экзистенциального выбора между бытием и небытием, между действием и молчанием, к напряжению от медленного распада к взрыву. Альбер Камю отмечал, что человек начинается с предела. Классики экзистенциальной философии утверждали, что человек раскрывает и познает себя в пограничной ситуации, на пределе своего бытия. Как показывает социальная реальность, у разумных существ в условиях тотальных кризисов и необходимости решения вопросов выживания появляются желание задуматься о смысле собственной жизни, и зачастую прийти к неутешительным выводам. Тогда индивиды благодаря душевному порыву, стремлению сделать что-то для себя, для своей семьи, объединяются и выходят на улицы. Особенно четко проявляется это тогда, когда они верили в то, что их жизнь важна, и в то же время, глядя на свое бытие как бы со стороны, вдруг почувствовали, что их существование не имеет ни заданного предназначения, ни объективного смысла. Тогда и проявляется сущность и смысл гражданского общества.

#### **Список источников:**

1. Котляров, И.В. Государство vs гражданское общество: традиция или реальность) / И.В. Котляров // Социологический альманах / Национальная академия наук Беларуси, Институт социологии / гл. ред. И.В. Котляров. Выпуск № 7. – Минск: Беларуская навука, 2016. – С. 12–24.
2. Котляров, И.В. Гражданское общество: какое оно есть / И.В. Котляров // 7 дней. – 2018. – № 25. – С. 28.

***А.В. Лапин**, эксперт  
av.lapin@igsu.ru*

*Центр государственно-частного партнерства  
Института государственной службы и управления  
РАНХиГС при Президенте Российской Федерации  
(Москва, Россия)*

## **ДОВЕРИЕ К ОРГАНАМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ**

Доверие – это результат, а зачастую и необходимое условие воплощения в жизнь правильной государственной стратегии, так как успех в достижении амбициозных целей зависит от готовности общества исходить из основанной на доверии презумпции разумности государственного курса. Власть утрачивает доверие тогда, когда игнорирует необходимость обратной связи с населением, когда вновь и вновь обращается к изжившим себя речам и идеям и ведет себя излишне прагматично. Если бы уровень доверия в ряде стран был таким, как в современной Швеции, то валовый внутренний продукт на душу населения увеличился бы: в Англии – на 7%; в Германии – на 9%; в Чехии – на 20%; в России – на 69% [2, с.69]. Преобладание недоверия в обществе равносильно



введению дополнительного налога на все формы экономической деятельности [5, с.55].

Власть нужно воспринимать как неотъемлемую часть сообщества, которому присуща не только коалиция интересов, в том числе властных, но и мораль, и если интересы являются носителями центробежных признаков, то мораль связывает общество в единый организм, наделенный общим смыслом. При наличии только исполнительной вертикали не может быть доверия [3, с. 15]. Доверие к власти в новых условиях становится тем нематериальным ресурсом, по поводу которого также возможен торг между населением и властью при согласовании желаемого целевого состояния общества, формируемого в формате модели «мы», где «мы» – это те, кого мы наделяем доверием, в отношении к которым поступаем лояльно и об интересах которых беспокоимся в соответствии с духом солидарности [6, с. 31].

Можно определить замысел реализации модели «мы» как выполнение общественного договора, установившего, что в результате публичного переговорного процесса между властью, бизнесом и обществом достигнуто добровольное согласие по ключевым положениям образа целевого состояния общества по модели «мы». Первостепенное значение для формирования долгосрочной доверительной основы отношений между властью, бизнесом и обществом, имеет опора на «стратегию неумолимости», означающую совместную работу участников, которая продолжается до тех пор, пока ни одна из сторон не нарушает начального соглашения, так как в случае нарушения одной из сторон своих обязательств, сотрудничество прекращается навсегда [1, с. 31].

Угроза включения у противоположенных сторон «стратегии неумолимости» и возникновения при этом потерь от недополучения всех будущих выгод, возможных при долгосрочном сотрудничестве, способствует удержанию акторов от нарушения долгосрочных договоренностей – возникает и работает «социальная норма» как базис выстраивания долгосрочного доверительного сотрудничества в противоположность стратегии подчинения закону.

Для формирования и реализации образа целевого состояния общества особый интерес представляет так называемая «краудсорсинговая платформа» (crowdsourcing platform), в рамках которой правительство налаживает открытое сотрудничество с гражданами, бизнесом, другими неправительственными организациями, выступая в качестве организатора, или «хаба для экосистемного взаимодействия» [4, с. 14].

Вывод представителей власти, бизнеса и гражданского общества на краудсорсинговую платформу может осуществляться в два этапа:

1. Власть размещает в публичном информационном пространстве на сайте специально созданного хаба для экосистемного сетевого взаимодействия свои предложения, содержащие основные положения образа целевого состояния общества, с целью всестороннего обсуждения, а также выявления наиболее

активных акторов, высказывающих разумные мысли и расположенных к творческому и конструктивному сотрудничеству с властью.

2. После обработки предварительных результатов обсуждения власть организует заседание специальной общественной структуры с участием наиболее энергичных, креативных и ответственных представителей бизнеса, гражданского общества, других неправительственных организаций для выработки и подписания общественного договора по достижению модели общества «мы».

Повестка дня заседания специальной общественной структуры может содержать следующие вопросы:

1. Формирование образа желаемого целевого состояния общества, выраженного в качественных и количественных показателях, а также структурированного по стратегическим направлениям:

- социально-экономическому направлению, предполагающему достижение социально-экономических показателей, декомпозированных из национальных целей и приоритетов, а также показателей, обеспечивающих решение ключевых региональных и муниципальных проблем;

- социальному направлению, предполагающему согласование и выполнение «кодекса поведения» власти, бизнеса и структур гражданского общества, направленных на формирование, поддержание и укрепление доверительных отношений.

2. Формирование «Дорожной карты», определяющей направления деятельности власти, бизнеса и гражданского общества по достижению желаемого целевого состояния общества.

3. Определение формата общественного договора между властью, бизнесом и гражданским обществом, определяющего образ желаемого целевого состояния общества, «кодекс поведения» ведущих акторов и программу под условным названием «Общественное доверие», направленную на поддержание и укрепление доверительных отношений между властью, бизнес-сообществом и гражданским обществом, а также по упреждению угроз и вызовов социально-политической стабильности.

Приведение граждан в состояние сопричастности при совместном с властью определении уровня основных социально-экономических показателей развития будет способствовать более пристальному вниманию со стороны заинтересованного общества за исполнением согласованных мероприятий и, следовательно, к более точной оценке степени доверия населения к власти.

Такой подход позволяет вывести универсальный способ оценки уровня доверия к власти: если власть, бизнес-сообщество и представители гражданского общества достигли договоренности по желаемому уровню основных социально-экономических показателей, рассчитанных по специальной методике и входящих в общественный договор, то этот желаемый целевой уровень каждого показателя можно принять за 100 %, соответственно, текущий уровень показателя, рассчитанный по той же самой методике, будет составлять долю от желаемого целевого уровня, выраженную в процентах. Среднеарифметическое

значение по всем основным социально-экономическим показателям, соответствующим желаемому целевому уровню, можно считать неким опосредованным максимально возможным уровнем доверия населения к власти по социально-экономическому направлению, связанному с национальными целями и приоритетами.

Аналогичный подход можно применить и при оценке уровня доверия населения к власти по социально-экономическому направлению, связанному с решением ключевых региональных и муниципальных проблем, только отличие будет заключаться в том, что участники общественного договора сами должны будут договориться о перечне тех ключевых проблем региона или муниципалитета, который должны будут внести в общественно-политическую повестку дня, а также об уровне социально-экономических показателей, которые характеризуют достижение желаемого целевого состояния, обеспечивающего решение этих ключевых социально-экономических проблем региона или муниципалитета.

Таким образом, интегральный уровень доверия населения к власти состоит из нескольких компонентов:

- успехов по достижению социально-экономических показателей из федерального списка;
- результатов реализации региональной общественно-политической повестки дня по решению ключевых региональных или муниципальных проблем;
- фактов исполнения конкретных социальных обязательств, принятых на себя властью, бизнесом и обществом при подписании общественного договора.

Для выполнения функции управления доверием населения к власти в рамках системы государственного управления целесообразно выделить в отдельную подсистему, на которую могла бы быть возложена задача идентификации показателя доверия, уровень которого в случае его роста будет придавать власти чувство уверенности в правильности своих действий, а в случае снижения – власть будет получать сигнал о необходимости внесения корректировки в избранный курс. В качестве стартовой точки для запуска всего процесса формирования и реализации общественного договора могло бы стать создание открытой информационно-коммуникативной площадки на базе некой уже действующей общественной структуры, обладающей навыками провайдера сетевого взаимодействия, на которой в рамках ее функционирования в непосредственный контакт будут вступать граждане как личности со своим характером и компетентностью; представители социальных групп, связанных с разными идентичностями; представители различных предприятий и организаций, имеющих свои структуры, нормы и правила; представители государственных институтов со своими общественными установками.

#### **Список источников:**

1. Dasgupta, Parthna Economics: A Very Short Introduction / Parthna, Dasgupta. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 192 p.

2. Trust, Growth, and Well-Being: New Evidence and Policy Implications / Yann Algan, Pierre Cahuc // Handbook of Economic Growth. – 2014. – Vol. 2. – P. 49–120.
3. Доверие в пяти ракурсах. Материалы научного семинара «Реалистическое моделирование» // Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации, Аналитическое управление аппарата Совета Федерации, экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2019. – 75 с.
4. Сморгунов, Л. В. Партиципаторная государственная управляемость: платформы и сотрудничество / Л. В. Сморгунов // Власть. Том 27. – № 5. – 2019. – С. 9–19.
5. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730 с.
6. Штомпка, П. Доверие – основа общества / П. Штомпка: пер. с пол. Н. В. Морозовой. – М.: Логос, 2012. – 440 с.

*Н.Е. Лухачёв, профессор*

*lihachyov@msu.by*

*МГУ им. А.А. Кулешова (Могилев, Беларусь)*

## **ПРИНЦИП «ОДНОГО ОКНА» В СИСТЕМЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ СЕЛЬСКИМ ЖИТЕЛЯМ**

В последние два десятилетия управленческие структуры Беларуси предпринимают существенные усилия для совершенствования взаимодействия с населением в вопросах разрешения хозяйственно-бытовых и поселенческих проблем. Одним из таких нововведений является внедрение принципа «одного окна». Прошло уже более десяти лет его использования, и полезность этой системы зарекомендовала себя в качестве эффективного, слаженного механизма, сделавшего процедуру обращения в государственные учреждения проще и удобнее для населения, а также снижение уровня злоупотребления служебным положением. По сути, на сегодняшний день какую-то иную формы работы с обращениями граждан пока сложно представить и маловероятно, что от нее откажутся в ближайшее время, вернуться к прежним формам работы. Указ Президента № 498 от 15 октября 2007 года «О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц» и Директива Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко от 27 декабря 2006 года №2 «О мерах по дальнейшей де бюрократизации государственного аппарата» были призваны максимально обеспечить реализацию интересов граждан при обращении в государственные органы и упростить решение волнующих их проблем. При этом именно местная власть, начиная с сельисполкомов и райисполкомов, осуществляет полномочия по координации деятельности различных экономических, хозяйственных, правовых и других структур, т.е. эта власть

проявляется как организационный процесс, а также помогает реализовать конституционные права граждан.

Распространенность и особенности использования принципа «одного окна» в оказании услуг рассматривались при проведении опроса среди жителей Могилевской области отделом социологических исследований и информационно-аналитической работы КИУП «Информационное агентство «Могилевские ведомости». В значительной степени именно благодаря системе «одного окна» граждане отмечают улучшение работы органов местной исполнительной власти. Каждый четвертый, среди обратившихся в органы местной власти, отмечает улучшение их работы с гражданами, и это – очень хороший показатель, тем более, что отмечают ухудшение немногие – 9,2%. Достаточно большое количество затруднившихся ответить (31%) можно объяснить тем, что многие респонденты обращаются в государственные органы не часто, и поэтому им сложно сделать сравнение. Около трети отметили, что стиль, формы и методы работы с гражданами никак не изменились, т.е. можно допустить, что они стали более-менее устойчивыми во взаимодействиях госслужащий-гражданин.

Внедрение принципа «одного окна» в управленческую деятельность местных органов власти призвано обеспечить оперативное разрешение насущных проблем граждан. Главная его суть заключается в том, чтобы свести к минимуму хождение по инстанциям, нахождение в очередях, представление многочисленных справок. За теми или иными документами, консультациями, справками в местные органы власти обращаются многие жители, причём не обязательно с жалобами, а и многие повседневные проблемы. Стало ли проще получить консультацию или документ для сельских жителей с внедрением системы «одного окна»? Респонденты дали следующие ответы: стало намного проще – 19,4%; упростились лишь некоторые процедуры – 22,2%; решать вопросы стало сложнее – 2,7%; ничего не изменилось – 16,6%; затруднились ответить – 38,8%. Большое количество затруднившихся высказать свое мнение можно объяснить редкими обращениями сельчан в государственные органы. Для значительного числа респондентов улучшения с реагированием на их обращения, несомненно, присутствуют.

Основные меры, предпринимаемые в последнее время по дебиюрократизации, призваны сократить затраты личного и рабочего времени гражданина на нахождение в очередях для получения той или иной справки. Однако в более сложных вопросах очевидно необходимо дальнейшее совершенствование процедур. Хотя раздражение могут вызывать даже мелочи, создающие неудобства, например, отсутствие возможности оплатить услугу на месте получения. Т.е. ожидание в очереди на приём, затем необходимость искать Сберкасса, возможно в незнакомом районе города, ожидание там в очереди, снова ожидание в очереди на приём для предоставления квитанций об оплате. Не у всех есть возможность явиться для решения вопросов, связанных, например, с регистрацией, всей семьей (таблица).

**Таблица – Распределение ответов на вопрос: «С какими недостатками в организации обслуживания граждан по принципу «одного окна» Вам приходилось сталкиваться?», в %\***

Варианты ответов	Процент ответивших
Большие очереди в местах обращения граждан	20,8
Отсутствие единого подхода к пониманию принципов «одного окна» в разных организациях	14,5
Направление граждан в другие организации за получением дополнительных сведений	12,5
Приём в неудобное для граждан время, нарушение графика приема	10,8
Недостаточно информации о самой системе «одно окно»	10,8
Проявление формализма, нетактичного поведения в работе с гражданами	6,0
Недостаточная квалификация и/или компетентность работников, ведущих приём граждан	6,0
Требования предоставления документов, не предусмотренных законодательством	3,5
Нарушение сроков выдачи документов	2,8
Необоснованный отказ в выдаче необходимых документов	1,5
Не сталкивался с системой «одного окна»	29,2
Проблем не возникало	15,2
Затрудняюсь ответить	1,5

\*Примечание: сумма процентов в столбцах превышает 100%, т.к. респонденты могли отметить несколько вариантов ответа.

Ранжирование причин неудовлетворенности работой «одного окна» на первое место вывело, к сожалению, пока ещё всем привычную очередь. Несмотря на массу возможностей с предварительной записью, электронной регистрацией и т.д., практически каждый пятый сталкивается с этим серьезным неудобством. Немало нареканий имеется по поводу самой процедуры работы «одного окна». В частности, обращается внимание на расхождении в её осуществлении в разных организациях, что вызывает справедливое возмущение граждан. Очень многое в исполнении законов и других нормативных актов зависит от руководителей на местах, как они смогли организовать их реализацию в своих конкретных инстанциях, в том числе учесть удобное время приёма граждан, подбор компетентных и квалифицированных сотрудников и т.д. Особое внимание обращает на себя указание населения на недостаток информации о самой системе «одно окно». Она требует регулярного освещения всеми возможными способами и средствами, что будет содействовать преодолению её упрощенного понимания, в том числе по поводу направления в другие организации и т.д. Таким образом, система «одного окна» зарекомендовала себя в общественном мнении как демократичный, эффективный механизм, хотя ещё требуются шаги по её совершенствованию.

Результативность общения с властными структурами сельчане определяют по работе местных органов управления. Одной из отличительных особенностей местной власти является сокращение дистанции между властью и сельским населением. Процессы дебиюрократизации наиболее эффективно должны протекать именно на низовом уровне управления, то есть в сельисполкомах и райисполкомах, потому что на них лежит ответственность за связь государства с

населением и обеспечение стабильности в поселенческих структурах. Целесообразно проанализировать отношение сельчан к работе районной исполнительной власти, которая является органом первичного обращения по тем проблемам, которые не в состоянии решить сельисполком. По итогам исследования выяснилось, что деятельность райисполкомов оценили на «хорошо» 32,6% сельчан; на «удовлетворительно» – 25,6%; на «неудовлетворительно» - 11,6%; уклонились от оценки 30,2% опрошенных. В целом сельское население (более 50%) положительно охарактеризовали деятельность районной исполнительной вертикали, но в тоже время каждый десятый продемонстрировал неудовлетворенность деятельностью этого уровня исполнительной власти.

*J. Rak, Associate Professor  
Faculty of Political Science and Journalism  
joanna.rak@amu.edu.pl  
Adam Mickiewicz University (Poznań, Rzeczpospolita Polska)*

### **ESTABLISHING RELATIONSHIPS BETWEEN THE STATE AND (UN)CIVIL SOCIETY WITHIN THE FRAMEWORK OF NEO-MILITANT DEMOCRACY<sup>1</sup>**

“Militant democracy” is a theoretical category formulated by Karl Loewenstein in the 1930s to comprehend the Weimar Republic’s failure to defend itself against the threat of Nazism (Loewenstein 1937: 640). This German philosopher and political scientist assumed that “democracy, becoming militant, can be saved; and when fascism uses with impunity democratic institutions to gain power, democracy cannot be blamed if it learns from its ruthless enemy and applies in time a modicum of the coercion that autocracy will not hesitate to apply against democracy” (Loewenstein 1935a: 593). In this approach, militancy consists in the use of legislative measures against subversive propaganda and limitations of democratic liberties of free speech, the press, association, assembly, universal suffrage, and organization in political parties (Loewenstein 1937: 638; 642). These anti-democratic measures serve democrats to protect democracy. Accordingly, the implementation of the militant democracy principle aims to preclude the undermining practices of the enemies of democracy. The alarming methods included fascists’ non-democratic propaganda, the forming of private armies, the wearing of party uniforms and badges in public, and the parading of the semi-military paraphernalia, which are essential for the initial display of fascist activities (Loewenstein 1935a: 593; 1935b: 762). As Loewenstein noted, enemies of democracy use democratic institutions to destroy the system from within. The restriction of these institutions’ free functioning closes the channels of subversive entry into the democratic regime. It takes away the available means of taking over and changing the nature of the political system.

---

<sup>1</sup> This research paper is a result of the research project *Contentious Politics and Neo-Militant Democracy*. It was financially supported by the National Science Centre, Poland [grant number 2018/31/B/HS5/01410].

Despite the passage of time, Loewenstein's theoretical category still shows analytical utility in explaining changes at the level of contemporary political structures (Gökariksel 2020: 216; Hilal-Harvald 2020: 1228). Nevertheless, some of the contextual defining factors have changed. Hence the term neo-militant democracy can be used to distinguish present-day transpositions in political structures. First of all, the modern social, political, cultural, and economic context of the power relations has provided the new spheres of influence. The repertoire of militant democracy measures has expanded, and thus democrats have gained new opportunities to protect political systems. Simultaneously, however, the range of subversives' possibilities and means of action has also developed. Nor can fascists any longer be seen as the only enemies of democracy (de Leeuw and Bourne 2020: 696; Ermakoff 2020: 167). Contemporary anti-globalization, escapist, and self-isolationist movements offer ideological and organizational frameworks to stand against democracy. Democratic institutions are also used to destroy them through impetuous and reactive political activities. Therefore, research on contemporary political regimes should go beyond the influence of non-democratic political parties on the neo-militant democracy rule implementation.

This study aims to uncover how the state authorities establish relationships between the state and civil society within the framework of neo-militant democracy. A case study shows the essential features of the relationships produced during the Corona crisis that generated favorable conditions for a political structure change.

This research advances the definition of neo-militant democracy as the democratic system that legally restricts individual democratic freedoms to protect itself from the threat of being changed by legal means. As the current studies on modern militant democracies show, democrats use the following neo-militant democracy measures: the limitations of the freedom of assembly, the press, speech, association, religion, passive voting rights, active voting rights, referendum organization, legislation on counterterrorism, anti-terrorism, anti-extremism (including state of siege, emergency, norms directed at the maintenance of public order, with the specific aims of maintaining public peace and ensuring the "correct" development of the democratic dialectic, treason, and seditious acts, and antipropaganda), the limitation of registration and functioning of political parties, naturalization (restriction on acquisition of citizenship), and access to public employment (Capoccia 2005; Macklem 2006; Müller 2012). In practice, however, neo-militant democracy measures can serve the state authorities not to protect democracy but to expand the scope of their sovereign power, limit political pluralism, eliminate the opposition and potential counter-candidates for state offices. In such cases, the purpose of using neo-militant democracy measures is distorted and indicates quasi-militant democracy. The state authorities take advantage of the latter's semblance to militant democracy to legitimize the weakening of democracy.

The case study concerns the Polish political structure, in which the use of neo-militant democracy measures was confirmed by recent studies (Wolkenstein 2020). It reflects on the relationships between the state and civil society established by the president. Behind this choice is the president's role in the Polish political system. According to the Constitution of the Republic of Poland, the president is the highest



representative of the Polish authorities, the guarantor of the continuity of state power, the highest state authority in the field of executive power, oversees the observance of the provisions of the Constitution, and the head of the Armed Forces of the Republic of Poland.

The research draws on the qualitative source analysis of the president's verified Twitter account. Andrzej Duda used his official profile (@AndrzejDuda) to communicate with his followers and inform them about political views. Besides, tweets offered records of exchanges regarding current political affairs. The analysis covers entries released during the first wave of the coronavirus pandemic in Poland, from the first confirmed case up until the loosening of lockdown measures (March 4 – May 31, 2020). The source analysis rests upon content analysis and thematic analysis linked in the iterative process of text skimming, examination, and interpretation. First, the content analysis leads to identifying tweets that contain references to the neo-militant measures implemented to prevent the spread of the coronavirus. Second, the references are divided into quasi- and neo-militant democracy expressions, depending on the purposes of applying neo-militant democracy measures. Third, the thematic analysis combines rereading and reviewing information to uncover themes relevant to the objectives. These procedures lead to the data characteristics-based coding and category definition (Bowen 2009: 32). Whereas the references to neo-militant democracy measures are mutually listed and compared, codes serve to group ideas and pinpoint clustering concepts (Bowen 2009: 37). Finally, the study finishes with reporting the analyzing process and the research results through the conceptual systems of legitimizing neo-militant democracy measures produced by the president.

The main argument is that the President of Poland manifested the need for undermining civil society to achieve the state-set goals. Neo-militant democracy disguise provided justifications for quasi-militant democracy and subordinating independent individuals to the government.

The president actively supported lockdown and safety measures implemented by the Polish government, including limitations on freedom of assembly, religious expression, and additional movement restrictions. Although the Polish Commissioner for Human Rights found them unconstitutional and illegally established, they remained in effect and were enforced. Andrzej Duda sought their legitimacy by identifying the internal enemy in the Polish political structure (Duda 2020, April 20; May 12; May 14). The anti-democratic measures introduced by the government were the only available and effective means of fighting the spread of the Covid-19 and addressing the socio-economic crisis. The effectiveness was proven by the successes achieved so far, but it was still undermined by the enemies of Poland and Poles. Full victory over the coronavirus pandemic would occur after eliminating enemies. The enemy category was inclusive and encompassed everyone who questioned the legitimacy of government measures to combat the pandemic.

Additionally, the mere discussion of the legality of anti-democratic measures was treated as subversive. Duda observed social energy used to destroy the Polish community from the inside (Duda 2020, May 14). According to the president, all counterarguments were hostile actions aimed at the development of the pandemic.

They took the form of misinformation, lies, and manipulation (Duda 2020, April 20; May 21). Such a non-exceptional approach limited the pluralism of views and freedom of speech not to protect democracy but to generate the ideological homogenization of the social structure. This was based on the premise that all those who did not fully support the government were against it.

The anti-pluralist approach laid the foundations for intense antagonisms between “we who supported the government and took care about our community” and “they who did not” (Duda 2020, March 9; March 15; March 17; May 14). It created a sense of dependence on the government’s aid, whose social and economic programs guaranteed prosperity. Besides fueling a feeling of mutual hostility, the approach contributed to the spread of fear of the others. No one could be sure what the intentions of the other person were or believe in the information distributed in the public discourse. Thereby, Duda reduced mutual trust in a social structure, which in turn might have led to the weakening of social ties.

The research points to the use of neo-militant democracy cover to legitimizing quasi-militant democracy purposes. It argues that the state authorities may establish relationships between the state and civil society within the framework of neo-militant democracy to transform a social structure into the government’s active and loyal supporters. Hence, the uncivil nature of society results from unconditional compliance with the government. Dependence on the government and limitation of the possibility of deliberating over the political structure favor social deactivation. Such a social structure becomes a pre-condition for democratic backsliding towards authoritarianism.

### References:

Bowen, Glenn A. 2009. “Document Analysis as a Qualitative Research Method.” *Qualitative Research Journal* 9(2): 27–40.

Capocchia, Giovanni. 2005. *Defending Democracy Reactions to Extremism in Interwar Europe*. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press.

de Leeuw, Sijfra E., and Angela K. Bourne. 2020. “Explaining Citizen Attitudes to Strategies of Democratic Defense in Europe: A Resource in Responses to Contemporary Challenges to Liberal Democracy?.” *International Journal of Public Opinion Research* 32(4): 694–710.

Duda, Andrzej. 2020. March 9. “Szanowny Panie Ministrze.” <https://twitter.com/AndrzejDuda/status/1237066492748992512>.

Duda, Andrzej. 2020. March 15. “Wszystkich, którzy w.” <https://twitter.com/AndrzejDuda/status/1239227299226058752>.

Duda, Andrzej. 2020, March 17. “Ostatnie dni pokazały.” <https://twitter.com/AndrzejDuda/status/1239895366314741761>.

Duda, Andrzej. 2020, April 20. “Precz z manipulacją.” <https://twitter.com/AndrzejDuda/status/1252346158208311301>.

Duda, Andrzej. 2020, May 12. “Jak widać dobre.” <https://twitter.com/AndrzejDuda/status/1260154309871906816>.

Duda, Andrzej. 2020, May 14. “W tych dniach.” <https://twitter.com/AndrzejDuda/status/1260913596378353665>.

Duda, Andrzej. 2020, May 21. “Współpracuję z Rządem.” <https://twitter.com/AndrzejDuda/status/1263456492679823360>.

Ermakoff, Ivan. 2020. “Law against the Rule of Law: Assaulting Democracy.” *Journal of Law and Society* 47: 164–186.

Gökarkırsel, Saygun. 2020. “Antifascist Strategy Today: Lineages of Anticommunism and “Militant Democracy” in Eastern Europe.” In *Back to the ‘30s? Recurring Crises of Capitalism, Liberalism, and Democracy*, edited by Jeremy Rayner, Susan Falls, George Souvlis, and Taylor C. Nelms, 215–234. Cham: Palgrave Macmillan.

Hilal-Harvald, Malthe. 2020. “Islam as a Civilizational Threat: Constitutional Identity, Militant Democracy, and Judicial Review in Western Europe.” *German Law Journal* 21(6): 1228–1256.

Loewenstein, Karl. 1935a. “Autocracy Versus Democracy in Contemporary Europe, I.” *American Political Science Review* 29(4): 571–593.

Loewenstein, Karl. 1935b. “Autocracy Versus Democracy in Contemporary Europe, II.” *American Political Science Review* 29(5): 755–784.

Loewenstein, Karl. 1937. “Militant Democracy and Fundamental Rights, II.” *American Political Science Review* 31(4): 638–658.

Macklem, Patrick. 2006. “Militant Democracy, Legal Pluralism, and the Paradox of Self-determination.” *International Journal of Constitutional Law* 4(3): 488–516.

Müller, Jan-Werner. 2012. “Militant Democracy.” In *The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law*, edited by Michel Rosenfeld and András Sajó, 1118–1132. New York: Oxford University Press.

Volkenstein, Fabio. 2020. “Partisan Complicity in Democratic Backsliding.” *Global Justice: Theory Practice Rhetoric* 12(2): 117–140.

*Л.Н. Семёнова, профессор  
ludmila.semenova@bntu.by  
БНТУ (Минск, Беларусь)*

## ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

В вошедшем в стадию разрушительной турбулентности калейдоскопе современных процессов за видимой для всех событийной поверхностью, где полыхают военные столкновения, острые гражданские конфликты, баталии психоинформационной войны, экономические кризисы, идет борьба с эпидемией коронавируса, давно наметилась тенденция демонтажа национальных государств. В топке современного многостороннего кризиса, понимаемого прежде всего как кризис материалистической технократической денежной цивилизации и мировой капиталистической системы, сгорают многие традиционные институты, включая и такой, казавшийся незыблемым, мощным и весьма эффективным, как государство.

Социалистическая идеология давно наметила перспективу отмирания государства в период коммунизма. Отмирание обосновывалось естественным достижением людьми нового типа, воспитанными еще в эпоху первой фазы коммунизма – социализма и тогда же создавшими адекватную материально-техническую базу, высокого уровня самоорганизации и управляемости, при котором особый аппарат насилия и управления станет излишним. Однако современный процесс демонтажа национальных государств весьма далек от проектируемой социалистами эволюции государственного управления к самоорганизации и самоуправлению. Во-первых, он не самопроизволен, а энергично внедряем и жестко управляем. Во-вторых, он не ведет к самоуправлению, а напротив, создает еще более мощное и всеохватное управление. В-третьих, он весьма разнится от страны к стране по целям, содержанию и формам проявления в зависимости от иерархии мировой капиталистической системы, в которой исторически сформировались центр-ядро (страны Запада) и периферия (все остальные).

Капитализм, как экспансионистская система, может существовать и развиваться только при наличии эксплуатируемой им некапиталистической зоны. К концу XIX в. такой зоной для Запада стали все его колонии, полукolonии, протектораты и т.д., в которых их собственная государственность была поставлена под прямое или косвенное внешнее колониальное управление. Процесс деколонизации в XX в. привел к созданию множества формально независимых национальных государств. Однако, реально самостоятельными они не стали, породив группу зависимых, развивающихся, новых колониальных стран 3-го мира, чьи государства вполне обоснованно можно охарактеризовать как периферийные. Периферийность прежде всего означает слабость, т.е. неспособность наладить эффективное хозяйство, обеспечить всем необходимым свое население, защитить его от внешних опасностей. На языке политологии это звучит, как «нехватка институциональных возможностей» или «институциональная неэффективность». По мнению Г.М. Дерлугьяна, подобная слабость сродни безответственности. По его словам, «это вовсе не обязательно личная безответственность, а структурная – правители и элиты не отвечают на главные вызовы государственной власти, не озабочены проблемой выживания». Они отстранены от собственных граждан, которые в их глазах не имеют значения «ни как призывники (поскольку такие государства массовых войн не ведут), ни как налогоплательщики (поскольку источником поступлений является помощь, кредиты из-за рубежа или монополия на опять же зарубежную торговлю)» [1, с. 461–462]. Всего два указанных пункта: обеспечение из-за рубежа военного потенциала и финансовой системы, являются вполне надежными маркерами для определения периферийности государств. Им крайне трудно модернизироваться, они просто прикованы к колее, по которой лишь могут катиться дальше вниз. Как пишет Г. М. Дерлугьян: «В своей основе периферия представляет собой зону различных структурных слабостей, а слабость привлекает несчастья самого различного рода» [1, с. 461]. Все несчастья рукотворны, и исходят от сильных мира сего. Самое распространенное – окончательное экономическое удушение,

за которым следует деградация местного населения, но при этом очередное обогащение сильных мира сего. О том, как это происходит в действительности откровенно поведал Джон Перкинс в книге с красноречивым названием «Исповедь экономического убийцы». Он пишет: «Экономические убийцы (ЭУ) – это высокооплачиваемые профессионалы, которые выманивают у разных государств по всему миру триллионы долларов. Деньги, полученные этими странами от Всемирного банка, Агентства США по международному развитию (USAID) и других оказывающих «помощь» зарубежных организаций, они перекачивают в сейфы крупнейших корпораций и карманы нескольких богатейших семей, контролирующих мировые природные ресурсы. Они используют такие средства, как мошеннические манипуляции с финансовой отчетностью, подтасовка результатов выборов, взятки, вымогательство, секс и убийства. Они играют в старую, как мир, игру, приобретающую угрожающие размеры сейчас, во времена глобализации. Я знаю, о чем говорю. Я сам был ЭУ» [2, с. 8].

Если в каком-либо периферийном государстве находится правитель или правящая группа, готовые противостоять подобным разрушительным процессам и деятельности ЭУ, против них наносятся гибридные удары информационной войны, вводятся санкции и осуществляются государственные перевороты на фоне специально подогретых революционных волнений масс, получившие название «цветных революций». Победившая цветная революция возвращает страну в периферию, открывая ее финансовым ветрам глобальной экономики. Поскольку периферийное государство объективно работает в интересах глобальной корпоратократии (термин, введенный Дж. Перкинсом, и обозначающий совокупность корпораций, банков и правительств, создающих глобальную империю), оно не может считаться национальным государством, отстаивающим национальные интересы. Оно лишь обозначает его полный упадок.

В центре мировой капиталистической системы также происходит безжалостная расправа с феноменом национального государства. Главная действующая сила этого разрушительного процесса – вышеназванная корпоратократия, которая, с одной стороны, не афиширует свои глобальные экономические интересы, но, с другой стороны, активно ведет либеральную пропаганду в пользу единого мирового правления в эпоху глобализации.

Структурные кризисы 1970-х гг. подвели черту под доминированием индустриального сначала частнособственнического, затем монополистического и государственно-монополистического капитала (ГМК). Из-под его пресса высвободился финансовый капитал, признающий только финансовую прибыль и финансовые инструменты для ее достижения, и в погоне за этой прибылью готовый на всё. Ограничителем на пути движения капитала всегда выступало национальное государство. Еще К. Поланьи, исследовавший рыночную систему, обратил внимание на то, что она складывается из совокупности рынков товаров, услуг, рабочей силы, земли и денег, из которых первые два – это реальные товары, могущие обращаться по законам рынка, а последние три – фиктивные.

Для того чтобы они функционировали по законам рынка, государства создавали для них особую защитную инфраструктуру [3, с. 17]. И вот теперь финансовый капитал из подзащитного превратился в нападающего на собственное и иностранные государства, так как ему принципиально чужды государственные границы, и вводимые за этими границами государственные ограничения. А поскольку мировой капитализм складывался, с одной стороны, как единая экономическая рыночная система, а с другой стороны, как совокупность государственно-политических организмов, ограничивающих движение капитала в его долгосрочной перспективе, современный финансовый капитал, подчиняясь логике своего движения, нивелирует государства, между делом демонтируя и саму мировую капиталистическую систему, имевшую национальные государства в качестве своей опорной конструкции.

Национальные государства центра растворяются в региональных интеграционных объединениях. Это хорошо видно на примере Европейского Союза. Первоначальный спор на начальных этапах интеграции, чем же будет единая Европа: Европой отечеств, или Европой наднациональных организаций, однозначно закончился в пользу явного преобладания общеевропейских структур. Канадское и мексиканское государства явно поступились своими национальными интересами в пользу американских корпораций в рамках североамериканской зоны свободной торговли.

Последний контрольный выстрел в саму суть национальных государств наносят финансовый капитал и ТНК. Капиталистическое государство всегда было политическим выражением интересов капитала, которое можно описать формулой «капитал–власть», являющейся полной противоположностью известной формулы «власть–собственность», описывающей властно-управленческий нерв в традиционных аграрных докапиталистических обществах. Однако на ранних стадиях, начиная от абсолютных монархий и заканчивая ГМК, государственная власть была сильнее капитала и могла диктовать ему свои условия, отстаивая политические, идеологические, провластные, общенациональные, какие угодно, только не экономические интересы. Всевластие современного финансового капитала уверенно разворачивает и малые, и большие национальные государства к осуществлению исключительно экономических, то есть только его финансового капитала выгод. Такое государство, переориентируясь с функции защиты национальных интересов на функцию защиты финансовых интересов крупнейших транснациональных корпораций (ТНК), становится по своей сути «корпорацией-государством». Как подчеркивает А.И. Фурсов: «Корпорация-государство есть такая форма государственного устройства, цели функционирования которой имеют прежде всего экономический характер, т.е. направлены на снижение издержек, а следовательно, требует сведения к минимуму политических и социальных издержек по обеспечению «территории прописки» – от сведения к минимуму социальных обязательств, характерных для государства, до избавления от экономически лишнего, нерентабельного с экономической (корпорационно-государственной) точки зрения населения (от отсечения от «общественного

пирога» до фактического исключения из реальной жизни)» [4]. США давно уже стали кластером или матрицей американских с глобальными интересами ТНК, своеобразной «Глобоамерикой», с которой так или иначе связаны все формирующиеся в мире корпорации-государства. Очевидно, что президенту США Д. Трампу не удалось развернуть американское государство от Глобоамерики к национальным интересам. Глобальный финансовый капитал, даже с таким лидером как Дж. Байден, уверенно себя чувствует на проторенной дороге. Учитывая эти процессы, для Республики Беларусь очевидно, что главная угроза суверенитету исходит от глобализации, развивающейся по лекалам мировой капиталистической системы, и сохранение национального государства становится поистине виртуозной политической задачей.

#### **Список источников:**

1. Дерлугьян, Г.М. Адепт Бурдые на Кавказе: Эскизы к биографии в миросистемной перспективе / Г.М. Дерлугьян. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2010. – 560 с.
2. Перкинс, Дж. Исповедь экономического убийцы / Дж. Перкинс [Электронный ресурс] // Электронная библиотека ModernLib.Net. – Режим доступа: <http://modernlib.net/books/perkins>. – Дата доступа: 17.11.2020.
3. Поланьи, К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги / К. Поланьи // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Весна 1993. – Т. 1. – Вып. 2. – С. 10-17.
4. Фурсов, А. Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними / А. Фурсов [Электронный ресурс] // Сайт С.П. Курдюмова «Синергетика». – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/future/fursov/>. – Дата доступа: 05.05.2016.

*И.Н. Титаренко, профессор  
intitarenko@sfedu.ru*

*ФГАОУ ВО «ЮФУ» (Ростов-на-Дону, Россия)*

### **НАСЕЛЕНИЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК СУБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: ПРОБЛЕМА УЧАСТИЯ В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ**

В политических науках устоявшимся стало представление о том, что единственным непосредственным субъектом властных отношений в государствах народовластия является народ. Он является носителем суверенитета и источником власти в государстве. Все остальные субъекты – высшие выборные должностные лица страны и регионов, органы государственной власти и местного самоуправления, общественное территориальное самоуправление и т.п. – являются субъектами производными. Однако это вовсе не означает, что осмысление специфики реализации конституционного принципа народовластия в России, а также статуса субъектов

властеотношений и политического процесса окончено [1, с. 55-62], [2, с. 54-60]. Дискуссия политологов и правоведов становится наиболее актуальной и интересной при анализе субъектов политического процесса на уровне местного самоуправления. Ст. 3 Конституции РФ устанавливает, что народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Развивая это положение, ст. 130 Конституции РФ указывает, что местное самоуправление представляет собой самостоятельное решение населением муниципального образования вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью. Таким образом, законодатель рассматривает местное самоуправление как форму осуществления народом власти и как решение населением (непосредственно или через органы местного самоуправления) самостоятельно и под свою ответственность вопросов местного значения. Тем самым мы имеем дело с двумя субъектами местного самоуправления – народом и населением. Не вдаваясь в рамках короткой статьи в подробности научного анализа различий правового статуса народа и населения и сделав отсылку к существующим по данному вопросу научным работам [3, с. 22-24], отметим, что народ определяет природу местного самоуправления в масштабах всей страны, а население осуществляет местное самоуправление в отдельно взятом муниципальном образовании.

Несмотря на то, что в Конституции РФ не закреплено прямо право населения на осуществление местного самоуправления, анализ ряда ее статей (ст.ст. 3, 32, 130 и др.) позволяет сделать вывод, что законодатель понимает осуществление местного самоуправления именно таким образом. Вследствие этого в базовом федеральном законе от 06.10.2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в редакции от 09.11.2020) содержится статья 3 «Права граждан Российской Федерации на осуществление местного самоуправления», в которой они трактуются как установленные Конституцией и равные для всех граждан. В современном российском законодательстве подробно, хотя и явно безупречно, регламентирован вопрос о формах непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия в осуществлении местного самоуправления (гл. 5 вышеназванного федерального закона). В числе таких форм названы: местный референдум (ст. 22), муниципальные выборы (ст. 23), голосование по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования (ст. 24), сход граждан, осуществляющий полномочия представительного органа муниципального образования (ст. 25), сход граждан (ст. 25.1), правотворческая инициатива граждан (ст. 26), территориальное общественное самоуправление (ст. 27), староста сельского населенного пункта (ст. 27.1), публичные слушания, общественные обсуждения (ст. 28), собрание граждан (ст. 29), конференция граждан (ст. 30), опрос граждан (ст. 31), обращение граждан в органы местного самоуправления (ст. 32), другие формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и



участия в его осуществлении (ст. 33). Совершенно очевидно, что среди этих форм имеются те, которые применяются с необходимостью и регулярно в силу требований закона (например, муниципальные выборы, осуществляющий полномочия представительного органа в сельских поселениях с численностью не более 100 человек сход граждан, публичные слушания и т.п.), есть те, которые применяются часто ввиду их желательности и удобства для органов местного самоуправления (к примеру, территориальное общественное самоуправления и т.п.), есть те, которые используются постоянно по инициативе самого населения (например, обращения граждан в органы местного самоуправления), но имеются также и те, которые по ряду обстоятельств используются крайне редко или не используются вовсе (правотворческая инициатива, местный референдум, голосование по отзыву депутата, выборного должностного лица).

Как видно, закон устанавливает возможность непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления в самых разнообразных формах. Однако, как показывает российский опыт организации местного самоуправления, объективная реальность достаточно далеко отстоит от теории, закрепленной в социально-политических науках и правоведении. Тщательный анализ практики реализации любой из названных форм легко в этом убеждает, показывая, что в действующем законодательном каркасе население муниципального образования, к сожалению, вообще не является влиятельным субъектом политического процесса и, начиная с 2014 года, можно говорить о существенном снижении его прав. Достаточно активно продолжается критика ухода от прямых выборов глав муниципальных образований и глав администраций муниципальных образований, небезосновательно апеллирующая к результатам многочисленных социологических опросов, отмечающих неодобрительное отношение населения к подобным изменениям и сужению форм прямой демократии [4, с. 22.], [5, с. 151.], [6, с. 478-479]. Не повторяя имеющиеся по данному вопросу работы, все же укажем следующее: в модели, предусматривающей избрание главы муниципального образования из числа депутатов представительного органа и назначение главы администрации представительным органом на основании предшествующих конкурсных процедур, помимо часто упоминаемых исследователями недостатков есть и прямо связанные с ролью населения муниципального образования. В частности, существенно снижается ответственность исполнительного органа местного самоуправления перед населением муниципального образования и его подотчетность населению. Так, закон сохраняет необходимость отчета главы муниципального образования (напомним, что в данной модели он возглавляет представительный орган и сам при этом остается депутатом по соответствующему избирательному округу) перед населением, а также необходимость отчета этого высшего выборного должностного лица перед представительным органом с выставлением последним оценки по итогам рассмотрения отчета, но не предусматривает обязанности отчета перед населением главы администрации. Как правило, уставы муниципальных образований закрепляют лишь отчет главы администрации перед

представительным органом, но без выставления представительным органом оценки по итогам работы за год этого должностного лица и возглавляемой им администрации муниципального образования. Тем самым оказывается, что администрация (исполнительный орган) как орган, через который, согласно установленным федеральным законодательством нормам, население муниципального образования также осуществляет свою власть, остается неподконтрольным населению. А ведь именно он формирует и исполняет бюджет муниципального образования, оказывает населению муниципальные услуги (выдачу разрешений на строительство и т.п.), реализует переданные государственные полномочия. Вполне объяснимым бывает хорошо заметное нежелание исполнительного органа не только учитывать предложения населения при принятии управленческих решений, но и прислушиваться к мнению представительного органа.

Очевидно это и при анализе любой формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия в его осуществлении. Интересно, например, проанализировать нормы о публичных слушаниях. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» предусматривает обязательность проведения публичных слушаний всего в нескольких «судьбоносных» для муниципального образования случаях – для обсуждения: 1) проекта устава, а также проекта правового акта о внесении изменений в устав; 2) проекта бюджета и отчета о его исполнении; 3) проекта стратегии социально-экономического развития; 4) вопросов преобразования муниципального образования (ст. 28). Кроме того, в соответствии с п. 5 ст. 28 названного закона, предусматривается проведение публичных слушаний или общественных обсуждений по проектам градостроительных документов – генерального плана, правил землепользования и застройки, проектам межевания и др. Императивный характер норм не оставляет муниципальным образованиям возможности уклониться от проведения публичных слушаний. Другое дело, что правовые нормы вообще не предусматривают необходимости реального учета поступивших в ходе публичных слушаний предложений от населения. Характер реагирования на эти предложения может быть любым. Не удивительно, что даже в случаях, не требующих пересмотра базовых финансовых показателей проекта бюджета, гражданам лишь направляется ответ с разъяснениями о якобы имеющей место невозможности реализовать поступившее предложение. Как результат, представительный орган получит проект решения об утверждении результатов публичных слушаний, в котором в подавляющем большинстве случаев в качестве меры реагирования на то или иное предложение будет содержаться формулировка «гражданину даны разъяснения». Такая мера реагирования на предложения не противоречит действующим нормам права. Все это приводит к отчуждению населения от решения вопросов местного значения и нарастанию критических, оппозиционных политических настроений в обществе. Изменение же этой негативной ситуации и переход к конструктивному взаимодействию органов местного самоуправления с населением возможны лишь на пути

радикального пересмотра законодательства и повышения роли населения в качестве субъекта местного самоуправления и активного политического актора.

#### **Список источников:**

1. Чепурнова, Н. М. Конституционный принцип народовластия в Российской Федерации: проблемы реализации / Н. М. Чепурнова // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – №5. – С. 55-62.
2. Селихов, Н. В. Властеотношения и их субъекты в государствах народовластия: концептуальные обобщения отечественной теории / Н.В. Селихов // Известия ВУЗов. Правоведение. – 2018. – №1. – С. 54-83.
3. Солдатов, А. П. О новом подходе к правовому статусу населения как субъекту муниципального права / А. П. Солдатов // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2013. – №1. – С. 22-27.
4. Федоров, А. И. Модели организации местного самоуправления в Российской Федерации / А. И. Федоров // Отечественная юриспруденция. – 2018. – №3 (28). – С. 21-26.
5. Васильев, В. И. Местное самоуправление на пути централизации и сокращения выборности / В. И. Васильев // Журнал российского права. – 2015. – №9 (225). – С. 159-161.
6. Панов, П. В. Конкурсы по избранию глав местного самоуправления: коррупционная составляющая / П. В. Панов, Р. И. Петрова // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. – 2019. – №1. – С. 473-487.

## **МАТЕРИАЛЫ ОСНОВНОЙ СЕКЦИИ**

## **1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ**

---

*О.А. Посталовская, доцент  
postalovskaya@minsk.edu.by  
БГЭУ (Минск, Беларусь)*

### **СУЩНОСТЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ**

В современных условиях от эффективности и действенности механизмов осуществления политики в сфере экологии зависит будущее не только каждого государства, но и всего мира в целом, поэтому изучение проблем природопользования, содержания и направленности экологической политики современных государств, механизмов ее формирования и реализации в современном политическом процессе становится все более актуальным.

Особенностью современной государственной политики является необходимость повышения ее научной обоснованности во всех сферах, в том числе и в сфере экологии. В основу процесса формирования и обоснования эффективной и действенной экологической политики должно быть положено научное знание. Только научное знание может стать основой эффективной экологической политики, позволит найти наиболее адекватные способы разрешения имеющихся проблем, предсказать появление новых и предложить варианты их предотвращения. Важнейшей задачей экологической политики во всех государствах является ее опора на достоверные факты и научное знание.

Анализ научной литературы, политических и правовых документов по проблемам экологии позволяет выявить определенные тенденции и закономерности в развитии научных исследований экологической политики, а также выделить наиболее часто встречающиеся в научной литературе подходы к определению понятия «экологическая политика»: холистический, экономический, правовой, определение экологической политики через призму экологической безопасности и экологической модернизации, определение с позиций политической экологии и подход к экологической политике как к особой деятельности государства.

Одним из первых подходов в изучении теоретических оснований экологической политики стал холистический подход. Согласно данному подходу под экологической политикой понимается государственная политика по отношению к окружающей среде как к единому целому. Автором этого подхода является американский политолог Линтон К. Колдуэлл, который ввел в научный оборот термин «экологическая политика», а также стал одним из авторов первого в мире Национального закона об экологической политике, принятого в США в

1969 году. Нельзя не отметить тот факт, что некоторые положения этого документа предвосхитили идеи устойчивого развития. Данному исследователю принадлежит ключевая роль во внедрении понятия «экологическая политика» в реальную политику и политическую науку. В своей статье «Окружающая среда: новое направление государственной политики» ученый обосновал необходимость разработки государственной политики по отношению к окружающей среде как к единому целому [5, с. 132–139].

Дальнейшее расширение сферы применения понятия «экологическая политика» нашло отражение в рамках экономического подхода и связано с экономической наукой. Немецкий исследователь Зигфрид фон Сириаси-Вэнтрап подчеркивал, что экологическая политика или экологическое управление – это та область, где «встречаются интересы экологии и экономики» [6, с. 36-37]. В 70-х-80-х годах XX века было опубликовано множество научных работ, посвященных экологической политике и политическим аспектам экономики окружающей среды. Некоторые работы выдержали многочисленные переиздания и до настоящего времени сохраняют свою актуальность. Одной из таких работ является впервые изданная в 1975 году коллективная монография американских экономистов Уильяма Дж. Баумола и Уоллеса Э. Отса «Теория экологической политики» [4]. В данной работе экологическая политика тесно пересекается с проблемой внешних факторов в экономике.

Следует отметить, что на современном этапе развития цивилизации экономическая составляющая экологической политики не утратила своей значимости. Многие современные ученые подходят к анализу экологической политики, прежде всего, с точки зрения экономики, рассматривая ее в контексте экономической политики и отмечая целесообразность разработки общей теории социально-экономической и экологической политики.

Важность экономического подхода и необходимость рассмотрения экологической политики в контексте экономики очевидна. Предотвращение экологических проблем тесно связано с решением экономических противоречий современного мира. Экономика современной цивилизации может успешно развиваться только при условии, если будут учтены экологические факторы. Однако экономический подход не может быть исчерпывающим и не позволяет в полной мере проанализировать процессы, происходящие в сфере экологии в современном обществе. Образ желаемого состояния окружающей среды формируется в обществе на фоне взаимодействия различных, часто противоположных интересов и ценностей. Кроме того, рассмотрение экологической политики только как экономической проблемы оставляет за ее пределами политико-правовые аспекты проблемы и, прежде всего, механизмы принятия государственных и политических решений.

При рассмотрении экологической политики на международном уровне в контексте экономики также возникают противоречия. И, прежде всего, необходимо указать на высокий уровень конкуренции государств в международной торговле. Те страны, которые несут наибольшие потери от экологического регулирования, значительно ослабляют свои позиции на

мировом рынке (наиболее актуальной данная проблема является для развивающихся стран). Серьезной проблемой является трансграничный и глобальный характер экологических проблем, что требует коллективных усилий государств и других субъектов современной политики в разработке мер для их решения.

Основу правового подхода составляет точка зрения, согласно которой экологическая политика должна рассматриваться сквозь призму права. Сторонники данного подхода придерживаются первичности экологического права по отношению к другим мерам государства. Государственная политика в сфере экологии рассматривается как обусловленная правом.

На наш взгляд, такое представление об экологической политике является важным и обоснованным, но при этом все-таки сужающим содержание данной сферы деятельности.

В начале 90-х годов XX века появилось большое количество исследований, посвященных экологическим реформам, акцентирующих свое внимание на государственной экологической политике. На этом этапе все большим влиянием стала пользоваться концепция «экологической модернизации», предложенная немецкими учеными профессором Свободного университета Берлина Мартином Енике и профессором Университета имени Мартина Лютера в Галле Йозефом Хубером. Несмотря на сохраняющееся влияние, данная концепция подвергается постоянной критике. По мнению противников данной теории, модернизация приводит в глобальном масштабе к дальнейшему ухудшению состояния окружающей среды и без осознания основной проблемы – конфликта между ростом населения, масштабами влияния экономики с одной стороны и экологической устойчивостью с другой – достижение устойчивого развития на планете невозможно. На наш взгляд, с аргументами критиков теории экологической модернизации сложно не согласиться, в том числе и потому, что актуальнейший вопрос современного мира, возможно ли достижение устойчивого развития без коренных политико-экономических преобразований, остается в рамках этого подхода открытым.

Необходимо обратить внимание еще на один интересный подход к выявлению сущности экологической политики, в центре которого находятся взаимоотношения между окружающей средой и обществом, органами государственной власти, общественными организациями, между природой и культурой, научным знанием и охраной природы, экологическими технологиями и природными ресурсами. Этот подход получил название «политическая экология». В практическом смысле политическая экология занимается проблемами сокращения биоразнообразия, истощения природных ресурсов, изменения климата, трансграничного загрязнения, как в глобальном, так в региональном и национальном масштабе.

Анализ различных источников показывает, что доминирующим подходом является подход, согласно которому экологическая политика – это, прежде всего, деятельность государства в области экологии. К примеру, польский исследователь Б.С. Поскробко утверждает, что экологическая политика – это

«осознанная и целенаправленная деятельность государства, органов местного самоуправления и субъектов хозяйствования в области управления окружающей средой» [2, с. 33]. Тем самым сторонники такого подхода акцентируют внимание, во-первых, на проблеме экологической безопасности страны, а во-вторых, на необходимости влияния государства на формирование соответствующего сознания человека и общества.

Как направленную на достижение экологической безопасности, то есть состояния «защищенности окружающей среды, жизни и здоровья граждан от угроз, возникающих в результате антропогенных воздействий, а также факторов, процессов и явлений природного и техногенного характера», определяет экологическую политику и Концепция Национальной Безопасности Республики Беларусь [1, с. 4].

Такое толкование экологической политики приводит к пониманию того, что экологическая политика – это, прежде всего, деятельность государства по обеспечению безопасной окружающей среды. В таком аспекте экологическая политика выступает в роли важнейшей части политики национальной безопасности, и тесно связана с экономической, военной, культурной и другими направлениями государственной политики.

На наш взгляд, в современном мире экологическая политика – это сложное, многоаспектное явление, для ее научного анализа как особой сферы деятельности государства требуется комплексный подход, в рамках которого можно дать следующее ее определение. Экологическая политика – это системная социальная технология и деятельность социальных субъектов по управлению экологической сферой в целях обеспечения рационального использования природных ресурсов и регулирования воздействия общества на природу [3, с. 29–30]. Поэтому сущность экологической политики целесообразно раскрывать не только с точки зрения государственной политики, но и через деятельность новых политических, экономических и социальных институтов по обеспечению рационального использования и возобновления природных ресурсов, нормальной жизнедеятельности и экологической безопасности человека.

#### **Список источников:**

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : утв. Указом Президента Респ. Беларусь 9 нояб. 2010 г. № 575. – Белорус. Дом печати, 2011. – 46 с.
2. Поскробко, Б. Управление окружающей средой в Польше : пер. с пол. / Б. Поскробко, Т. Поскробко ; предисл. Э. Михневича. – Минск : Белорус. нац. техн. ун-т, 2013. – 433 с.
3. Посталовская, О. А. Экологическая политика: теория и социально-политическая практика : монография / О.А. Посталовская. – Минск: РИВШ, 2020. – 144 с.
4. Baumol, W. J. The theory of environmental policy / W. J. Baumol, W.E. Oates. – 2nd ed., repr. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1993. – X, 299 p.



5. Caldwell, L. K. Environment: a new focus for public policy / L.K. Caldwell // Publ. Administration Rev. – 1963. – Vol. 23, № 3. – P. 132–139.
6. Ciriacy-Wantrup, S. V. The economics of environmental policy / S.V. Ciriacy-Wantrup // Land Economics. – 1971. – Vol. 47, № 1. – P. 36–40.

*А.В. Свиридов, доцент  
kr@bseu.by  
БГЭУ (Минск, Беларусь)*

## **ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ: КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ**

История человечества со всей очевидностью свидетельствует о том, что особенности политического бытия того или иного народа всегда предопределены его культурно-цивилизационными основаниями. Формы политического устройства в целом, как, впрочем, и отдельные их элементы неизбежно несут на себе печать социокультурной ангажированности, и едва ли являются культурно нейтральными. В силу этого то, что в течение веков формировалось как неотъемлемая часть политической практики одного социума, может совершенно не срабатывать для другого. Так, например, нейтральность правового государства в идеологических и моральных вопросах на Западе без сомнения сыграла позитивную роль, обеспечив, наряду с прочим, зарождение и развитие раскованной индивидуальной инициативы. Но вопрос, дает ли применение этого принципа в незападных обществах те же результаты, что и на Западе, остается все еще открытым.

Такая культурно-цивилизационная ангажированность ставит под сомнение возможность существования универсальной политической формы, или хотя бы отдельных ключевых ее элементов, способных успешно функционировать вне ареала своего зарождения. Тем удивительнее выглядят все сегодняшние непрекращающиеся попытки безапелляционного преобразования мирового политического пространства по лекалам, претендующей именно на такую универсальность, западной либерально-демократической модели.

Рамки доклада не позволяют в полном объеме осветить особенности «западной демократии», поэтому анализу будут подвергнуты социокультурные основания лишь ее ключевого, представительского, принципа.

Прежде всего отметим, что представительная парадигма политики исключает из своего дискурса так называемые «высшие ценности», имея дело исключительно с интересами здесь и сейчас живущего человека. В данном случае понимание политического процесса характеризуется процедурой отнесения к холодному расчету. «Прагматики, ориентированные на интерес, значительно легче договариваются между собой, менее запальчивы и нетерпимы, чем романтические приверженцы «принципов, которыми нельзя поступиться» [1, с. 167]. Политическое здесь сродни ценностно нейтральному, способному наполниться любым, заранее не заданным содержанием. Речь идет

о ценностно неангажированном субъекте, преследующем в первую очередь материальные интересы и благодушно-беззаботном по части высших ценностей – идеалов. Ведь лишь тогда мы имеем дело с «открытым обществом», когда туда может войти всякий, предварительно освободившись от груза «твердых убеждений». Современный либерализм находит в качествах такого морально облегченного разума и гарантию демократического плюрализма, и резерв будущего, когда в этом обществе все чаще будут встречаться люди разного этнического и конфессионального происхождения.

И совсем другое дело, когда речь заходит о незападной политической культуре, где люди, сохранившие религиозно-морализаторское отношение к политике, видят в ней столкновение сил Добра и Зла. «В пронизанной манихейскими предчувствиями атмосфере политическая терпимость едва ли является возможной, а политический плюрализм воспринимается как циничная всеядность – преступное равнодушие к итогам схватки сил Добра и Зла» [2, с. 160].

Под не меньшим подозрением, нежели высшие ценности, у западной плюралистической демократии находятся объективные истины, в политическом пространстве перевешивающие весь kaleidoscope отдельных мнений. В этом смысле каждая точка зрения, каждая мнимость всегда будут демократичнее истины, потому что мнений много и они могут бесконечно конкурировать друг с другом, конъюнктурно меняться, тогда как истина всегда неуступчива, будучи нелиберальной по своей природе.

Другими словами, представительная демократия предполагает вынесение идеалов и ценностей за скобки, за пределы того, по поводу чего общаются деловые люди в деловом обществе. Для многих западных культур – это непомерно высокая цена.

Не менее важной чертой представительной демократии является отсутствие в обществе единого высшего (стоящего над частными) интереса, и господство представления об общем как всего лишь о сумме единичных позиций и стремлений. В гражданском обществе нет и не может быть одного субъекта, способного претендовать на монопольное выражение интересов всего общества. Из-за несовпадения групповых интересов «всеобщий интерес» является фикцией, эксплуатируемой адептами абсолютизма. «Внутренне единство общества отрицается принципиально, как утрата свободы, как тоталитаризм» [3, с. 44].

Это и является одной из ключевых предпосылок функционирования представительной демократии, где выборы представлены как политический рынок, на котором партии «продают» свои программы и получают плату в виде голосов граждан. В свободной конкуренции групповых интересов побеждает сильнейший.

Выборы же в западных обществах представляют собой плебисцит, главное назначение которого – явиться и одобрить общую линию государства. Поэтому так важна была в СССР явка на выборы, хотя мало кто из избирателей

вообще заглядывал в бюллетень – он говорил «да» самим фактом голосования неиспорченным бюллетенем.

В свою очередь и сам феномен голосования в представительных органах различных политических систем предстает в совершенно разных ипостасях. В «западном» парламенте голосование есть ритуал, символизирующий конкуренцию, в которой побеждает сильнейший (пусть даже с перевесом в один голос). В «совете» голосование есть ритуал согласия. Здесь стремятся обеспечить единогласие.

Не меньшее значение для определения сущности представительной демократии имеет и то, что последняя оперирует электоральным большинством, как совокупностью отдельных избирателей, которые противопоставляются друг другу, тасуются как карточная колода и выступают объектом манипуляции. Само выражение «борьба за голоса избирателей» теряет всякий смысл в том случае, если люди начинают голосовать в соответствии исключительно со своими социально-экономическими интересами и приверженностью своей социальной группе. В таком случае результат выборов всегда был бы известен заранее исходя из удельного веса соответствующих классов в обществе. В такой ситуации партии буржуазно-либерального меньшинства всегда оказывались бы в проигрыше. Именно поэтому для либеральной представительной демократии идеальным избирателем выступает индивид, покидающий свою классовую нишу и голосующий за представителей других партий. Только тогда, когда индивиды начинают вести себя как свободные электроны их них можно формировать текущий демократический электорат, меняющий свои очертания от одних выборов к другим.

И совершенно иное дело, когда речь идет о таком субъекте истории как народ, наделенном своей коллективной волей. Последняя может быть известна заранее и несводима к воле составляющих индивидов, живущих под знаком своих мелких частных интересов.

«Народ» превращается тем самым в оппонента современной представительной демократии. «Оказалось, что он обладает почти всеми [антидемократическими – ред. А. Свиридов] грехами: коллективной идентичностью, исключающей последовательный индивидуализм и плюрализм (свободные перемещения индивидов вдоль социально-политического спектра); коллективной верой (или верованиями), мало совместимой с плюралистической всеядностью демократии; коллективной исторической памятью, создающей основы внепрагматических выборов и предпочтений» [1, с. 161].

Отсюда становится очевидной принципиальная несовместимость народа и плюралистической демократии, народа и гражданского общества, народа и прав человека. Тотально несовпадающими становятся либеральное понятие гражданского общества и нелиберальное понятие народа. В первом случае речь идет о личном выборе, во втором – о коллективной судьбе.

Последовательно либеральная точка зрения состоит в том, чтобы на место народа как субстанциональной общности, являющейся исторической и моральной «данностью» для всякого, к нему принадлежащего, поставить

понятие «интерсубъективности» - общности, поминутно рождаемой в ходе взаимодействия автономных индивидов.

Также ключевое значение для успешного функционирования представительной демократии имеет представление о человеке, как об атоме, как свободном индивидууме, не связанном общинными или коллективистскими узами. Такое представление о человеке возникает на Западе в результате Реформации, Просвещения и буржуазных революций на протяжении XVI–XVIII вв. Человек становится атомом человечества – свободным, неделимым, находящимся в непрерывном движении и соударениях. По этому поводу российский мыслитель С. Кара-Мурза замечает: «Когда средневековая Европа превращалась в современный Запад, произошло освобождение человека от связывающих его солидарных, общинных человеческих связей. Капитализму был нужен человек, свободно передвигающийся и вступающий в отношения купли-продажи на рынке рабочей силы» [3, с. 90].

Само формирование гражданского общества в западном его прочтении требовало разрушения всяческих общинных, солидарных связей и превращения людей в индивидуалистов, которые уже затем соединяются в классы и партии, чтобы вести борьбу за свои интересы. Это – полное, принципиальное отрицание соборной личности, формирующейся вне ареала западной представительной политической культуры.

Религиозный философ Н. Бердяев писал: «У нас совсем не было индивидуализма, характерного для европейской истории и европейского гуманизма, хотя для нас же характерна острая постановка проблемы столкновения личности с мировой гармонией.... У нас все против индивидуалистической культуры, все ищут культуры коллективной, органической, «соборной», хотя и по-разному понимаемой» [4, с. 87].

Соборный человек не изолирован и не противопоставлен миру и другим людям, он связан со всеми людьми и со всеми вещами и отвечает за них. Такой человек всегда включен в солидарные группы. Именно здесь, в незападном политическом пространстве, мы видим совершенно иное прочтение феномена гражданского общества. Это среда, «воодушевленная глубоко содержательными социальными вопросами, касающимися реальных прав трудящихся на предприятия, прав жителей региона, прав потребителей, имеет своей основой понятие народа. Именно народ сохраняет в своем мышлении тягу к реальной гражданской сфере в ее социальном значении, тогда как «профессиональные либералы» интересуются только правами «крикливого меньшинства», живущего «политико-идеологической надстройкой» [1, с. 173].

Иными словами, ставя цель скопировать западную либерально-представительную модель демократии и распространить ее на другие регионы мира, не стоит забывать о ее глубинных социокультурных предпосылках. Игнорирование последних чревато вечным движением по кругу, что, впрочем, не ново для человеческой истории.

### Список источников:

1. Панарин, А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке / А.С. Панарин. – М., 2004. – 640 с.
2. Панарин, А.С. Политология: учебное пособие / А.С. Панарин. – М.: Проспект, 1997. – 408 с.
3. Кара-Мурза, С.Г. Истмат и проблема восток-запад / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2001. – 256 с.
4. Бердяев, Н. Самопознание / Н. Бердяев. – М.: Азбука-Классика, 2010. – 416 с.

*В.С. Михайловский, доцент  
mikhailouskivs@bsu.by  
БГУ (Минск, Беларусь)*

## МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СИНТЕЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Тема междисциплинарности неотделима от темы синтеза в силу того, что междисциплинарность есть результат объединения, соединения, т.е. синтеза знания. Современный и наиболее актуализированный междисциплинарный синтез знания предполагает объединение отдельных теорий, концепций, моделей, а не целых дисциплин или наук. Пройдя первичный этап парадигмального согласования возможности синтеза, политолог сталкивается с проблемой собственно соединения отдельных теорий для генерации новой политической теории. Здесь возникают две базовые проблемы политологического синтеза, решение которых и выступает теоретико-методологическим основанием междисциплинарного синтеза политической теории. Это проблемы «количественного результата синтеза» и «качественного результата синтеза».

Проблема количественного результата синтеза – это вопрос о структуре, полученной в результате синтеза политической теории (синтезированной теории). Есть ли количественный результат синтеза простой совокупностью объединенных теорий или политология получает что-то большее? Должна ли соблюдаться равно долевое «участие» теорий в генерации нового знания? И возможны ли «перекося» в сторону той или иной исходной теории по мере генерации нового знания?

Проблема качественного результата синтеза – это по большей мере вопрос языка, полученной в результате синтеза теории. Является ли качественный результат синтеза простой совокупностью понятийно-категориального аппарата? Структурные элементы исходных теорий должны дополнять друг друга для лучшей познаваемости политики или должны давать уникальные объяснительные модели? Возможны ли «теоретические уступки» по мере генерации совместной политической теории?

Наша исходная установка в вопросе междисциплинарного синтеза политической теории заключается в том, что наукоемкость этого процесса соизмерима с творческим наполнением генерации новой политической теории.

Поэтому мы постулируем следующий принцип междисциплинарного синтеза в политологии: разрешено все, что не запрещено. Это означает, что для междисциплинарной генерации новой политической теории должна быть соблюдена возможность сближения дисциплин – макроуровень согласования междисциплинарного синтеза; и должна быть соблюдена процедура собственно объединения теорий – микроуровень реализации синтеза. Второй уровень предполагает соблюдения требований синтеза как логической процедуры. Отсюда любая творческая комбинаторика в междисциплинарной генерации новой политической теории возможна в рамках логики научного синтезирования и ответы на поставленные выше вопросы должны исходить из этой логики. Другими словами, в синтезе политической теории возможно все, пока «ваше все» может быть названо синтезом.

Синтез является хорошо известным общенаучным методом познания. Восхождения от эмпирии к теории невозможно без синтеза как познавательной операции. Отсюда и отправное понимание синтеза как практической или теоретической деятельности соединения или объединения чего-либо в целое или набор. Так, советский философ М. К. Мамардашвили определял синтез как «фиксирование координации различающихся своей ролью внутри целого внешне обособленных предметов или связей, то есть совокупное рассмотрение предметов или связей в плане тех их свойств, которые имеют значение при анализе» [1]. В этом определении «целое» и «совокупное» синонимизируются, а акцент делается на необходимой зависимости синтеза и анализа в рамках познания сложного предмета: «единство анализа и синтеза проявляется уже в том, что для их выделения в логике как специфических явлений мышления нужно сохранить их соотносительность, то есть их единство в этом смысле» [1].

Из множества определений синтеза мы транслируем подход М. К. Мамардашвили по нескольким причинам. Такой подход к синтезу соотносится с диалектической логикой научно-исследовательских программ. Поднимая проблему междисциплинарного синтеза политических теорий, мы исходим из предубеждения, что подобная задача наиболее актуальна для создания политических теорий в рамках развития научно-исследовательских программ. Отсюда аппарат решения проблемы должен соотноситься со средой постановки проблемы. Более того, мы разделяем мнение и другого диалектика Б. М. Кедрова о том, что «отказ от диалектического понимания синтеза» означает «подмену его эклектикой» [2].

Простота и эвристика синтеза будут иметь место в том случае, если перед синтезом теории пройдут первоначальную ревизию на актуальность и архаизм. Синтезирование как процедура не касается эвристического потенциала теорий, а имеет дело с данным. Итоговый вид теории определяется автором, и вопрос о «правильности» теории может быть поставлен только на уровне минимальных требований, предъявляемых к тому, что может называться эвристической теорией, и в нашем случае к тому, что может называться синтезированной теорией. Эвристические основания генерации теории и логические основания синтезирования теорий – это единственные пункты проверки новой

синтезированной теории на «входе» в структуру политологии. Все остальное «движение» синтезированной теории определяется ее познавательными возможностями в рамках конвенционального принятия внутри научно-исследовательской программы.

Научный успех новой теории зависит от множества факторов. Однако наиболее существенным является проработка теории самим автором. Междисциплинарный синтез теорий есть творческая комбинаторика в рамках «проб и ошибок». Наш посыл в том, что неизбежные «пробы и ошибки» должны быть на этапе разработки теории, а не после включения теории в политическую науку. Отсюда и необходимость диапазона эпистемологических оснований политического исследования, способного выступить опорой исследователя в междисциплинарном развитии политической теории.

Реальными проблемами политолога при междисциплинарном синтезе политической теории являются две: выработка языка новой теории и поиск способов (методов) синтеза. Оставляя вопрос методов синтеза для другого исследования, отметим, что, по нашему мнению, правило синтеза языков в политической науке должно звучать так: прежнего понятийно-категориального аппарата насколько возможно, нового – насколько необходимо. Необходимость при этом определяется итоговой эвристикой новой теории, возможностью и удобством ее инструментального использования, и принятием политологическим сообществом.

Таким образом, междисциплинарный синтез политической теории основывается на следующих положениях. При междисциплинарной генерации новой политической теории должны быть соблюдены минимальные требования синтеза как логической процедуры. Все остальные действия политолога определяются его творческой задумкой. Никаких специфических требований к базовым положениям синтеза при междисциплинарном развитии политической теории не предъявляется. Творческая интенция ограничивается лишь конкретным способом синтеза и необходимостью соблюсти правило «возможного-необходимого» при формировании языка новой теории.

#### **Список источников:**

1. Мамардашвили, М. К. Процессы анализа и синтеза [Электронный ресурс] / М. К. Мамардашвили // Гуманитар. портал. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5579>. – Дата доступа: 19.12.2020.
2. Кедров, Б. М. Диалектический путь теоретического синтеза современного естественнонаучного знания (о типологии синтетических процессов в науке) / Б. М. Кедров // Синтез современного научного знания. – М., 1973. – С. 9–59.

*А.М. Разумовский, доцент  
mgv22@mail.ru*

*Военная академия РБ (Минск, Беларусь)*

## **СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ФОРМ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ**

С точки зрения системно-социального учения о государстве демократия есть форма коллективного принятия общегосударственных или административно-территориальных решений его гражданами, предусматривающая организацию одноуровневого или иерархического волеизъявления.

Выбор большинством может приниматься по наиболее значимым целям, правовым нормам, методам, атрибутам и формам организации власти, кандидатам на государственные должности.

Выделение категории выборщиков для принятия решений может осуществляться по возрастным, половым, национальным, имущественным, сословным, профессиональным и иным критериям. Выделенная категория не обязательно составляет большинство социальных элементов в государстве.

Как правило, демократический выбор осуществляется из готовых вариантов решений, предложенных властью или инициативными группами. Альтернативы зачастую представляют лишь самые общие формулировки предписаний и ограничений, без детализации средств и способов реализации, ожидаемых затрат, перераспределения ресурсов. Иногда альтернативы более детализируются в программах политических партий или в ходе предварительных дебатов.

Однако никогда выражающий свою волю гражданин не обладает тем объемом информации, который доступен авторам альтернативных проектов. Это следует из принципа иерархических систем, где вышестоящий уровень всегда располагает более объемной, но менее точной информацией. «Каждое действующее лицо создает умозрительную модель реальности и действует, исходя из этой модели. Нерациональное поведение вытекает из неадекватности модели, определяемой, в первую очередь, субъективными факторами и неполнотой информации» [1]. Выбор гражданина в условиях неполноты информации происходит на основании личных потребностей, симпатий, самоограничений, самооценок, а в некоторых случаях, методом случайного отбора. Эталоны и внутренние нормы есть продукт личного опыта, самообразования или следствие целенаправленного воспитания, образования, информационного воздействия. Поэтому демократический выбор не может гарантировать адекватность: принятых решений – системным интересам; предписывающих норм – располагаемым средствам и способам деятельности; организационной структуры – объективной ситуации и стоящим задачам.

Демократический выбор есть интегрируемая неадекватность индивидуального восприятия и представления о предмете.



Он не менее подвержен ошибкам, чем индивидуальный или коллегиальный выбор исполнителей ролей в субъекте власти. В этой связи вполне обоснованными выглядят высказывания, что без знаний (потребной для принятия решений информации) выбор в принципе не возможен и, что «выборы в больших коллективах превращаются в выборы больших жуликов». Не следует забывать, что демократическая форма принятия решений возникла в древнегреческих городах-государствах, где выбираемые кандидаты на руководство вследствие личного общения и проблематика принимаемых решений вследствие практического тождества располагаемой информации были известными гражданам полисов.

Однако принятие решений в демократической форме имеет положительные аспекты:

- согласует альтернативы с мнением большинства, тем самым снижает вероятность и масштабы внутрисистемного конфликта;
- делает большинство сопричастным к принятым решениям, тем самым, повышая вероятность исполнения, эффективного сопроудцирования намеченной цели или соблюдения нормы;
- позволяет выявить доминирующие интересы и предпочтения социальных элементов.

К примеру, демократический выбор в древности часто был связан с завоевательными походами. Голосующий за акцию тем самым подтверждал свое участие в ней. Если доминировало «боевое» волеизъявление и набиралось достаточно сил, переходили к реализации цели.

Снижение вероятности внутрисистемного конфликта, даже в случае неадекватного решения, делает привлекательной именно демократическую форму государственного режима.

Однако, наряду с положительными аспектами, демократия:

- разделяет ответственность за неадекватное отражение системной воли, за ущерб от реализации невозможной цели, повышенный расход ресурсов, тем самым снижает ответственность субъекта власти;
- требует дополнительного расхода материальных, финансовых, трудовых, временных ресурсов на организацию демократических процедур;
- позволяет *манипулировать волеизъявлением* путем информационного воздействия, подкупа, обещаний, шантажа, маскировать свои устремления под интересы большинства.

Утверждать, что демократия «лучше» чем *автократия, олигократия, бюрократия, охлократия* с точки зрения системного учения о государстве никаким образом нельзя [2]. В противном случае государства не сохранялись и не расширяли свои возможности при монархиях или автократиях, не прекращали своего существования и не деградировали при демократических формах.

Выявлять общественное мнение (коллегии, плебисциты, социальные опросы), учитывать интересы граждан в решениях, не допускать масштабных противоречий, убеждать в необходимости исполнения можно и при авторитарном правлении. Следует заметить, что при монархии могут иметь

место демократические процедуры, а при республике – авторитарная, охлократическая или бюрократическая формы руководства.

Целесообразной представляется та форма государственного режима, при которой в более полном объеме исполняются основные государственные функции.

В какой-то мере республиканско-демократические формы демпфируют:

- ограниченные способности и психические качества индивида, исполняющего роль в субъекте власти;
- внешнее влияние на принятие системных решений;
- нагрузку на лицо, принимающее решения, возрастающую в процессе развития общества из-за накопления знаний, расширения наблюдаемости, усложнения решений;
- нерешительность субъекта из-за боязни ошибки в решении и т.п.

Функционально-субъектное разделение власти и демократическая форма государственного режима способствуют снижению вероятности принятия «несистемных» решений, но, как и любые другие формы, не исключают их.

Высказывание У. Черчилля о демократии, как «лучшей из худших форм государственного режима», вполне соответствует системному учению.

*Тоталитаризм* или *либерализм* – есть предельные случаи ограничения или расширения личной свободы граждан в государстве. В тоталитарном обществе поведение гражданина сильно ограничено субъектом власти, часть его возможностей подчинена государственным целям.

В либеральном обществе, наоборот, практически все возможности индивида служат удовлетворению его личного интереса, а в предельном случае, государственные цели подчиняются личным.

Проводить сравнения в рамках системно-социального учения абстрактных недостатков и преимуществ этих крайних случаев безотносительно к ситуации представляется бессодержательным. Без привязки к объективным факторам, влияющим на сохранение и совершенствование государства и гражданина эти понятия суть идеологические, отражающие субъективные предпочтения и устремления.

В зависимости от ситуации выбор должен склоняться в ту, или иную сторону. К примеру, при угрозе существованию государства, возможны тоталитарные устремления, которые по мере ослабления угрозы, должны сменяться либеральными, обеспечивающими восстановление и совершенствование гражданина.

#### **Список источников:**

1. Ильин, М. В. Управленческие процессы и технологии: курс лекций / М. В. Ильин. – Минск : Редакционно-издательский центр Академии управления при Президенте Республики Беларусь, 2004. – 223 с.
2. Зеркин, О. Д. Основы политологии: Курс лекций / О. Д. Зеркин. – Ростов н/Д.: Феникс, 1996. – 544 с.

## **2. ТРАНСФОРМАЦИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В XXI ВЕКЕ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

---

*Ю.В. Александренков, доцент  
yury3004@gmail.com  
АУнПРБ (Минск, Беларусь)*

### **СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В ИДЕОЛОГИИ «НОВЫХ ПРАВЫХ»**

«Новые правые» появились на политической арене в 70-е годы XX века и уже к концу 70-х – началу 80-х годов во многих странах имели сильные политические позиции. В определенном смысле их появление было вызвано быстрым развитием институтов социального государства в европейских странах в 60-е годы и экономическими трудностями середины 70-х годов.

Для «новых правых» характерна наиболее критическая оценка идеологии и практики социального государства.

Одной из главных причин формирования социального государства в Европе «новые правые» считают Вторую мировую войну и порожденные ею две ложных, с их точки зрения, посылки.

Первая – это то, что, если возможно существование общей цели во время войны, значит она возможна и в мирное время.

Вторая – это то, что, если правительства с успехом справились с планированием войны, значит они способны справиться и с планированием мира.

Эффективность государства в регулировании общественных отношений в ходе Второй мировой войны способствовала распространению иллюзии о возможности и необходимости расширения сферы государственного вмешательства в общественные, в том числе – экономические, отношения.

Формирование социального государства связано с неправильным пониманием природы общества и недооценкой вклада рынка в обеспечение благосостояния общества. Личный интерес делает возможным общество: «Рынок объединяет людей. Он помогает создавать и поддерживать сообщества» [6, с. 179].

По мнению «новых правых», в нравственном отношении рынок превосходит социализм и государственное обеспечение, поскольку вовлекает людей «в разумный, цивилизованный, добровольный обмен со своими товарищами и способствует развитию сотрудничества и сообщества» [5, с. 14].

Ошибочной, по мнению «новых правых», является вера в то, что можно искоренить несовершенства общественной жизни – безработицу, болезни, нищету. Мнение Н. Глейзера о том, что на каждую проблему есть своя политика

[2, с. 3], считается ошибочным. Данные проблемы неискоренимы.

Идеология «новых правых» базируется на убежденности в том, что главное, что движет людьми – это личный интерес, а силы, доминирующие в обществе, являются по своей природе экономическими. Усиление роли государства в жизни общества определяется демократической конкуренцией в борьбе за голоса избирателей. Результатом этого является «тенденция к этатизму, которая вышла за рамки интересов и даже желаний, вовлеченных в нее политических акторов» [3, с. 120].

Детально рост влияния государства рассматривается «новыми правыми» в рамках концепции «общественного выбора», в соответствии с которой выделяются две основные движущие силы интервенции государства в общественную жизнь:

- борьба политических партий за голоса избирателей, толкающая их на все новые и новые обещания.
- поведение чиновников, стремящихся к максимизации бюджета в своих личных интересах.

«Государственные чиновники и администраторы в социальной сфере мало похожи на бескорыстных стражей патерналистской мифологии: они являются главной и мощной группой интересов в своей сфере» [2, с. 159].

Критика социального государства «новыми правыми» в основном концентрируется на идеологических моментах, касающихся природы экономического и социального порядка. Они отрицают саму возможность создания всеобъемлющего социального государства, приводя следующие аргументы:

- социальное государство противоречит естественному порядку вещей;
- рациональное планирование, необходимое для создания социального государства, с небольшой долей вероятности может быть реализовано на практике;
- наличие общей цели в обществе маловероятно.

Неправильным с точки зрения «новых правых» является внимание сторонников социального государства к правам и, в то же время, игнорирование важности ответственности и обязанностей граждан.

Вера сторонников социального государства в то, что оно может быть механизмом изменения общественной жизни, уменьшая и даже уничтожая нищету, удовлетворяя потребности всех слоев населения, представляется «новым правым» наивной и опасной.

На самом деле «социальное государство – не механизм изменения общества, а зеркало отражающее его» [6, с. 147]. Соответственно оно будет отражать общественные ценности и предрассудки. Социальное государство будет предоставлять помощь одним социальным группам в ущерб другим, а сама модель распределения будет отражать существующее неравенство.

«Новые правые» отмечают, что социальное государство угрожает свободе, понимаемой как отсутствие насилия. И связано это со следующими моментами:

1. Социальное государство ведет к усилению государства как такового и его

вмешательства в жизнь общества, росту его бюрократизации.

2. Социальное государство представляет угрозу для свободы, так как будучи по своей сути патерналистским практически лишает людей права выбора. Лишение права выбора – лишение свободы, это изменение человеческой личности. Только государство, не выдвигающее никакой общественной цели, может быть свободно от насилия. Проблема заключается в том, что при наличии коллективных задач и целей всегда находятся люди несогласные с ними, и соответственно даже самое демократическое государство начинает применять к ним определенного вида насилие.

3. Угроза свободе исходит из идеи эгалитаризма, так как последняя предусматривает перераспределение, которое ведет к насилию. «Новые правые» признают необходимость перераспределения в ограниченных пределах. Так, Ф. Хайек считает, что «можно согласиться с перераспределением для минимального обеспечения граждан, но перераспределение на основе идеи эгалитаризма не совместимо с идеалами правового государства и свободного общества» [4, с. 87].

Не только на теоретическом, но и на практическом уровне социальное государство, как отмечают «новые правые», оказывается мало результативным. Неэффективность социального государства связана с тем, что, во-первых, обеспечить политический контроль за бюрократией оказывается очень сложно; во-вторых, в одних сферах наблюдается перенасыщение услугами, в то время как в других – их явно недостаточно; в-третьих, существенная доля расходов государства приходится на те слои населения, которые в них не слишком нуждаются.

Социальное государство негативно влияет на национальный характер и социальные ценности, что ведёт к уменьшению ответственности граждан, которые, ожидая помощи от государства, прилагают меньше усилий для достижения личных и общественных целей.

Социальное государство имеет ряд негативных политических последствий. Правительство берётся за решение таких проблем как улучшение здоровья нации, уничтожение бедности, которые невозможно решить в принципе. В результате провал неизбежен, а это приводит к потере власти и авторитета. К тому же социальное государство способствует росту мощных групп интересов, которые стремятся определять государственную политику. В результате правительство теряет реальную власть, а проводимая им политика начинает сводиться к стремлению примирить конфликтующие интересы.

«Новые правые» предлагают ряд идей по реформированию социального государства. Прежде всего, роль рынка должна значительно возрасти и, соответственно, роль государства сократится и изменится по своей сути. Рынок является лучшим инструментом для выяснения истинных потребностей людей и анализа того, каким образом лучше организовать оказание социальных услуг. Как отмечает К. Джозеф, «слепая, незапланированная, некоординированная мудрость рынка... несравненно превосходит базирующиеся на научных исследованиях, рациональные, систематические, кооперативные, передовые,

респектабельные планы правительства» [3, с. 57].

При этом рынок обеспечит большую возможность выбора, чем это способно сделать государство. К тому же рынок значительно сокращает власть бюрократии и профессионалов. В результате, предоставление услуг рынком по своей сути является более демократичным, поскольку в отличие от государства, где все, в конечном счете, решают бюрократы, практически свободные от политического контроля, рынок учитывает мнение каждого и в итоге власть находится в руках потребителей.

Одновременно, потребитель выигрывает от того, что цены на товары и услуги снижаются в результате конкуренции, при этом качество, как правило, повышается. Так, например, по мнению М. Фридмана, «одно только введение конкуренции может привести к значительному улучшению качества обучения в школах, доступного всем слоям нашего общества» [1, с. 163].

М. Фридман отмечает четыре основные сферы, в которых государство не должно передавать функции рынку: законотворчество, регулирование деятельности естественных монополий, организация свободного предоставления услуг в тех случаях, когда передача их рынку дорога или нецелесообразна, обеспечение граждан, которые не могут отвечать за себя (психически больные люди, люди с задержкой умственного развития и т. п.).

В целом главную идею «новых правых» можно сформулировать следующим образом: больше рынка, меньше государства и другое государство [1, с. 37–39].

#### **Список источников:**

1. Friedman, M. Tyranny of the Status Quo / M. Friedman, R. Friedman. – New York: Harcourt Brace, 1984. – 273 p.
2. Glazer, N. The Limits of Social Policy / N. Glazer. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998. – 265 p.
3. Gray, J. Liberalism / J. Gray. – Milton Keynes: Open University Press, 1986. – 293 p.
4. Hayek, F. The Fatal Conceit / F. Hayek. – London: Routledge, 1988. – 219 p.
5. Novak, M. Morality, Capitalism, and Democracy / M. Novak. – London: Institute of Economic Affairs, 1990. – 178 p.
6. Willetts, D. Modern Conservatism / D. Willetts. – London: Penguin, 1992. – 314 p.

*Е.М. Галицкая, преподаватель  
galitskaya@bsuir.by  
БГУИР (Минск, Беларусь)*

## **ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ**

Центральную роль в концепциях политического развития играет теория политической модернизации. В отличие от понятия «политическое развитие» понятие «политическая модернизация» употребляется применительно к странам, осуществляющим переход к индустриальному обществу; связывается главным

образом с социальной мобилизацией и политическим участием, а не с формированием политических институтов.

В 50-60 гг. XX в. среди авторов концепции модернизации господствовала идея однолинейности общественного развития. Считалось, что одни страны отстают в своем развитии от других, но все они должны будут пройти один и тот же по своему содержанию путь модернизации. Поэтому суть модернизации незападных стран первоначально понималась как вестернизация, т.е. как процесс перенесения в развивающиеся страны западных устоев в различных областях жизни. Модернизация же системы рассматривалась как утверждение в этих странах политических институтов и форм политической жизни по западному образцу.

В 70-90 гг. XX в. модернизацию стали понимать уже не столь односторонне. К этому времени исследователи в большинстве своем пришли к убеждению, что западная цивилизация не универсальна. Более детально стали исследоваться конкретные политические процессы с учетом специфических исторических и национальных условий, культурного своеобразия различных стран.

Как показала практика, модернизация и социально-экономическое развитие не требуют и не создают культурной вестернизации. Более того, они способствуют возрождению и обновлению национальных культур. В настоящее время в умах исследователей и политиков все в большей мере утверждается мысль, что приоритетной целью модернизации являются социально-экономические и технологические нововведения при сохранении цивилизационной идентичности трансформирующихся обществ.

Вопрос о стратегии и конкретных путях модернизации той или иной страны и сегодня остается предметом достаточно острых дискуссий. Что касается политической сферы, то аналитики либерального направления, видным представителем которого является американский политолог Роберт Даль, считают, что основным критерием модернизации выступает наличие в обществе конкурирующих элит и степень вовлеченности рядовых граждан в политику. Поэтому, с их точки зрения, магистральным направлением политической модернизации является демократизация институтов политической системы и норм политической жизни [1, с. 42]. Авторы консервативного направления, в числе которых и американский политолог Сэмюэль Хантингтон, наоборот, полагают, что модернизированность политических институтов связана не с уровнем их демократизации, а с их прочностью и организованностью, гарантирующими приспособление к постоянно меняющимся социальным целям, за которые борются включающиеся в политическую жизнь широкие слои населения [2, с. 31]. Поэтому сторонники данного подхода считают, что только жесткий авторитарный режим, контролирующий порядок, может обеспечить достижение целей модернизации, главными из которых признаются переход к рынку, обеспечение национального единства и устойчивого развития общества.

Однако, не смотря на различные пути реализации, результатом модернизации любой страны являются:

- в экономической сфере: расширение индустриальных технологий,

основанных на использовании капитала и научного знания, широком освоении природных ресурсов, расширении вторичного (переработка, торговля) и третичного (услуги) секторов хозяйства, развитие рынков товаров, капиталов и труда;

– в социальной сфере: преодоление элементов сословности в общественных отношениях, расширение области новых целерациональных связей между индивидами, основанных на профессиональных и рыночных критериях;

– в сфере политики: образование централизованных национальных государств, в рамках которых формируются различные социально-политические движения и группы, отстаивающие свои интересы;

– в культурной сфере: дифференциация ценностных ориентаций различных категорий граждан, секуляризация и плюрализация общественного сознания и образования, распространение грамотности, формирование национальной культуры и языка, многообразии идеологических течений, развитие средств массовой информации и коммуникации.

В тоже время нужно иметь в виду, что политическая модернизация, как и модернизация вообще, наталкивается на свои препятствия и ловушки. Наиболее распространенными из них являются: националистическая политика, приводящая к автаркии; крайности технократизма, игнорирующего социальные нужды общества, и популизма, приносящего в жертву социальной политике эффективность экономического развития; неспособность или нежелание политической власти распространить импульс модернизации (и плоды ее) с элитарного на массовый уровень; неглубокое, механическое восприятие современных политических ценностей и норм при фактическом доминировании традиционной политической культуры.

Учитывая это, руководству каждой страны, вставшей на путь модернизации, приходится искать собственные пути социально-экономического, политического и культурного развития с учетом национальной специфики, имеющихся теоретических подходов и опыта других стран.

#### **Список источников:**

1. Даль, Р. О демократии / Р. Даль. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 208 с.
2. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.



*А.С. Геворгян, доцент  
ashkhen-aroyan@yandex.ru*

*П.П. Мангасаров, студент  
pasha.mangasarov@mail.ru*

*ЮРИУ РАНХуГС (Ростов-на-Дону, Россия)*

## **ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СТРАНАХ ЮЖНОГО КАВКАЗА (ЗАКАВКАЗЬЯ)**

Южный Кавказ (Закавказье) – это регион на планете Земля, часть Ближнего Зарубежья (постсоветского пространства), на этой территории расположено три страны: Армения; Азербайджан; Грузия. В Закавказье также находится Республика Арцах (Нагорно-Карабахская Республика) – непризнанное государство, и два частично признанных государства: Республика Абхазия; Республика Южная Осетия. Армяно-азербайджанские отношения по-прежнему остаются напряженными, а Республика Грузия имеет весьма «холодные» отношения с Абхазией и Южной Осетией. Все это говорит о том, что сегодня в Закавказье сложилась непростая международная ситуация. Но и внутриполитические процессы, происходившие в этих государствах за последнее десятилетие, тоже заслуживают внимания современных политологов.

Можно сказать, что конституционные реформы стали своего рода «внутриполитическим мэйнстримом» последних лет в странах Закавказья. Необходимо отметить тот факт, что с 2015 года по 2016 год были приняты поправки к конституциям следующих стран Южного Кавказа: Армения; Грузии; Азербайджан. В 2015 году, в Республике Армения был проведен конституционный референдум, после которого страна была реорганизована из президентской в парламентскую республику. Результаты референдума были оспорены оппозиционерами. Если раньше главой Армении являлся человек, занимавший должность Президента, то теперь руководителем страны стал премьер-министр.

В 2016 году, в Республике Азербайджан были проведены реформы конституционного характера, в результате которых был продлен срок исполнения обязанностей главы государства. Если прежде он составлял 5 лет, то теперь человек, которого изберут Президентом, будет руководить в течении последующих 7-и лет.

В том же году состоялись выборы в парламент Республики Грузия, победителем стала политическая партия «Грузинская мечта – Демократическая Грузия» [1, с. 81], она получила 48% голосов избирателей. Партия «Единое народное движение» заняла второе место, получила 27% голосов, основателем этой партии является экс-президент Грузии Михаил Саакашвили, некогда занимавший должность губернатора Одесской области (Украина). Можно сказать, что уже в 2016 году партия Саакашвили была расколота на так называемых «мишистов» (сторонников Саакашвили) и так называемых «антимизиштов» (оппонентов Саакашвили).

После победы на выборах, «Грузинская мечта» инициировала конституционные реформы, направленные на преобразование электоральной системы. В октябре 2017 года Президент Маргвелашвили наложил вето на принятие поправок к основному закону страны [2, с. 77], однако парламент смог преодолеть это вето и принять поправки большинством голосов. В результате этих реформ Грузия была преобразована из президентской в парламентскую республику. Срок исполнения президентских полномочий стал составлять 6 лет, раньше президента избирали сроком на 5 лет.

Стоит отметить тот факт, что сегодня единственным государством Закавказья, которое подписало Соглашение об ассоциации с Европейским Союзом, остается Республика Грузия [3, с. 111], а конституционные реформы были осуществлены в рамках сближения грузинского законодательства с европейским, в соответствии с избранным «Грузинской мечтой» курсом на реализацию вышеупомянутого Соглашения. Грузия также стремится вступить в Организацию Североатлантического договора и в Евросоюз. В 2017 году «антимишисты», покинувшие из-за разногласий с М. Саакашвили партию «Единое народное движение», основали партию «Европейская Грузия», которая выдвинула своего кандидата на выборах президента Грузии, проведенных в 2018 году. Стоит отметить тот факт, что сегодня все три вышеперечисленные партии выступают за интеграцию Грузии и Европы, в частности за вступление Республики Грузия в Европейский союз (ЕС) и Организацию Североатлантического договора (НАТО).

В апреле 2018 года были проведены досрочные выборы главы государства в Республике Азербайджан, в результате которых граждане страны переизбрали Президента Ильхама Алиева. В голосовании приняло участие 74 % азербайджанских избирателей. Председатель ЦИК Паханов заявил [4], что Алиев получил восемьдесят шесть процентов голосов избирателей. Другие кандидаты не получили больше трех процентов голосов.

В апреле того же года, в Республике Армения произошла «бархатная революция» [5, с. 223]. Прежде подобные внутривнутриполитические процессы происходили в государствах Восточной Европы и в других странах постсоветского пространства, их принято называть «цветными революциями». Результатом протестов стало назначение досрочных выборов в Национальную Ассамблею, они были проведены в декабре того же года. Эти парламентские выборы ознаменовали утрату Республиканской партией Армении (РПА) своей ведущей роли и приход к власти партийного блока «Мой шаг». Некогда ведущая РПА даже не смогла преодолеть пятипроцентный барьер, партия «Просвещенная Армения» получила 6 % голосов избирателей, а партия «Прорывающаяся Армения» – 8 %. Блок «Мой шаг» получил 70 % голосов избирателей, и, таким образом, депутаты парламентской фракции от этого блока заняли восемьдесят восемь из ста тридцати двух мест в Ассамблеи. Иными словами, если две другие партии объединятся в коалицию, то они все равно не смогут конкурировать с этим партийным блоком. Необходимо подчеркнуть, что блок «Мой шаг» вынес на повестку дня осуждение прежнего правительства Республики Армения. Новым

главой государства (премьер-министром) стал журналист Никол Пашинян, основатель и лидер блока «Мой шаг». Стоит также отметить тот факт, что план по борьбе с коррупцией – это главный пункт программы политической партии «Гражданский контракт», на базе которой был создан вышеупомянутый блок. Именно поэтому, после избрания нового премьера, в стране началась активная борьба с монополизацией экономики и целая серия антикоррупционных дел. Так, например, экс-президент Роберт Кочерян был взят под стражу, а Александр Саргсян (брат экс-президента Сержа Саргсяна) дал согласие на передачу в государственную казну Армении тридцати миллионов долларов США [6, с. 63].

Как уже ранее отмечалось, осенью 2018 года в Грузии были проведены очередные президентские выборы. Налицо тот факт, что это были последние прямые выборы в стране в связи с принятием конституционных реформ [7, с. 49-50]. Правящая партия «Грузинская мечта» не стала выдвигать своего кандидата, она решила поддержать беспартийного кандидата – С. Зурабишвили. Кандидатом от оппозиционной партии «Единое народное движение» стал Г. Вашадзе, а кандидатом от партии «Европейская Грузия» – Д. Бакрадзе. В итоге первого тура Зурабишвили получила 39 % процентов голосов избирателей, Вашадзе – 38 %, Бакрадзе – 11 %. Другие кандидаты получили меньше 4 % голосов. В результате второго (итогового) тура Зурабишвили получила 60 % голосов избирателей, Вашадзе – оставшиеся 40 % голосов. Иными словами, президентом страны, впервые в истории Грузии, была избрана женщина, кандидатуру которой поддержала правящая партия «Грузинская мечта». Примечательно, что принятые парламентом поправки к основному закону страны, ограничившие полномочия президента, вступили в силу после президентских выборов 2018 года. С 2024 года президента будут выбирать 300 выборщиков, то есть все 150 депутатов парламента и 150 представителей местного самоуправления.

В конце 2019 года Президент Алиев назначил внеочередные парламентские выборы, после самороспуска Национальной Ассамблеи Республики Азербайджан. В феврале 2020 года были проведены внеочередные парламентские выборы, решительную победу одержала правящая партия «Новый Азербайджан», лидером которой является Ильхам Алиев – президент страны. Избирательская явка была относительно высокой, она составила сорок 46 %. ТАСС сообщает, что партия Алиева получила 70 из 125 мест в высшем законодательном органе страны [8].

В 2020 году были проведены парламентские выборы в Республике Грузия. По данным агентства ТАСС, правящая партия «Грузинская мечта» вновь получила 48 % голосов, победив во всех одномандатных округах. Второй тур происходил на фоне протестов оппозиционеров и их сторонников, которые стремились бойкотировать выборы, поскольку отказывались признавать результаты первого этапа. Партийный блок «Сила в единстве» занял второе место, снова набрав 27 % голосов. Стоит отметить тот факт, что в состав этого блока входит партия «Единое народное движение». В ноябре того же года в Ереване начались массовые акции протеста. Протестующие, недовольные

внешней политикой Н. Пашиняна, стали требовать отставки премьер-министра.

Уйдет ли Пашинян в отставку? Сохранит ли блок «Мой шаг» ведущую роль в парламенте? На эти вопросы пока трудно дать ответ. А что будет в ближайшем будущем в Грузии и в Азербайджане? Можно сказать, что проведение внеочередных выборов стало своего рода «политической традицией» в странах Закавказья (Армения, Грузия, Азербайджан). «Грузинская мечта» и «Единое народное движение» были и, по всей видимости, останутся ведущими партиями в Грузии. Какая из них одержит победу на очередных выборах в парламент? Это очень сложно предсказать. Правящая партия «Новый Азербайджан», по всей видимости, победит на очередных парламентских выборах и, тем самым, сохранит свою ведущую роль в парламенте. Наиболее вероятно, что лидер этой партии Ильхам Алиев будет вновь переизбран президентом Республики Азербайджан.

Таким образом, в отличие от Армении и Грузии, в Азербайджане, на протяжении последних лет, одна и та же политическая партия была и является правящей, некогда правящие партии в Армении и в Грузии поменялись ролями с оппозиционными партиями. Азербайджан был и остается президентской республикой. Армения и Грузия преобразовались из президентских в парламентские республики. За последние годы в Баку, в отличие от Еревана и Тбилиси, не происходили беспорядки и массовые акции протеста.

#### **Список источников:**

1. Муханов, В. М. Выборы в Грузии 2016 г. и перспективы российско-грузинских отношений / В. М. Муханов, А. Ю. Скаков // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2018. – № 5. – С. 77–94.
2. Айвазян, А. С. Президентские выборы 2018 года в Грузии как результат политических сдвигов в стране / А. С. Айвазян // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2018. – № 5. – С. 76–80.
3. Айвазян, А. С. Перспективы парламентских выборов в Грузии в 2020 г. / А. С. Айвазян // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2019. – № 6 – С. 111–115.
4. В Азербайджане подвели окончательные итоги выборов президента – [Электронный ресурс: официальный сайт Интерфакс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/608586>. – Дата доступа: 22. 11. 2020.
5. Арзуманян, Р. В. Бархатная революция в Армении: вызовы и возможности / Р. В. Арзуманян // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2019. – Том 19 (выпуск 2) – С. 223–230.
6. Айвазян, А. С. Парламентские выборы 2018 года в Армении: перспективы блока «Мой шаг» / А. С. Айвазян // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2018. – № 6. – С. 61–64.
7. Мамедова, Н. А. Институт президентства в Грузии / Н. А. Мамедова // Humanitarian Balkan Research. – 2019. – Том 3. – №1 (3) – С. 46–51.
8. ЦИК Азербайджана подвел окончательные итоги парламентских выборов в стране [Электронный ресурс: официальный сайт ТАСС] – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7836773>. – Дата доступа: 22. 11. 2020.

*Н.И. Мушинский, доцент  
mushinski@bntu.by  
БНТУ (Минск, Беларусь)*

## **МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В XXI ВЕКЕ КАК ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ**

Современная *политическая наука* занимает важное место в структуре социально-гуманитарного знания, живо реагирует на вызовы и угрозы трансформации и *модернизации* политико-экономических систем в XXI веке. Теория *модернизации* активно развивается на рубеже третьего тысячелетия, её методологические установки позволяют адекватно интерпретировать процессы, происходящие в нашей стране и в мировом сообществе. Вместе с тем, не вызывает сомнения трансдисциплинарный характер теории *модернизации*. В частности, рассматривая процессы развития государства в общем контексте социокультурной динамики, выработки дальнейших ориентиров, она непосредственно затрагивает эτικο-философскую проблему *справедливости*.

Сам термин «*модернизация*» в социально-гуманитарных науках вызывает некоторые дискуссии в силу своей неоднозначности. Обычно его трактуют в широком смысле как переход к чему-то новому, современному, более совершенному с точки зрения применения научно-технических инноваций. Под эту дефиницию подходят любые изобретения и открытия, на всём протяжении человеческой истории. К примеру, освоение огня первобытным человеком есть «*модернизация*» способов приготовления пищи и обогрева пещерного жилища; изобретение колеса - «*модернизация*» в перемещении тяжёлых грузов на большие расстояния и т.п. В современных условиях в подобном же контексте говорят: «Наука – движущая сила комплексной модернизации» [1, с. 71–100]. С этим же связано дальнейшее совершенствование материально-технического базиса человеческой цивилизации, выраженное в понятии «деятельности» (в самых разных областях), развитии инновационных «программ деятельности»: «Технико-технологическая инфраструктура деятельности занимает практически все её пространство. Поэтому дальнейшее её развитие возможно только в форме модернизации» [2, с. 4]. В данном случае категория *модернизации* выступает в своём наиболее широком контексте.

В более узком смысле подразумевается совершенствование уже готовых образцов (их улучшение, «осовременивание»), без качественного изменения существующих подходов. Так существуют «модернизированные» системы стрелковых вооружений (АКМ, ПММ), авиационной продукции и т.п. Подобное понимание процесса *модернизации* преимущественно лежит в плоскости исключительно технологических изменений, причём в их преемственности, опирающейся на уже достигнутый уровень и экономическую целесообразность внедрения качественных инноваций: «Техника представляет собой совокупность объектов искусственного происхождения (артефактов труда) инструментального

назначения. Эти объекты отвечают запросам определенных технологических процессов. Поэтому создание техники почти всегда подчинено уже существующим технологиям» [2, с. 48]. В таком преломлении *модернизация* выступает как способ достижения передового состояния технологического базиса более экономичными средствами.

Наконец, третья трактовка ещё сильнее сужает поле *модернизации*, ограничивая её хронологические параметры и связывая с понятиями «модерн», «модернизм» (при этом расширяется сфера приложения, затрагивающая всю совокупность социокультурных факторов, а не только развитие техники). «Понятие модернизации относится к целой связке кумулятивных процессов: к формированию капитала и мобилизации ресурсов; к развитию производительных сил и повышению продуктивности труда; к осуществлению центральной политической власти и формированию национальных идентичностей; к расширению политических прав участия, развитию городских форм жизни, формального школьного образования; к секуляризации ценностей» [4, с. 8]. Очевидно, что речь идёт о реалиях промышленного переворота Нового времени и современности, отражённого в терминах, соответственно, «модерн» и «постмодерн»: «Начало процесса модернизации обыкновенно относят к XV-XVII вв. Именно тогда Западная Европа становится ареной кардинальных преобразований» [3, с. 7]. Этим обусловлена геополитическая локализация *модернизационных* процессов, связанная с известного рода «европоцентризмом», поскольку промышленный переворот исторически происходит неравномерно, раньше других начинается в странах «евроатлантического» региона. Чтобы избежать негативных политико-экономических последствий, не оказаться в роли колоний и сырьевых придатков, остальные вынуждены осуществлять «гонку за лидерами». Тем самым актуализируется понятие «догоняющей *модернизации*», на которое обращает внимание ряд исследователей: «В пространственном измерении есть регионы, которые владеют инициативой внедрения новаций и те, что стремятся освоить их вслед, как бы догнать. Для этого ими используются механизмы догоняющей модернизации. Четкого определения этого процесса в философской и социологической литературе нет. По нашему мнению основу этого феномена следует искать в том, что хорошо известные технологии вводятся в структуру деятельности в конкретно-исторических региональных условиях» [2, с. 136]. К примеру, ряд традиционных обществ активно проводили военно-технологическую *модернизацию* с конца XVII до начала XX вв.: в России - это реформы Петра I; в Турции – Селима III (1761-1803); в Японии – «революция Мэйдзи» (1868–1889); в Китае – «гоминьдан», после неудачных «опиумных войн» и «восстания боксёров». При этом те, кто раньше вставал на путь *модернизации*, получали военно-политическое преимущество (например, в ходе русско-турецких войн XVIII века, или японско-китайских в конце XIX). Гонка продолжается и в XX веке, с этим связаны, в частности, светские преобразования Кемали Атаатюрка, или опыт индустриализации в СССР (тоже связанный с построением светского государства). Таким образом, возникает следующее

определение: «Модернизация – протяженный, охватывающий несколько столетий процесс, в ходе которого люди совершали переход от традиционного к современному индустриальному обществу» [3, с. 7]. К сожалению, «догоняющая модернизация» происходит как-бы «скачками», традиционный уклад во многом сохраняет своё влияние, прорывные успехи чередуются с периодами «застоя» и деградации. В общественном сознании она сопровождается не вполне адекватными представлениями о сущности происходящих явлений: «Догоняющая модернизация в мировоззренческом плане связана с рядом социальных мифов. Один из них может быть обозначен как «разовая модернизация». Второй как «индустриализация вместо модернизации»» [2, с. 137]. Начинает казаться, что стоит один раз «напрячь силы» чтобы «догнать и перегнать» лидеров, и задача уже решена, дальше можно успокоиться; аналогично, в условиях военно-политического противостояния объект *модернизации* зачастую необоснованно сужается, переносится в область военно-промышленного производства. На самом деле эффективность *модернизационных* мероприятий реализуется только в том случае, если их комплекс затрагивает все стороны жизни и носит непрерывный характер. Это становится очевидным, если привлечь к исследованию проблем *модернизации* методы гуманитарной «теории ценности» и «этики *справедливости*», поскольку «философско-аксиологический анализ механизмов социокультурной модернизации показывает, что этот процесс имеет значительные временные границы» [2, с. 151]. «Догоняющая модернизация» продолжается и на рубеже XXI века (в том числе на постсоветском пространстве), при этом критерии *справедливости* далеко не всегда реализуются в полной мере.

Рассматривая научно-технический прогресс как объективный процесс можно выявить основное отличие Нового времени (состояние *модерна*) и новейшего, современного (*постмодерна*). В первом случае, техника – это развитие орудий труда (требующее соответствующих научных знаний), *модернизация* сводится к механизации промышленного производства, основная задача – как можно больше произвести полезной продукции. Во втором - техника переходит в фазу *модернизации* транспорта и связи (средств коммуникации), основная задача – освоение новых пространств, их природных ресурсов, стремление вывезти и с выгодой реализовать произведенную продукцию. К сожалению, представления о *справедливости* имеют длительную инерцию, не успевают за качественными скачками в развитии технологий. В научно-техническом отношении уже давно осуществилась всеобщая глобализация, стали доступны самые удалённые регионы планеты, произошла «информационная революция».

Технически развитые страны подчинили отстающие регионы, образовали колониальную систему, в дальнейшем пытаются удержать господствующее положение средствами неокOLONIALИЗМА. Между собой они вступили в противостояние за сферы влияния и материальные ресурсы, развязали мировые войны, поставили мир на грань самоуничтожения в ходе ракетно-ядерного противостояния. В условиях военно-политических конфликтов, в ряде

государств произошли социальные революции, пришли к власти авторитарные режимы как радикальное средство *модернизации* военной промышленности и концентрации стратегических ресурсов. Национально-освободительное движение при негласной поддержке развитых стран (продолжающих между собой региональные и «гибридные» войны) приобретает самые одиозные формы, инициирует миграционные кризисы и практику международного терроризма.

Очевидно, что в подобной ситуации потребительские ценности западной цивилизации, сложившиеся в условиях первоначального промышленного переворота и не учитывающие интересы остального человечества, носят во многом архаический характер. Всё в большей степени вызывают сомнения и приоритеты «догоняющей модернизации», поскольку это во многом «движение в никуда», безудержное растраниживание природных ресурсов всё равно рано или поздно придётся ограничивать, регулировать в мировом масштабе. Магистральные пути *модернизации* лежат в области развития управляемого природопользования, безотходного производства, освоения экологически чистых источников энергии (в том числе – «мирного атома»). С этим должна быть связана политика государства, предполагающая целенаправленную поддержку соответствующих отраслей, образовательных программ, заключение международных договоров, внедрение в массовое сознание универсальных общечеловеческих критериев *справедливости*.

Изучение процессов формирования этико-философских представлений о *справедливости* является важной частью вузовской подготовки инженера. *Модернизация* политико-экономических систем в XXI веке как объективный процесс должна проводиться в соответствии с принципами и критериями *справедливости*. Осмысление этих факторов есть первоочередная задача этико-философского знания, современной *политической науки*.

#### **Список источников:**

1. Бабосов, Е. М. Модернизация социальных систем / Е. М. Бабосов. – Минск: Беларуская навука, 2014. – 256 с.
2. Лойко, А. И. Модернизация деятельности: философско-аксиологический аспект / А. И. Лойко. – Мн.: Право и экономика, 1997. – 160 с.
3. Побережников, И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / И. В. Побережников. – М.: РОССПЭН, 2006. – 240 с.
4. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас / Пер. с нем. М. М. Беляева, К. В. Костина, Е. Л. Петренко и др. М.: Изд-во «Весь Мир», 2003. – 416 с.



### **3. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ И ИХ ЭФФЕКТИВНОСТЬ В XXI ВЕКЕ**

---

*В.В. Варзин, доцент  
varzin.vasily@yandex.ru  
РГУ им. А.Н. Косыгина (Москва, Россия)*

#### **АНАЛИЗ МЕР ПО ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В современных условиях в качестве одного из ключевых факторов развития национальной экономики и поддержания её конкурентоспособности в международном экономическом пространстве выступает система государственных институтов развития.

В Российской Федерации в настоящее время функционируют порядка сорока основных институтов развития, созданных в разное время для решения определённых общенациональных задач [1]. Существуют также около двухсот действующих региональных институтов развития, основными задачами которых выступают содействие инновационным процессам в экономике, совершенствование её технологического потенциала, стимулирование развития малого и среднего предпринимательства в разных регионах России. Организационно региональные институты развития преимущественно функционируют в виде региональных венчурных фондов, фондов поддержки и бизнес-инкубаторов [2].

Постоянно изменяющиеся условия развития экономики и общества неизбежно приводят к необходимости трансформационных процессов национальной системы институтов развития.

Невысокая эффективность действующих государственных институтов развития, низкая транспарентность и отсутствие координации в их деятельности, а также значительное пересечение с коммерческими организациями и федеральными органами исполнительной власти в выполняемых институтами развития функциях привели к необходимости разработки государственных мер по реформированию отечественных институтов развития [1].

23 ноября 2020 года Председателем Правительства РФ М. В. Мишустиным с целью исполнения поручения Президента РФ от 06.11.2020 № 1624 было объявлено о начале реализации оптимизационных процедур существующих государственных институтов развития [1].

В рамках реализуемых мер Правительством РФ планируется четыре основных направления оптимизации действующей системы государственных институтов развития [1; 3].

Во-первых, формируется крупный инвестиционно-финансовый блок, основой которого должен стать «ВЭБ.РФ». Предполагается предоставление под

управление данной организации следующих институтов развития: АО «Роснано», АО «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства» (Корпорация МСП), АО «Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций» (ЭКСАР), АО «Росэксимбанк», АО «Российский экспортный центр» (РЭЦ), Фонд «Сколково», ФГБУ «Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере», Фонд развития промышленности, Фонд инфраструктурных и образовательных программ [1].

Во-вторых, ликвидируются восемь институтов развития. Это АО «Фонд развития Дальнего Востока и Арктики»; АО «Росинфокоминвест», АНО «Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке и в Арктике», АНО «Агентство по технологическому развитию», Российский фонд развития информационных технологий, Фонд развития моногородов, АНО «Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта», АО «Особые экономические зоны». Выполняемые ими в настоящее время функции будут перераспределяться между федеральными органами исполнительной власти и «ВЭБ.РФ» [1].

В-третьих, с целью минимизации дублирования выполняемых функций предусмотрено создание пяти укрупнённых государственных институтов развития.

Предполагается создание Единой лизинговой компании на базе объединения АО «ВЭБ-лизинг» и ПАО «ГТЛК». Аналогичным образом будет создан Универсальный банк благодаря слиянию АО «Банк ДОМ.РФ» и АО «МСП Банк». Фонд защиты прав граждан – участников долевого строительства и Фонд содействия реформированию ЖКХ будут преобразованы в единый Фонд содействия реформированию ЖКХ. Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) будет присоединён к Российскому научному фонду (РНФ), а АО «РВК» передаётся в управление АО «УК РФПИ» [1; 3].

В-четвёртых, с целью поддержки необходимого уровня обороноспособности страны и содействия развитию ряда приоритетных отраслей сохраняются следующие специализированные институты развития: «Ростех», «Росатом», Росавтордор, «Росагролизинг», «Роскосмос», «Россельхозбанк», «ДОМ.РФ», Агентство по страхованию вкладов, «Российский экологический оператор», Корпорация развития Северного Кавказа, Корпорация развития Дальнего Востока, а компания «Курорты Северного Кавказа» будет преобразована в Корпорацию по туризму [1].

Меры реформирования государственных институтов развития предусматривают формирование инновационной системы управления, базирующейся на целеполагании [3]. В качестве основного критерия отбора проекта должна выступать возможность реализации общенациональных задач. Для оценки уровня достижения целей развития национальной экономики для государственных институтов развития предполагается разработка ряда

финансово-экономических и отраслевых ключевых показателей эффективности (КПЭ), которые должны быть напрямую связаны с обозначенными целями [1; 3].

Предусмотрена реализация государственной системы мониторинга достижения национальных целей развития экономики РФ, позволяющая в режиме реального времени проводить оценку достижения плановых показателей. Данная система базируется на непрерывном сборе на единую информационную площадку разрозненной информации, характеризующей уровень выполнения конкретных ключевых показателей эффективности и степень достижения поставленных целей [3].

До конца текущего года предполагается завершение разработки планов-графиков по оптимизации системы государственных институтов развития и определение ключевых показателей эффективности на предстоящий год [1; 3].

Таким образом, в условиях кризисных процессов в отечественной экономике, бюджетных и ресурсных ограничений предлагаемые Правительством РФ меры по реформированию системы государственных институтов развития могут способствовать повышению её эффективности, возрастанию управляемости и транспарентности. Проводимая оптимизация и концентрация ресурсов, осуществление отраслевой и функциональной специализации институтов развития, определение приоритетных национальных целей развития и разработка на их основе чётко обозначенных, легко формализуемых ключевых показателей эффективности, безусловно, могут способствовать значительному возрастанию роли данных государственных институтов в социально-экономическом развитии России.

#### **Список источников:**

1. Оперативное совещание с вице-премьерами // Правительство России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/news/40921/>. – Дата доступа: 23.11.2020.
2. Инновационная Россия – 2020 // Инновации в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.innovation.gov.ru/taxonomy/term/586> – Дата доступа: 23.11.2020.
3. «"Золотых парашютов" точно не будет»: Дмитрий Григоренко о реформе институтов развития как о части реформы госуправления // Коммерсантъ. – 2020. – 30 ноября (№219/П). – С. 1.

*В.В. Мищанин, доцент  
vasyl.mistchanyn@uzhnu.edu.ua  
УжНУ (Ужгород, Украина)*

## **ЦЕРКОВЬ И НАУКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: БОГОСЛОВСКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ИМ. ВАСИЛИЯ (ПРОНИНА) МУКАЧЕВСКОЙ ЕПАРХИИ УКРАИНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

Богословско-исторический научно-исследовательский центр имени архимандрита Василия (Пронина) (БИНИЦ) создан по благословению Высокопреосвященнейшего Феодора, тогда архиепископа, ныне – митрополита Мукачевского и Ужгородского. Научный центр открыт 8 сентября 2008 года в 97-ю годовщину со дня рождения известного богослова и ученого, подвижника благочестия Православной Церкви Закарпатья XX века, духовника Свято-Николаевского женского монастыря, архимандрита Василия (Пронина). Директором центра стал к.и.н., доцент Юрий Данилец, ученым секретарем – диакон, а затем протоиерей Александр Монич [1]. Сегодня БИНИЦ насчитывает 11 научных сотрудников [9].

Как указано в Уставе БИНИЦа: «Целью создания Центра является активизация изучения истории Православной Церкви и православной культуры, богословских основ Церкви, распространение данных знаний для сохранения и развития духовно-нравственных традиций Украины, приумножая ее научные и культурные достижения, для утверждения толерантности и взаимопонимания между представителями различных национальностей и религиозных направлений...» [10, с.2].

Одним из направлений деятельности БИНИЦа является организация и проведение конференций. Первым научным мероприятием стало проведение, по благословению Высокопреосвященнейшего Феодора, архиепископа Мукачевского и Ужгородского, 11 сентября 2010 года в Мукачевском монастыре всеукраинской научно-практической конференции, посвященной 650-летию основания Мукачевского Свято-Николаевского монастыря. Тема – «Мукачевский Свято-Николаевский монастырь на Чернечей горе: история и настоящее». Конференция объединила в себе научный потенциал Ужгородского национального университета, БИНИЦа им. архим. В. (Пронина) (Мукачевская епархия) и Государственного архива Закарпатской области. Все 14 докладов прозвучавших на конференции касались истории Мукачевского монастыря [2].

10 сентября 2011 г., в Мукачевском монастыре состоялась вторая международная научно-практическая конференция, посвященная к 100-летию со дня рождения архимандрита Василия (Пронина) (08.09.1911 – 05.01.1997) – «Архимандрит Василий (Пронин): научное наследие и духовный вклад в развитие религиозной мысли на Закарпатье». В начале конференции, архиепископ Мукачевский и Ужгородский Феодор зачитал приветственное слово к участникам конференции Блаженнейшего Владимира, Митрополита

Киевского и всей Украины, Предстоятеля УПЦ, ректора Киевской духовной Академии и семинарии Высокопреосвященнейшего Антония, архиепископа Бориспольского, викария Киевской Митрополии, председателя Учебного комитета при Священном Синоде УПЦ.

Конференция прошла на высоком научном уровне. Докладчики касались разновекторных тем, которые тем или иным образом имели отношение к научному, богословскому и монашескому наследию отца Василия. Также состоялась презентация книги «Arcibiskup Sawatij (1880–1959). Nástin života a díla zakladatelské postavy pravoslavné církve v Československé republice» о архиепископе Савватий (Врабец) и первого выпуска «Научных Записок БИНИЦа» [4]. Сегодня уже имеем шесть номеров «Научных записок».

18 октября 2013 года в Мукачевском монастыре по благословению Высокопреосвященнейшего Феодора, архиепископа Мукачевского и Ужгородского по инициативе БИНИЦа им. архим. В. (Пронина) состоялся международный круглый стол к 100-летию со дня рождения известного закарпатца, духовника Мукачевского Свято-Николаевского монастыря (1947–1955 гг.), ученого и богослова, архиепископа Пражского, Предстоятеля Православной Церкви в Чешских землях и Словакии, митрополита Дорофея (в миру Димитрия Георгиевича Филиппа) (20.10.1913 – 30.12.1999). Здесь прозвучали выступления членов БИНИЦа о жизни и деятельности митрополита, современников о. Дорофея. На вечере памяти состоялась также презентация юбилейной открытки с портретом владыки Дорофея. На круглом столе присутствовала и делегация в составе представителей священства и молодежи Словакии. После заседания круглого стола архиепископ Феодор вместе с духовенством освятил юбилейную мраморную плиту и совершил заупокойную панихиду по митрополиту Дорофею [5].

8 февраля 2014 в Ужгородском университете, проходила международная научная конференция «Религиозно-политические трансформации в Центральной и Восточной Европе в первой половине XX в.» (К 100-летию II-го Мараморош-Сиготского процесса 1913-1914 гг.). Организаторами международного научного форума стали исторический факультет УжНУ, научно-исследовательский центр историко-религиозных исследований университета и БИНИЦ им. В. Пронина Мукачевской Православной епархии УПЦ. Доклады на научный форум направили ученые из восьми стран мира – США, Венгрии, России, Сербии, Польши, Словакии, Чехии и Украины [3].

Еще более масштабной оказалась проведенная Мукачевской епархией УПЦ 3 октября 2015 г. международная научная конференция, посвященная 1000-летию древнерусского монашества на Афоне ««Малый Афон» – монастыри и монашество на Закарпатье: традиции и современность». Среди приглашенных гостей отметим емеритного митрополита, профессора кафедры богословия Прешовского университета Христофора, иеромонаха, настоятеля Подворья Афонского Свято-Пантелеимоновского монастыря в Киеве Алексея Корсака, иеромонаха, насельника кельи святителя Модеста Иерусалимского, что на Афоне Агафодора, главного редактора альманаха «Афонская наследие» Сергея

Шумило. Доклады на научный форум направили ученые из одиннадцати стран мира (более 40 очно и 22 заочно), в частности: Чехии, Словакии, Польши, России, Болгарии, Сербии, Хорватии, Республики Беларусь, Румынии, Молдовы, Греции и Украины [6].

4 октября 2017 года по благословению Блаженнейшего Онуфрия, митрополита Киевского и всея Украины, Предстоятеля УПЦ в Мукачево работала Международная научная конференция, посвященная 140-летию со дня рождения и 70-летию со дня кончины преподобного Алексия (Кабалюка): «Жизнь и благословенные труды преподобного Алексия (Кабалюка)». БИНИЦ стал одним из организаторов этой конференции. Доклады на научный форум направили ученые из семи стран (Чехии, Словакии, Польши, России, Болгарии, Сербии и Украины) [7]. В конференции приняло участие более 30 известных историков, богословов, иерархов и исследователей (20 участников заочно), которые выступали на двух секциях.

6 ноября 2019 года с благословения Блаженнейшего Онуфрия, митрополита Киевского и всея Украины, Предстоятеля Украинской Православной Церкви в Ужгороде в гостиничном комплексе «Золотая Гора» начала свою работу Международная научная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения иеросхимонаха Аввакума (Вакарова): «Закарпатье и Афон: духовно-культурные связи».

Организаторами Международного научного форума стали: Мукачевский Православная Епархия, БИНИЦ им. архим. В. (Пронина), Международный институт афонской наследия, Государственный архив Закарпатской области, Архив Сербской Православной Церкви, Wydział Teologiczny Chrześcijańskiej Akademii Teologicznej w Warszawie, а отдельные структурные подразделения Ужгородского университета, Украинский фонд культуры. В научный комитет конференции вошли ведущие специалисты по истории церкви из Пряшева, Оломовца, Варшавы, Международного института афонского наследия. Доклады на научном форуме зачитали ученые из 8 стран Европы. Во время работы конференции состоялась презентация книги изданной совместными усилиями ученых Международного института афонской наследия в Украине и БИНИЦа им. архим. Василия (Пронина) «Афонский старец из Закарпатья. Иеросхимонах Аввакум (Вакаров) и его время: 1899-1972» (Киев, 2019).

Таким образом, мы кратко проанализировали деятельность Богословско-исторического научно-исследовательского центра им. Василия (Пронина) созданного при Мукачевской епархии УПЦ, в частности проведение научных конференций. Созданный по благословению епископа Мукачевского и Ужгородского Феодора, центр под руководством Ю. Данильца и А. Монича на протяжении 12-ти лет своего существования организовал и провел 7 разного уровня научных форумов, в том числе и международных, при участии ведущих историков и богословов иностранных государств. Также отметим, что материалы конференций напечатаны в шести томах «Научных записок БИНИЦа», размещенных в формате pdf на сайте Мукачевской епархии Украинской Православной Церкви.

**Список источников:**

1. З історії виникнення [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://m-church.org.ua/z-istoriji-viniknennya/>. – Дата доступа: 11.11.2020.
2. Монич, О. Всеукраїнська науково-практична конференція, присвячена 650-річчю від заснування Мукачівського Свято-Миколаївського монастиря [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://m-church.org.ua/2014/03/07/vseukrajinska-naukovo-praktichna-konferenciya-prisyvachena-650-richchyu-vid-zasnuvannya-mukachivskogo-svyato-mikolajivskogo-monastirya/>. – Дата доступа: 11.11.2020.
3. Монич, О. Міжнародна конференція до 100-річчя II-го Мараморош-Сиготського процесу 1913-1914 рр. / О. Монич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://m-church.org.ua/2014/03/07/mizhnarodna-konferenciya-do-100-richchya-ii-go-maramorosh-sigotskogo-procesu-1913-1914-rr/>. – Дата доступа: 11.11.2020.
4. Монич, О. Міжнародна конференція до 100-річчя з дня народження архимандрита Василя (Проніна) / Олександр Монич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://m-church.org.ua/2014/03/07/mizhnarodna-konferenciya-do-100-richchya-z-dnya-narozhennya-archimandrita-vasiliya-pronina/>. – Дата доступа: 11.11.2020.
5. Монич, О. Міжнародний круглий стіл до 100-річчя від дня народження митрополита Дорофея (Філіпа) (20.10.1913 – 30.12.1999) / О. Монич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://m-church.org.ua/2014/03/07/mizhnarodnij-kruglij-stil-do-100-richchya-vid-dnya-narozhennya-mitropolita-dorofeya-filipa-20-10-1913-30-12-1999/>. – Дата доступа: 11.11.2020.
6. Монич, О. Розпочала свою роботу Міжнародна конференція ««Малий Афон» – монастирі та чернецтво на Закарпатті: традиції і сучасність» О. Монич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://m-church.org.ua/2015/10/03/rozpochala-svoyu-robotu-mizhnarodna-konferenciya-malij-afon-monastiri-ta-chernectvo-na-zakarpatti-tradiciji-suchasnist/>. – Дата доступа: 12.11.2020.
7. Розпочала свою роботу Міжнародна конференція «Життя та благословенні труди преподобного Олексія (Кабалюка)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://m-church.org.ua/2017/10/04/mukachevo-rozpochala-svoyu-robotu-mizhnarodna-konferenciya-zhittya-ta-blagoslovenni-trudi-prepodobno-go-oleksiya-kabalyuka/>. – Дата доступа: 18.11.2020.
8. Розпочала свою роботу Міжнародна наукова конференція «Закарпаття та Афон: духовно-культурні зв'язки» (+ПРОГРАМА) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://m-church.org.ua/2019/11/06/uzhhorod-rozpochala-svoiu-robotu-mizhnarodna-konferentsiia-zakarpattia-ta-afon-dukhovno-kulturni-zv-iazky/>. – Дата доступа: 18.11.2020.
9. Структура БІНДЦ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://m-church.org.ua/struktura-bindc/>. – Дата доступа: 11.11.2020.
10. Устав // Текущий архив Мукачевской епархии УПЦ. Папка «БИНДЦ». – 6 л.

**Ю.Б. Прибытков**, аспирант

*pribytkow@mail.ru*

*ВИУ – филиал РАНХиГС (Волгоград, Россия)*

## **РАЗВИТИЕ ГУБЕРНАТОРСКОЙ ВЛАСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Внутриполитическая изменяющаяся обстановка, связанная с пандемией COVID-19 и изменение экономической ситуации в стране повышает требовательность общества и федерального Центра к работе глав субъектов Российской Федерации. Несмотря на отсутствие возможностей влиять на общеполитическую и экономическую ситуацию, в большей степени именно от главы региона зависит политическая стабильность и эффективная связка уровней власти в проведении слаженной работы органов публичной власти.

Губернаторская власть в своей работе опирается на Федеральный центр (Аппарат Президента РФ (АП РФ), Правительство, ЦБ РФ, Государственная Дума и Советом Федерации), политические и экономические элитные группы (в каждом регионе свой набор стейкхолдеров) и конечно же население региона. И соответственно, глава субъекта РФ является тем гармонизатором общественных, экономических и властных интересов и отношений федерального, регионального и местного уровней, который соединяет различные интересы и трансформирует в определенную региональную политику. Достаточно трудная задача ведения публичной политики, особенно в новых условиях. Например, нижегородский губернатор на встрече с президентом России 26 ноября проговорился, что нынешние времена являются «тяжелыми» [1].

Сам термин губернаторская власть широко употреблялся в 90-е и начале 2000-х годов когда были выборы губернаторов без фильтров. Сейчас коллеги критикуют за употребление данного термина, поскольку считают, что такой власти уже нет, но как показала ситуация с неудачной попыткой объединения Архангельской области и Ненецкого автономного округа в начале 20 года, когда по сути региональные власти Ненецкого автономного округа просто взяли и отдали её Архангельской области, то сразу поднялся протест и рейтинги федеральной власти пошли вниз. И это отразилось на результатах голосования по поправкам к Конституции, когда жители проголосовали против поправок [2].

Губернаторская власть представляется как господство губернаторской команды во главе с главой субъекта РФ за счет структурирования различных интересов, владения и распределения ресурсов в рамках выполнения своих формальных обязанностей в системе органов публичной власти и неформальных правил взаимодействия с различными элитными группами и населением региона.

Губернаторская власть дает нам следующие этапы её развития: 1992-1996 гг.; 1996-2000 гг.; 2000-2004 гг. 2004-2011 гг.; 2012-2016 гг.; с 2016 по настоящее время. Отметим, что каждый этап характеризуется субъектностью



губернаторской власти в федеральном и региональном срезе, дихотомией между выборностью и назначением глав субъектов РФ, степенью представительства интересов населения региона, технологиями поддержания лояльности губернаторов, межбюджетными отношениями Центра и регионов.

Если говорить о рекрутировании глав регионов и их заместителей, то тут создана целая система в функциональном комплексе бюрократической системы в условиях современной России. Подбирают людей с учетом федерального опыта работы претендентов и связанности с регионом, для более эффективного взаимодействия и с федеральным центром и с населением региона. Часть кандидатов подбирается из президентского резерва управленческих кадров, часть за счет выдвижения элитами, как правило федерального уровня. За счет протестного голосования возможно через выборы, но это редкий случай, и АП РФ быстро учится. Через назначение временно исполняющими обязанности главами субъекта РФ, показывая свою работу, они избираются главами регионов. Сложившийся тип губернаторов относят к элитной группе «технократов» в политике, в том смысле, что они не имеют политических амбиций и перспектив, но готовы выполнять любые поставленные задачи и быть публичными лицами.

Сложившаяся система работы региональных властей характеризуется необходимой лояльностью федеральному Центру, а ещё в условиях пандемии и обязательностью эффективности своей работы в контроле за эпидемической ситуацией в регионе. Механизм управления лояльностью губернаторской властью заключается в политическом и финансово-экономическом механизме поддержки федерального Центра. По разработанным показателям эффективности глав субъектов РФ, среди них например, доверие россиян к власти, происходит оценка федеральным Центром деятельности глав регионов и общую политическую обстановку в регионе. В ближайшее время они будут меняться. Насчет доверия к власти, например, уже известно, что задача сохранения конституционного большинства на выборах в Государственную Думу партией «Единая Россия» будет обеспечена за счет губернаторского «паровоза», т.е. они будут во главе списков кандидатов в депутаты Государственной думы в рамках пропорциональной части смешанной системы выборов депутатов Государственной Думы [3].

В период с 2000 года осуществляется целенаправленная внутренняя политика в отношении регионов. Системная ротация глав субъектов позволяет обновить политическую элиту в России, и закончиться она как раз к 2024 году к выборам президента России. Главы регионов будут занимать должности не более 2 сроков и будут лояльны федеральному Центру. И это выстраивание системы началось в 2016 году, т.е. целенаправленный транзит власти, который начался уже в 2016 году и была для аналитиков видна уже в 2017 году [4]. К этому добавим ещё усиление глав регионов через работу в Государственном совете, который усилился благодаря поправкам в Конституцию 2020 года.

Из-за пандемии COVID-19 произошла ожидаемая частичная децентрализация власти, которая позволила передать главам регионов

полномочия и ответственность за эпидемическую ситуацию и инструменты по стабилизации обстановки в регионе. Для удержания политической ситуации в регионах в дальнейшем прогнозируем увеличение выделяемых финансовых ресурсов федеральным Центром для проведения на местах антикризисных мер, особенно в преддверии выборов в Государственную Думу VIII созыва [5].

В итоге, к 2024 году поменяются подавляющая часть глав субъектов и их команд в регионах (кроме Чечни и Татарстана, про которые нужно вести отдельный разговор), выстроится система ротации глав субъектов РФ, Россия выйдет из пандемии и уже дальнейшее развитие губернаторской власти в России будет ознаменовано дальнейшей децентрализацией и главной опорой глав субъектов на население своего региона.

### **Список источников:**

1. Путин поправил нижегородского губернатора, назвавшего нынешнее время «тяжелым» [Электронный ресурс] / Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС). – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/10110255>. – Дата доступа: 26.11.2020.
2. Врио главы НАО объяснил итоги голосования по поправкам в регионе [Электронный ресурс] / МИЦ «Известия». – Режим доступа: <https://iz.ru/1030691/2020-07-02/vrio-glavy-nao-obiasnil-itogi-golosovaniia-popravkam-v-regione>. – Дата доступа: 20.11.2020.
3. Губернаторы с высокими рейтингами могут возглавить региональные группы «Единой России» на выборах в Госдуму [Электронный ресурс] / Сетевое издание «Ведомости». – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/09/17/840338-gubernatori-reitingami>. – Дата доступа: 30.11.2020.
4. Политолог: ротация губернаторов связана с подготовкой к выборам в 2024 году [Электронный ресурс] / Сетевое издание РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20171003/1506115602.html?in=t>. – Дата доступа: 11.11.2020.
5. Путин заявил, что в регионы нужно направить дополнительно 200 млрд рублей [Электронный ресурс] / Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС). – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/8251329>. – Дата доступа: 16.11.2020; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 ноября 2020 г. № 3029-р [Электронный ресурс] / Сайт Правительства РФ. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/cbU9vLSSrkAZtOzA0R>. – Дата доступа: 23.11.2020.
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2020 г. № 3118-р [Электронный ресурс] / Сайт Правительства РФ. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/w77J4H8jD02Wb4wgQ1arpbAdo4-YnBXOK.pdf>. – Дата доступа: 30.11.2020.

*А.И. Матюсова, аспирант  
nmatyusova@gmail.com*

*МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)*

## **ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РОССИЙСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ<sup>1</sup>**

В отечественной политической науке можно выделить ряд исследователей, которые изучают представителей губернаторского корпуса России с разных позиций: ученых интересуют и жизненный путь губернаторов [18], и особенности рекрутирования во власть [2; 3], и в целом состав региональной политической элиты [4; 8; 11; 17]. Вместе с тем одним из основных направлений изучения российских губернаторов является исследование их личностных особенностей [6; 7]. Интерес ученых-политологов к исследованию личности глав российских регионов возрастает с каждым годом, так как российские губернаторы стали активно вовлекаться в публичный политический процесс.

Проведенный анализ научной литературы позволил разделить весь период изучения личностных особенностей глав регионов на три этапа. Каждый этап связан с происходившими в России законодательными изменениями, которые предъявляли к губернаторам новые требования, в том числе к их личностям.

В начале 2000-х гг. сотрудниками кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством Е.Б. Шестопал были разработаны модели исследования личностных особенностей. Однако только в 2006 г. впервые была предпринята попытка изучения личностных особенностей губернаторов российских регионов [7]. До этого губернаторский корпус России изучали в основном с точки зрения институционального подхода.

Выделение первого этапа (2000 – 2012 гг.) обосновывается тем, что с приходом к власти В.В. Путина начал меняться принцип формирования региональных элит – происходило постепенное укрепление вертикали власти. Если в начале этого периода губернаторы избирались населением и востребованным оставались их личностные черты, черты губернатора-хозяйственника, то в 2004 г. был принят закон, согласно которому главы регионов стали назначаться на свои должности, а цениться стала лояльность федеральному центру [8]

В рамках этого периода стоит выделить работы Н.М. Ракитянского по построению психологических профилей губернаторов [13], совместные работы исследователей в рамках гранта «Человеческий капитал федеральных и региональных политических элит» (Гаман-Голутвина О.В., О.Ю. Малинова, Е.Б. Шестопал, А.В. Селезнева и др.) [19.] Нельзя не отметить исследования

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31386 «Современная российская элита в условиях вариативности траекторий политического развития: политико-психологический и статусно-ролевой анализ».

характеристик и структур личности политика как представителя политической элиты, опубликованные Э.К. Гиззатовым [5], О.Ю. Малиновой и А.В. Селезневой [9; 15], И.И. Рогозарь [14] и др.

Второй этап в изучении личностей губернаторов был связан с принятием в 2012 г. поправок в российское законодательство, согласно которым происходил возврат к прямым выборам губернаторов регионов. Востребованными оказались лидерские качества губернаторов, которые ранее были не так важны, так как их публичная деятельность не была критичной для повторного избрания на свой пост. В рамках этого этапа особо стоит отметить диссертацию Е.П. Добрыниной [6], посвященную изучению личностных особенностей губернаторов и их роли и монографию «Современная элита России: политико-психологический анализ» [16]

Выделение третьего этапа обосновано назначением С.В. Кириенко куратором российской внутренней политики. На первый план вышли личностные параметры кандидатов в губернаторы. Это стало актуальным также в связи с тем, что во многих регионах губернаторами стали «варяги», не имевшие особого отношения к вверенным им территориям [8]. Это же касалось и кандидатов-самовыдвиженцев. В рамках этого этапа необходимо выделить работы И.С. Палитая [10], А.М. Флягина [18], А.В. Дуки [3], выполненные при поддержке РФФИ и ЭИСИ в 2019 г. В этих работах затрагиваются вопросы жизненного пути губернаторов, их личностных особенностей, а также особенностей рекрутирования. В этом периоде стоит отметить проведение Всероссийского элитологического конгресса в Ростове-на-Дону, Пятигорске и Таганроге, на котором также поднимался вопрос изучения региональной политической элиты (Понеделков А.В., Агеева Е.А. и др.) [1; 12].

Таким образом, можно заключить, что несмотря на то что изучение личностных особенностей представителей губернаторского корпуса России берет свое начало с 2000-х гг., в настоящий момент достаточно хорошо разработанный политико-психологический подход должного отражения в исследованиях ученых-политологов не находит, что является упущением исследователей представителей политической элиты.

#### **Список источников:**

1. Агеева Е.А. Использование инструментария личностно-профессиональной диагностики при формировании кадрового резерва // доклад на III Всероссийском элитологическом конгрессе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruspolitology.ru/regionalnaya-deyatelnost/7977/>. – Дата доступа: 03.10.2020.
2. Ашин Г.К. Формы рекрутирования политических элит // *Общественные науки и современность*. – 1998. – № 3. – С. 85-96.
3. Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // *Власть и элиты*. – 2019. – Т. 6. – № 2. – С. 22-66.

4. Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 2. – С. 6-19.
5. Гиззатов Э.К. Операциональное кодирование – метод дистантной оценки личности политического лидера // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2006. – № 2. – С. 76-85.
6. Добрынина Е.П. Политико-психологический анализ региональной власти: личность и роль губернатора: Дис. ... канд. политич. наук: 19.00.12. / Е.П. Добрынина. – М., 2012. – 276 с.
7. Качанов А.А. Биографическая составляющая политико-психологического анализа губернаторского корпуса в современной России: Дис. ... канд. политич. наук: 19.00.12. / А.А. Качанов. – М., 2006. – 170 с.
8. Кынев А.В. Губернаторы в России: между выборами и назначениями / А. Кынев. Москва: Фонд «Либеральная миссия», 2020. – 1030 с.
9. Малинова О.Ю. Методологические проблемы изучения идеологических представлений элитных групп // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2008. – № 6. – С. 92–93.
10. Палитай И.С., Данилова А.С. Региональные руководители нового поколения: результаты политико-психологического анализа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 54. – С. 252–262.
11. Понеделков А.В. Современные российские элиты: особенности генезиса. Взаимодействия и позиционирование во власти // Политическая наука. – 2004. – № 1. – С. 138-159.
12. Понеделков А.В. Механизмы рекрутирования элит и кадровой политики в современной России // доклад на III Всероссийском элитологическом конгрессе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruspolitology.ru/regionalnaya-deyatelnost/7977/>. – Дата доступа: 03.10.2020.
13. Ракитянский Н.М. Психологический портрет политического лидера (методология поиска). Доклад // Россия в условиях трансформации. Выпуск № 20. – М.: ФРПЦ, 2002. – С.89-91.
14. Рогозарь И.И. Исполнительное лидерство федеральных министров: влияние личностных особенностей на исполнение роли министра: Дис. ... канд. полит. наук: 19.00.12 / И.И. Рогозарь. – М., 2011. – 199 с.
15. Селезнева А.В. Основные подходы к анализу политических ценностей в современной России // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». Вып. 1. – 2007. – С. 128–134.
16. Современная элита России: политико-психологический анализ: монография / отв. ред. Е. Б. Шестопал, А. В. Селезнева. – М.: АГРАМАК-МЕДИА, 2015. – 405 с.
17. Туровский Р.Ф. Президентские выборы в России: возможности и пределы электоральной консолидации // Полития. – 2018. – №2. – С. 23-49.

18. Флягин А.М. Как изменился портрет российского губернатора: анализ биографий глав регионов 1991-2019 // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2020. – № 1. – С. 29-39.

19. Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ / под ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 342 с.

*М.А. Юрочкин, доцент  
wisteptst@rambler.ru  
МИТСО (Минск, Беларусь)*

### **ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ МЕЖДУ УРОВНЯМИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ**

Публичная власть обладает рядом специфических свойств. А именно: Первое, по мнению В.Е. Чиркина «...публичная власть имеет тесную связь с территориальными публичными коллективами, к которым относят общество в рамках государственных границ государства, народ, который представлен на выборах, референдумах избирателями. Они выбирают представительные органы, решают вопросы, вынесенные на референдум и совершают иные действия, имеющие существенное публичное значение...» [6, с. 20]. Второе, публичная власть реализуется посредством деятельности органов публичной власти. Третье, власть осуществляется публично. Четвертое, в основе публичной власти лежит система норм права. Признаком публичной власти является наличие суверенного право и способность к применению легального принуждения.

С учетом сложившихся подходов и практики государственного управления, органы самоуправления не входят в систему органов государственной власти, местная власть относится к самостоятельному уровню власти публичной.

На протяжении длительного времени, в научной среде, вопрос о правовой природе местного самоуправления как института публичной власти остается дискуссионным.

По мнению В.А. Баранчикова, местное самоуправление в качестве института публичной власти, в отличие от государства, входит в состав гражданского общества, служит столбом его формирования и развития» [1, с. 8].

Как неоднократно отмечал А.Н. Костюков: «Местное самоуправление это не просто форма децентрализации власти, самостоятельности местных органов. Самоуправление отражает идею самоорганизации самих местных жителей, это автономная деятельность самоорганизующегося населения. Наличие местной автономии, разделения власти на государственную и местную является условием для обеспечения реального самоуправления людей. Субъект местного самоуправления – местные сообщества, сами люди, составляющие население

самоуправляющихся единиц. Данный принцип составляет сердцевину философии самоуправления» [5, с. 147].

Е.В. Клинова считает, что «...Специфика института местного самоуправления состоит в том, что на данном уровне публичной власти синтезируются государственные и общественные интересы на соответствующей территории, а степень его влияния на публичную сферу отражается в реально существующей степени централизации (деконцентрации либо децентрализации) власти, которая, в свою очередь, обуславливается существующими политическими, социальными и экономическими условиями. Институциональное закрепление указанных процессы получают в нормах действующего законодательства...» [3, с. 117].

Е.С. Шугрина, осуществив анализ различных подходов, выделяет е основные черты самоуправления:

Первое, местное самоуправление –разновидность публичной власти, которая установлена конституцией и реализуемая в правовом поле.

Второе, наличие публичной власти позволяет населению и органам местного самоуправления выполнять ряд местных дел и отдельные государственные дела на территории самоуправляющихся единиц.

Треть, местное самоуправление имеет самостоятельную материально-финансовую основу в виде муниципального бюджета и муниципального имущества [8, с. 264].

Полномочия органов публичной власти в науке традиционно рассматриваются как совокупность их прав и обязанностей.

Как считает по данному вопросу Ц.А. Ямпольская, полномочия государственных органов следует рассматривать, как единство прав и обязанностей, их правообязанность [9, с. 9].

По мнению С.А. Авакьяна, полномочия – это права и обязанности государственного органа, органа местного самоуправления, должностного лица, иных участников общественных отношений, установленные нормативными правовыми актами [4, с. 429].

С учетом сложившихся подходов, компетенцию органов местного самоуправления условно можно подразделить на две части: обязательную и факультативную.

Вопросы наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями подробнейшим образом изучены в науке муниципального права [7].

Как справедливо отмечает А.Н. Костюков, на уровне муниципального управления публичная власть проявляется в двух уровнях: «Первый, власть, возникающая в связи с непосредственным осуществлением полномочий, принадлежащих самому муниципальному образованию, его населению и органам местного самоуправления, второй, в системе местного самоуправления действуют и органы государственной власти, которые являются субъектами местного самоуправления» [5, с. 147].

Полномочия в области местного самоуправления имеют не только органы местного самоуправления, но органы государственной власти.

По мнению Н.С. Бондаря, конституционный акт ориентирует законодателя на создание эффективной, самостоятельной и ответственной муниципальной власти, поэтому он не лишен свободы усмотрения при установлении меры своего регулятивного вторжения в муниципальные отношения на каждом конкретном этапе [2, с. 139].

Зарубежные концепции, опирающиеся на принципы Европейской хартии о местном самоуправлении, исходят из принципа субсидиарности, предполагающего приоритет прав и интересов личности перед правами и интересами любой общности, прав и интересов любого местного сообщества перед авторитетом государства, административно-распорядительной власти. Этот подход традиционно развит в странах Западной Европы и Северной Америки [7].

Существующие представления о характере и месте современного местного самоуправления, в жизни общества отражают имеющиеся расхождения между содержанием нормативных правовых актов о сути, содержании, формах деятельности органов местного самоуправления и фактическим состоянием дел.

#### **Список источников:**

1. Баранчиков, В.А. Муниципальное право РФ: Учебник / В.А. Баранчиков. – М.: Издательство «Экзамен», 2005. – 448 с.
2. Бондарь, Н.С. Местное самоуправление: законодательство и практика реализации (в свете региональной правовой политики / Н.С. Бондарь, А.А. Джагарян. – (Сер. «Библиотечка судебного конституционализма»). Вып. 6. – Ростов-н/Д: Профпресс, 2016. – 326 с.
3. Клинова, Е. В. Роль самоуправления в системе местной власти Республики Беларусь / Е. В. Клинова // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2009. – № 6. – С. 116-120.
4. Конституционное право: энциклопедический словарь / отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: НОРМА-ИНФРА, 2001. – 829 с.
5. Костюков, А.Н. Муниципальное право как отрасль российского права / А. Н. Костюков. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 301 с.
6. Чиркин, В.Е. Публичная власть / В. Е. Чиркин. – М. : Юристъ, 2005 (Щербин. тип.). – 174 с.
7. Шмаков, В.И. Проблемы реформирования и роста эффективности местного самоуправления в Российской Федерации / В.И. Шмаков // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – № 2. – 2010. – С. 55–57.
8. Шугрина, Е.С. Муниципальное право. Учебник / Е.С. Шугрина. – М.: Норма. 2014. – 576 с.
9. Ямпольская, Ц.А. Субъекты советского административного права. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Ц.А. Ямпольская. – М., 1958. – 38 с.



## 4. ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ОТ КОНФРОНТАЦИИ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

---

*М.Г. Волнистая, доцент  
mgy22@mail.ru  
БГУ (Минск, Беларусь)*

### ГОСУДАРСТВО И СТРУКТУРЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Организации, которые возникли для реализации групповых интересов в современной социальной теории принято относить к *гражданскому обществу*.

Политологическое знание под гражданским обществом понимает «совокупность не опосредованных государством отношений, сфера проявления и реализации индивидуальных, групповых, региональных интересов» [1; 2; 3]. Российский политолог К. Гаджиев дает такое определение: «Гражданское общество – это система самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей» [2].

Эти интересы и потребности выражаются и осуществляются через такие институты гражданского общества, как семья, церковь, политические партии, профессиональные и творческие объединения, кооперативы, социальные движения, органы общественного самоуправления и др. [2]

В ряде дефиниций гражданского общества определяющим является участие или не участие государства в создании условий для их возникновения, в учредительных моментах.

Методология системного подхода и теория государства вместе дают определение гражданскому обществу как всей совокупности некоммерческих организаций на территории государства, опосредовано управляемых субъектом исполнительной власти.

Однако самоуправление структур гражданского общества не означает их суверенитета, независимости, неуправляемости и неподконтрольности со стороны законодательной и судебной ветвей власти. Если структуры гражданского общества в одностороннем порядке объявляют о своем «суверенитете» и «независимости» от государства, то это антигосударственные организации, которые должны быть возвращены в правовое поле административным или судебным порядком, или прекратить существование в результате воздействий, отличных от управляющих.

Некоммерческий характер структур гражданского общества означает отсутствие целеустремлений в получении прибыли от своей деятельности. Например, университеты, учреждения образования и культуры могут в определенной степени выступать такими структурами гражданского общества,

осуществляя свою социальную миссию формирования и развития социально-культурного пространства в современном социуме. Мировая практика показывает, что такие организации существуют ведь только за счет средств своих подсистем и элементов или внешних спонсоров, которые сами могут являться коммерческими организациями или индивидуальными предпринимателями.

В отношении «независимости» следует заметить, что государство может и должно создавать условия для существования и совершенствования структур гражданского общества, «конструктивных» с точки зрения субъекта государственной власти, не вмешиваясь в процесс их самоуправления. По определению это и есть одна из основных функций государства.

В сферу интереса современных экспертов в области социальных наук попала деструктивная роль структур гражданского общества, которая прежде всего определяется исходя из антагонизма целей их деятельности государственным целям, а также целям других государственных и негосударственных организаций, если эти антагонизмы выводят за правовые рамки разрешенного соревновательного взаимодействия. Соотнося элементы политической системы со структурами гражданского общества, следует признать, что гражданское общество представляет собой совокупность политической и неполитической составляющих [3].

Если проводимая от лица государства политика отвечает интересам большинства социальных групп и категорий индивидов, создает условия для их сохранения и совершенствования, формирования структур гражданского общества, то возникает меньше внутригосударственных противоречий. Под большинством необходимо понимать не только численное доминирование, но и степень влияния той или иной социальной организации (например роль ведущих университетов как центров подготовки и формирования интеллектуального капитала, в инновационном научно-техническом развитии страны) или категории на субъект власти, другие организации и категории граждан. Именно такое государство обладает большей внутренней стабильностью, расходует меньше ресурсов на разрешение внутренних конфликтов. Вне сомнения существует четкая корреляция между эффективностью системы государственного управления и политической стабильностью в обществе [4].

#### **Список источников:**

1. Зеркин, О.Д. Основы политологии: Курс лекций / О.Д. Зеркин. – Ростов н/Д.: Феникс, 1996. – 544 с.
2. Гаджиев, К.С. Политология: Учебник для высших учебных заведений / К.С. Гаджиев. – М.: Логос, 2001. – 488 с.
3. Ильин, М.В., Коневцев, А.С., Разумовский, А.М. Управление: государство, политика, безопасность / М.В. Ильин, А.С. Коневцев, А.М. Разумовский. – Мн.: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2005. – 282 с.
4. Ильин, М.В. Разумовский, А.М. Институты гражданского общества в политических процессах постсоветских стран / М.В. Ильин, А.М. Разумовский // Вести института совр. знаний. – 2005. – № 2. – С. 10–15.

*О.И. Ермак, доцент  
ol-rivsh@tut.by  
БНТУ (Минск, Беларусь)*

## ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН

Социальный опыт, полученный от античных обществ и воспринятый Западной Европой в эпоху Возрождения, стал основой перемен, приведших через буржуазные революции к гражданскому обществу как явлению. В рамках идеологии либерализма, институт частной собственности стал наиболее существенной экономической предпосылкой свободы индивида, способствовал формированию развитого гражданского самосознания, появлению независимых личностей, способных сплотиться ради достижения своих целей. В капиталистическом обществе, вместе с законодательным закреплением равенства всех людей перед законом, независимо от социального происхождения и имущественного положения, стало возможным качественно новое положение личности. Индивид из подданного превратился в гражданина государства. Все граждане получили равные права и возможности их реализации.

Реальное функционирование гражданского общества началось с принятия биллей о правах в Англии, США и Декларации прав человека и гражданина во Франции. Содержание современных прав человека для всех демократических государств, определяется Международным Биллем о правах человека, куда входят: Всеобщая Декларация прав человека (1948), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966), Парижская хартия для новой Европы (1990). В основу этих документов положены принципы уважения прав человека и верховенства закона. Признаются неотъемлемыми: право на жизнь, свободу, собственность, личную неприкосновенность, на защиту человеческого достоинства, равную защиту со стороны закона [3] и другие.

Разнообразные партии, общественные организации и движения, активно участвующие в политической жизни, максимально независимые от государства и достаточно сильные, чтобы быть ему противовесом, выполняющие задачи широкого общественного значения, стали наиболее важными элементами гражданского общества. Причем в странах Западной Европы методы и формы работы данных организаций часто превосходят по эффективности государственные органы в решении различных вопросов. Именно с помощью институтов гражданского общества осуществляется обратная связь между государством и обществом, делая это взаимодействие эффективным. Следовательно, если личность, ее права и свободы – важнейшая доминанта гражданского общества, то общественные организации и движения – несущие конструкции, посредством которых, цели и интересы индивида реализуются. Причем, если права гражданина обеспечивает государство, то права человека – гражданское общество.

Современная западная цивилизация – это цивилизация среднего класса. Как подчеркнул английский историк А. Тойнби – «западное общество стало современным лишь после того, как ему удалось создать многочисленный и компетентный средний класс» [4, с. 68]. Это категория населения, для которой характерен не только высокий жизненный стандарт, но и своеобразный социально-психологический и политический менталитет. В западном сознании прочно утвердились такие ценности как свобода, равенство возможностей, конкуренция, ориентация на успех, однако нельзя сказать, что методы приобретения богатства при этом не имеют значения. В связи с чем, одной из важных проблем на Западе остается согласование ориентации на успех с нормативностью поведения. Представитель среднего класса – это носитель нравственных ценностей, норм, традиций. Для него семья, образование, карьера, занимают одно из центральных мест в системе ценностей. Их разделяют приблизительно 55 – 70 % населения. Как пишет американский социолог и политолог Р. Инглхарт: «сегодняшние социальные изменения усиливают гуманистический характер общества, в котором все большее значение придается свободе и самовыражению личности. Это, в свою очередь, приводит к усилению требований в пользу гражданских и политических свобод, гендерного равенства и «отзывчивости» властей, способствуя формированию и укреплению институтов, в наибольшей степени соответствующих максимальной свободе выбора – демократии» [1, с. 19]. Помимо прочего, идея миссионерства, сформировавшаяся в ходе колониальной экспансии XIV–XIX веков, перекочевала и в XXI век, в качестве убеждения, что современная культура, наука, философия и прочее, продукт именно западной цивилизации, а следовательно, остальные страны, чтобы достичь такого же уровня развития, должны идти именно по западному пути.

При всех безусловных плюсах западноевропейского пути общественного развития необходимо учитывать тот факт, что необходимым условием формирования зрелого гражданского общества в любой стране, является соблюдение, так называемого закона ментальной идентичности – степени соответствия содержания реформ национальному общественному менталитету, государственным традициям. Существенное значение здесь имеют исторические факторы и преобладающие в обществе ценностные ориентации, сдерживающие либо же усиливающие влияние традиций. Следовательно, то или иное политическое явление, сформировавшееся в одной стране, не может быть перенесено путем простого заимствования в систему ценностей и образ жизни другой. Обладая собственным историческим опытом, гражданское общество в каждой стране будет и должно отличаться от гражданского общества западноевропейских стран, и в любом случае его формирование будет осуществляться в рамках существующей ментальности [2, с. 15]. Каждое государство должно пройти свой путь «вызревания» предпосылок формирования гражданского общества. Через смену поколений, приобретение нового социального опыта, который сможет отложиться в ментальных характеристиках, через смену социальных ориентиров, путем осознания индивидом себя личностью, готовой бороться за достижение социально-

значимых целей, через систему образования и воспитания, через формирование системы горизонтальных связей (строящихся по принципу взаимодействия и сотрудничества),

Опыт стран Западной Европы показал, что гарантии реализации прав и свобод человека стали результатом параллельного вызревания предпосылок как внутри гражданского общества, так и государства. Каждая историческая эпоха создавала свои пределы и масштабы пространства человеческой свободы. Политическую стабильность и высокий уровень экономического развития эти страны получили благодаря диалогу между государством и организациями гражданского общества. Опыт этих стран наглядно продемонстрировал возможность сосуществования идейного плюрализма и государственной идеологии. Более того, пример развития западноевропейских государств показал, как равноправная конкурентная борьба, в рамках правового поля, государства с другими субъектами политических отношений за влияние на граждан и идейное многообразие способствуют экономическому процветанию государства. В свою очередь, высокий уровень социально-экономического развития создает комфортные условия жизни, что обеспечивает распространение массовых ценностей самовыражения, придающих приоритетное значение свободе личности и свободе выбора.

Благодаря социально-экономическому развитию в последние десятилетия условия жизни людей менялись стремительно, повысилась степень их жизненной защищенности, вырос уровень образованности, что вывело на первый план ценности, стоявшие на периферии у предыдущих поколений. В западном, постиндустриальном обществе, изменения коснулись ценностей в области общественных, религиозных и прочих норм. Люди требуют все больше свободы выбора, распространяя эти требования на новые сферы жизни, выступают за углубление демократии.

Открытость для диалога субъектов политического процесса обеспечивает жизнеспособность западных демократий. Современное западное гражданское общество – это общество свободной самоорганизации, где существенным является верховенство права, которое подчиняет государство обществу.

#### **Список источников:**

1. Инглхарт, Р., Вельцель, К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.
2. Решетников, М.М. Современная российская ментальность. Народ – идеология – власть / М.М. Решетников. – М. : Рос. вести ; СПб. : Вост.-Европ. ин-т психоанализа, 1996. – 82 с.
3. Рябев, В. В. К вопросу о взаимодействии государства и гражданского общества в современной России [Электронный ресурс] / В. В. Рябев // Журн. социологии и соц. антропологии. – 2005. – Т. 8, № 2. – Режим доступа: <http://www.old.jourssa.ru/2005/2/1aRiabev.pdf>. – Дата доступа: 15.05.2011.
4. Тойнби, А. Постижение истории: пер. с англ. / А. Тойнби. – М. : Прогресс, 1991. – 731 с.

*А.П. Касьяненко, доцент  
arkasyan@gmail.com*

*ГГУ им. Ф. Скорины (Гомель, Беларусь)*

## **УЧАСТИЕ ОРГАНИЗАЦИЙ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УСТОЙЧИВОМ РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ**

В Республике Беларусь за последнее десятилетие активно формируется институциональный механизм устойчивого развития. Как отмечается в Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь – 2030 (далее НСУР), происходит повышение уровня координации и взаимодействия государства, частного предпринимательства и гражданского общества с целью реализации поставленных целей и задач устойчивого развития. Важным элементом этого механизма на региональном уровне является участие организаций гражданского общества в разработке и реализации стратегий устойчивого развития территорий, вовлечение местных инициатив в процесс общественных изменений.

Состояние структур гражданского общества в секторе регионального и местного развития характеризуют данные Министерства юстиции Республики Беларусь (на 1 июля 2020 г): в республике зарегистрировано 3025 общественных объединений, из них 229 международных, 791 республиканское и 2005 местных. Из них по направленности деятельности: физкультурно-спортивные – 843; благотворительные – 398; молодежные – 382, в том числе детские – 43; просветительские, культурно-досуговые, воспитательные – 256; общественные объединения граждан, относящих себя к национальным меньшинствам – 110; общественные объединения инвалидов войны и труда, ветеранов – 95; научно-технические – 87; общественные объединения сторонников охраны природы, памятников истории, культуры – 91; творческие – 52; женские – 34 и другие [1].

В Гомельской области на 1 января 2020 г. осуществляло деятельность 251 местное общественное объединение, из них: 78 со статусом областных, 170 — районных (городских), 3 межрайонных объединений. Также поставлено на учет 114 организационных структур общественных объединений. По направлениям деятельности более 120 объединений работает в сфере оказания социальных услуг различным группам населения, миссия 21 организации сфокусирована на охране окружающей среды, сохранении памятников истории, культуры и устойчивом развитии региона [2].

При партнерстве организаций гражданского общества и местных органов власти в рамках проекта международной технической помощи ЕС «Поддержка регионального и местного развития в Беларуси» в 2014–2016 гг. были разработаны областные Стратегии устойчивого развития до 2025 года. Это сотрудничество способствовало совершенствованию институционального механизма управления устойчивым развитием, появлению новых форм и

практик взаимодействия групп местных сообществ, расширению их компетенций в области регионального и местного планирования.

Партнерство местных органов власти и структур гражданского общества, как показывает опыт совместной проектной работы, является важным ресурсом развития региональных экономик, усиливающим инвестиционную привлекательность региона. В рамках 1-го Конкурса проектов ПРООН «Содействие развитию на местном уровне в Республике Беларусь» было выбрано 30 пилотных районов для адаптации территориально-ориентированного подхода к развитию территорий. В каждом из этих районов были созданы местные инициативные группы. Представители местных органов власти, НГО, лидеры местных сообществ, инициативные группы совместно разработали паспорта территориально-ориентированного развития (ТОР) для своих районов, определили точки роста и необходимые действия в целях местного развития. Паспорта ТОР 30 пилотных районов были включены в государственные стратегии социально-экономического развития на региональном уровне. Поддержка местных проектных инициатив в области улучшения социальных услуг, развития инфраструктуры, здравоохранения, дополнительного образования, экономического развития, экологии, туризма и сохранения культурного наследия составила 3 355 054 евро [3].

Для оценки роли организаций гражданского общества в устойчивом развитии территории важен мониторинг форм партнерства в разработке стратегий устойчивого развития, анализ приоритетных направлений сотрудничества и совместной проектной деятельности в ключевых сферах регионального развития: экономика, общественное здравоохранение, образование, культура, туризм, экология. В 2018–2019 гг. консорциумом общественных объединений Гомельщины был реализован проект «Роль потенциала структур гражданского общества в устойчивом развитии Гомельской области». Как показали результаты проекта, динамика регионального и местного развития все в большей степени связана с зарождением новых современных структур и форм участия населения в территориальном развитии. Это относится к созданию новых общественных организаций, фондов Местного развития, Центров устойчивого развития, координационных общественных советов в городах и районах по различным направлениям, инициативных групп МП21 и др. Для оценки роли организаций гражданского общества в устойчивом развитии региона важно обращать внимание на особенности местного социального капитала, состояние горизонтальных и вертикальных связей, выявление возможностей, ограничений и рисков в развитии местных сообществ.

В рамках проекта был проведен экспертный опрос лидеров местных сообществ отдельных районов Гомельской области. Экспертная выборка составила 80 человек, представителей НГО, органов местной власти, специалистов учреждений образования, здравоохранения, культуры, социальной работы, преподавателей университетов, представителей малого и среднего предпринимательства, СМИ.

По результатам опроса был проанализирован опыт партнерства на местном уровне органов местной власти и организаций гражданского общества в разработке и реализации стратегий устойчивого развития районов и населенных пунктов Гомельской области. Также были зафиксированы наиболее эффективные формы, способы и направления участия граждан в устойчивом развитии местных сообществ.

Проведенный опрос выявил две равные группы экспертов по уровню информированности о содержании Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2020-2030 годов и областной стратегии до 2025 г.: каждый второй эксперт (50 %) достаточно высоко оценил свой уровень информированности о содержании НСУР – 2020, при чем 28 процентов знают содержание стратегии очень хорошо. Столько же экспертов – 50 % – оценили свой уровень информированности о содержании стратегии как низкий, при этом 7,5 % экспертов не имеют никаких представлений об этом документе.

Важный итог опроса экспертов – это оценка уровня общественного участия в разработке местной стратегии устойчивого развития. Более трети опрошенных экспертов (35 %) принимали участие в обсуждении или разработке стратегии устойчивого развития своего района, населенного пункта и более двух трети экспертов (65 %) не принимали участие.

Со стороны экспертов выявлена достаточная высокая мотивация и готовность участвовать в разработке новых, перспективных стратегий развития на местном уровне: 70 % экспертов хотели бы принять участие в разработке или обсуждении СУР, если такая стратегия будет разрабатываться в районе или населенном пункте. У 17,5 % респондентов отсутствует желание участвовать в разработке местной стратегии развития у 12,5 % - затруднились ответить на этот вопрос.

В каких формах видят свое общественное участие в разработке СУР те эксперты, кто заинтересован в такой работе? Предпочтительные формы участия среди экспертов таковы (возможны все варианты ответов, в %): 37 % экспертов приоритет отдали участию в образовательной форме деятельности; около 61 % экспертов готовы работать в различного рода группах и советах, в том числе, 22,1 % – в экспертном совете; 20,35 % – в рабочей группе; 12,4 % – в тематической группе. Готовы принимать участие в работе по SWOT – анализу стратегии УР 18,6 % экспертов.

Важно отметить, что в практике разработки местных стратегий устойчивого развития эти общественные формы закрепились и стали частью институционального механизма управления устойчивым развитием. В отдельных районах области утверждены положения о рабочих группах, советах по устойчивому развитию, определен состав и задачи участников групп.

Опрос выявил мнение экспертов о наиболее важных сферах деятельности межсекторного сотрудничества в области реализации стратегии устойчивого развития в районе/населенном пункте (множественные ответы, в %): «экономика» – 55 % ответов; «образование» – 53,75 %; «социальная сфера» – 52,5 %; «другое» – 10 % ответов. Эти мнения, с одной стороны, отражают



реальные приоритеты в устойчивом развитии территорий области, а с другой – практически совпадают с тематическими направлениями проектов в области местных инициатив, реализованных в районах Гомельской области при партнерстве НГО, местных органов власти и бизнеса.

В ходе опроса эксперты оценили результативность деятельности некоммерческих организаций (общественные организации, фонды, инициативы) в решении местных проблем устойчивого развития в районе, населенном пункте так: «скорее результативны» – 57,5 %; «скорее нерезультативны» – 17,5 %; затруднились ответить – 25 % респондентов.

Каким образом можно усилить потенциал организаций гражданского общества и повысить его эффективность в региональном развитии? Как показал наш проект, самое главное – это повышение в регионе уровня сотрудничества и партнерства, создание сетевой кооперации, развитие экосистемы гражданского общества, расширение горизонтальных и вертикальных связей, осуществление более эффективного сотрудничества с международными, республиканскими и местными фондами, НГО и общественными инициативами. Потенциал ОГО представляют квалифицированные, хорошо управляемые, эффективно действующие структуры организаций гражданского общества, которые при тесном сотрудничестве и партнерстве с органами государственной власти способны внести значительный вклад в эффективность регионального и местного развития.

#### **Список источников:**

1. О результатах работы органов юстиции по государственной регистрации общественных объединений, фондов и других некоммерческих организаций в 2020 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://minjust.gov.by/directions/compare\\_coverage/](https://minjust.gov.by/directions/compare_coverage/) – Дата доступа: 28.09.2020.
2. Сведения о государственной регистрации профессиональных союзов, местных общественных объединений и фондов, в том числе о государственной регистрации, постановке на учет организационных структур политических партий, профессиональных союзов, иных общественных объединений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gomeljust.gov.by/2020/01/29/>. – Дата доступа: 04.12.2020
3. Проекты в Беларуси при финансовой поддержке Европейского союза. Содействие развитию на местном уровне в Республике Беларусь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://euprojects.by/ru/projects/regional-development/sodeystvie-razvitiyu-na-mestnom-urovne-v-respublike-belarus/> – Дата доступа: 04.12.2020.

*Н.Н. Козлова, доцент  
tver-rapn@mail.ru*

*С.В. Рассадин, доцент  
s\_r08@mail.ru  
ТвГТУ (Тверь, Россия)*

## **ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ СЕТЕВОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА<sup>1</sup>**

Государственная семейная политика в современной России – одно из наиболее актуальных направлений государственной политики. Начиная с принятия в 2014 г. Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года (далее – Концепции), органы государственной власти активизировали свои усилия по разработке различных программ, направленных на реализацию семейной политики. Актуальность изучения государственной семейной политики РФ определяется тем, что она является не только направлением внутренней, но и внешней политики. Доктринальное содержание Концепции маркирует позицию России на международном уровне как страну, артикулирующую поддержку традиционных ценностей. Политика ООН в области семьи ориентирована на поддержку различных форм семьи [6, с. 81]. Согласно докладу ООН-Женщины «Прогресс женщин мира в 2019–2020 годах. Семьи в меняющемся мире» семьи не имеют единой, стандартной формы [11]. В 2014 г. Россия выступила в Совете ООН по правам человека с инициативой о недопустимости внесения поправки о «разнообразии» семей [13]. Проблема рассогласования политики ООН и РФ в области семьи заключается также в трактовке положения мужчин и женщин в рамках семьи. Концепция гласит, что к «традиционным семейным ценностям... относятся ценности брака, понимаемого как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению» [5]. В данной формулировке отсутствует понятие «равенство прав супругов в семье», которое заложено в п. 3 ст. 1 Семейного кодекса РФ, и которое опирается на положение п. 3 с. 19 Конституции РФ – «мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации». Умолчание в Концепции относительно равных прав супругов дает возможность на региональном уровне жестко разграничивать сферы

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31701 «Государственная семейная политика как фактор устойчивого развития государства: сетевой анализ региональных практик в современной России» (2020).

деятельности мужчин и женщин на публичную и частную. В Постановлении «О государственной программе Тверской области "Развитие демографической и семейной политики Тверской области" на 2020 – 2025 годы» от 27.02.2020 г. N 60-пп в п. 28 указывается, что традиционный институт брака – это договор, «в котором муж обязывается содержать семью, а жена рожать детей и вести хозяйство» [10]. Тренд на вытеснение гендерного равенства связан с консервативным поворотом российской политики в 2000-е гг., когда с повестки был снят законопроект «О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации» [4].

В условиях цифровизации значительная часть программ в области семейной политики реализуется в рамках сетевого общества. Часть созданных порталов онлайн сообщества направлена на информирование граждан о мероприятиях в сфере семейной политики, а также получение от них отзывов, комментариев. В рамках Плана публичных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, был открыт интернет-портал «Я-родитель» [9], который предоставляет информацию о воспитании детей и дает возможность родителям проконсультироваться у специалистов [19]. Федеральное агентство по делам молодежи создало платформу «Молодая семья Онлайн» как «форум для молодых семейных пар с детьми и без, который направлен на развитие каждого участника, улучшение взаимоотношений внутри семьи» [12]. Типичным региональным информационным ресурсом является группа в контакте «Тверская семья. Родители и дети» [15], созданное Министерством демографической и семейной политики Тверской области.

Государство также финансирует через грантовые конкурсы проекты, направленные на активизацию гражданского общества в онлайн пространстве. Анализ сайта Фонда президентских грантов [18] и сайтов отдельных просемейных общественных организаций и он-сообществ позволяет сделать вывод, что основной опорой проводимой государством семейной политики являются институты гражданского общества, которые также артикулируют традиционные ценности. Пользуясь разработанной И.В. Мирошниченко типологией онлайн-сообществ, данные организации можно отнести к активно-деятельным, так как они основаны на устойчивых традиционных социальных идентичностях и готовы к реальным действиям в публичной сфере [7, с. 340].

В частности, в 2015 г. в России была создана новая просемейная организация – Ассоциация организаций по защите семьи (далее – АОЗС), которая призывает «объединятся здоровые просемейные и патриотические силы» [17]. АОЗС включает в свой состав 120 семейно ориентированных НКО из 50 регионов, реализует про-семейный проект «ЗаРождение» при поддержке Фонда президентских грантов. Организация вместе с партнерами ставит цель «объединять профессиональное сообщество в сфере защиты семьи, материнства, отцовства и детства» [3]. Аналогичной организацией является созданный в 2017 г. Межрегиональный союз общественных объединений многодетных

семей, который на гранты от государства проводит форумы, фестивали, тренинги и т. п. [16].

Часть организаций, обеспеченных грантовой поддержкой государства, направлена на образовательную работу в сети. Согласно сайту АНО «Семья России», организация ставит своей основной задачей создать «эффективную малозатратную просветительскую систему, которая в удобных и доступных формах будет популяризировать для разных целевых аудиторий традиционные семейные ценности и способствовать духовно-нравственному оздоровлению российского общества» [2]. Значительная доля проектов, поддерживаемых грантами государства в сети, носит локальный и узконаправленный характер. В частности, ООО «Семья России» открыла в ряде областей юридическую приемную для многодетных семей [8].

Одним из наиболее масштабных просемейных онлайн проектов является программа «Старт Пап. ШКОЛА ЛИДЕРОВ. Отцы 3.0. Всероссийская школа лидеров отцовских сообществ», которая была запущена в контакте в апреле 2020 г. Фондом отцовства при поддержке Межрегиональной общественной организации «Союз Отцов». Отдельные участники и гости мероприятий данных организаций заявляют о том, что «отец – это глава семьи» [1], но в целом, реализуя проект СтартПап, его организаторы считают, что «должно появиться центристское, массовое светское сетевое объединение отцов, сконцентрированных на полноценном продолжении рода и воспитании подрастающих поколений в интересах семьи и страны» [14].

Подводя итоги, следует сказать, что на международном и российском уровнях, а также во внутривнутриполитическом пространстве РФ существует рассогласование по вопросам семейной политики. Артикулируемая государством политика традиционных семейных ценностей, направленная на решение демографических задач, ставит под вопрос гарантированное основным законом равноправие мужчин и женщин. В целом под влиянием государственной семейной политики в РФ формируется сетевое просемейное гражданское сетевое общество, организации которого ориентированы на различную онлайн и офлайн деятельность – информационную, просветительскую, пропагандистскую, проективную и т. д. Общественные объединения, поддерживаемые грантами государства, также продвигают идеологию традиционных семейных ценностей и нацелены на реализацию пронаталистских задач. На наш взгляд, государственная семейная политика требует корректировки, а именно – учета принципа равных прав и равных возможностей женщин и мужчин, а также дополнительных финансовых ресурсов.

#### **Список источников:**

1. 5-й ежегодный Папа Фест 2018. Новый формат. 8000 гостей // Фонд «Отцовство» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nnfo.ru/5-й-ежегодный-папа-фест-2018-новый-формат/>. – Дата доступа: 16.12.2020.
2. АНО «Семья России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://semyarossii.ru/ano-qsemya-rossiiq.html>. – Дата доступа: 15.12.2020.

3. Ассоциация организаций по защите семьи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aozs.ru>. – Дата доступа: 11.12.2020.
4. Законопроект № 284965-3 «О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации» // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/284965-3>. – Дата доступа: 14.12.2020.
5. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года // Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2014/08/29/semya-site-dok.html>. – Дата доступа: 13.12.20.
6. Кутейников, А.Е. Вопросы семьи в «семье» ООН (20-летие международного года семьи) / А.Е. Кутейников // Вестник Томского государственного университета. История. – 2014. – № 6 (32). – С. 80–88.
7. Мирошниченко, И.В. Сетевые сообщества в публичном пространстве политики: субъектные характеристики и ресурсы управляемости // Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы / И.В. Мирошниченко И.В. // Материалы Ежегодной всероссийской научной конференции с международным участием РАПН 2020, Москва, МПГУ, 27–28 ноября 2020 г. / Под ред. Гаман-Голутвиной О.В., Сморгунова Л.В., Тимофеевой Л.Н. – М.: МПГУ, 2020. – С. 339–340.
8. Общероссийская общественная организация «Семьи России» открыла в Тверской области юридическую приемную для многодетных семей // ТИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tvernews.ru/news/205345/>. – Дата доступа: 12.12.2020.
9. План публичных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства от 9 октября 2018 г. № 629. // Информационный портал Десятилетия детства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://10letie.edu.gov.ru/images/document/План%20публичных%20мероприятий,%20проводимых%20в%20рамках%20Десятилетия%20детства%20\(2\).pdf](https://10letie.edu.gov.ru/images/document/План%20публичных%20мероприятий,%20проводимых%20в%20рамках%20Десятилетия%20детства%20(2).pdf). – Дата доступа: 12.12.2020.
10. Постановлении «О государственной программе Тверской области "Развитие демографической и семейной политики Тверской области" на 2020–2025 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/561773090>. – Дата доступа: 12.11.2020.
11. Прогресс женщин мира в 2019–2020 годах. Семьи в меняющемся мире // UN Women [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www2.unwomen.org/-/media/headquarters/attachments/sections/library/publications/2019/progress-of-the-worlds-women-2019-2020-en.pdf?la=ru&vs=3512>. – Дата доступа: 12.12.2020.
12. Росмолодежь запустила платформу «Молодая семья онлайн» // Российский союз молодежи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ruy.ru/press/news/rosmolodezh-zapustila-platformu-molodaya-semya-onlayn/>. – Дата доступа: 12.12.2020.
13. Совет по правам человека ООН впервые принял просемейную резолюцию. Семья, Любовь, Отечество. Межрегиональное общественное движение // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.semplot.ru/semeynaya->

politika/2850-sovet-po-pravam-cheloveka-oon-vpervye-prinyal-prosemejnyuyu-rezolyutsiyu. – Дата доступа: 12.12.2020.

14. Старт Пап. ШКОЛА ЛИДЕРОВ. Отцы 3.0. // vk [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/startpap>. – Дата доступа: 12.12.2020.

15. Тверская семья. Родители и дети. // vk [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://vk.com/tverreg\\_family](https://vk.com/tverreg_family). – Дата доступа: 12.12.2020.

16. Устав Межрегионального союза общественных объединений многодетных семей // МСООМС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL.<https://mcoomc.ru/pdf/ustav.pdf>. – Дата доступа: 12.12.2020.

17. Федеральный пилотный просемейный проект «ЗаРождение» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aozs.ru/zarozhdenie/o-proekte.html>. – Дата доступа: 12.12.2020.

18. Фонд президентских грантов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://президентскиегранты.рф/public/contest/directions/family>. – Дата доступа: 12.12.2020.

19. Я-родитель [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ya-roditel.ru>. – Дата доступа: 12.12.2020.

*К.И. Костиневич, ассистент  
kostinevich.kirill@mail.ru  
БГЭУ (Минск, Беларусь)*

## **ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК КАНАЛЫ И СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Институты гражданского общества в процессе взаимодействия власти и общества могут исполнять роль, как субъектов, так и каналов опосредованной политической коммуникации. Органом власти, который позволяет им эффективно выполнять данные функции, выступает парламент. Рассмотрев данные за 2000–2020 гг. об основных местах работы парламентариев Национального собрания Республики Беларусь до избрания, можно сделать вывод, что наибольшее представительство среди организаций гражданского общества в данном органе власти, за исключением политических партий, имели молодёжные организации, РОО «Белая Русь» (далее – «Белая Русь») и Федерация профсоюзов Беларуси (далее – ФПБ).

С 2000 г. работники профсоюзов ФПБ в Парламенте были представлены на постоянной основе. Так, в состав Палаты представителей II–VII созывов входило 9 работников профсоюзов ФПБ. В каждом составе Совета Республики III–VI созывов было по одному члену с основным местом работы в профсоюзах ФПБ, VII созыва – 2 [9]. Также в Парламент избирается большое количество членов ФПБ, основной род деятельности которых не связан с профсоюзной деятельностью. К примеру, в 2004 г. в Палату представителей «были избраны 45 депутатов, строивших свои предвыборные программы на основе платформы

Федерации профсоюзов Беларуси» [1, с. 6]. По данным Информационно-аналитического центра при Администрации Президента (далее – ИАЦ), в 2016 г. был зафиксирован спад уровня доверия к профсоюзам ФПБ с 56% до 51%, а уровень недоверия вырос с 28% до 36% [7, с. 24–25; 8, с. 17]. Представляется, что роль ФПБ как субъекта политической коммуникации в наибольшей степени проявилась в 1990-е – начале 2000-х гг., в результате чего на президентских выборах 2001 г. единым кандидатом от оппозиции стал, на тот момент времени, глава ФПБ В. И. Гончарик, который набрал 15,65% голосов избирателей [9].

Количество законопроектов, рассматриваемых и/или инициируемых ФПБ, отражает рост потенциала данного объединения во взаимодействии с органами власти. Так, в 2002 г. в ФПБ было направлено на согласование 9 законопроектов, в 2018 г. данный показатель равнялся 110 [1, с. 6; 7]. После принятия постановления Совета Министров Республики Беларусь от 10 августа 2015 г. № 674 «О внесении изменений и дополнений в Регламент Совета Министров Республики Беларусь» в ФПБ направляются проекты НПА по вопросам, затрагивающим трудовые и социально-экономические права и интересы граждан, для внесения возможных замечаний и предложений.

«Белая Русь» была зарегистрирована в декабре 2007 г., и менее чем через год в составе Национального собрания Республики Беларусь IV созыва «свыше трети сенаторов Совета Республики и почти каждый второй депутат Палаты представителей» [5] представляли данное объединение. По результатам парламентских выборов 2012 г. в составе Палаты представителей 63 депутата были членами «Белой Руси» [11], в составе Совета Республики VI созыва представляли данное объединение 34 члена, в Палате представителей – 68 депутатов [10]. В составах Палаты представителей V–VII созывов входило три депутата, для которых основным местом работы являлась «Белая Русь». В составе Совета Республики VI созыва был представлен один работник «Белой Руси», VII созыва – ни одного [9].

В качестве медиа-каналов коммуникации «Белая Русь» имеет сообщества в социальных сетях «ВКонтакте» (849 подписчиков на 26.08.2020), «Одноклассники» (131 подписчик), Instagram (1467 подписчиков), Facebook (664 подписчика) и канал на Youtube, на котором самое популярное видео набрало 1700 просмотров за 2 месяца. Указанные медиа «Белая Русь» используются неэффективно, т.к. число подписчиков групп в социальных сетях намного ниже числа её членов и не позволяет транслировать сообщения даже для собственной целевой аудитории.

Проблемы в налаживании коммуникации с обществом находят отражение в уровне доверия к «Белой Руси», который, по данным ИАЦ, в период с 2010 по 2016 гг. не превышал 40% и в 2016 г. равнялся 34,5% при уровне недоверия 34% [8, с. 17].

С другой стороны, данная организация имеет хорошо налаженную коммуникацию с органами государственного управления. К примеру, в состав Республиканского Совета «Белой Руси» по итогам II съезда (2012 г.) входили Первый заместитель Главы Администрации Президента Республики Беларусь

А. М. Радьков, Министр информации О. В. Пролесковский, Министр труда и социальной защиты М. А. Щёткина. В настоящее время в состав Республиканского Совета «Белой Руси» входит министр образования И. В. Карпенко и заместитель Министра сельского хозяйства И. В. Брыло.

В последние годы в Беларуси формируются сетевые сообщества как новый субъект и канал политической коммуникации, который образовался на основе информационных потоков, создаваемых, в первую очередь, в интернете. Людей, которые в качестве приоритетного канала информации выбирают негосударственные интернет- и печатные медиа и разделяют их ценности можно обозначить как «эрац-партию интернета». Эрац-партии на основе медиа представляют собой референтные группы, которые «обеспечивают информационную поддержку и связь с электоратом, способствуют мобилизации различных ресурсов, помогающих в лоббировании тех или иных решений» [3, с. 4].

Высокий потенциал сетевых сообществ проявился в начале 2020 г. с распространением заболевания COVID-19, когда начали формироваться волонтерские и краудфандинговые сети на низовом уровне. С началом президентской кампании 2020 г. сетевые структуры, в первую очередь, сформированные в Telegram, стали формировать петократию в качестве нового субъекта политики и политической коммуникации Беларуси.

Основным каналом передачи информации данных групп, помимо интернета, становятся конфликтные формы коммуникации: обращения и уличные протесты. Так, например, за несколько дней в июле 2020 г. граждане подали около 10000 обращений в ЦИК о пересмотре решения об отказе в регистрации кандидатами в президенты В. Д. Бабарико и В. В. Цепкало [2], что, например, в два раза превышает среднее число обращений граждан, подаваемых в Совет Министров за год (5217 в 2018 г.) [4].

Таким образом, крупнейшие общественные объединения не реализуют в полной мере свой потенциал как участников политической коммуникации в Беларуси. «Белая Русь» и ФПБ обладают большими возможностями в качестве субъектов и каналов при взаимодействии с властью, ввиду их постоянной представленности в Парламенте, наличия высокопоставленных государственных служащих среди членов объединений и возможности влиять на процесс принятия решений. Однако снижение показателей уровня доверия к данным объединениям отражают неэффективность диалога с обществом, что не позволяет им успешно транслировать создаваемые сообщения на широкую аудиторию и выполнять функции медиатора, что говорит о необходимости изменения подходов к работе с гражданами.

В то же время в последние годы в Беларуси сетевые сообщества становятся новым субъектом политической коммуникации, они образуются на основе информационных потоков, создаваемых, в первую очередь, в интернете, их можно обозначить как «эрац-партию интернета». Представляется, что включение сетевых структур при налаживании диалога власти и общества



является важнейшим условием для обеспечения стабильной работы политической системы Беларуси.

#### **Список источников:**

1. Абраменко, Е. Г. Парламентаризм и профсоюзы в Республике Беларусь / Е. Г. Абраменко // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2008. – Вып. 20, № 2. – С. 4–7.
2. Ермошина: Число жалоб, поступивших в ЦИК в последние дни, не подлежит подсчёту [Электронный ресурс] // Белорусский портал TUT.BY. – Режим доступа: <https://news.tut.by/economics/693474.html/>. – Дата доступа: 08.09.2020.
3. Кадлубович Т. І. Політична комунікація в демократизації владних відносин України : автореф. дис. ... канд. політ. наук : 23.00.02 / Т. І. Кадлубович ; Київський нац. ун-т ім. Т. Шевченка. – Київ, 2008. – 17 с.
4. Количество обращений в Администрацию Президента в 2018 году сократилось на 9,5% [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/kolichestvo-obraschenij-v-administratsiju-prezidenta-v-2018-godu-sokratilos-na-95-333796-2019/>. – Дата доступа: 06.12.2020.
5. Начал работу I съезд РОО «Белая Русь» [Электронный ресурс] // Белорусский портал TUT.BY. – Режим доступа: <https://news.tut.by/politics/119936.html>. – Дата доступа: 02.11.2019.
6. О результатах участия Федерации профсоюзов Беларуси в нормотворческой деятельности в 2018 г. [Электронный ресурс] : постановление Президиума Совета Федерации профсоюзов Беларуси, 29 мар. 2019 г., № 72 // Гродненская областная организация Белорусского профсоюза работников образования и науки. – Режим доступа: <http://www.profobr-grodno.by/images/2019/72.29.03.2019.pdf>. – Дата доступа: 02.11.2019.
7. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2015 год / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь ; под общ. ред. А. П. Дербина. – Минск, 2016. – 212 с.
8. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2016 год / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь ; под общ. ред. А. П. Дербина. – Минск, 2017. – 208 с.
9. Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Elections-SRNS5-Soob2.pdf>. – Дата доступа: 20.12.2020.
10. Численность членов РОО «Белая Русь» превысила 50 тыс. человек [Электронный ресурс] // Белорусский портал TUT.BY. – Режим доступа: <https://news.tut.by/politics/105262.html>. – Дата доступа: 02.11.2019.
11. Члены провластной «Белой Руси» получили большинство мест в Палате представителей [Электронный ресурс] // Белорусский портал TUT.BY. – Режим доступа: <https://news.tut.by/politics/312360.html>. – Дата доступа: 02.11.2019.

*М.М. Курячая, доцент,  
mmkur@list.ru  
Кубан.ГУ (Краснодар, Россия)*

## **ПРОБЛЕМЫ СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН И ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ<sup>1</sup>**

Права человека и гражданина, закрепленные в Конституции Российской Федерации в качестве высшей ценности, имеют системообразующий потенциал для всего правового статуса личности. Будучи единственным источником власти, многонациональный народ Российской Федерации реализует свои властные полномочия как непосредственно, с использованием институтов прямой демократии, так и формируя органы публичной власти. Права и свободы человека и гражданина могут быть реализованы как индивидуально, так и с участием других лиц, то есть коллективно. Основная задача общества и государства состоит в том, чтобы создать условия для свободной реализации личности, что в правовом измерении означает наличие у гражданина возможностей для такой реализации, системы гарантий данной деятельности, правовых институтов, форм, средств и механизмов, обеспечивающих эффективную реализацию правового статуса личности. Современное состояние российского гражданского общества характеризуется ростом горизонтальных связей между гражданами, широкими возможностями ситуационной мобилизации и развитием потенциала гражданской самоорганизации. Данные изменения позволяют говорить о наступлении нового этапа развития гражданского участия в осуществлении публичной власти, о модернизации институтов гражданского общества, о сетевизации публично-властной деятельности, о новых вызовах, стоящих перед правовой, прежде всего, конституционно-правовой наукой.

Реализация конституционных прав граждан на участие в управлении делами государства и осуществлении местного самоуправления является многоуровневым явлением, имеющим на каждом уровне (федеральном, региональном, локальном) как общие черты, так и достаточно серьезную специфику. Она происходит как на глобальном, общемировом уровне, когда гражданин осознает не только правовую, но и нравственную связь со своей Родиной, так и на самом низовом уровне – уровне местного сообщества, где самоидентификация связана с самыми насущными нуждами, условиями ежедневного комфорта для себя и своей семьи. В границах местного сообщества гражданин, с одной стороны, более активен, поскольку разрыв между его действием и результатом в системе управления является наименьшим, а с другой – более требователен к органам публичной власти и более ответственен перед окружающими, поскольку именно на этом уровне находятся его

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31771 «Неформальные практики гражданского участия в осуществлении публичной власти: эффекты сетевизации и проблемы правовой институционализации».

повседневные интересы, на локальном уровне его социальная активность связана более с личностью гражданского активиста, нежели с социальной группой, интересы которой он выражает. Вместе с тем, границы местного сообщества, локального социума расширяются до глобальных размеров благодаря современным информационно-телекоммуникационным технологиям, позволяющим в данном контексте использовать опыт и знания людей, находящихся вне пределов локального сообщества.

Человеческий капитал, будучи одной из социально-экономических основ общества и государства, в современных условиях инновационного развития выступает не только фактором обеспечения устойчивости муниципалитета, но и определяет его конкурентоспособность на региональном, национальном, а в отдельных случаях – и на мировом уровне. В силу этого личная вовлеченность жителя в деятельность местного (муниципального) сообщества, каждого гражданина в решение задач социально-экономического развития муниципалитета, чувство сопричастности к успехам страны, региона, города и своего населенного пункта в составе городского округа (то есть части городской агломерации) являются определяющими для формирования институциональной среды городской агломерации (в том числе, волонтерства, социального предпринимательства, умной экономики, системы муниципального управления третьего поколения и др.). Все это невозможно без эффективно работающих и системно взаимодействующих с государственными органами и органами местного самоуправления институтов гражданского общества.

Как общественно-политический институт гражданское общество автономно от институтов государства, его самостоятельность основана на принципах народного суверенитета, приоритета прав и свобод человека, многообразия форм собственности, свободы экономической деятельности, идеологического многообразия, политического плюрализма и многопартийности. Конституция РФ реализует эти принципы через конкретные права и свободы, направленные на достижение стоящих перед гражданами и их объединениями целей, защиту прав и законных интересов граждан, ограничения вмешательства государства в проявления гражданами активных позиций, создание эффективных механизмов воздействия граждан на деятельность государственных органов и органов местного самоуправления и принимаемые ими решения.

Развитие гражданского общества, расширение возможностей институтов гражданского общества по представлению и защите интересов граждан, формирование новых коммуникационных каналов трансграничного взаимодействия между людьми с неизбежностью ведут к росту гражданской активности. Гражданская активность, формируясь как индивидуальная потребность человека в реализации своих прав или интересов социальной группы, с которой он себя ассоциирует, в современных условиях очень быстро объективируется не только перед заинтересованными субъектами, но и перед практически неограниченным кругом лиц, проявившим интерес к такой деятельности.

Гражданская активность как вид социальной активности формируется либо под воздействием обстоятельств, препятствующих гражданину в реализации его прав и свобод (негативная гражданская активность), либо при возникновении у гражданина желания лично принять участие в решении вопросов развития, прежде всего, территории его проживания, его окружающей социально-экономической среды (позитивная гражданская активность). Именно из позитивной гражданской активности выросли и вырастают действенные институты гражданского общества, систематически и продуктивно взаимодействующие с органами публичной власти в общепользующих целях. Тенденцией последнего времени стала самоорганизация граждан для самостоятельного решения общих проблем либо оказания помощи нуждающимся. Стремление совершенствовать окружающий мир с неизбежностью влечет самосовершенствование человека, а в глобальном измерении - рост человеческого капитала соответствующего региона или муниципалитета, повышение спроса на наукоемкую продукцию, развитие творчества и инноваций.

Основная задача общества и государства состоит в том, чтобы создать условия для свободной реализации личности, что в правовом измерении означает наличие у каждого гражданина (либо группы объединившихся на основе общности интересов в реализации своих прав) возможностей для такой реализации, системы гарантий данной деятельности, правовых институтов, форм, средств и механизмов, обеспечивающих эффективную реализацию правового статуса личности. В настоящее время складывается ситуация, когда имеющиеся правовые формы и механизмы реализации прав и свобод граждан в сфере местного самоуправления оказались либо неэффективны, либо неспособны стать средствами подлинной реализации интересов граждан, что повлекло рост конфликтного, а далее – и протестного потенциала. К этим новым вызовам правовая наука оказалась не готовой, поскольку в рамках нормативистского подхода к институционализации сетевой активности правовое регулирование склоняется в сторону ограничений и запретов, вызывающих бурную реакцию отторжения в гражданском обществе.

Сегодняшние правовые инструменты и применяющие их органы публичной власти настроены на вертикально-структурированные институты (партии, общественные организации, органы общественной самодеятельности и т.п.), взаимодействуя с горизонтально-ориентированными и организационно слабо структурированными общностями людей, как правило, только при их протестном проявлении. Этот крен, по нашему мнению, может быть преодолен только в рамках междисциплинарного политико-правового исследования сетевых практик гражданского участия в осуществлении публичной власти, когда государство как основной регулятор общественно-политической жизни сможет организационно-правовыми средствами, опираясь на систему ценностных ориентиров гражданственности и патриотизма, участвовать в самоорганизации граждан в целях наиболее полной реализации их прав, модернизирова существующие и создавая новые механизмы взаимодействия. С

другой стороны, несмотря на высокий уровень изученности рассматриваемых общественно-политических явлений в рамках политологических исследований, имеющие определяющее значение для государственной политики, такие исследования в силу своей специфики не могут предложить надежных и устойчивых правовых форм и механизмов, однако достаточно четко и последовательно указывают на общественные отношения, нуждающиеся в правовом регулировании. По нашему мнению, лишь междисциплинарное социально-правовое и политико-правовое исследование позволит преодолеть возможность искажения выработанных социальными науками подходов в ходе нормативно-правовой и правоприменительной реализации. В этих условиях лишь междисциплинарный подход позволит наиболее быстро и эффективно достичь целей обеспечения социальной стабильности и конституционно-правового развития, преодолеть дефицит объяснительных возможностей социально-правовых явлений, выделив их составляющую, подлежащую и нуждающуюся в правовом регулировании.

В современной российской политико-правовой реальности специфика исследования практик сетевого взаимодействия граждан и органов публичной власти предопределяется тем, что создание эффективно действующих институтов гражданского общества стало фактором развития нашей страны в условиях экономических, политических и гуманитарных санкций. Только стабильная система гарантий экономической деятельности и зримо работающие механизмы участия граждан в решении насущных вопросов организации жизни на местном уровне и управлении государством в целом создают инициативного, предприимчивого и открытого для инноваций гражданина, способного ответственно и самостоятельно действовать как в своих собственных, так и в общих интересах.

*Г.А. Лавриненко, доцент  
h.lavrynenko@kubg.edu.ua  
КУБГ (Київ, Україна)*

## **КОНСОЛІДАЦІЯ ДЕРЖАВИ І ГРОМАДЯНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА ЯК УНІВЕРСАЛЬНИЙ МЕХАНІЗМ БОРОТЬБИ З COVID-19**

Сьогодні для більшості держав ефективність боротьби з COVID-19 визначає сценарії політичних процесів, їх векторність, внутрішньополітичний порядок денний та перспективи подальшого розвитку держав. Пандемія оголила існуючі проблеми взаємодії між державою і суспільством, а також між різними державними інститутами. У той час, коли одні політичні актори намагаються з найменшими втратами вийти з коронакризи, інші - прагнуть одержати максимальну вигоду з перспективою отримання політичних дивідендів. І хоча більшість політичних акторів дотримується позиції про необхідність консолідації зусиль у боротьбі з COVID-19, окремі учасники політичного

процесу намагаються вести свою окрему гру, проявляючи політичний егоїзм, який в майбутньому може призвести до незворотних негативних наслідків для всієї держави.

Мета дослідження – визначити найбільш ефективні механізми виходу держав з коронакризи.

Проблематика функціонування державних інститутів в умовах виникаючих криз викликає науковий інтерес у багатьох вчених по всьому світу. Особлива увага зараз безперечно приділяється питанням, пов'язаним з коронакризою та її наслідками для держав. Зокрема, професор Стенфордського університету, відомий політолог і філософ Ф. Фукуяма висловлює припущення, що держави з дієздатними, легітимними урядами на відміну від держав зі слабким державним потенціалом впораються з коронакризою набагато успішніше. А подальші реформи тільки підвищать їх потенціал і положення на світовій геополітичній арені [1]. З іншого боку, професор політології Принстонського університету Я.-В. Мюллер заявляє про популістів як про додатковий виклик у процесі боротьби з коронакризою, який деструктивним чином впливає на внутрішньополітичну обстановку в державі [2].

Сьогодні для більшості держав COVID-19 став перевіркою на міцність. Стає дедалі очевидним, що ефективність взаємодії держави і суспільства, а також державних інститутів між собою вплине на позиції та роль окремо взятих держав в процесах світової політичної еволюції.

Для подолання коронакризи і підвищення власної політичної значущості державам необхідно буде скласти іспити за двома напрямками. Перший – це здатність до прояву взаємодопомоги і консолідованих дій усіх державних інститутів. І другий – підтвердження власної самодостатності в боротьбі з COVID-19.

Безпосередній контакт з проблемною ситуацією підвищує значущість процесу консолідації держави і суспільства, як здатності розмежовувати проблеми глобального і локального масштабу та єдиним фронтом протистояти поширенню вірусу. Саме консолідація стає універсальним механізмом боротьби з COVID-19 та показником того, що держава, як згуртований конструкт політичних і соціальних інститутів, відбулася, пройшла перевірку на міцність і розвивається в найбільш успішному для себе напрямку.

Однак в умовах демократичного політичного режиму, крім боротьби з пандемією в державах загострюється внутрішньополітична боротьба. Опозиційні сили за допомогою популістських заяв намагаються звести рахунки з чинною владою, отримавши від цього максимум політичних дивідендів. А представникам владних структур не вистачає політичної волі протистояти деструктивним діям опозиції. Іншими словами, в більшості своїй вони бояться критики щодо недотримання ними демократичних принципів [2].

Що стосується держав, де процес управління характеризується ознаками авторитаризму, то тут спостерігається інший обтяжливий аспект в контексті боротьби з пандемією. Прикриваючись кризою, органи державної влади прагнуть до узурпації влади, намагаючись зосередити в своїх руках максимум

повноважень. А реально існуючі проблеми та загрози для життя населення, як то швидкість поширення коронавірусної інфекції в державі, навмисне приховуються. Таким чином створюється лише ілюзія контролю з боку представників влади над ситуацією в державі, що є чреватою негативними наслідками.

Можна з упевненістю припустити, що в майбутньому, після перемоги над пандемією, співвідношення сил між державами істотно скоректується. Причому ключовим показником в боротьбі за лідерські позиції стане не тип політичного режиму, а консолідація держави і суспільства як універсальний механізм в боротьбі з коронавірусом. Саме здатність об'єднуватися перед лицем небезпеки стане найбільш ефективним інструментом у боротьбі з пандемією. Хоча справедливості заради варто відзначити, що оцінка діяльності зв'язки «суспільство-держава» в більшій мірі характерна демократичним політичним режимам і особливо актуальна в питаннях дотримання основних демократичних принципів.

З іншого боку, важливо звернути увагу ще на один аспект в боротьбі з пандемією. А саме на ефективність і швидкість реакції на поширення вірусу в кожній окремій державі. Таким чином можна буде побачити, як одні держави, які продемонстрували навички ефективного державного управління в боротьбі з пандемією, посилять свої політичні позиції, в той час як інші - ослабнуть. Однак і тут треба пам'ятати, що ефективне державне управління без діалогу з громадянським суспільством неможливе.

Підводячи підсумки слід зазначити, що перевірку на міцність в боротьбі з пандемією COVID-19 найбільш ефективно зможуть пройти ті держави, які максимум зусиль спрямують на консолідацію з громадянським суспільством. А також будуть приймати ефективні, оперативні і комплексні управлінські рішення по боротьбі з коронавірусом всупереч побоюванням щодо критики з боку громадянського суспільства і популістів, пов'язаних з обмеженнями прав і свобод населення. Оскільки внутрішня боротьба з опозицією в умовах коронакризи здатна деструктивним чином вплинути на внутрішньополітичну стабільність і консолідацію суспільства в період пандемії. Внаслідок чого можуть виникнути непоправні втрати, що будуть відчутні на рівні всієї держави.

### **Список джерел:**

1. Fukuyama, F. The Pandemic and Political Order. – [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2020-06-09/pandemic-and-political-order>. – Date of access: 16.12.2020.
2. Müller, J.W. (2020). Populists Are Likely to Benefit from the Coronavirus Pandemic. – [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.iwm.at/always-active/corona-focus/jan-werner-mullerhow-populists-will-leverage-the-coronavirus-pandemic/>. – Date of access: 11.12.2020.

*Л.Е. Лойко, доцент  
larisa.loiko@tut.by  
Академия МВД РБ (Минск, Беларусь)*

## **ОБЩЕСТВО В СИСТЕМЕ КОММУНИКАЦИИ**

Элементы общества и его подсистемы активно обмениваются между собой веществом, энергией, информацией. Следовательно, социальные процессы имеют коммуникативный характер [1]. Интерес философии и социальных наук к информационно-коммуникативной природе связей в обществе объясняется рядом причин [2].

Во-первых, накопленные в настоящее время объемы информации и развитие средств коммуникации требуют их измерения, классификации, повышения полноты, точности, пропускной способности при передаче информации. В решении этих проблем активную помощь оказывают математика и кибернетика. Первую теорию связи предложили К. Шеннон и У. Уивер; идею единства процессов управления и переработки информации в сложных системах обосновал Н. Винер.

Во-вторых, использование информации при реализации технико-технологических проектов требует значительных капиталовложений, поэтому необходимо минимизировать степень риска за счет повышения точности информации, внедрения компьютерного проектирования и математического моделирования.

В-третьих, в социальных технологиях и социальном прогнозировании неопределенность информации может привести к созданию неперспективных проектов общественного развития, манипулированию общественным и индивидуальным сознанием, затрагивать гуманитарно-нравственные аспекты бытия общества.

Информационная безопасность как направление деятельности и научных исследований указывает на определенную концептуальную основу, которую формируют такие понятия как коммуникация, информация, фальсификация, сознание, знание.

Формами коммуникации могут быть монолог, диалог, герменевтическое переживание символических форм культуры. Умение понимать и интерпретировать информацию играет важную роль в общении и поведении людей. Эта роль повышается в связи с расширением сферы влияния массовой культуры и характерными для нее образами насилия, агрессии, гипертрофированной сексуальности, нигилизма. Диалог между различными культурами также требует умения понимать свои и уважать чужие ценности.

В процессе массовой коммуникации присутствует цель воздействия на аудиторию, привлечения ее к сотрудничеству, консолидации общественных усилий в критических ситуациях социальной жизни. Манипулирование подменяет эти цели другими, негативными для отдельного индивида, деструктивными для общества.



Под манипуляцией сознанием понимают действия коммуникатора, направленные на изменение психологических установок, ценностных ориентаций, поведения индивидов и целых аудиторий независимо от их желания. Предпосылки и причины манипуляции раскрываются в ряде научных исследований:

- конфликт человека с самим собой (А. Маслоу);
- недоверие по отношению к другим людям (Э. Фромм);
- ощущения страха, тоски, одиночества, беспомощности (экзистенциализм);
- боязнь тесных межличностных контактов (Э. Берн);
- стремление всем нравиться, получать одобрение, оказывать влияние на партнера по общению (З. Фрейд);
- реализация компенсаторного стремления к власти (А. Адлер).

Для достижения цели контроля над аудиторией, ее управляемости и послушности, используются различные технологии манипулирования:

- целенаправленное преобразование информации – умолчание, селекция, «передергивание», искажение, переворачивание;
- сокрытие результатов воздействия;
- использование мишеней воздействия – эксплуатация естественных потребностей человека в безопасности, пище, общности с другими людьми или низменных влечений и агрессивных устремлений человека;
- роботизация – использование стереотипных образцов поведения, отвлечение от осмысленных действий, превращение людей в марионеток, подавление их индивидуальности и унификация мышления.

Виды манипулятивного влияния:

- манипуляция образами – широко применяется в рекламе, поскольку обладает сильным психологическим воздействием;

- конвенциональная манипуляция – опирается на социальные схемы: правила, нормы, традиции, принятые в обществе, социальной группе, семье;

- операционально-предметная манипуляция – основана на таких психических особенностях личности, как сила привычки, инерция, логика исполнения действия;

- манипуляция личностью адресата – стремление переложить ответственность за какое-либо действие на адресата, в то время как в выигрыше остается манипулятор;

- манипуляция духовностью – намеренное искажение представлений о смысле жизни, чувстве долга, культурных ценностях, акцентирование негативных и нигилистических аспектов исторической памяти.

В сознании человека существуют защитные механизмы против манипулирования, в первую очередь когнитивные. Знания как проверенный практикой и удостоверенный логикой результат процесса познания действительности обеспечивают адекватное отражение мира в сознании человека в виде представлений, понятий, суждений, теорий.

Следовательно, коммуникативный процесс представляет собой необходимую предпосылку становления, развития и функционирования

социальной системы [3]. Он обеспечивает связь между людьми, трансляцию социального и культурного опыта, организацию совместной деятельности. Посредством коммуникации осуществляется управление на различных уровнях организации общественной жизни.

На восприятие информации влияет интеллектуальный уровень аудитории. Для аудитории с высоким уровнем образования предпочтительно двустороннее общение, инициирование самостоятельных оценок. Сообщение в этом случае представляет собой текст, который кроме аргументов коммуникатора содержит аргументы противной стороны, сопоставление взглядов. Для аудитории с низким образовательным уровнем рекомендуется использовать одностороннее сообщение, содержащее только аргументы коммуникатора. Оно эффективно и в ситуации, когда аудитория интуитивно согласна с коммуникатором и не подверглась воздействию аргументов противника.

Изучение массовой коммуникации как социального явления и процесса началось в первые десятилетия XX в. и связано с именем немецкого социолога М. Вебера. Он методологически обосновал необходимость изучения прессы в социологическом аспекте, убедительно показав ориентацию периодической печати на различные социальные структуры и ее влияние на формирование человека как члена социума. М. Вебер также сформулировал социальные требования к журналисту, обосновал метод анализа прессы.

Наиболее распространенными каналами и средствами трансляции информации в массовой коммуникации являются радио, телевидение, пресса, интернет [4].

Преимущества Интернет СМИ: оперативность, устойчивость, обилие дополнительной информации; недостатки: малая доступность в регионах, широкие возможности манипулирования сознанием индивида, преобладание информации над знаниями.

Использование этих каналов трансляции массовой информации сопряжено с проблемой включения обратной связи. Очевидно, что в процессе воздействия она не может быть актуализирована в полной мере, поэтому получить ее коммуникатор может опосредованно, на основе аналитической оценки результатов воздействия.

Эффективность коммуникативного процесса зависит от наличия определенных характеристик всех элементов коммуникативной цепи. Формы и особенности их взаимодействия представлены в моделях коммуникационного процесса. Они служат для хранения и расширения информации и знания об оригинале, преобразования и управления им. Рассмотрим основные модели социальной коммуникации.

Модель Лассуэлла. Разработана в 40-е гг. XX в. Американский политолог Г. Лассуэлл был одним из первых исследователей социальной коммуникации. В ней описывается линейный однонаправленный акт коммуникации.

Модель Шеннона-Уивера разработана в конце 40-х гг. XX в. по заказу лаборатории «Белл Телефон», что определило ее технический характер. Модель описывает коммуникацию как линейный однонаправленный процесс. Авторы

выделяют технические и семантические шумы, возникающие в процессе трансляции информации. Первые связаны с помехами в передатчике и канале, а вторые – с искажением передаваемых значений при восприятии содержания. Главная задача – снижение «шума» как дисфункционального фактора в обмене информацией.

Примером искажения может являться наложение сигналов, одновременно проходящих через один канал. Следовательно, отправленное и полученное сообщение могут иметь неодинаковое значение, что затрудняет понимание в коммуникации между социальными субъектами. К функциональным факторам относятся такие элементы коммуникативного процесса как: 1) источник информации, продуцирующий сообщение; 2) отправитель, кодирующий сообщение в сигналы; 3) канал, проводящий, сообщение; 4) цель, или место назначения; 5) получатель.

Понятие обратной связи актуализировано в модели М. де Флер. В ней получили развитие и содержательно модификацию идеи, заложенные в модели Шеннона–Уивера. М. де Флер также описывает коммуникацию как линейный процесс и фиксирует, что полное соответствие смысловых значений отправленного и полученного сообщения является редким событием.

Циркулярная модель коммуникации Шрамма-Осгуда. Хронологически и содержательно данная модель продолжает и развивает модели Шеннона-Уивера и М. де Флер. Она призвана преодолеть упрощенную трактовку коммуникации как однонаправленного линейного процесса. Коммуникационный процесс трактуется как бесконечный, двусторонний, диалоговый.

Таким образом, теория социальной коммуникации приблизилась к комплексной реконструкции информационной динамики современного общества и стала важным компонентом прикладной деятельности.

#### **Список источников:**

1. Андрианов, М. С. Невербальная коммуникация: психология и право / М. С. Андрианов. - Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2007. – 250 с.
2. Связи с общественностью и медиавоздействие: учебное пособие / С.В. Масленченко, Е.Н. Мисун; Л.Е. Лойко, И.В. Ермолинский, Л.М. Беленкова; под общ. ред. С.В. Масленченко; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск: Академия МВД, 2018. – 153 с.
3. Социальная коммуникация в управлении: курс лекций / Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. –Москва: Издательство РАГС, 2009. – 92 с.
4. Чумиков, А. Н. Реклама и связи с общественностью: имидж, репутация, бренд: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки (специальности) «Реклама и связи с общественностью» / А.Н. Чумиков. – Москва: Аспект-Пресс, 2012. – 157 с.

*В.И. Надольская, аспирант  
fanny.black@mail.ru  
ИС НАН Беларуси (Минск, Беларусь)*

## **ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ КОДИРОВАНИЕ В ДИНАМИКЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА (СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС)**

Современное общество находится сегодня на таком этапе своего развития, когда поиск путей выхода из политического кризиса и повышения эффективности национальной государственности требует применения принципиально нового механизма управления социальной реальностью. Как утверждают многие исследователи, человечество нуждается в принципиально новой теории, способной адекватно и корректно формулировать и объяснять многочисленные проблемы, существующие в глобальном мире, намечать пути к адекватному их решению. Ею может стать теория цивилизационного кодирования, позволяющая выйти за рамки научной рефлексии, осмыслить проблему «как развиваться, куда и как идти?» и стать настоящей потребностью общества. Данная теория является уникальным механизмом управления развитием политических процессов, влияющих на уровень развития социумов и личностей. В ее основе находится идея выявления и изучения влияния субъективных факторов и объективных причин на формирование будущего состояния государств и обществ, создание парадигмы их цивилизационного развития, выражение ее в виде цивилизационного кода, создание образов будущего социумов и определение направления и траектории, их вектора движения к нему. Кодирование является одним из важнейших видов познавательной деятельности, играющей важную роль в творческом развитии научного знания. Оно характеризуется вероятностным характером, многовариантностью, сложными характеристиками и параметрами, иногда выраженными в виде качественно-содержательных, ценностно-ориентирующих оценок [1-2].

Стержневым понятием теории цивилизационного кодирования является дефиниция «цивилизационный код». Цивилизационный код – это строго фиксированный набор доминирующих в обществе генетических и социальных знаков и ценностей, символов и духовного опыта, устойчивый комплекс формальных и неформальных принципов и правил, норм и установок трансляции и сохранения исторической памяти, поведенческих форматов и знаний, благодаря которым социальный опыт и смысл жизни, взгляды и традиции, умения и навыки, формы общения и социальные уклады, интеллектуальный и технологический потенциал передаются от поколения к поколению, являются источником жизненных планов, стратегий и перспектив развития, регулируют взаимодействие людей в определенной сфере коммуникаций, формируют комплекс ролей и статусов, способных стать основой для сохранения и развития цивилизационных отношений». Уникальность цивилизационного кода

заключается в том, что он формирует историческое понимание прошлого, порождает определенное отношение к современной социальной и политической реальности и детерминирует создание моделей будущего общества [1-3].

Можно предложить следующее определение «цивилизационного кода». Цивилизационный код – это совокупность основополагающих образцов (моделей) человеческого существования и жизнедеятельности, в которых закреплены основные человеческие жизненные смыслы и ценности, идеи и образы, традиции и инновации, нормы и правила, характеризующие ментальность как отдельных социальных групп и классов, так и населения страны в целом [3, с. 222].

Особое значение для понимания сущности цивилизационного кода имеют традиционные национальные ценности, которые тысячелетиями составляли политическую и духовную, нравственную и мировоззренческую основу белорусского общества. В определенной степени следует подчеркнуть, что их роль и значение настолько велики, что они одновременно могут являться и некими своего рода основаниями цивилизационного кода.

Сущность цивилизационного кода воплощается в его многоаспектной структуре. В качестве основного компонента цивилизационного кода выступают традиционные национальные ценности, традиции и духовные идеалы народа, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную, мировоззренческую основу белорусского общества. Мировоззрение в свою очередь определяет цель и смысл жизни, детерминирует развитие общества и государства [1-2].

Социологические исследования показали, что, несмотря на все фундаментальные изменения, которые произошли в мире в конце прошлого и начале этого столетия, Беларусь сохранила многие традиции, укрепила социально-культурную идентичность, стала более узнаваемой, уважаемой во всем мире, имеет уникальные морально-нравственные ценности, за которые ее уважают во многих концах планеты Земля [4].

Белорусскому национальному сознанию, прежде всего, свойственны идея справедливости как идеала, который должен быть воплощен человеком в жизнь, уважительное отношение к родному краю, забота о сохранении и приумножении его богатств. Эти качества фиксируются в основных факторах цивилизационного кода – эстетических представлениях и патриотических образах, моральных нормах и креативных программах познавательной и преобразовательной деятельности. Это огромный потенциал, который важно укреплять и который должен работать на цивилизационное развитие белорусского общества и формирование модели будущего состояния национального государства [4].

Еще одним системообразующим параметром цивилизационного кода является социальный опыт. Под социальным опытом индивида понимается опыт участия человека в различных видах деятельности и межличностного взаимодействия при исполнении комплекса социальных ролей, наложивший отпечаток на понимание жизни и отношение к ее различным проявлениям, определивший содержание установок и знаний человека, уровень развития его

умений и навыков. Социальный опыт всегда является результатом активного взаимодействия человека с окружающим миром.

Мир смыслов легитимирует жизнь человека в социуме, придает ей осмысленность и порядок, позволяет более отчетливо воспринимать и оценивать историю народа, общества, страны, связывает в коллективной жизни прошлое, настоящее и будущее. Смыслы каждого народа включают свои собственные ценности, не сводимые к ценностям других народов, даже если они называются сходным образом. На основе общих смыслов вырабатываются общие ценности для людей, составляющих один народ, создается культура, характерная для данного народа [5].

Важно выделить функции цивилизационного кода. К ним относятся:

1. теоретическая функция способствует познанию социокультурных, политических и др. явлений и процессов в обществе, отражает социальную реальность и раскрывает присущие ей объективные связи и закономерности;

2. функция социализации означает, что цивилизационный код помогает гражданам и обществу в целом осознать и усваивать существующие ценности, нормы и идеалы, приобщаться к ним, усваивать опыт и традиции, сохранять все это и передавать потомкам;

3. интегративная функция заключается в том, что цивилизационный код сплачивает социально-культурные политические слои и общности, формирует единое социокультурное пространство, способствует возникновению чувства коллективного «мы»;

4. идеологическая функция заключается в том, что цивилизационный код составляет система социально значимых идей, традиций и норм, которые хранят и передают индивиды, социальные классы, слои, группы и общности. Самое яркое выражение данная функция цивилизационного кода находит выражение в идеологии;

5. конструктивная функция – система знаков, символов, средств антропологического и социокультурного характера, человеческие жизненные смыслы и ценности, идеи и традиции, нормы и правила, которые способны мотивировать действие как отдельных индивидов, так и социальных групп, вдохновляют их на активное участие в различных процессах;

6. нормативная функция – содержит определенные ориентиры и нормы, которые направляют и развивают общества, формируют некую общую систему ценностей для общества, этноса, класса, личности;

7. ориентационная функция – помогает ориентироваться в обществе и в социальном пространстве в целом, перенимать социально положительный опыт предыдущих поколений и передавать эти ценности, нормы и ориентиры другим поколениям [6, с. 85–86].

Общественное предназначение цивилизационного кода состоит в том, что в нем накапливаются самые важные знания предыдущих поколений, их исторические достижения, традиции, которыми можно гордиться, опыт, исследовав которые можно будет моделировать социально-политические и

культурные процессы, социальные отношения, определять ближайшие и отдаленные перспективы политические и социального развития общества.

Цивилизационный код – это основополагающие смыслы, действующие в реальной ткани конкретной цивилизации, которые определяют сознание общества, развитие политических и социальных институтов и процессов, конструируют форму и модель государственного и общественного устройства, единую картину жизнедеятельности социума.

#### **Список источников:**

1. Котляров, И.В. Зачем ломать цивилизационный код белорусского общества (социологическое измерение) / И.В. Котляров // Иппокрена – 2017. – № 1. – 126–139 с.
2. Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода: социологическое измерение / И. В. Котляров [и др.]; ред. кол. : И. В. Котляров (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2017. – 392 с.
3. Надольская, В. Цивилизационный код: понятие и сущность / В. Надольская // Иппокрена. – 2018. - № 2. – С. 218-225.
4. Котляров, И. Ценности, пришедшие издалека / И. Котляров // 7 дней – 2018 – № 24. – С. 28.
5. Волконский, В.А. Смысл жизни и история / В.А. Волконский – М.: Изд-во «Мастер Лайн», 2008. – 382 с.
6. Надольская, В.И. Функции цивилизационного кода в динамике социальной сферы. Исследование современных проблем общества в контексте задач социальной работы и социальной безопасности: сборник научных статей студентов и преподавателей. Вып.6 / Сев. (Аркт.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова; [отв. ред. и сост. Н.В. Цихончик]. – М.: Издательство ПЕРО, 2018. – 650 с.

*Э.Н. Северин, зам. декана  
severinvesnik@brsu.brest.by  
БрГУ им. А.С. Пушкина (Брест, Беларусь)*

### **ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

На начальной стадии политико-правовой институционализации идея прав человека неоднократно сталкивалась с противодействием со стороны религиозных институтов, воспринимавших идею универсальных прав человека как проявление греховной автономии личности, как пренебрежение авторитетом духовной власти или как попытку заменить религиозную мораль и идеологию альтернативой светской. Политические основания данного конфликта базируются на расколе союза церкви и государства, на противоречиях, возникших между духовной и светской властью, христианским гуманизмом и радикальным характером социально-политической модернизации. Тем не менее,

в известной степени распространение идеалов свободы религиозной совести, идей антиклерикализма, секуляризма в сознании широких народных масс в эпоху Возрождения и Реформации было подготовлено средневековыми ересями... [1, с. 23].

С историко-политической точки зрения права человека стали логическим завершением процессов Возрождения и Реформации, означавшей системную перестройку католической церкви и государства в соответствии с требованиями грядущей капиталистической эры, противопоставившей сословно-феодальным порядкам, идеологию гуманизма и частного предпринимательства, личной инициативы и свободы, идею независимости мировоззренческих позиций. Процесс политико-правового признания прав человека в европейском цивилизационном пространстве сопровождался становлением суверенных национальных государств, утверждением независимости национальной церкви.

Несмотря на то, что фактически невозможно достичь политического консенсуса в вопросах, в которых замешана религия, начиная с 1960-х годов XX в. большинство церквей одобрило идею универсальных прав человека в целом и свободы совести в частности. Начало этому процессу положил Второй Ватиканский Собор (1962-1965гг.), одним из итогов деятельности которого стало принятие Декларации о религиозной свободе. Следует отметить, что «Римско-католическая церковь – особый актор, совмещающий в себе свойства транснационального неправительственного учреждения и одновременно суверенного государства» [2, с. 168]. К настоящему времени наиболее системно позиции христианских и исламских религиозных институтов в области прав человека представлены в таких сводах и региональных политико-правовых актах, как «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», «Компендиум социального учения Костёла», Всеобщая исламская декларация прав человека, Каирская декларация о правах человека в исламе, Арабская хартия прав человека.

В религиозном понимании творцом человека его прав и свобод утверждается Бог, первоисточниками божественного закона являются священные книги. Основанием христианской концепции прав человека является Библия – основа христианского гуманизма. В Православии неизменно присутствует убежденность в том, что общество, устраивая земную жизнь, должно учитывать не только человеческие интересы и желания, но и Божию правду, данный Творцом вечный нравственный закон, действующий в мире вне зависимости от того, согласна ли с ним воля отдельных людей или человеческих сообществ. Этот закон, запечатленный в Священном Писании, для православного христианина выше любых иных установлений [3, с. 17].

Русская Православная Церковь утверждает, что «политико-правовой институт прав человека может служить благим целям защиты человеческого достоинства и содействовать духовно-нравственному развитию личности. Для этого реализация прав человека не должна вступать в противоречие с богоустановленными нравственными нормами и основанной на них традиционной моралью. Индивидуальные права человека не могут



противопоставляться ценностям и интересам Отечества, общины, семьи. Осуществление прав человека не должно быть оправданием для посягательства на религиозные святыни, культурные ценности, самобытность народа. Права человека не могут служить поводом для нанесения непоправимого урона природному достоянию» [3, с. 18–19].

Современная концепция прав и свобод человека воспринимается Русской Православной Церковью как достижение развития человеческой цивилизации, а также в качестве эффективного института построения отношений как между государствами, так между различными социальными группами внутри одного государства. Официальная церковная позиция по правам и свободам человека признаёт необходимость их соотнесения с национальными традициями, национальным менталитетом, национальной культурой того или иного.

В свою очередь Костёл видит в правах человека фундамент обеспечения достоинства человека «исключительную возможность, которую даёт наше время, через которую подтверждается и укрепляется человеческое достоинство, как черта, которой Бог Создатель наделил своё творение» [4, с. 118]. Ватикан отметил безусловную важность факта международного признания широкой концепции прав человека – принятия Всеобщей декларации прав человека, которую Иоанн Павел II назвал «настоящей вехой на пути морального развития человечества» [4, с. 119].

Исламская концепция прав человека представляет собой совокупность допустимых исламом норм, регулирующих взаимоотношения исламских государств с мусульманами и не мусульманами, проживающими на территории мусульманских государств, направленных на защиту прав и свобод человека.

Из-за специфики религиозной системы ислама в политической области существует принцип неразделённости светской и духовной властей, а в социальной – равенство членов общины и безусловный приоритет общественных целей над индивидуальными [5, с. 67]. Источниками исламской концепции прав человека в первую очередь являются Коран и Сунна (Описание жизни Пророка). После смерти Пророка стали возникать новые проблемы, однозначного ответа на которые в исламских первоисточниках не содержалось. «В связи с этим появилась вторая категория источников мусульманского права и прав человека в исламе, которая приспособила мусульманские правила поведения к потребностям общественного развития... источником второй категории является иджтихад – творческая разработка новых правовых норм», – утверждает российский учёный Насер Аль Али [6, с. 23]. Иджтихад не может проводиться по тем аятам Корана или хадисам (предания о словах и действиях Мухаммада), смысл которых ясен и однозначен, а также по тем проблемам, по которым имеется иджма – единодушное мнение муджтахидов относительно правовых вопросов. «Иджтихадом является либо вынесение независимых решений непосредственно из первоисточников, либо же применение уже решенных предшественниками проблем» [7, с. 265].

«Ведущим конституционным принципом, отражающим влияние исламских институтов и норм на государственное право и одновременно выступающим

правовой основой такого влияния, является признание ислама государственной религией» [8, с. 150]. Ее сторонники утверждают, что исламские источники способны обеспечить эффективную защиту прав и свобод человека, а, следовательно, нет необходимости опираться на международные стандарты в этой области. Четырнадцать столетий назад Ислам дал человечеству идеальный кодекс прав человека. Основная цель этого кодекса – даровать человечеству гарантию чести и достоинства [8, с. 155].

Мы полагаем, и закон, и религия являются нормативными системами. Верховенство прав человека и права основывается, прежде всего, на безусловной ценности личности, приоритете и главенстве закона в политико-правовой системе. В демократических политических системах права человека являются ценностным основанием закона, который в свою очередь является механизмом реализации прав и свобод, накладывая обязательства и ответственность, как на индивидов и институты гражданского общества, так и на государство. Правила поведения в религиозном понимании не имеют обязательной юридической силы, хотя нельзя игнорировать явное влияние религии как источника моральных норм на развитие социальной и политической сфер. Сегодня большинство государств позиционируют ценностно-нейтральный подход, реализуя в государственно-конфессиональных отношениях (конфессиональной политике) принцип идеологического плюрализма.

#### **Список источников:**

1. Савельев, В. Н. Свобода совести: история и теория / В. Н. Савельев. – М. : Высшая школа, 1991. – 144 с.
2. Земляков, Л. Е. Актуальные вопросы взаимоотношения государства и Римско-католической церкви в современной Беларуси / Л. Е. Земляков, А. В. Шерис // Филос. исслед. : сб. науч. тр. / редкол.: Т. И. Адуло (гл. ред.) [и др.] ; НАН Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Белорус. наука, 2016. – Вып. 3. – 292 с.
3. Церковь и мир. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М. : Данил. благовестн., 2000. – 188 с.
4. Кампендый сацыяльнага вучэння Касцёла / Пап. рада «IUSTITIA ET PAX». – Мінск : Про Хрысто, 2011. – 605 с.
5. Малашенко, А. Ислам в политике и политика в исламе / А. Малашенко // Азия и Африка сегодня. – 1991. – № 11. – С. 67–76.
6. Защита прав и свобод человека в арабских странах : монография / Аль Али Насер. – М. : КНОРУС, 2015. – 192 с.
7. Исламский энциклопедический словарь / А. Али-заде. – М. : Ансар, 2007. – 400 с.
8. Сюкияйнен, Л. Р. Мусульманское право: вопросы теории и практики / Л. Р. Сюкияйнен. – М. : Наука, 1986. – 254 с.

*Р.А. Травин, ст. преподаватель  
romantravin@mail.ru*

*А.Ю. Аванесов, студент  
avanesov\_artur99@mail.ru  
НИУ «БелГУ», (Белгород, Россия)*

## **ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ «ФАБРИК МЫСЛИ» В РОССИИ**

Крупные российские «фабрики мысли», большинство из которых находятся в столице, являются важными институтами, способствующими коммуникации представителей экспертно-аналитического сообщества, органов государственной власти, гражданского общества; определенную роль такие «фабрики мысли» играют и в сфере публичной политики. Их деятельность хорошо известна заинтересованным практикам, а функции, типология, влияние на политические процессы стали предметом исследований для многих отечественных ученых. Региональные «фабрики мысли» изучены значительно хуже, хотя, безусловно, есть ряд исследований и по этому направлению. Так, в известной монографии А. А. Балаяна и А. Ю. Сунгурова рассмотрены «фабрики мысли» трех уральских регионов – Свердловской и Челябинской областей, Пермского края [4, с. 200–214]. Развитие «фабрик мысли» в других регионах России анализируется в серии публикаций за авторством А. Ю. Сунгурова [6,7,8]. Обращались к отдельным аспектам деятельности региональных консультативных и экспертно-аналитических структур, некоторые из которых можно рассматривать в качестве региональных «фабрик мысли», и иные исследователи, в частности, Е. А. Шестакова [12], А. В. Атаев [3] и другие. В то же время, можно констатировать, что исследований, посвященных деятельности и развитию «фабрик мысли» во многих регионах России на сегодняшний день нет, как нет и обобщающих работ о региональных «фабриках мысли», например, по федеральным округам. Таким образом, это направление является перспективным для новых научных разработок.

В контексте изучения региональных «фабрик мысли» целесообразно уточнить само это понятие. В научной литературе на данный момент нет консенсуса относительно понятия «фабрика мысли» и его соотношения с такими понятиями как «аналитические центры», «мозговые центры», «центры публичной политики», «научно-исследовательские центры» и др.

В рейтинге Global Go To Think Tank Index Report «фабрики мысли» (think tanks) определены как «исследовательские организации, занимающиеся анализом публичной политики и деятельностью в этой сфере, которые производят политико-ориентированные исследования, аналитику и консультации по внутренним и международным вопросам, тем самым позволяя политикам и общественности принимать обоснованные решения в сфере публичной политики» [13, с. 13].

В одной из работ А. Ю. Сунгурова предложено такое определение: «Фабрика мысли, или “мозговой центр”, – независимая, не ориентированная на прибыль исследовательская организация, созданная в целях обсуждения и, по возможности, проталкивания важных для общественной (публичной) жизни решений, а также продвижения той или иной практической политики в той или иной сфере, отрасли общественной жизни» [1].

А. Чагры обобщил некоторые важные характеристики, присущие «фабрикам мысли», предложенные различными исследователями. Так Д. Стоун, полагает, что они должны быть отделены от государств и других групп интересов, чтобы иметь возможность думать свободно. Согласно мнению П. Диксона, основным является «постоянное существование» этих структур, а не их «отделенность от какой-либо организации или государства». И. Дрор выделил такие признаки: междисциплинарная и научная база, не менее 10–15 специалистов из разных областей; разные методы исследования; интеллектуальная независимость; финансовая поддержка от правительства или других источников; производство научных продуктов, влияющих на политический процесс [11, с. 76]. Н. Ю. Беляева выделяет три основных признака «фабрик мысли»: автономия (исследовательская и финансовая), проведение прикладных исследований (по ее мнению, это наиболее показательная характеристика), наличие установок на влияние и воздействие на процесс выработки, принятия и реализации политических решений [2, с. 15].

Если при изучении региональных аналитических структур применять приведенные выше критерии, то выясняется, что очень малое их число можно отнести к «фабрикам мысли». На наш взгляд, это может ограничивать исследования по теме. Поэтому целесообразно при изучении таких структур либо применять менее жесткие критерии относительно того какую организацию можно считать «фабрикой мысли», либо использовать такое понятие, как «организации с определенными признаками “фабрик мысли”».

Производство интеллектуального продукта, в том числе, проведение прикладных исследований, ориентированных на лиц принимающих решения и/или профессиональные сообщества, а также активное закрытое или открытое продвижение такого интеллектуального продукта – это те критерии, которыми нельзя пренебречь, определяя понятие «фабрика мысли» на любом уровне, включая региональный. Остальные же, на наш взгляд, являются менее существенными. Так, мы провели мониторинг с использованием не только поисковых систем, но и нескольких баз юридических лиц, по всем регионам Центрального федерального округа кроме столицы для того, чтобы выявить структуры, занимающиеся аналитической деятельностью. Если к ним применить критерии, предложенные И. Дрором и рядом других исследователей, то окажется, что в ЦФО, за исключением Москвы, «фабрик мысли» практически нет. Однако, есть организации, которые можно было бы, пусть и с определенной долей условности отнести к этой категории, например, воронежское Агентство региональных социально-экономических проектов, смоленское Агентство интеграционных инициатив, белгородский Институт приграничного

сотрудничества и интеграции и некоторые другие. Кроме того, есть структуры, которые также производят аналитический продукт, среди них, учрежденные органами региональной государственной и муниципальной власти, такие как Институт муниципального развития и социальных технологий в Белгороде, Институт развития стратегических инициатив в Ярославле, Аналитический центр Костромской области. А также центры при вузах, такие как Лаборатория социально политических исследований и прогнозирования в Тульском государственном университете или Центр изучения США в Тамбовском государственном университете им. Г. Р. Державина. Есть и другие примеры. Полагаем, что при изучении региональных «фабрик мысли», следует обращать внимание и на такие структуры.

Развитию региональных «фабрик мысли» сегодня препятствует целый ряд факторов, выделим наиболее значимые на наш взгляд. Это, во-первых, отсутствие традиций взаимодействия на системной основе экспертных аналитических организаций и органов государственной и муниципальной власти, во-вторых, неумение или нежелание многих организаций подавать свой интеллектуальный продукт в форме традиционной для «фабрик мысли» и заниматься его продвижением в публичном пространстве и органах власти. А дефицит ресурсов является уже следствием этих проблем. В то же время, такой продукт является достаточно востребованным. Иллюстрацией такой востребованности могут послужить исследования, подготовленные в рамках проекта «Открытая аналитика», участниками которого являются оба автора.

Так в 2018 г. был опубликован обзор публикаций из базы Российского индекса научного цитирования, ориентированный на практиков [10]. Исследование вызвало интерес у профильных органов исполнительной власти в Белгородской и Тверской областях, а также в Республике Коми. В 2020 г. был опубликован аналитический доклад «ЕАЭС в публикациях ведущих западных “фабрик мысли” в 2019 г.» Он был дважды презентован на площадке Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова, были материалы в СМИ, посвященные исследованию, в том числе белорусских [9], также исследование было замечено экспертным и академическим сообществом, в частности, состоялась презентация на кафедре политологии БГЭУ. Кроме того, в рамках проекта проводятся количественные исследования активности глав муниципалитетов региона в социальных сетях, информация о нем активно публикуется муниципальными ведущими региональными и некоторыми федеральными СМИ. Следует отметить, что подобные проекты также могут в перспективе стать базой для создания региональных «фабрик мысли».

Резюмируя, отметим, что на сегодняшний день региональных «фабрик мысли» в субъектах РФ очень мало и есть значительный потенциал для создания и развития таких структур, что, в свою очередь, было бы полезно для развития самих регионов и страны в целом, чему способствовало бы появление новых идей, качественных аналитических материалов, практических рекомендаций по широкому кругу актуальных проблем.

### Список источников:

1. «Фабрики мысли» и Центры публичной политики: международный и первый российский опыт. Сб. статей [Электронный ресурс] / Под редакцией А.Ю. Сунгурова. – СПб: Норма., 2002. – Режим доступа: <http://strategy-spb.ru/index.php?do=biblio&doc=173%20>. – Дата доступа: 28.12.2020.
2. Аналитические сообщества в публичной политике: глобальный феномен и российские практики / Н. Ю. Беляева (отв. ред.). – М. : Российская ассоциация политической науки (РАПН), 2013. – 253 с.
3. Атаев, А. В. Об информационно-аналитическом центре российского института стратегических исследований в Ростове-на-Дону / А. В. Атаев // Гуманитарий Юга России. – 2013. – №1. – С.159–166.
4. Балаян, А. А. Фабрики мысли и экспертные сообщества / А.А. Балаян, А.Ю. Сунгуров. – Санкт-Петербург : Алетей, 2016. – 240 с.
5. Белая, Н. ЕАЭС воспринимается западными экспертами как политический, а не как экономический союз [Электронный ресурс] // Thinktanks.by. – Режим доступа: <https://thinktanks.by/publication/2020/09/23/eaes-vosprinimaetsya-zapadnymi-expertami-kak-politicheskiy-a-ne-kak-ekonomicheskii-soyuz.html>. – Дата доступа: 28.12.2020.
6. Сунгуров, А. Ю. Власть и экспертное сообщество: институты и практика взаимодействия в российских регионах / А. Ю. Сунгуров // Власть и элиты. – 2015. – Т.2. – С.190-208.
7. Сунгуров, А. Ю. Институты-медиаторы в современной России: случай Саратовской области / А.Ю. Сунгуров // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2012. – Т.8. – №4. – С.142–162.
8. Сунгуров, А. Ю. Фабрики мысли и экспертное сообщество в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и на Северном Кавказе / А.Ю. Сунгуров // Политическая концептология. – 2017. – №2. – С.115–137.
9. Травин, Р. А. ЕАЭС в публикациях ведущих западных «фабрик мысли» в 2019 году : аналитический доклад / Р.А. Травин, А.Ю. Аванесов. – М. : «Перо», 2020. – 116 с.
10. Травин, Р. А. Современные практики работы с молодежью: аналитический обзор публикаций из базы Российского индекса научного цитирования / Р.А. Травин, И.Н. Гукова. – Белгород: «Политерра», 2018. – 302 с.
11. Чагры, А. «Мозговые центры» и политический процесс: роль и значимость в принятии решений / А. Чагры // Вестник ЗабГУ. – 2019. – №4. – С. 75–85.
12. Шестакова, Е. А. Аналитическая продукция информационно-аналитических центров культуры в регионах / Е. А. Шестакова // Труды СПбГИК. – 2015. – Т.211. – С. 36–43.
13. McGann, J.G. 2019 Global Go To Think Tank Index Report / J.G McGann. – University of Pennsylvania, 2020. – 270 p.

*А.В. Федотов, соискатель  
fedotovav@yandex.ru  
ИСПИ РАН (Москва, Россия)*

## **СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ УЧАСТИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА**

Совершенствование механизмов участия институтов гражданского общества в социально-экономическом развитии региона может осуществляться по разным направлениям. Одно из них - активное участие данных институтов в региональных программах, принятых на республиканском и местном уровнях. В настоящее время все субъекты Российской Федерации имеют стратегические программы развития и, как правило, в них обозначено участие институтов гражданского общества. Так, с 01.01.2020 в РС(Я), согласно «Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 года с целевым видением до 2050 года» [1] реализуются 26 государственных программ, в которых принимают активное участие институты гражданского общества, действующие на территории Республики.

Участие в таких программах дает возможность институтам гражданского общества получать финансовую поддержку и упрочить их положение как равноправного партнера с государственными структурами в экономическом и социальном развитии региона. Однако, как показал проведенный анализ программ, принятых в РС(Я), они нуждаются в совершенствовании. Например, имеет место некачественное планирование прогнозной оценки показателей; планирование мероприятий в рамках той или иной программы не всегда увязано с ее конечными результатами, да и планируемые мероприятия могут вообще не содержать конкретных показателей; наличествуют показатели, которые не поддаются количественной оценке; в ряде случаев занижен объем финансовых средств для реализации конкретной программы.

Среди направлений совершенствования механизмов участия институтов гражданского общества в социально-экономическом развитии региона и выдвижение проектов в экономической и социальной сферах, инициированных общественными объединениями бизнес-сообщества. Так, региональное отделение «Деловой России» выдвинуло и реализовало проект создания платформы коллективного финансирования социальных инициатив «Начинание.ру», значимого для развития малого и среднего бизнеса.

В качестве перспективного направления, инициированного общественными объединениями предпринимателей региона, следует назвать и проект «Индекс административного давления – 2020». Для улучшения результатов Индекса (по итогам 2019 года РС(Я) заняла 77 позицию, значительно ухудшив показатели 2018 года) указанные объединения разработали ряд предложений, адресованных контрольным и надзорным органам (в частности, среди предложений: шире использовать институт предупреждения, применять иммунитет к объектам

контроля, надзора для тех субъектов, которые являются добросовестными предпринимателями, и пр.). Институты гражданского общества активно участвуют и в составлении национального рейтинга инвестиционного климата в регионе.

Институтами гражданского общества региона, выражающих интересы бизнеса, предлагается на цифровой основе создать единый реестр данных институтов, реформировать их деятельность с учетом принятых соответствующих федеральных и региональных программ; использовать Искусственный Интеллект (ИИ) при создании системы мер поддержки бизнеса, прежде всего, малого и среднего предпринимательства.

Действенным механизмом участия институтов гражданского общества в региональном экономическом развитии, который следует совершенствовать и далее, выступают совместные обращения данных институтов к федеральным и региональным властям. В частности, среди недавних таких обращений – обращения к ФНС России, Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Минэкономки России и др.

В настоящее время якутские предприниматели, как и предприниматели всей страны, обеспокоены вопросом, как сохранить бизнес в условиях пандемии коронавируса COVID-19. В связи с этим большинство общественных организаций и объединений региона, выражающих интересы бизнеса, выработали свои «тезисы выживания», то есть представили систему мер, которая поможет бизнесу стабильно функционировать в этих условиях. Так, Якутское региональное отделение «Деловой России» предложило в целях сохранения числа занятых применять районные коэффициенты, северные надбавки при утверждении порядка предоставления прямой безвозмездной финансовой помощи субъектам малого и среднего предпринимательства наиболее пострадавших отраслей; предоставлять право отсрочки по страховым взносам всем таким субъектам, входящих в соответствующий единый реестр, и пр.

С учетом изложенного, можно утверждать, что действующие в Республике Саха (Якутия) институты гражданского общества обладают значительным потенциалом обеспечения устойчивого позитивного социально-экономического развития региона, а среди направлений совершенствования механизмов их участия в данном развитии можно выделить следующие:

1. Решение задачи совершенствования системы государственного управления, следует начинать с разработки концепции новой модели государственного управления – формирования региональной стратегии в виде «региональной доктрины» и разработки региональной системы стратегических целей и задач [2, с.83]. Активное участие в проектах социально-экономического развития региона, выдвигаемых федеральными и региональными государственными структурами, органами местного самоуправления. Такое участие должно планироваться заранее, а его объем устанавливаться в процессах совместных обсуждений представителей публичной власти и институтов гражданского общества. При этом, как показал проведенный анализ, к данному участию должны привлекаться не только общественные организации и



объединения, представляющие интересы бизнеса, но и иные институты гражданского общества, нацеленные на дальнейшее социальное и экономическое развитие региона.

2. Разработка и реализация проектов институтов гражданского общества. Одним из действенных механизмов участия институтов гражданского общества, который следует развивать и в дальнейшем, являются проекты, нацеленные на социально-экономическое развитие региона, разрабатываемые в самих институтах гражданского общества. Например, в настоящее время Партия «Единая Россия» в Республике Саха (Якутия) осуществляет 17 проектов, 3 из которых - региональные. В рамках этих проектов реализуются: выдвижение законодательских и иных инициатив, организация партийного и парламентского контроля, проведение мониторингов, обсуждения с привлечением экспертного сообщества, обобщение и распространение лучших практик, проведение мероприятий в рамках федеральных и региональных сельскохозяйственных выставок и ярмарок, профессиональных конкурсов и пр. Вместе с тем в качестве мер по дальнейшему совершенствованию механизмов участия институтов гражданского общества в социально-экономическом развитии региона следует предложить и иным партиям и общественным объединениям обозначить данное участие именно через проекты, как это реализуется в Партии «Единая Россия», общероссийской общественной организации «Деловая Россия», общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России» и др.

3. Необходимо развивать и совместные проекты институтов гражданского общества. Таковым является, например, проект «Достойный труд», координаторами которого выступают Федерация профсоюзов Республики Саха (Якутия) и Якутское региональное отделение Партии «Единая Россия». Среди направлений данного Проекта, который рассчитан на ближайшие годы: «Достойная заработная плата», «Охрана и улучшение условий труда в РС(Я)», «Социальная защищенность», «Эффективное социальное партнерство», «Создание новых рабочих мест для маломобильной группы населения» [3]. В рамках Проекта оказываются консультационные услуги организациям по разработке и заключению коллективных договоров между работодателями и трудовыми коллективами, бесплатная юридическая помощь по вопросам охраны труда, а также социально-трудовых отношений, разрабатываются меры по выявлению неформальной занятости и снижению его уровня, легализации трудовых отношений и пр.

4. Перспективным механизмом участия институтов гражданского общества в экономическом развитии региона является государственно-частное партнерство с привлечением НКО (точнее такое партнерство обозначить как «общественно-государственное партнерство»), в том числе и социально-ориентированных НКО (например, в сфере оказания социальных услуг).

5. Важно и развитие механизмов межсекторального социального партнерства, объединяющих НКО, государство и бизнес-структуры [4]. Именно в сфере реализации социально значимых проектов такое партнерство

представляется весьма эффективным и необходимым. В рамках социального партнерства возможно объединение ресурсов и потенциала каждой из обозначенных сторон в целях развития экономики и социальной сферы региона. Вместе с тем в ракурсе указанного партнерства возможно и двухсекторное партнерство, например, институтов гражданского общества и бизнеса (частно-общественное партнерство, как то: социальный франчайзинг; аутсорсинг социальных проектов, выдвигаемых бизнес-структурами; социальное предпринимательство). В результате реализации межсекторального социального партнерства решаются не только задачи экономического развития региона, но и часть социальных обязательств государства передается институтам гражданского общества и бизнесу. Совместное же решение региональных проблем ведет к повышению легитимности данных решений. При этом формируется имидж бизнеса как социально ответственного, а бизнес-структуры и институты гражданского общества получают дополнительное финансирование. Но самое главное - от такого партнерства выигрывает население региона.

6. Важно продолжать развитие и уже устоявшихся механизмов участия институтов гражданского общества в развитии экономики региона: проведение ежегодных форумов, постоянных бизнес-семинаров, мероприятий по популяризации предпринимательской деятельности и пр.; участие в составлении региональных экономических рейтингов, работе государственных и общественных институтов в регионе, экспертных группах; создание цифровых консультационных платформ, площадок для обсуждений и выработки решений, диалога с публичной властью, цифровых платформ коллективного финансирования экономических и социальных инициатив (по типу «Начинание.ру») и пр.

#### **Список источников:**

1. Закон Республики Саха (Якутия) от 19.12.2018 2077-3 №45-VI «О Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 года с целевым видением до 2050 года» [Электронный ресурс] : принят Постановлением Государственного Собрания ; Ил Тумэн ; Республики Саха (Якутия) от 19.12.2018 3 №46-VI // Консультант Плюс.
2. Ильичева, Л. Е. Разработка региональной стратегии: новые подходы и критерии / Л. Е. Ильичева, А. В. Лапин // Власть. – 2019. – № 5, т. 27. – С. 83.
3. Якутское региональное отделение Партии «Единая Россия». Проект «Достойный труд» в Республике Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proekty.er.ru/node/42>; <https://proekty.er.ru/node/41246>. – Дата доступа: 01.11.2020.
4. Грищенко, Ю. И. Межсекторное социальное партнерство: НКО, государство, бизнес / Ю. И. Грищенко // Некоммерческие организации в России. – 2014. – № 5. – С. 39–45.

## 5. СОВРЕМЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА И ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА

---

*Т.В. Лемешова, старший преподаватель  
apriori3030@yandex.ru  
РИБШ (Минск, Беларусь)*

### МАРКЕТИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Современные парттологи отмечают, что традиционные политические партии как фундаментальные институты гражданского общества стремительно теряют свою легитимность. Данное обстоятельство связано как с исчезновением традиционной социальной базы классических партий в лице крестьянства, рабочего класса, мелкой и средней буржуазии, традиционно пополнявших ряды аграрных, социалистических, социал-демократических и иных партий, так и с неэффективностью устаревших методов работы с потенциальными избирателями. Для конкурентоспособного и эффективного присутствия партий на современном политическом поле, их деятельность должна быть реализована в контексте политического маркетинга. Такой подход позволит традиционным акторам гражданского общества в перспективе выстроить эффективную коммуникацию с гражданами.

Российский политолог Д. В. Покрищук отмечает, что политическая партия «не только задействует маркетинговые технологии в своей деятельности, но и изменяется для более эффективного их использования» [2, с. 9]. Использование маркетингового подхода наполняет специфическим содержанием деятельность политических партий.

Во-первых, деятельность политической партии рассматривается в условиях организации обмена на политическом рынке и состоит из следующих этапов: создание политического продукта, определение его цены, каналов распределения и средств продвижения на рынок.

Во-вторых, маркетингизация деятельности предполагает позиционирование и анализ политического рынка с позиций его сегментирования.

Позиционирование представляет собой комплекс мероприятий политической партии, задача которых состоит в определении в сознании целевой группы особого, выгодного, отличного от других места политической партии, которое подчеркивает преимущества и указывает на слабые позиции конкурентов. К позиционированию политической партии могут быть адаптированы типы коммерческого позиционирования, предлагаемые классиком маркетинга Ф. Котлером: позиционирование по атрибуту (свойству), преимуществу, применению, потребителю, конкуренту, продукту, соотношению «цена – качество» [1].

В-третьих, принципиально меняется положение избирателя в процессе взаимодействия с политической партией. Анализ интересов и ожиданий избирателя лежит в основе создания политического продукта.

В-четвертых, нацеленность на долгосрочные отношения с членами и сторонниками партии, избирателями. Российский политолог А. Н. Ткаченко акцентирует внимание на необходимости перехода «... от экстенсивного, мобилизационного, по своей сути, формата» [4, с. 3] к выстраиванию долгосрочных, основанных на доверии отношений.

В-пятых, большое значение приобретает внутренний маркетинг, предполагающий создание такой структуры политической партии, которая будет эффективно функционировать в условиях рынка, и ориентация на комплексность использования маркетинговых технологий. Российский политолог А. А. Твердов подчеркивает: «Политический маркетинг не следует сводить лишь к проведению избирательной кампании. Это понятие более широкое, включающее в себя комплексную систему методов и приемов целенаправленного воздействия на население с целью поддержки им выдвигаемых целей» [3, с. 17].

Изменения в политической сфере общества подталкивают политических акторов все активнее и шире использовать инструменты политического маркетинга, что приводит к существенной трансформации деятельности политической партии.

#### **Список источников:**

1. Котлер, Ф. Маркетинг менеджмент : экспресс-курс / Ф. Котлер ; пер. с англ. Д. Раевской. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2006. – 464 с.
2. Покришук, Д. В. Политический маркетинг в деятельности партий: зарубежный и отечественный опыт : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Д. В. Покришук ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М., 2009. – 24 с.
3. Твердов, А. А. Политический маркетинг: коммуникативное взаимодействие политической власти и общества : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / А. А. Твердов ; Мос. гос. открыт. пед. ун-т им. М. А. Шолохова. – М., 2005. – 28 с.
4. Ткаченко, А. Н. Политический маркетинг в контексте модернизации политической системы: региональный аспект : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / А. Н. Ткаченко ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2012. – 21 с.

*О.С. Носкова, заведующий лабораторией  
lodovao@rambler.ru  
АУнПРБ (Минск, Беларусь)*

## **СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОДБОРУ КАДРОВ ДЛЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ**

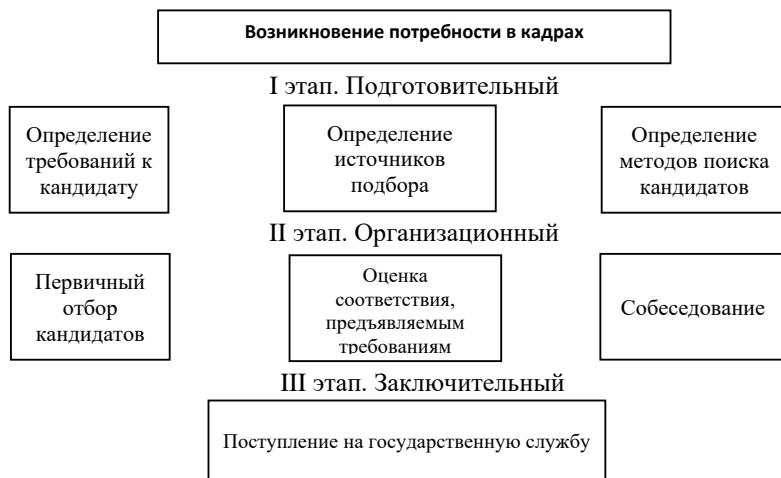
Современные процессы социально-экономической трансформации в Республике Беларусь обуславливают необходимость повышения эффективности деятельности государственного аппарата. Результаты реформ, проведенных в стране с 2010 по 2020 гг., наглядно демонстрируют взаимосвязь между результатами реализации государственной кадровой политики и результатами социально-экономического развития. Важное место в данном контексте отводится работникам идеологической вертикали. Поскольку профессионализм идеологического работника, его компетентность в различных областях знания (экономика, право, теория и практика государственного управления, социология, психология и др.) обеспечивают высокий уровень и эффективность идеологического сопровождения государственной политики.

Квалификационные требования к знаниям, практическим навыкам, деловым и личностным качествам идеологических работников возрастают с каждым годом. Глава белорусского государства в Послании белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь в апреле 2013 года акцентировал внимание на необходимость выработки «новой системы выявления молодых талантливых людей и их выдвижения на значимые позиции и в государственном аппарате, и на предприятиях... Надо активнее вовлекать в этот процесс молодежь». Вопросы ведения идеологической работы с молодежью в социальных сетях, подбора кадров для осуществления идеологической работы в условиях стремительно развивающихся цифровых технологий активно обсуждались на республиканском форуме-практикуме «Идеологическая работа в контексте ключевых положений Послания главы государства белорусскому народу и Национальному собранию Беларуси» в июне 2015 года. На актуальность системной работы по подбору кадров из перспективных молодых людей в мае 2019 года указывала Наталья Кочанова.

Действующее законодательство также актуализирует вопрос подбора профессиональных кадров для работы в государственных органах и определяет необходимость расширения источников их привлечения. В частности, Концепцией государственной кадровой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 18.07.2001, № 399 в качестве одного из основных направлений кадровой политики в системе государственного управления закреплена необходимость формирования современных требований к кадрам, совершенствования форм и методов подбора кадров органов государственного управления с учетом их профессиональных и нравственно-психологических качеств.

Таким образом, изучение современных подходов к подбору кадров в условиях открытого информационного общества видится обоснованным, что позволит раскрыть современные методы подбора кадров и научно обосновать предложения по совершенствованию форм и методов подбора кадров для осуществления идеологической работы.

Под процессом подбора кадров, как правило, понимается комплекс мер по поиску и отбору наиболее подходящих кандидатов на вакантную должность, обладающих необходимыми личностными качествами, теоретическими знаниями и практическими навыками, имеющих определенный уровень образования и профессиональный опыт. В идеале кадровая служба совместно с руководителем государственного органа (организации) разрабатывают комплекс требований к профессиональным, деловым и личностным качествам специалиста на конкретную должность, и в дальнейшем используют его как ориентир при подборе кандидатов. Следует отметить, что сам процесс подбора кадров имеет иерархическую структуру и состоит из нескольких элементов (рис. 1).



**Рис. 1 – Процесс подбора кадров**

Примечание – Источник: разработка автора.

Как видим из схемы, на первом подготовительном этапе решаются три основных вопроса: формирование комплекса требований к кандидату; определение источников подбора; установление методов поиска кандидатов.

Заметим, что перечень квалификационных и иных требований для поступления на государственную службу определен Законом Республики Беларусь от 14.06.2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» (в ред. от 23.07.2019) и включает такие требования как гражданство Республики Беларусь, знание государственных языков Республики Беларусь, возраст кандидата (не младше 18 лет), наличие соответствующего образования,

стаж и опыт работы по специальности, знание Конституции Республики Беларусь и законов применительно к исполнению соответствующих должностных обязанностей. Кроме этого, для лиц, впервые поступающих на государственную службу предусмотрена такая форма установления соответствия уровня профессиональных знаний, умений и навыков кандидата как квалификационный экзамен на знание Конституции Республики Беларусь, основ государственной службы Республики Беларусь, государственной кадровой политики, идеологии белорусского государства, государственного регулирования экономики и делопроизводства.

Как правило, подбор кадров для государственных органов (организаций) осуществляется из двух основных источников: внутренних и внешних. К внутренним источникам подбора кадров относят: все виды кадровых резервов, это резерв кадров государственных служащих, резерв руководящих кадров, перспективный кадровый резерв; а также работники (не из числа резервистов), проявляющие интерес к карьерному росту, обладающие необходимыми знаниями, опытом и навыками; работники, уволенные из государственного органа (организации) в связи с ликвидацией или сокращением штата.

Внешними источниками привлечение кадров в сферу государственного управления выступают: выпускники учреждений высшего образования; молодые специалисты, включенные в банки данных одаренной и талантливой молодежи; представители конструктивных общественных объединений (БРСМ, Белая Русь, Союз женщин, профсоюзы); безработные.

В контексте исследования современных подходов к подбору кадров в условиях открытого информационного общества, полагаем обоснованным уделить особенное внимание внешним источникам подбора кадров. Сегодня классические методы и технологии подбора кадров и взаимодействия с кандидатами изменяются. Согласно результатам научных исследований, современный рынок труда на 90 % ориентирован на кандидатов, поиск и подбор кандидатов на работу, в особенности, кандидатов с востребованными навыками, знаниями и опытом, стал довольно сложным и трудоемким. Это влечет за собой смену парадигмы подбора кадров, где значительная роль отводится кадровым технологиям, в основе которых ИКТ.

Одной из наиболее популярных методик подбора кадров сегодня является *маркетинговый рекрутинг*, предполагающий формирование положительной репутации, имиджа государственного органа (организации) в социальных медиа. Исследования показывают, более 75 % соискателей исследуют бренд работодателя перед отправкой резюме. Таким образом, маркетинговый рекрутинг способствует узнаваемости бренда. А бренд в свою очередь – это отражение корпоративной культуры, ценностей, миссии государственного органа (организации). Справедливо заметить, что контент официального сайта государственного органа (организации), аккаунтов в социальных сетях – это своеобразная отправная точка привлечения кадров.

Кроме указанного метода подбора кадров из внешних источников можно отметить такие как:

проведение семинаров, конференций, выставок по актуальным вопросам государственного управления, государственной службы и т.п.;

проведение «Дней карьеры в органах государственного управления» в учреждениях высшего образования;

посещение руководящими лицами государственного органа (организации) общественных объединений;

организация конкурсов профессионального мастерства.

Одним из современных подходов при подборе идеологических кадров является *подбор, основанный на компетентностном подходе*, позволяющий максимально учесть специфику деятельности, определить задачи, которые должны решать идеологические работники различных уровней и ведомств. Справедливо заметить, что в 2011 году НИИ теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь были разработаны квалификационные карты для оценки знаний, способностей и уровня профессиональной подготовки работников идеологической вертикали по 20 идеологическим компетентностям, среди них: идеологическое обеспечение национальной безопасности; правовые основы идеологической работы; понимание идеологии белорусского государства; понимание политических процессов; актуальные вопросы государственной политики (внутренней и внешней); организация идеологической работы; информирование в идеологической работе и др.

Полагаем обоснованным, взять за основу указанные квалификационные карты при подборе и оценке соответствия знаний, умений, навыков, предъявляемым требованиям к кандидатам для осуществления идеологической работы. Следует отметить, что *подбор кадров, основанный на компетентностном подходе*, является универсальным. Поскольку применим для подбора кадров как для осуществления идеологической работы, так и других направлений деятельности в сфере государственного управления.

Важное значение при подборе кадров имеют внутренние источники. Поскольку позволяют кадровым службам государственного органа (организации) значительно упростить подбор «нужных» кандидатов. Для подбора кандидатур для осуществления идеологической работы из внутренних источников обоснованно использовать следующие методы:

освещение информации о вакантных должностях в корпоративной прессе, на информационных стендах;

организация стажировки, практики для студентов (выпускников) учреждений высшего образования с последующим трудоустройством (после прохождения испытательного срока или без него);

разработка совместно с Академией управления учебной программы «Быстрая карьера», предполагающей формирование и развитие необходимых навыков и умений у обучаемых (из числа государственных служащих) по данной программе;



организация внутренних корпоративных профессиональных конкурсов (по типу конкурсов на лучшую постановку идеологической работы в организациях области).

Таким образом, исследование современных подходов к подбору кадров позволили определить комплекс современных методик по подбору кадров из внешних и внутренних источников, аргументировать необходимость их использования при подборе кадров для осуществления идеологической работы.

*Г.А. Острога, ст. преподаватель  
halina.mail@mail.ru  
БГУ (Минск, Беларусь)*

### **КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОСОЮЗА: РЕГИОНАЛЬНОЕ И МИРОВОЕ ЛИДЕРСТВО**

Сегодня Европейский Союз является одним из главных субъектов мировой климатической политики, которая формировалась на протяжении десятилетий. Обеспечение устойчивого развития, являющееся основной целью всей европейской политики, нашло своё отражение в европейских договорах и в его важнейших инициативах. Период с начала 2000-х гг. отмечен быстрым развитием политических документов и целей, амбициозных и новаторских как на региональном, так и на международном уровне.

11 декабря 2019 года Европейская Комиссия представила Европейский зелёный курс. Председатель Европейской Комиссии Урсула фон дер Ляйен тогда заявила: «Европейский зелёный курс — наша новая стратегия экономического роста. Он указывает направление преобразования наших моделей быта и работы, производства и потребления, чтобы наш образ жизни стал здоровым, а наши предприятия — инновационными. Мы все сможем творить эти перемены и воспользоваться возможностями...Наша цель — стать к 2050 году первым климатически нейтральным континентом, замедляя темпы глобального потепления и минимизируя его последствия»[1]. На заседании Европейского Совета 12-13 декабря 2019 года лидеры ЕС утвердили цель достижения Европейским Союзом климатической нейтральности к 2050 году в соответствии с Парижским соглашением. Они также приняли Коммюнике Европейской Комиссии о Европейском зеленом курсе и попросили Совет ЕС способствовать работе в этом направлении [2]. Коммюнике включило в себя Дорожную карту, содержащую перечень документов, которые должны быть приняты или дополнены, а также временные рамки для всех мероприятий.

Очевидно, что ЕС полон решимости стать движущей силой международной борьбы с изменением климата, но также крайне важным является и международное сотрудничество, поэтому европейские лидеры продолжают взаимодействовать на международных площадках с партнерами со всего мира, чтобы претворить политические цели в жизнь. «Я хочу, чтобы борьба с изменением климата стала одним из приоритетов нашего сотрудничества со

странами-партнерами, — сказал Верховный Представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель. — В этой связи мы приступаем к осуществлению «дипломатии зеленого курса»: представительства ЕС активизируют взаимодействие с государствами, призывая поддержать европейскую концепцию перехода к экологичному будущему. Мы воспользуемся всеми имеющимися у нас средствами» [2]. Вслед за ЕС в последние месяцы правительства во всем мире сделали ряд важных заявлений об активизации борьбы с изменением климата.

В качестве подтверждения твердых намерений жестко следовать новому зеленому курсу, 10-11 декабря 2020 г. в Брюсселе прошел саммит ЕС по климату, на котором лидеры ЕС договорились о сокращении выбросов парниковых газов в атмосферу на по меньшей мере 55% к концу десятилетия по сравнению с уровнем 1990 года. Сообщив об этом в своём Twitter председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен добавила, что таким образом "заложен чёткий путь к достижению климатической нейтральности к 2050 году". А глава Евросовета Шарль Мишель с удовлетворением отметил, что Европа стала лидером в борьбе с изменением климата [3]. После итогового заседания Совета Европы в его решении было заявлено, что цель будет «достигнута коллективно» и «наиболее рентабельным способом». При этом «все государства-члены будут участвовать в этих усилиях с учетом соображений справедливости и солидарности, никто не останется без внимания». В документе было отмечено, что Европейский союз «будет уважать право государств-членов определять свой энергетический баланс и выбирать наиболее подходящие технологии для коллективного достижения климатической цели 2030 года, включая переходные технологии, такие как газ» [4]. Очевидно, что принятие подобного решения еще больше ускорит энергетические преобразования в Европе, особенно в области развития возобновляемых источников энергии, и будет только укреплять независимость ЕС в сфере энергетики.

Организация Объединенных Наций, Соединенное Королевство и Франция в партнерстве с Чили и Италией также организовали Саммит по амбициозным задачам в связи с изменением климата 2020 года, который прошел в видеоформате 12 декабря, в день пятилетия принятия Парижского соглашения по климату. Европейский Союз представляли Председатель Европейской Комиссии Урсула фон дер Ляйен, а также Председатель Европейского Совета Шарль Мишель и лидеры некоторых других европейских стран. В своем выступлении Председатель Европейской Комиссии отметила: «55% сокращение выбросов теперь поистине является визитной карточкой Европы. Я рада, что лидеры 27 стран ЕС согласились с предложением Европейской Комиссии повысить уровень амбиций в связи с изменением климата». «Изменение климата — это проблема не только Европы, но и всего человечества. Сейчас во всем мире наблюдается движение по борьбе с изменением климата. В нем участвуют не только влиятельные государства, но и множество городов, некоммерческих организаций, людей доброй воли. Европа хочет содействовать этому движению и его развитию», — добавила она [5].

Чтобы законодательно закрепить политическое стремление стать первым в мире климатически нейтральным континентом (то есть вывести его на нулевой баланс с точки зрения выбросов в атмосферу CO<sub>2</sub>) к 2050 году, Европейская Комиссия представила в марте 2020 года на рассмотрение первый «Европейский климатический закон». Таким образом, закон о климате является частью "Зеленой сделки", в рамках которой Евросоюз планирует принять ряд экономических и социальных мер, направленных на защиту климата. Кроме прочего, речь идет о постепенном отказе от нефти, угля и газа в энергетике и переходе на возобновляемые источники энергии. При этом в законе не описаны конкретные шаги, направленные на достижение этих целей. Документ создает лишь правовые рамки для принятия подобных мер. Окончательный вариант закона о климате еще предстоит согласовать с отдельными государствами-членами Евросоюза. На сегодняшний день основной климатической целью ЕС является сокращение парниковых выбросов. К сентябрю 2023 года и каждые пять лет Еврокомиссия будет проверять, как идет к этой цели каждая страна [6]. Однако эти планы могут натолкнуться на сопротивление правительства ряда стран ЕС, в частности Польши, чье хозяйство зависит от добычи и сжигания угля. Поэтому для выполнения поставленных целей Евросоюзу потребуется потратить немалые средства, прекратить использование ископаемого топлива, изменить потребительские привычки населения и уговорить на это каждую страну. Международные эоактивисты во главе с Гретой Тунберг раскритиковали закон о климате из-за его направленности на долгосрочную перспективу, требуя, чтобы меры по защите климата были приняты не к 2050 году, а как можно скорее. "Нулевые выбросы парниковых газов к 2050 году означают для ЕС поражение", - говорится в открытом письме, опубликованном в интернете уже 3 марта, то есть за день до официального представления закона о климате в Брюсселе. "Нам не нужны цели на 2030 и 2050 годы. Прежде всего, нам нужны цели на 2020 год и каждый последующий месяц и год", - подчеркивают защитники климата [6].

Стремление ЕС к глобальному лидерству и амбиции достижения климатической нейтральности для всей Европы также подразумевают использование так называемой «дипломатии Зелёного курса» и распространение политики озеленения не только на государства-члены ЕС, но и на ближайших соседей Европейского Союза, в частности и через политику Восточного партнёрства [7, с. 8]. По мнению Э.-Т. Амбросетти, ЕС работает над тем, чтобы сделать климат краеугольным камнем своей внешней политики по нескольким причинам. Прежде всего, ЕС стремится действовать как глобальный лидер в области климата, тем самым увеличивая свою мягкую силу и международный статус благодаря имиджу «ответственной силы», выступающей за многосторонность и ответственность за окружающую среду. И все-таки главная причина того, что ЕС уделяет особое внимание климату, вероятно, кроется в безопасности. Как признаёт Еврокомиссия, «глобальные климатические и экологические проблемы являются значительным мультипликатором угроз и источником нестабильности». Другая причина – модернизация экономики. Экологическая политика может повысить качество жизни граждан,

конкурентоспособность, модернизацию промышленности, инвестиции как дома, так и за рубежом. [8, с. 26].

Таким образом, экологическое и климатическое лидерство Евросоюза укрепляет его роль как глобального лидера. По мнению ряда экспертов, в ближайшем будущем это может позволить ЕС проводить экологически обоснованные интервенции за своими пределами или накладывать санкции в одностороннем порядке [9, с. 26].

#### **Список источников:**

1. Пресс-релиз. Европейский зеленый курс устанавливает, как сделать Европу первым климатически нейтральным континентом к 2050 году, стимулируя экономику, улучшая здоровье и качество жизни людей, заботясь о природе и никого не оставляя без внимания. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip\\_19\\_6691](https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_19_6691). – Дата доступа: 20.12.2020.
2. EUGreenDeal – ради нашего будущего и будущего планеты [Электронный ресурс]. – Режим доступа :[https://eas.europa.eu/delegations/russia/72386/eugreen-deal-ради-нашего-будущего-и-будущего-планеты\\_ru](https://eas.europa.eu/delegations/russia/72386/eugreen-deal-ради-нашего-будущего-и-будущего-планеты_ru) . – Дата доступа: 21.12.2020.
3. Саммит ЕС: климатическая сделка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.euronews.com/2020/12/11/eu-leaders-approved-plan-to-cut-greenhouse-gas-emissions> – Дата доступа: 21.12.2020.
4. Сидорович, В. Евросоюз утвердил цель по снижению выбросов парниковых газов на 55% к 2030 г. / В. Сидорович // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://renen.ru/evrosoyuz-utverdil-tsel-po-snizheniyu-vybrossov-parnikovyh-gazov/>. – Дата доступа: 21.12.2020.
5. Саммит климатических амбиций: 55% сокращение выбросов является визитной карточкой Европы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://eas.europa.eu/delegations/russia/90607/саммит-климатических-амбиций-55-сокращение-выбросов-является-визитной-карточкой-европы\\_ru/](https://eas.europa.eu/delegations/russia/90607/саммит-климатических-амбиций-55-сокращение-выбросов-является-визитной-карточкой-европы_ru/). – Дата доступа: 21.12.2020.
6. Законопроект о климате: Европарламент одобрил ужесточение показателей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/za-konoprojekt-oklimata-evroparlament-odobril-uzhestochenie-pokazatelej/a-55201224> – Дата доступа: 21.12.2020.
7. Климатическая политика и гражданское общество: Будущее стран Восточного партнёрства в контексте Европейского зелёного курса. Аналитический документ. – Ресурсно-аналитический центр «Общество и окружающая среда» 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.kas.de/documents/270026/8703904/EDG%26EaPClimateNGOs\\_RUS.pdf/76d937d8-a851-03a9-1b74-db5462ac40ae?version=1.0&t=1607950684842](https://www.kas.de/documents/270026/8703904/EDG%26EaPClimateNGOs_RUS.pdf/76d937d8-a851-03a9-1b74-db5462ac40ae?version=1.0&t=1607950684842). – Дата доступа: 21.12.2020)
8. Тафуру, А. «Климатическое измерение» европейской внешней политики и соседи Евросоюза / А. Тафуру // [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/klimaticheskoe-izmerenie-vneshney-politiki>. – Дата доступа: 20.12.2020.

9. Зелёный остров ЕС // Климатическая политика в глобальном обществе риска. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» Декабрь 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/files/35992>. – Дата доступа: 21.12.2020.

*М.В. Рощина, ассистент  
maryna.roshchyna@gmail.com,  
БГЭУ (Минск, Беларусь)*

## **ТЕОРИЯ ГЮСТАВА ЛЕБОНА И ПРАКТИКА ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ 2020 ГОДА**

За весь период политической жизни в Республике Беларусь 2020 год приобретет историческое значение и станет знаковым рубежом, после которого практика применения укоренившихся в западной политической культуре технологий управления поведением электората во время избирательных кампаний на всех уровнях управления государством станет традиционной и в белорусских условиях.

Задачей данной работы является осмысление некоторых проявлений на практике поведения больших социальных групп как результат воздействия на него технологий управления, теоретически изложенных французским социальным психологом и социологом Гюставом Лебоном в работе «Психология масс».

Гюстав Лебон написал свою книгу «Психология масс» в 1895 году, но выводы и заключения автора книги актуальны и в настоящее время. Так происходит потому, что психология людей не изменяется, или изменяется незначительно. Динамика поведения людей более статична, чем динамика развития средств и технологий производства в современном мире. Поэтому успех идеологов политических преобразований общества лежит в плоскости эффективности выбранных ими для воздействия на массы образов и медиа-конструктов. «Толпа мыслит образами, и вызванный в ее воображении образ, в свою очередь, вызывает другие, не имеющие никакой логической связи с первым», — утверждает Гюстав Лебон.

Мысль Лебона об управляемости толпы и отсутствии самостоятельности в ее действиях подтверждает и его современник, испанский философ Хосе Ортеги-и-Гассета в своей работе «Восстание масс». В развитие рассуждений Лебона о различиях поведения отдельного индивида и большой социальной группы Зигмунд Фрейд объяснил эту разницу наличием неких магических психических сил, превращающих индивидов в массу.

«Под словом «толпа» подразумевается в обыкновенном смысле собрание индивидов, какова бы ни была их национальность, профессия или пол и каковы

бы ни были случайности, вызвавшие это собрание. Но с психологической точки зрения слово это получает уже совершенно другое значение. При известных условиях — и притом только при этих условиях — собрание людей имеет совершенно новые черты, отличающиеся от тех, которые характеризуют отдельных индивидов, входящих в состав этого собрания. Сознательная личность исчезает, причем чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, именуемое толпой, принимают одно и то же направление».

Какие же условия обеспечивают преобразование индивида в толпу и потерю его индивидуальности в ней? Первая причина заключается в том, что «индивид в толпе приобретает, благодаря только численности, сознание непреодолимой силы, и это сознание позволяет ему поддаваться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда бывает один». Вторая причина обусловлена такое характеристикой как заразительность. В толпе любое действие заразительно так, что индивид легко приносит в жертву свои личные интересы интересу коллективному. Третья причина лежит в плоскости физиологии, когда отдельный индивид самостоятельно способен подавлять свои рефлексии на различные внешние раздражители. Толпа же, будучи импульсивной, возбудимой, более внушаемой, такими рефлексиями не обладает.

Чтобы управлять большими социальными группами оратору, вождю нет необходимости сложно рассуждать, анализировать, достаточно использовать прием преувеличения знакомых каждому чувств и обладать талантом производить впечатление на массы.

Существует базовая модель управления поведением большой социальной группой, которая заставляет проникнуться коллективную душу идеями, верованием. Схематично она может быть представлена следующим образом: утверждение – повторение – масштабирование.

После краткого изложения основных подходов, изложенных Гюставом Лебоном в работе «Психология масс» хотела бы остановиться на некоторых практических аспектах осознания и возможного применения отдельных инструментов описанных автором теории управления поведением масс, которые мы могли наблюдать во время президентской избирательной кампании в период с мая по 9 августа 2020 года в РБ.

Наблюдать технологии управления большими социальными группами можно было больше со стороны альтернативных действующему Президенту РБ кандидатов как на этапе сбора подписей за их выдвижение в кандидаты, так и на этапе самой предвыборной кампании уже зарегистрированных кандидатов. Власть действовала традиционными методами, игнорируя современные цифровые каналы коммуникации (youtube, telegram, Facebook, агентов влияния в социальной сети).

Предвыборная президентская избирательная кампания происходила в нетипичных для Беларуси условиях. Во-первых, сложная эпидемиологическая обстановка в Беларуси, во-вторых, неподготовленность государственной системы здравоохранения к первой волне пандемии COVID 19, официальное игнорирование роста числа заболеваемости в Беларуси и смертельных исходов,

в-третьих, активное народное волонтерское движение, использующее социальные сети и мессенджеры для информирования населения о ситуации, объединения и взаимопомощи, в-четвертых, осложнения во взаимоотношениях Республика Беларусь – Россия, что не могло не отвлечь фокус внимания действующего Президента с избирательной кампании на поиск альтернативных источников энергоносителей (постоянная тема диалога и споров между странами), в-пятых, резкий рост за 2019-2020 годы числа подписчиков информационных каналов в сети Интернет, демонстрирующих другую сторону жизни населения Беларуси в противовес официальной, транслируемой белорусским телевидением и государственными СМИ. Речь идет о телеграмм-канале «NEXTA», youtube-канале «Страна для жизни» блогера С. Тихановского, группе в фейсбук «Хватит бояться».

Перечисленные выше факторы стали объективной предпосылкой для укрепления недовольства и роста недоверия населения ко всему государственному (по телевидению одна картинка – в реальной жизни все иначе), что не могло уже не объединить людей в большие социальные группы, затронуть самые понятные, простые и знакомые эмоции – беспокойство за здоровье близких, стремление получить правдивую информацию о ситуации с последствиями эпидемии COVID-19. Одновременно с этим происходило образное усиление таких эмоций посредством создания различных мемов, видеороликов, карикатур, высмеивающих государственную систему. По своей форме такие образно-информационные продукты имели вирусный (заразительный) характер. Например, самый популярный мем о способе лечения «тракторином» [1] или цитаты первых лиц государства об отсутствии угроз здоровью («Нам стоит тревожиться, но только в одном – мойте руки» [2], «Вы видите вирусы? Ну, вот и я их не вижу» [3]).

Таким образом, политические акторы на момент старта предвыборной кампании (этапа сбора подписей за кандидатов) уже имели эмоционально подготовленную толпу (согласно определению Гюстава Лебона).

Далее была предложена идея перемен в обществе. При этом стали активно транслироваться посредством всех каналов коммуникации в обществе в противовес государственной риторике уважительное отношение, дружелюбность, открытость, поощрение инициативности, человеколюбие, честность, любовь. Появился знакомый, простой в каждодневном исполнении, но объединяющий и положительно воспринятый визуальный образ, передающий смысл перечисленных выше эмоций. Это символ/жест – сложенное из пальцев сердце, которое в дальнейшем стало широко использоваться и в виде визуального образа сторонников перемен. Помимо этого, с целью объединения в большую социальную группу было задействовано появившееся у людей желание лично участвовать в избирательной кампании кандидатов в президенты. Таким образом, были предложены такие инструменты, которые никогда ранее не предлагала провластная избирательная кампания, отличающаяся формализмом, идеологизированностью и отсутствием креативности в коммуникациях. Найденный простой, понятный для транслирования образ и сама объединяющая

идея перемен позволили в дальнейшем использовать известную модель управления массами, о которой писал Гюстав Лебон: утверждение-повторение-масштабирование. Очень популярным на протяжении всей кампании стал тезис, что 97 % людей не поддерживают действующего Президента и только 3 % поддерживают Лукашенко – ЯМЫ97%. Появились публикации, мемы, мерчи, граффити, в том числе в социальных сетях и т.д. Этот тезис повторялся неоднократно, хотя справедливость его субъективна. Официально проводить такие исследования общественного мнения могут только аттестованные организации, но публикаций точных цифр рейтинга не было. Появлялась только противоречивая информация о том, что рейтинг президента РБ А.Г.Лукашенко в апреле был в Минске 24 %, 60 % в марте в целом по стране, а «по оперативной информации, поступающей в ОАЦ из различных источников» - 76 %. Безусловно, такой вакуум объективных социологических данных не может быть не использован для создания нужного общественного мнения всеми потенциальными кандидатами в Президенты. В социальных сетях и оппозиционных медиа стали активно проводиться ненаучные интернет-опросы о доверии кандидатам в президенты, в результате которых и появилась эта цифра 3 %, обозначающая популярность действующего Президента в сравнении с другими кандидатами. Повторение этого утверждения в различных образно-визуальных формах, вирусное распространение в том числе и в сети Интернет, социальных сетях, рекламных площадках, в медиа позволило сформировать общественное мнение, что так оно и есть на самом деле в реальности, а кто придерживается иного мнения, тот не за развитие страны.

Тем самым мы склонны подтвердить справедливость вывода Гюстава Лебона о том, что «толпа никогда не стремилась к правде; она отворачивается от очевидности, не нравящейся ей, и предпочитает поклоняться заблуждению, если только заблуждение это прельщает ее. Кто умеет вводить толпу в заблуждение, тот легко становится ее повелителем; кто же стремится образумить ее, тот всегда бывает ее жертвой».

#### **Список источников:**

1. Onliner.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://people.onliner.by/2020/03/19/traktorin>. – Дата доступа: 12.12.2020.
2. Мемы создают здесь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.meme-arsenal.com/create/meme/2097443> – Дата доступа: 12.12.2020.
3. Лукашенко и вирус / mari\_batinak // livejournal.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mari-batinak.livejournal.com/103512.html>– Дата доступа: 12.12.2020.



*В.А. Сидорова, доцент  
Kafpps@mail.ru  
БГСХА (Горки, Беларусь)*

## **МИРОВОЗЗРЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН**

Сложность политической жизни, противоречивость самого политического процесса объективно обуславливают множество мировоззренческих, идейно-политических и духовных предпочтений. Нынешний плюрализм мнений и убеждений, еще не так давно казавшийся невозможным белорусскому обществу стал легальным выражением мировоззренческого многообразия и прежде всего молодежь. Следует иметь в виду, что молодежь самая динамичная и восприимчивая часть общества, открытая вызовам времени и новым ценностям. От того, какие ценностные ориентации будут осваиваться молодым поколением, во многом будет зависеть развитие общества и успех демократических преобразований в стране. В XXI веке субъективная составляющая в развитии социально-политических процессов благодаря имеющимся на сегодняшний день информационным технологиям все более усиливается, а история постепенно превращается в реализацию некоего «исторического фальсифицированного проекта», и совершенно очевидно, что роль мировоззрения социального субъекта, способного к «сознательному проектированию» социальных процессов, умеющего выбрать правильную политическую, экономическую, культурную, духовную позицию в сложном хитросплетении происходящих событий усложняется. Мировоззрение является отражением материального и общественного бытия людей и зависит от уровня человеческих знаний, достигнутых в данный исторический период.

Мировоззрение молодежи – истинное или искаженное – во многом определяет цели и, соответственно, результаты социально-экономического развития страны. Если система мировоззренческих ценностей основана на таких базисных добродетелях, как желание жить в мире и согласии, уважении к труду, приоритете духовно-нравственных начал и т.п., то страна сеет и убирает хлеб, производит тракторы и автомобили, на равных торгует с соседями, проводит миролюбивую внешнюю политику. Вместе с тем, через информационные технологии, систему воспитания и образования можно сформировать у молодежи иное, искаженное, эгоистично-гедонистическое мировоззрение, связанное со стремлением к максимизации индивидуальной выгоды и удовольствий, желанием как можно больше урвать и потратить, жить за счет других.

В формировании мировоззрения молодого поколения, ведущую роль играет социально-гуманитарная составляющая в системе образования, ответственная за качество сознания и развития способностей к рациональному мышлению, воспитывающая молодежь в духе национальных традиций.

В процессе модернизации системы образования в Республике Беларусь расширились методологические подходы в изучении социально-гуманитарных дисциплин. Получили широкое распространение и использование инновационные методы преподавания, такие как синергетика, задача которой состоит в объединении различных школ и методов. В последнее время стала широко применяться концепция модернизации, которая нашла свое выражение в интегрированных модулях, в использовании информационных технологий. Появилась возможность с помощью информационно-компьютерных сетей интенсифицировать, активизировать процесс усвоения знаний, умений, навыков. Изменилась и продолжает интенсивно меняться и сама идеология построения и программирования все более сложных и многофункциональных компьютерных систем, их объединение в разветвленные международные информационные сети.

Осуществляя модернизацию в системе образования следует иметь в виду, что в странах Западной Европы и США посредством «аналитических институтов», «мозговых трестов» с учетом изменившегося геополитического пространства в мире с пристальным вниманием следят за мировоззрением населения в постсоветских республиках. На основе полученных данных в аналитических центрах создаются проекты по идеологическому программированию сознания прежде всего молодежи, всех видов элит и народных масс. Механизмы такого программирования совершенствуются из года в год с учетом полученных результатов. Действующая в Интернет-пространстве мощная киберармия имеет профессионально подготовленную структуру, наработанные и апробированные методы и средства воздействия на современную инфантильную молодежь через так называемый «корпус блоггеров» путем флешмоба и смартмоба, завлекательными и азартными играми, советами, рекомендациями [1, с. 4–5].

Современная «играющая молодежь» охотно готова переместить действие игры из виртуального пространства в реальную жизнь. Все это на руку заказчикам и организаторам флешмобных акций, экстравагантных и забавных, созданных якобы исключительно для того, чтобы шокировать обывателя. При ближайшем рассмотрении безобидные мобберы оказываются мощный политической силой, способной с «легкой руки» киберспециалистов повлиять на ход политических событий в любой стране. Результаты подобной «работы» мы видим в Украине, в странах Африки, Азии и других регионах мира и список этот далеко не завершен, а сейчас и в Республике Беларусь.

Специалисты западных коммуникационных и информационно-психологических технологий стараются воздействовать на сетевые структуры именно в когнитивной сфере – на сознание и подсознание отдельного индивида и социальных групп. При этом можно согласиться и с мнением отдельных политических аналитиков в том, что технические средства реализации социальных идей играют вспомогательную роль, а главный приоритет отдают знанию и пониманию реальных закономерностей развития общества. Формирование знаний в понимании закономерностей развития общества, а в целом и мировоззрения, ведущую роль играют социально-гуманитарные

дисциплины. Это хорошо понимают и западные специалисты современных сетцентрических войн, навязывая свои компетентностные подходы в отечественной системе образования. В Республике Беларусь в последние годы после вступления в Болонский процесс идет реформа системы образования, в которой главный акцент сделан на преподавание общественных дисциплин. С 2014/2015 учебного года обучение социально-гуманитарных дисциплин осуществляется по экспериментальным программам интегрированного модуля «Политология», объединяющего дисциплины политология и основы идеологии белорусского государства в объеме 34 часов (18 часов лекционных, 16 часов семинарских занятий); интегрированного модуля «Философия» объединяющего дисциплины философия и основы психологии и педагогики в объеме 180 часов (философия 100 часов и 80 часов – основы психологии и педагогики). Изучение интегрированных модулей завершается сдачей дифференцированного зачета [2, с. 54].

С введением указанных модульных дисциплин сократилось:

- во-первых, количество часов на обеспечение целого ряда дисциплин;
- во-вторых, базовые, фундаментальные дисциплины философия, политология, социология, педагогика, психология и другие стали второстепенными, не выполняющие своего функционального предназначения;
- в-третьих, снизился уровень образовательных программ;
- в-четвертых, снизилось качество знаний студентов, упал интерес и их увлеченность этими дисциплинами;
- в-пятых, стала непредсказуемой перспектива развития этих фундаментальных дисциплин, обеспечивающих формирование мировоззрения молодого поколения, да и в целом всего населения страны, осуществляющих процесс политической социализации личности.

В осуществлении реформирования системы образования не учли того, что с модернизацией политических систем в постсоветских республиках, особенно в Республике Беларусь, Российской Федерации с противостоящими субкультурами процесс политической социализации имеет свои особенности. После смены политического режима оказалась дискредитирована прежняя система ценностей, а новые ценности, убеждения и идеалы не стали доминирующими в массовом сознании, особенно среди молодежи. Формирование мировоззрения, новой системы ценностей, требует длительного времени, эффективной работы всех социально-политических институтов и прежде всего системы образования.

В заключении следует отметить:

- нельзя забывать уроков истории и причин развала Советского Союза, а затем увлечения демократическими «ценностями» Запада, приведшими многие постсоветские республики к серьезным проблемам;
- нельзя уничтожать свои традиционные славянские идеалы и ценности, такие как служение Отечеству и своему народу, а не для корыстного стяжания; приоритет во всех сферах жизнедеятельности нравственных начал, а не юридических; первичность обязанностей перед Родиной, обществом, семьей, а

не индивидуальных прав и свобод; коллективизм, сотрудничество и взаимовыручка, а не дезинтеграция и конкуренция; культ семьи и здорового образа жизни;

– нельзя демонтировать социально-гуманитарную составляющую в системе образования, ответственную за формирование сознания и развитие способностей к рациональному мышлению, а в целом формированию мировоззрения молодежи и всего населения страны;

– дать возможность политической науки реализовать наработанные теории и выводы политического просвещения не только студенческой молодёжи с одной стороны, с другой стороны для широкого круга граждан страны;

– нельзя экономить на системе образования, которая ответственна за подготовку гражданина-патриота, гражданина-управленца, гражданина-труженика, гражданина-создателя, определяющая эффективно-правильные стратегии развития общества и государства.

Президент Республики Беларусь Лукашенко А. Г. в своём послании белорусскому народу, Национальному собранию 4 августа 2020г. отметил, что новое поколение белорусов, родившихся и выросших в независимой стране, интересное и очень разнообразное... Молодёжь свободомыслящая и не безразличная, широко использующая информационное пространство. А ведь сегодня в информационном поле идут все решающие сражения... Мы обязаны выиграть борьбу за умы и души людей, прежде всего молодёжи [4, с. 12–14]!

#### **Список источников:**

1. Байнев, В.Ф. Мировоззрение народа как стратегический экономический ресурс, ключевой фактор глобальной конкурентоспособности и устойчивого развития / В.Ф. Байнев // Новая экономика. – 2012. – № 1. – С. 4–10.
2. Гигин, В.Ф. Революционная волна: уроки и выводы / В. Ф. Гигин // Белорусская думка. – 2012. – № 5. – С. 48–50.
3. Кирвель, Ч.С. Модернизация образования: скупой платит дважды / Ч. С. Кирвель, С. М. Семерник // Белорусская думка. – 2012. – № 9. – С. 69–75.
4. Лукашенко, А. Г. Самое главное – это сохранение мира и порядка на нашей земле / А. Г. Лукашенко // Белорусская думка. – 2020. – № 8. – С. 12–14.

*Н.А. Сугако, доцент  
Sugako@bsuir.by  
БГУИР (Минск, Беларусь)*

### **МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: НАПРАВЛЕНИЯ И ПРИОРИТЕТЫ**

Одним из приоритетных направлений в развитии государства является молодежная политика. Она включает в себя комплекс мер, направленных на поддержку молодых граждан, создание необходимых условий для развития их потенциала в интересах всего общества. В Республике Беларусь государственная

молодежная политика реализуется по следующим направлениям: гражданско-патриотическое воспитание, поддержка молодежи в получении образования, в реализации права на труд, создании объединений, поддержка талантливой и одаренной молодежи, реализация молодежных общественных инициатив, международное молодежное сотрудничество.

Нормативно-правовую базу молодежной политики составляет целый ряд документов. В 1992 г. был принят Закон «Об общих началах государственной молодежной политики». Здесь было сформулировано понятие государственной молодежной политики, определены ее основы и принципы, механизмы реализации. Затем, в 2009 г. был принят Закон Республики Беларусь «Об основах государственной молодежной политики». В соответствии с ним целями политики являются: всестороннее воспитание молодежи, содействие ее духовному, физическому развитию; создание условий для свободного и эффективного участия молодежи в политическом, социальном, экономическом и культурном развитии общества; социальная, материальная, правовая и иная поддержка молодежи; расширение возможностей молодежи в выборе жизненного пути (статья 3). Субъектами государственной молодежной политики являются: молодежь; молодые семьи; молодежные общественные объединения; государственные органы и организации, участвующие в реализации государственной молодежной политики (статья 5) [5].

Одним из механизмов проведения государственной молодежной политики начиная с 1990-х г. является программа «Молодежь Беларуси». В Республике Беларусь были приняты программы, рассчитанные на 1996 – 1999 гг., 2000 – 2003 гг., 2004 – 2005 гг., 2006 – 2010 гг., 2011 – 2015 гг. [3] Ныне действует Государственная программа «Образование и молодежная политика» на 2016 – 2020 гг., Программа непрерывного воспитания детей и молодежи в Республике Беларусь на 2016 – 2020 гг. Они определяют основные направления и приоритеты деятельности республиканских органов государственного управления и государственных организаций по реализации государственной политики в области образования и молодежной политики. Подготовлен проект Стратегии молодежной политики на 2020–2030 годы. Он прошел широкое общественное обсуждение. Документ разработан в соответствии со стратегией развития страны, с учетом накопленного опыта проводимой молодежной политики [4]. В Стратегии выделяются семь приоритетов развития государственной молодежной политики: образование, культура и досуг, безопасность, общественное участие, спорт и здоровый образ жизни, занятость, семейная политика. Это документ долгосрочного планирования. Он содержит характеристику ситуации по каждому приоритету, описание выявленных рисков, задачи, инструменты и средства реализации, а также ожидаемые результаты [8]. Одним из механизмов реализации стратегии является Государственная программа «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 гг.

Существуют и иные общественные и государственные программы по работе с детьми и молодежью. Например, программа «Дети Беларуси» (реализуется с 1998 г. и включает пять подпрограмм «Дети Чернобыля», «Дети-инвалиды»,

«Дети-сироты», «Совершенствование социальной защиты семьи и детей», «Детское питание»), «Молодые таланты Беларуси» (с 2006 г.), «Одаренные дети».

В республике создаются условия для выявления талантов и реализации творческого потенциала молодежи. В 1995 г. был основан специальный фонд Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодежи, а с 1996 г. функционирует специальный фонд Президента по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов. Средства формируются за счет резервного фонда Президента и добровольных взносов. Фонды осуществляют выплату премий и стипендий, оказывают материальную помощь одарённым учащимся и талантливой молодежи. Из средств фондов финансируется проведение конференций, конкурсов, семинаров, олимпиад, участие молодежи в международных конкурсах. По информации, размещенной на сайте Президента Республики Беларусь, за время существования фондов премии, стипендии, материальную помощь из фонда по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов получили более 20 тыс. человек, из фонда по поддержке талантливой молодежи – свыше 2 тысяч дарований [10].

В 2005 г. был создан республиканский банк данных одаренной молодежи. Он является автоматизированной системой учета, накопления и систематизации информации о лауреатах, стипендиатах и дипломантах специального фонда Президента Республики Беларусь, победителях международных и республиканских олимпиад (конкурсов, турниров, иных соревнований) по учебным предметам, молодых людях, показавших особые успехи в научно-исследовательской, творческой, интеллектуальной деятельности [1]. Всего в банке данных на 1 января 2020 г. числится 2884 человека: 702 человека на учете, 2182 – в архиве (информация о людях, достигших 31 года, архивируется) [2].

В стране действуют различные молодёжные, детские организации и общественные объединения. Среди них: БРПО, БРСМ, Лига добровольного труда молодежи, БЛИК, Белорусская ассоциация клубов «Юнеско», Ассоциация белорусских гайдов, Белорусская молодежная общественная организация спасателей-пожарных, Белорусская республиканская скаутская организация, Белорусская федерация шотокан каратэ-до и др. Они отстаивают права и интересы молодых людей, занимаются культурологической, благотворительной, волонтерской, общественно-политической деятельностью, выступают за развитие образования, науки, спорта, туризма. Подробная информация об их деятельности представлена на детском правовом портале [mir.pravo.by](http://mir.pravo.by).

В 2015 г. был создан Общественный республиканский студенческий совет, который действует при Министре образования Республики Беларусь. Это коллегиальный совещательный выборный орган, в состав которого входят по одному представителю от органов студенческого самоуправления ВУЗов Беларуси. Он создан с целью обеспечения реализации прав студентов на участие в управлении образовательным процессом, для реализации студенческих инициатив, развития студенческого самоуправления, обсуждения проблем студенчества [6]. Также существует Республиканский молодежный совет при

министре образования. В его состав входят представители государственных органов, общественных организаций, педагоги и ученые, учащейся и студенты. Это объединение занимается обсуждением актуальных вопросов волнующих молодежь, основных направлений государственной молодежной политики, осуществляет взаимодействие с госструктурами [9].

В современной Беларуси активно продвигается идея молодежного парламентаризма. В мае 2017 г. состоялись два форума «Юные лидеры Беларуси: диалог на равных», «Молодежь. Взгляд в будущее». В рамках их проведения состоялась встреча молодежи с Президентом Беларуси А.Г. Лукашенко. Инициатива по созданию республиканского Молодежного парламента, высказанная на форуме «Молодежь. Взгляд в будущее», получила одобрение главы государства. С 2017 по 2020 гг. велась подготовительная работа. 2 июля 2020 г. в Минске начал работу первый состав Молодежного совета (парламента) при Национальном собрании Республики Беларусь. В него вошли по 10 человек от всех областей страны и г. Минска (всего 70 человек) в возрасте от 18 до 31 года. Он создан с целью приобщения молодежи к парламентской деятельности. Функционирование Молодежного совета направлено на развитие правовой культуры молодежи, привлечение ее к разработке проектов нормативных правовых актов, затрагивающих права и интересы молодого поколения [7].

2015 г. в Республике Беларусь был объявлен годом молодежи. Тогда же появился проект «Молодежная столица». Белорусские города по итогам конкурса получают статус «молодежной столицы» сроком на один год и реализуют различные молодежные проекты. «Молодежной столицей» Беларуси являлись Барановичи (2016 г.), Полоцк (2017 г.), Могилев (2018 г.), Орша (2019 г.), Пинск (2020 г.).

Таким образом, молодежная политика в Республике Беларусь является неотъемлемой и важной частью общественно-политического развития государства. Она многогранна и нацелена на создание условий для становления и всестороннего развития молодого поколения.

#### **Список источников:**

1. Банк данных одаренной молодежи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.giac.by/programmy/bd-odarennoy-molodezhi.php>. – Дата доступа: 20.08.2020.
2. Банк данных талантливой молодежи Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.buk.by/ipk/Info/talent/>. – Дата доступа: 20.08.2020.
3. Дмитрук, И. П. Реализация государственной политики по социальной поддержке учащейся молодежи на современном этапе / И. П. Дмитрук // Актуальные проблемы и перспективы изучения новой и новейшей истории зарубежных стран: материалы междунар. науч.-теорет. конф., посвящ. 75-летию образования каф. истории Нового и Новейшего времени / редкол. : В. С. Кошелев (пред.) [и др.], – Минск: Изд. центр БГУ, 2012. – С. 49-52.

4. Жмакина, Т.В. Эффективная реализация потенциала молодежи как принцип государственной молодежной политики / Т.В. Жмакина // Молодежная политика Республики Беларусь: стратегические подходы и решения : сборник материалов заочной научно-практической конференции / сост. С.Л. Сергеюк. – Минск : РИВШ, 2019. – С. 62-65.
5. Закон Республики Беларусь Об основах государственной молодежной политики. 7 декабря 2009 г. № 65-3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=N10900065>. – Дата доступа: 20.12.2020.
6. Общественный республиканский студенческий совет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://test.edu.bsu.by/page-25431>. – Дата доступа: 20.08.2020.
7. Первый Молодежный парламент Беларуси: состав [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/pervyy-molodezhnyy-parlament-belarusi-sostav.html>. – Дата доступа: 20.08.2020.
8. Проект Стратегии развития государственной молодежной политики в Республике Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://edu.gov.by/proekty/proekt-strategii-razvitiya-gosudarstvennoy-molodezhnoy-politiki/>. – Дата доступа: 20.08.2020.
9. Республиканский молодежный совет при министре образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://test.edu.bsu.by/page-25421>. – Дата доступа: 20.08.2020.
10. Специальные фонды Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://president.gov.by/ru/programms\\_fonds\\_ru/](http://president.gov.by/ru/programms_fonds_ru/) – Дата доступа: 20.08.2020.

*А.В. Тетерин, доцент  
a.teterin@narfu.ru*

*САФУ имени М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия)*

## **РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ «ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ» (ОПЫТ ПОРТУ-АЛЕГРИ)**

Вопросы экологической политики и менеджмента, принятия экологически значимых решений, решения экологических проблем по природе своей предполагают междисциплинарный характер рассмотрения, появляются концепции, по-новому раскрывающие традиционные для конституционного права и политологии понятия, происходит обогащение терминологического аппарата. В два последних десятилетия в научных исследованиях значительное внимание уделяется терминам «экологическая демократия», «зелёная демократия». Сторонники теории «экологической демократии» подчёркивают неспособность традиционно выделяемых форм решить существующие экологические проблемы, указывают на необходимость переосмысления возможностей общественного участия, значение прозрачности, подотчетности и легитимности, взаимосвязи экологических и демократических ценностей,



институционализации экологических прав и практик эффективного экологического управления [3, 7].

«Авангардом конституционализма в сфере охраны окружающей среды», реализации концепции устойчивого развития являются страны Латинской Америки. Практически во всех государствах региона конституционное признание права на благоприятную окружающую среду стало стимулом развития экологического законодательства. Вслед за конституционными реформами в Аргентине, Бразилии, Чили, Колумбии, Коста-Рике, Венесуэле был принят ряд законов, ознаменовавший детальное закрепление нового поколения экологических прав.

Реализация концепции устойчивого развития в латиноамериканских странах является чрезвычайно непростым. В своем исследовании я проанализировал наглядный пример участия граждан в решении экологически значимых вопросов в Порту-Алегри.

Конституционная реформа 1988 года в Бразилии привела к закреплению права граждан участвовать в управлении делами государства и последующей децентрализации, муниципальные власти получили возможность участвовать в решении вопросов здравоохранения, охраны природной среды, образования.

В Порту-Алегри впервые в мире был применён такой механизм как «бюджет народного участия». Граждане могут самостоятельно распределить 5-25% средств местного бюджета. Приоритеты и цели расходования денежных средств определяются на тематических форумах для дискуссии самими гражданами, проживающими на территории соответствующих округов города. После подготовки проект бюджета выносится на публичное обсуждение консультативного совета, и лишь после его одобрения может быть одобрен представительным органом города.

В результате, бюджетный процесс предполагает сочетание процедур прямой и представительной демократии, а утверждение бюджета является итогом взаимодействия граждан и органов местного самоуправления. В декабре происходит анализ процесса и достигнутые результаты, выводы учитываются в следующем году при возобновлении цикла.

Кроме участия в принятии бюджета граждане являются субъектами экологического менеджмента в широком смысле. В 1976 году был учреждён муниципальный секретариат охраны природной среды, наделённый полномочиями по мониторингу состояния окружающей среды и проведению проверок и выдачи разрешений. Оказание таких муниципальных услуг, как водоснабжение, управление обращением бытовых отходов и городской канализацией осуществляется муниципалитетом напрямую. Интересным является опыт реализации программы поддержки зелёных городских зон и программы городских советов. На территории муниципалитета также принимаются программы охраны зелёных насаждений, контроля за промышленным загрязнением вод, контроля за загрязнением атмосферы, обращения с отходами

Нельзя не упомянуть о том, что основы для сознательного активного участия граждан в решении экологических вопросов закладываются в процессе экологического образования. Для распространения знаний о природной среде в пределах муниципалитета в 1998 году был впервые выпущен атлас окружающей среды Порту-Алегри. Атлас описывает естественную историю города и состояние элементов природной среды, характеризует развитие города и его зелёных территорий, санитарное состояние и воздействие на окружающую среду, описывает механизмы управления природопользованием и охраны природной среды, возможности общественного участия.

После 2004 года политическая ситуация изменилась, были проведены реформы существенно ограничившие возможности участия граждан в формировании бюджета, что с неизбежностью повлияло на эффективность и уровень народной поддержки данного института. Но, если рассматривать «народный бюджет» как модель можно согласиться с тем, что подобные процедуры позволяют повысить уровень легитимности публичной власти, служат средством профилактики коррупционных проявлений, способствуя реализации принципов прозрачности и подотчётности, обеспечивая «обратную связь публичной власти и гражданского общества», делая общество более справедливым и гуманным [9, с. 45].

С другой стороны, функционирование такой модели неизбежно сталкивается со сложностями и имеет объективные ограничения: механизм общественного участия в принятии бюджета позволяет улучшить условия жизни бедных слоёв населения, но не способен изменить общую социально-экономическую ситуацию; процесс позволяет решить отдельные проблемы, граждане способны определять пути решения проблем в краткосрочной перспективе; формальное закрепление модели «народного бюджета» не приведёт автоматически к позитивным изменениям, важны качество и степень демократичности процесса [5]. Так называемый «правый поворот» [1, 2] в некоторых странах Латинской Америки отодвинул экологические проблемы на второй план политической повестки. Так, президент Бразилии Ж. Болсонару и федеральное правительство не считают охрану природной среды в целом и лесов в частности приоритетным направлением политики государства.

Проанализированный кейс демонстрирует возможности граждан, описанные в ряде исследований как «право на город», предполагающем прямое управление экономикой и определение социально-экологической среды города [8]. Такое участие, обмен идеями и предложениями являются своеобразной «школой гражданина», позволяя изменить взгляды на мир, увидеть альтернативу антропоцентричному подходу. В современном мире электронные платформы, мобильные приложения позволяют сделать участие в обсуждении и решении муниципальных вопросов простым и удобным [4].

Анализ опыта Порту-Алегри приводит к размышлениям о серьёзном конституционно-правовом и политико-правовом вопросе взаимосвязи демократии и устойчивого развития. Можно согласиться с точкой зрения Р. Менегата [10] о тесной связи данных феноменов, необходимо стимулировать

участие граждан в решении экологических вопросов на местном, наиболее приближенном к обществу, уровне публичной власти. Если в основу принятия решений положена теория совещательной демократии или демократии участия, то основной целью является решение проблем, а не победа над оппонентами, определение общих интересов, а не мобилизация в поддержку чьих-то интересов [6]. Проведённое исследование свидетельствует о перспективности дальнейших исследований, посвященных феномену «экологической демократии», необходимости учёта опыта стран Латинской Америки в реализации концепции устойчивого развития.

#### **Список источников:**

1. Окунева, Л.С. Латиноамериканский «левый дрейф» разворачивается вправо (некоторые штрихи к «портрету» «правового поворота») / Л.С. Окунева // Ибероамериканские тетради. – 2016. – № 4. – С. 33–39.
2. Шишков, А.С. «Правый поворот»? К вопросу о смене политического цикла в Латинской Америке / А.С. Шишков // Проблемы национальной стратегии. – 2017. – № 4. – С. 48–61.
3. Baber, W. F. A rights foundation for ecological democracy / W. F. Baber, R. V. Bartlett // *Journal of Environmental Policy and Planning*. – 2020. – № 22. – P. 72–83.
4. Falanga, R. Participatory budgets in Brazil and Portugal: comparing patterns of dissemination / R. Falanga, L. Lüchmann // *Policy Studies*. – 2020. – № 6. – P. 603–622.
5. Friant, M.C. Deliberating for sustainability: lessons from the Porto Alegre experiment with participatory budgeting / M.C. Friant // *International Journal of Urban Sustainable development*. – 2019. – № 11. – P. 81–99.
6. Fung, A. Deepening Democracy: Innovations in Empowered Participatory Governance / A. Fung, E.O. Wright // *Politics and society*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://www.researchgate.net/publication/237768034\\_Deepening\\_Democracy\\_Innovations\\_in\\_Empowered\\_Participatory\\_Governance](https://www.researchgate.net/publication/237768034_Deepening_Democracy_Innovations_in_Empowered_Participatory_Governance). – Дата доступа: 03.12.2020.
7. Gellers, J. C. Toward environmental democracy? Procedural environmental rights and environmental justice / J.C. Gellers, C. Jeffords // *Global Environmental Politics*. – 2018. – № 18. – P. 99–121.
8. Harvey, D. Right to the city. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://newleftreview.org/issues/ii53/articles/david-harvey-the-right-to-the-city>. – Дата доступа: 03.12.2020.
9. Hilmer, J. D. The state of participatory democratic theory / J. D. Hilmer // *New political science*. – 2010. – № 32. – P. 43–63.
10. Menegat, R. Participatory democracy and sustainable development: integrated urban environmental management in Porto Alegre, Brazil. / R. Menegat // *Environment and Urbanization*. – 2002. – № 14 (2). – P. 181–206.

*О.А. Хлопов, доцент,  
rggu2007@rambler.ru  
РГГУ (Москва, Россия)*

## **КРИЗИС ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ**

Мир меняется и пандемию коронавируса можно рассматривать как сигнал к смене правил игры и новому переделу мира. Хотя существуют разные конспирологические теории, которые в самом начале распространение этой эпидемии обсуждались в экспертном сообществе, что коронавирус рукотворное изобретение человека, однако следует исходить из того, что если бы эпидемия краха вируса не случилось ее надо было бы придумать. Сама эпидемия вируса дала импульс и повлияла на общество и на мировую политику и экономику. Вирус Covid-19 показал насколько отдельные экономические и политические системы близки к своему закату, и насколько они были уже в кризисе.

Масштабная пандемия ведет к большим геополитическим последствиям, связанные, прежде всего, с крахом процесса глобализации, окончательным разрушением однополярного мира. Это дает новый импульс ряду глобальных и необратимых геополитических изменений в уже пошатнувшейся архитектуре существующего мирового порядка. Возникла новая тенденция перехода от глобального открытого общества к нескольким изолированным, более или менее закрытым пространствам, которые находятся в конкуренции друг с другом.

В этих условиях следует предполагать возможные изменения во внутренней и внешней политики США и ЕС, включая идеи об универсальных западно-либеральных ценностях, глобальном лидерства США, и безудержного технологического развития. Сами США уже явно не смогут в полной мере выступать в качестве единственного глобального арбитра, но будут пытаться сохранить свою ориентацию на борьбу за сферы влияния и источники сырья. В настоящий момент практически во всем мире четко прослеживается кризис либерализма, в результате международные либеральные институты теряют свою силу и либеральная демократия теряет свою привлекательность и своих сторонников.

Эту тенденцию можно увидеть на примере Великобритании, которая вышла из Европейского Союза 31 января 2020 г. Более того, можно увидеть значительное количество противоречий между национальными государствами и международными либеральными институтами и на других уровнях. Это отказ от глобализации, интеграции и капитализма, которые еще несколько десятилетий назад активно процветали и развивались во всем мире.

На сегодняшние события влияют три главных фактора: 1) технологическая революция; 2) передел мира между блоками, и 3) одновременно идет очень глубокий кризис всех обществ из-за неравенства, который связан как раз с ущербностью либеральной модели экономического развития, банковской финансовой экономки. Речь идет о перераспределении сил в сторону Востока, в

сторону Китая и естественно о новом технологическом цикле. Международные политические и экономические системы, которые были выстроены за последние 70 лет после второй мировой войны на основе западных либерально-демократических принципах, и в которые вошли постсоветские страны после распада СССР, уже не отвечают современным вызовам и содержанию глобальных процессов.

Говоря о либеральной демократии в мире, необходимо отметить, что она сама по себе представляет собой такое социально-политическое устройство государства, в основе которого лежит власть государства, выражающая волю большинства и одновременно защищающая права меньшинства. То есть эта власть дает каждому гражданину право на частную собственность, свободу слова, религии и т. д. Сама власть в либеральной демократии осуществляется через людей определенного государства, которое выражает свои потребности через представителем доминирующее правительство, которое в свою очередь избирается на определенный срок. Однако за последние 20-30 лет либерализм достиг предела своего развития. Поэтому даже попытки Запада навязать всему миру определенную модель демократии не смогли замедлить упадок либерализма.

В этих новых условиях Россия противостоит претендентам на мировое господство в поиске сбалансированной модели международных отношений, модели справедливой социальной реорганизации и развития многополярной системы.

В европейских странах центробежные тенденции проявились с новой остротой: укрепились правые партии, критикующие миграцию и сам европейский проект, идея мультикультурализма переживает кризис, Великобритания проголосовала за выход из ЕС. В США, оплоте либеральных ценностей, находился у власти в течение последних четырех лет президент, для которого экономический национализм – вполне приемлемая идея.

Высказываются мнения западными аналитиками, что США и Европа, а также остальной мир должны провести комплексные реформы для выхода из кризиса либеральной демократии во избежание отката либерализма к авторитарным режимам нового типа. Стоит обратить внимание на реформы не только в политической сфере, но также в экономической и социальной.

Идеи изоляции, суверенитета и сильного государства были усилены пандемией. Неслучайно президент РФ В. Путин в своем обращении к дискуссиям на Валдайском клубе в 2020 году в первую очередь сказал, что в критической ситуации эффективно действовать может только дееспособное государство, что его роль в современном мире важна, и время, когда оно может заменять «другие формы социальной организации» пока не дошло [1].

В широком контексте, в формирующемся многополярном мировом порядке у России есть исторический шанс укрепить себя как государство самостоятельная цивилизация, которая получит новый объем власти именно из-за резкого падения влияния Запада и его внутренней геополитической фрагментации. Но в то же время это становится и вызовом для России: прежде

чем полностью утвердиться в многополярном мире в качестве одного из самых влиятельных полюсов, России придется радикально пересмотреть свою внутривнутриполитическую парадигму, сохранив свое единство и восстановив свои зоны влияния.

Сегодня, в условиях сложных отношениях между Европой и Россией, ряд российских экспертов и политиков предлагают на время прекратить общение с Европейским союзом. Однако трудно поверить, что совсем недавно Россия и ЕС обсуждали Соглашение о стратегическом партнерстве. В России вот уже два столетия идет нескончаемый спор о национальной принадлежности: кто такие русские – европейцы или евразийцы? Эта дискуссия началась со спора между западниками и славянофилами в XIX веке.

Если посмотреть на траекторию развития российского либерализма за последние 25-30 лет, то можно увидеть, что в начале 1990-х гг. либерализм пережил бум популярности. Такой либерализм не был осознанным и осмысленным выбором россиян, а потому был довольно поверхностным. В 1990-е гг. российский либерализм пережил раскол, связанный с так называемой «дилеммой одновременности» процесса трансформации: необходимостью одновременно проводить политические реформы – построение демократических институтов и экономические реформы – построение рыночной экономики. Часть либералов выступала за быстрые авторитарные экономические реформы, в то время как другая часть склонялась к демократическим левым идеям, защищая демократию более плавным построением рынка [2]. После экономического краха псевдолибералов в России был установлен курс на развитие рыночной экономики с широким участием государства в экономике.

Особенность либерализма заключается в том, что свободы реализуются не напрямую и не самими социальными низшими классами. Свобода должна быть реализована через институты, через представительства, через уполномоченных компетентных людей, которые будут править этой демократией. У российских либералов есть еще одна особенность: они по-прежнему очень плохо относятся к своей стране, потому что эта страна им кажется неправильной: с неправильным населением, которое не разделяет их идеи, с неправильной историей. Следовательно, страну нужно как-то исправить, а то и лучше, чтобы она сама осознала свою неправоту и исправилась.

Дискуссия о совместимости либеральной идеи и «государства всеобщего благосостояния» затрагивает основы демократического общественного строя. Это касается особенностей работы местного самоуправления, и неправительственных организаций, и бизнеса. Либеральное общество – это общество равноправных граждан. Либеральные принципы международных отношений должны быть направлены на защиту равноправных свобод и национальных интересов каждого государства, права и свободы человека, мирное сотрудничество, а также экономическую свободу всех акторов – свободу торговли, инвестиций, капитала, услуг и передвижения людей. Соответственно, если международная политика и институты способствуют такой свободе и всестороннему сотрудничеству, они либеральны, но если странами вводятся

санкции, барьеры, запреты и ограничения, то такая политика не является либеральной и ведет к конфликту. Западу следует отказаться от своего «западного триумфализма, который как будто лишил его адептов способности осознавать те тектонические сдвиги, которые в последние годы происходят в глубинных пластах современного мира» [3].

Основная цель либерализма – мирное развитие на благо общества, что подразумевает мирное сотрудничество людей в духе терпимости и согласия. Будущее глобальной политики будет зависеть от равноправного партнерства, справедливого распределения благ, ограниченного чрезмерного потребления. В свою очередь, либеральные демократии должны показать успешный пример преодоления своих внутренних трудностей, оказывать активную помощь в изменяющемся мире, и Россия должна быть среди этих государств.

#### **Список источников:**

1. Путин, В. Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64261>. – Дата доступа: 14.12.2020.
2. Примаков, Е.М. Современная Россия и либерализм. Российский совет по международным делам / Е.М. Примаков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/sovremennaya-rossiya-i-liberalizm/>. – Дата доступа: 10.12.2020
3. Гаджиев, К. С. Кризис или закат либерализма? / К. С. Гаджиев // Власть. – 2017. – № 3. – С. 7–17.

*И.А. Чувиллов, аспирант  
chuvilovi@mail.ru  
БГЭУ (Минск, Беларусь)*

### **НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИТАРНЫХ СТРАТЕГИЙ РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВЫ «ПОЯС – ПУТЬ» ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ**

На восьмой год реализации Китаем инициативы «Пояс – путь» (ИПП) страна столкнулась со сложными, даже тревожными, вызовами пандемии коронавируса COVID-19. Так как наступление практически общемирового локдауна, закрытия экономик и границ не было ожидаемым, пандемия резко внесла коррективы в планы Китайской Народной Республики (КНР) по реализации своей самой масштабной внешнеполитической инициативы – ИПП.

Экономика – локомотив развития ИПП. Во время пандемии международные экономические связи стремительно пошли на спад, экономические показатели также снижались. Поэтому наибольший ущерб от COVID-19 понесла именно мировая экономика. Большая часть реализуемых Китаем экономических программ и проектов вдоль «Пояса и пути» были отложены либо вовсе отменены. В первом квартале 2020 г. торговля Китая с государствами ИПП

выросла на 3,2 %, при этом данный показатель был ниже, чем за весь 2019 г. (10,8 %) [2, с. 138]. Доктор исторических наук, профессор А.А. Маслов отмечает, что причиной спада торговых показателей между Китаем и государствами-участниками ИПП является то, что последние в пору пандемии не готовы и даже не способны к активизации торговых отношений (им «не до расширения закупок»), в то время как Китай «готов постепенно возобновлять поставки товаров» [2, с. 138].

Сосредоточившись на экономической стороне пандемии и ее влиянии на ИПП, необходимо также помнить, что экономика – это не единственная составляющая инициативы «Пояс – путь». Важнейшую роль в ее реализации также играют гуманитарные стратегии, базирующиеся также на использовании Китаем инструментов «мягкой силы».

В статье «Что происходит, когда «мягкая сила» вынуждена оставаться дома?», опубликованной Королевским объединённым институтом оборонных исследований (Великобритания) – старейшим в мире независимым аналитическим центром по вопросам международной обороны и безопасности – отмечается, что в пору пандемии Китай предпринял попытки использования «мягкой силы» с целью упрочения влияния в сложные для международного сообщества времена и улучшения своего имиджа, несмотря на то, что его репутация пострадала в первые месяцы пандемии из-за критики по поводу методов борьбы с коронавирусом [3]. Инициативы по гуманитарной помощи со стороны как государственного, так и частного секторов Китая были многочисленны, в том числе доставка средств индивидуальной защиты в страны Персидского залива, наборов для тестирования на вирус в Африку, а также обмен опытом в области общественного здравоохранения на международном уровне [3]. Республика Беларусь также несколько раз получала гуманитарную помощь от Китая в 2020 г., что ещё раз доказало высокий уровень двусторонних китайско-белорусских отношений [1].

Примечательна оценка Королевским объединённым институтом оборонных исследований поставки Китаем средств индивидуальной защиты и тестов Италии, который считает, что подобный жест Китая, вызвавший похвалу министра иностранных дел Италии, помог Китаю и дальше укреплять свой имидж благодетеля [3].

В 2020 г. стратегия Китая в области взаимодействия и сотрудничества в сфере культуры и искусства со странами «Пояса и пути» претерпела серьёзные изменения. Значительная часть зарубежных культурных мероприятий Китая была перенесена в онлайн-формат, художественные выставки перешли из галерей и музеев в интернет-пространство. На первый взгляд может показаться, что переход работы данных учреждений в онлайн не оказывает влияния на внешнюю политику Китая, имеет мало общего с деятельностью ИПП. Однако такой односторонний подход в корне не верен. Культура непреложно является связующим звеном между государствами, нациями и цивилизациями. Поддержание стабильных, прочных и постоянно функционирующих культурных



связей – одно из первостепенных требований к успешному взаимодействию акторов международной системы XXI в., особенно в пору пандемии.

Каждый человек, вовлечённый в международную, связанную с Китаем сферу культуры и искусства, – это также важный механизм глобальной, вынужденной непрерывно функционировать системы Китая, целью которой является расширение и упрочение позиций страны в мире. Китаю представляется чрезвычайно выгодным и удобным использовать человеческий потенциал в области, которая не требует внушительных вложений и инвестиций. Посредством объектов искусства возможно продвигать, укреплять «мягкую силу» государства, чем Китай умело пользуется. Искусство едва ли способно развязать конфликт, начать войну (так как произведения искусства можно трактовать по-разному, в зависимости от того, к кому это искусство обращено), однако ему подвластно влиять на мировоззрение и миропонимание людей, стирать либо же создавать и укреплять стереотипы. Из-за закрытия мест массового посещения людей, в том числе галерей и музеев, теряется одна из возможностей продвижения политических, культурных и общественных установок Китая за рубежом. В результате переход в онлайн-пространство видится наиболее приемлемым вариантом.

«Пояс – путь» – это не институционально оформленная организация, это инициатива с широким перечнем проводимых мероприятий, с гибким и свободным набором действий, она легко управляема и полностью подотчётна Китаю. Благодаря этому ИПП включает в себя разноплановые проекты и действия Китая на международной арене. Каждая выставка, каждый образовательный семинар вдоль стран «Пояса – пути» – если они каким-либо образом связаны с ролью и местом Китая в нынешней либо же в прогнозируемой международной системе – могут рассматриваться как часть реализации инициативы «Пояс – путь».

Ввиду наступления пандемии существенно трансформировались подходы к образованию по всему миру. Образовательный процесс в большинстве школ и университетов перешёл в дистанционный формат на период пандемии, при этом обнажив слабые стороны образовательных систем некоторых государств. Обнаружилась недостаточная подготовленность образовательных онлайн-платформ к переходу на всеобщее дистанционное обучение. Опыт Китая в данном направлении стал рассматриваться как образцовый ввиду успешности деятельности страны в новом формате образовательной системы. Ещё в мае 2019 г. по инициативе Китая была созвана Международная конференция ЮНЕСКО по искусственному интеллекту и образованию, аналогов которой до того времени ещё не было [4]. Директор Бюро ЮНЕСКО в Пекине Мариэла Оливейра, комментируя успех Китая по поддержанию образовательного процесса во время пандемии, указала на следующее: «Реакция системы образования Китая на чрезвычайную ситуацию с COVID-19 замечательна с точки зрения глубины предоставляемых средств дистанционного обучения и масштаба, необходимого для удовлетворения потребностей. Только одна из платформ, предлагаемых Министерством образования, позволяет 50 миллионам учащихся и учителей

подключаться одновременно, что даёт им доступ к модулям начального и среднего образования, а также к контенту по жизненным навыкам, имеющему отношение к чрезвычайной ситуации в области здравоохранения» [4]. Ожидается, что Китай будет делиться своим успешным опытом в реализации дистанционного обучения со странами-партнерами, в том числе и по инициативе «Пояс- путь».

Проведённый анализ некоторых аспектов гуманитарных стратегий реализации инициативы «Пояс – путь» в пору пандемии показывает способность КНР трансформировать и адаптировать к изменяющимся условиям свои международные программы и проекты.

#### **Список источников:**

1. Беларусь получила более 10 тыс. тестов на коронавирус в качестве гуманитарной помощи от Китая [Электронный ресурс] // Белта. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/belarus-poluchila-bolee-10-tys-testov-na-koronavirus-v-kachestve-gumanitarnoj-pomoschi-ot-kitaja-387425-2020/>. – Дата доступа: 12.12.2020.
2. Маслов, А. А. Китай 2020: пандемия, общество и глобальные альтернативы / А. А. Маслов. – М.: РИПОЛ классик, 2020. – 368 с.
3. Elliott, E. What happens when soft power has to stay at home? / E.Elliott // RUSI [Electronic resource]. – Mode of access: <https://rusi.org/commentary/what-happens-when-soft-power-has-stay-home?qt-related=1&page=137>. – Date of access: 10.12.2020.
4. How is China ensuring learning when classes are disrupted by coronavirus? [Electronic resource] // UNESCO. – Mode of access: <https://en.unesco.org/news/how-china-ensuring-learning-when-classes-are-disrupted-coronavirus>. – Date of access: 15.12.2020.

## 6. ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

---

*П.А. Барахвостов, доцент  
barakhvostov@yandex.by  
БГЭУ (Минск, Беларусь)*

### ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Особенностью современного этапа развития человеческой цивилизации является цифровизация всей системы общественных отношений. Цифровая эпоха, характеризуемая непрерывным и все возрастающим потоком информации, внедрением инновационных технологий, виртуализацией коммуникации, тотальной медиатизацией, перемещением все большего числа видов человеческой деятельности в цифровую среду, кардинальным образом изменила не только экономику, но и видение мира в целом.

Проблеме цифровизации общества посвящена обширная литература. При этом, как правило, авторы акцентируют внимание на отдельных ее аспектах, в частности: формировании цифровой экономики в целом [4-7,10] и отдельных ее отраслей [5,13,14], трансформации параметров социокультурного развития [8,9,12]. Однако, как указывал Т. Парсонс [13], общество представляет собой целостное интегральное образование, включающее *три взаимосвязанные подсистемы* - экономическую, политическую и социокультурную. Это обуславливает необходимость рассмотрения цифровизации как сложного процесса, затрагивающего все указанные сферы одновременно. Решению данной проблемы и посвящено настоящее сообщение.

Развитие общественной системы определяется локальной цивилизационной матрицей (ЛЦМ), образованной «оболочкой», включающей природно-климатическую среду, материально-технологическую среду и социокультурную подсистему (культурно-религиозные и национально-демографические особенности), и институциональным «ядром», обеспечивающим единство и согласованное функционирование всех ее элементов. В сложной структуре «ядра», можно выделить *базовые* экономические, политические и социокультурные институты, формирующие *институциональную матрицу* [1]. В ней *одновременно* присутствуют два типа институтов (рыночные и редистрибутивные), взаимодействующие по принципу «*доминантность – компенсаторность*» [11, р.хix]. Редистрибутивная модель предполагает институты редистрибуции (аккумуляции – согласования – распределения), общественно-служебную собственность, общественный/служебный труд, жалобы в виде обратной связи, институты унитарно-централизованного политического устройства и доминирование в общественном сознании идеи

коллективных, надличностных ценностей. Рыночная модель – это отношения купли-продажи, частная/личная собственность, наемный труд, прибыль как институт обратной связи, федеративные начала государственного устройства, доминирование в общественном сознании идей примата личности, ее прав и свобод.

Локальная цивилизационная матрица не является раз и навсегда заданной. Изучение феномена цифровизации позволяет проследить, как изменение «оболочки» ЛЦМ приводит к трансформации ее «ядра».

Наиболее нестабильным, чувствительным к внешним воздействиям элементом локальной цивилизационной матрицы является материально-технологическая среда. Цифровая эпоха обусловила ее кардинальное изменение, что нашло отражение, например, в высоком уровне интеграции технологических продуктов и услуг (от проектирования программного и аппаратного обеспечения до реализации сложных технологий в реальном секторе экономики), создании цифровой инфраструктуры, применении облачных и блокчейн-технологий, использовании технологий электронных платежей и транзакций. В Беларуси цифровые технологии используются в управлении городской инфраструктурой: в Минске подключены более 100 тыс. «умных» фонарей, используется система электронного сбора платы за проезд [2]. В ноябре 2018 г. «Приорбанк» провел первую в Беларуси сделку (между Мозырьским НПЗ и «Райффайзенбанком») с использованием блокчейн.

Важным последствием изменения материально-технологической среды являются структурные трансформации в экономике. Кардинальным образом изменяется производственный цикл, который включает теперь визуализацию конечного продукта, его «допроизводственное» моделирование с учетом данных эргономического анализа, что невозможно без сетевых систем. В Беларуси, например, было осуществлено 3D моделирование вестибюлей станций метро и подземных участков станций, введенных в эксплуатацию в 2020 г., что дало возможность выявить пространственные коллизии в рабочей документации и, в конечном счете, способствовало сокращению временных простоев уже на стадии строительства.

Возрастает роль знаний и умений, опыта и интеллекта людей, имеет место переход к «экономике знаний». Это, в свою очередь, способствует повышению значения образования. Видоизменяются его формы. Теперь даже в школе широко практикуются различные формы online обучения. Особое значение достижения в этом направлении приобрели в эпоху пандемии COVID-19, вынудившей полностью изменить подачу учебного материала и пути формирования у учащихся требуемых навыков.

Усиливается роль сферы услуг, возникают новые виды бизнеса и формы получения дохода.

Изменения в материально-технологической среде и, как следствие, в экономике, обуславливают необходимость трансформации политических институтов – формирования нормативно-правовой базы их функционирования и развития. Отправной точкой указанных процессов в Беларуси стал

Декрет Президента Республики Беларусь №8 от 21 декабря 2017 г., предусматривающий широкие возможности для цифровизации нашей страны.

Кроме того, возникают новые формационные элементы, что проявляется в преобразовании трудовых отношений. Быстро возрастает количество рабочих мест, требующих цифровой грамотности, и умение использовать эти технологии становится основной кадровой потребностью. Кроме того, видоизменяются отношения «наниматель – работник». В новых условиях рабочее место становится виртуальным, мобильным (удаленным). С 28.01.2020 г. Трудовой кодекс Республики Беларусь дополнен отдельной главой 25, которой регламентируется новый вид удаленной работы на условиях трудового договора – дистанционный.

В силу того, что цифровые системы имеют сетевую архитектуру, их внедрение стимулирует развитие горизонтальных связей между субъектами экономики и политики, в межличностных отношениях и, следовательно, распространение идей субсидиарности. Таким образом, изменения материально-технологической среды приводят к трансформации институционального «ядра» ЛЦМ - усилению рыночных институтов. Важной задачей любого государства является обеспечение контролируемости данного процесса, что предполагает: создание условий для всеобщего доступа к цифровым технологиям, поиск и реализацию подходящих моделей государственно-частного взаимодействия, определение приоритетов для масштабных цифровых преобразований в таких сферах, как общественная безопасность, образование, здравоохранение, туризм, экология, банковская и финансовая сфера, промышленность. Последнее, как правило, подразумевает формирование инфраструктуры 4.0 и 5.0, гарантирование доступа к капиталу для создания новых инновационных производств, обеспечение условий для обучения способного работать в новых условиях персонала.

Изменение же институционального ядра, в свою очередь, вызывает трансформацию оболочки цивилизационной матрицы. В частности, в современных условиях оказывается возможным создание национальной системы независимого экологического мониторинга и оценки состояния окружающей среды, внедрение концепции «умного города». Реализация программы развития цифровой инфраструктуры, в частности, цифровизация сельской местности открывает перспективы для экономического и социального развития этих районов и, следовательно, снижения миграции сельских жителей в города. Повышение значимости знаний в конечном итоге приведет к трансформации ценностной составляющей цивилизационной матрицы.

Цифровизация обуславливает сближение *локальных* цивилизационных матриц в пределах региона и глобального сообщества. Однако неперенными условиями устойчивого развития при этом остаются осуществление информационной безопасности, усиление и защита доверия в киберпространстве.

### Список источников:

1. Кирдина, С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию / С.Г. Кирдина. – СПб.: Нестор История, 2014. – 469 с.
2. Косенков, А. «IT-страна»: обратная сторона цифровизации Беларуси / А.Косенков // Евразия – эксперт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eurasia.expert/it-strana-obratnaya-storona-tsfrovizatsii-belarusi/>. – Дата доступа: 20.11.2020.
3. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 271 с.
4. Antikainen, M. Digitalisation as an enabler of circular economy / M. Antikainen, T. Uusitalo, P. Kivikytö-Reponen // Proc. CIRP. – 2018. – V. 73. – P. 45–49.
5. Bourreau, M. The digitization of the recorded music industry: impact on business models and scenarios of evolution / M. Bourreau, F. Moreau, M. Gensollen // Telecom ParisTech Working Paper No. ESS-08-01 [Electronic resource]. – 2008. – Mode of access: [https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract\\_id=1092138](https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1092138). – Date of access: 16.11.2020.
6. Digitalization and its influence on business model innovation / M. Rachinger et al // J. of Manufacturing Technology Management [Electronic resource]. – 2018. – Mode access: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/JMTM-01-2018-0020/full/html>. – Date of access: 20.11.2020.
7. Heavin, C. Challenges for digital transformation—towards a conceptual decision support guide for managers / C. Heavin, D. J. Power // J. of Decision Systems. – 2018. – V. 27. – Suppl.1. – P. 38–45.
8. Mashhadi, V. Z. Influences of digital classrooms on education / V.Z. Mashhadi, M. R. Kargozari // Proc. Computer Science. – 2011. – V. 3. – P.1178–1183.
9. Neubert, M. The impact of digitalization on the speed of internationalization of lean global startups / M. Neubert // Technology Innovation Management Rev. – 2018. – V. 8, № 5. – P. 44–54.
10. Paritala, P.K. Digital manufacturing-applications past, current, and future trends/ P. K. Paritala, S. Manchikatla, P. K. Yarlagaadda// Proc. Engineering. – 2017. – V. 174. – P. 982–991.
11. Polanyi, K. The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity) / K. Polanyi. - N.-Y.: Academic Pr., 1977. – 280 p.
12. Smart Equipment—A Perspective Paper/N. Kockmann et al// Chemie Ingenieur Technik. – 2018. – V. 90. – № 11. – P. 1806–1822.
13. Taşaltın, N. Digitalization of solar energy: a perspective/ N. Taşaltın// J. of Scientific Perspectives. – 2019. – V.3. – № 1. – P. 41–46.
14. Waldfoegel, J. How digitization has created a golden age of music, movies, books, and television / J. Waldfoegel // J. of Economic Perspectives. – 2017. – V. 31. – № 3. – P. 195–214.

*О.В. Босько, методист  
bosko@bsuir.by  
ИИТ БГУИР (Минск, Беларусь)*

## **КОММУНИКАТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ<sup>1</sup>**

Цифровая трансформация влечет за собой кардинальные изменения, которые затрагивают все сферы современного общества, включая деятельность системы органов государственного управления: изменяются способы коммуникации государства и граждан, внедряются технологий электронного правительства, осуществляется переход на предоставление государственных услуг в электронной форме.

Использование гражданами сети Интернет с целью получения государственных услуг является современной альтернативой личному контакту заявителя и государственного служащего. Однако несмотря на то, что по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь в 2019 году интернет-пользователями являлись 82,8 % жителей нашей страны в возрасте от 6 до 72 лет, только 19 % использовали сеть Интернет для взаимодействия с органами государственного управления [2].

Невзирая на наличие реальной возможности осуществления взаимосвязи населения с государственными органами и организациями на основе информационно-коммуникационных технологий, интернет-пользователи чаще всего воспринимают Интернет как источник информации (97,1 %), инструмент для просмотра и скачивания фильмов, музыки и т.д. (87,7 %) и общения в социальных сетях (84,8 %), покупки, заказа товаров, услуг (63,7 %), образования (33,7 %) [1], но не считает его инструментом, позволяющим получать государственные услуги онлайн.

Однако не только общественное мнение ограничивает увеличение количества государственных услуг, предоставляемых в электронной форме. Есть и иные факторы, которые пока не позволяют пользователям полностью перейти на получение услуг посредством сети Интернет. Граждане, которые начинают получать государственную услугу онлайн, нередко сталкиваются с необходимостью скачать для заполнения определенные формы документов, подтвердить внесенную информацию собственноручной подписью, представить документ, удостоверяющий личность и т. д. Это связано с тем, что этапы оказания электронных услуг базируются на регламентах, используемых при традиционном способе их предоставления, а потому во многом повторяют их и сохраняют их особенности.

---

<sup>1</sup> Результаты исследования получены при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках выполнения научно-исследовательской работы «Разработать модель коммуникативной деятельности государственных служащих в контексте цифровой трансформации» (договор № Г19-093 от 2 мая 2019 года).

Существующая ситуация не удовлетворяет значительную часть граждан. Требования не только к качеству государственных услуг, но и к форме их предоставления неуклонно повышаются. В обществе формируется желание взаимодействовать с государственными органами и организациями онлайн так же легко, как, например, с интернет-магазинами. Для того чтобы обеспечить это нужно, чтобы работники государственных органов и организаций обладали необходимой квалификацией и могли оказать в том числе и консультативную поддержку получателям услуг. Гражданам, которым не удастся самостоятельно воспользоваться цифровыми сервисами, вместо предоставления «бумажной» альтернативы должна быть оказана помощь в доступе к государственным услугам в электронной форме. Применение такого подхода актуализирует вопросы развития информационно-коммуникационной и коммуникативной компетенций государственных служащих, которые пока не решаются в полной мере.

Несмотря на то, что именно государство выступает инициатором распространения цифровых технологий в деятельности государственных органов, обучению работников использованию информационно-коммуникационных технологий уделяется недостаточно внимания, о чем свидетельствуют объемы финансирования этого направления деятельности. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь за 2018 год затраты на обучение работников составили всего 0,3 % в общей структуре затрат организаций на информационно-коммуникационные технологии [3].

В целях преодоления обозначенных препятствий на пути более широкого внедрения цифровых технологий в деятельность государственных органов актуальным видится создание и реализация комплекса мер, среди которых:

проведение целенаправленной работы по расширению возможностей получения гражданами государственных услуг онлайн, которая включает как создание новых и совершенствование существующих технических возможностей, так и пропаганду среди населения соответствующих цифровых сервисов;

исключение всевозможных дублирований и параллельного использования «бумажного» документооборота при применении цифровых технологий в государственном управлении (только в таком случае может быть получен экономический эффект от внедрения информационно-коммуникационных технологий в сферу государственных услуг);

изменение кадровой политики, реализуемой в сфере государственного управления, в направлении планирования и реализации мероприятий, ориентированных на формирование информационно-коммуникационной и коммуникативной компетенций государственных служащих.

Широкое внедрение цифровых технологий в сферу государственного управления позволит сократить как период ожидания гражданами предоставления государственной услуги, так и время, затрачиваемое государственными служащими на ее оказание, повысит эффективность и



прозрачность процессов взаимодействия населения с органами государственной власти, что позволит достичь положительного эффекта для экономики страны.

#### **Список источников:**

1. Интернет-пользователи по целям выхода в сеть Интернет по г. Минску в 2019 году [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: [https://minsk-city.belstat.gov.by/upload/Minsk\\_city\\_exel/domhoz/.pdf](https://minsk-city.belstat.gov.by/upload/Minsk_city_exel/domhoz/.pdf). – Дата доступа: 10.12.2020.
2. Использование информационно-коммуникационных технологий населением, 2019 [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: [https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial\\_statistika/infograf-transport-2-200915.pdf](https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/infograf-transport-2-200915.pdf). – Дата доступа: 10.12.2020.
3. Структура затрат организаций на информационно-коммуникационные технологии в 2018 году [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/informatsionno-telekommunikatsionnye-tekhnologii/graficheskiy-material-grafiki-diagrammy/struktura-zatrat-organizatsiy-na-informatsionno-kommunikatsionnye-tekhnologii/>. – Дата доступа: 10.12.2020.

***К.Н. Горлов***

*gorlov@cit-tmb.ru*

*ИСПИ РАН (Москва, Россия)*

## **СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ: НЕРАВЕНСТВО**

Сегодня информация и доступ к цифровым технологиям, а не собственность, финансовый капитал, властные полномочия или вероисповедание, становятся главным критерием социальной дифференциации. Новый фактор социального неравенства отныне, в постиндустриальную эпоху, заключается в потенциале самих людей усваивать информацию и использовать в своей повседневной деятельности знания и технологии, в возможности доступа к ним. Тотальное внедрение современных цифровых технологий может стать причиной социальной дезинтеграции общества – разобщения глобальных макросоциальных связей, увеличения материальных и духовных диспаритетов, деградации институтов социальной и политической кооперации [1, с. 53].

Цифровое неравенство как сложное социально-экономическое явление проявляется в различных формах: по территориальному признаку (технологически развитые страны Северной Америки, Западной Европы и Юго-Восточной Азии против стран с догоняющей экономикой в масштабах мирового хозяйства, информационно богатые промышленные центры против информационно бедных сельских областей внутри страны); по уровню и

доступности образования (европейские и российские школы, городские и сельские школы, вузы и средняя школа) [2, с. 22]; по возрастному признаку (отстающее старшее поколение и успешно адаптирующаяся в цифровом мире молодежь); имущественному (как с точки зрения стоимости доступа и владения информацией и технологиями, так и с позиций обесценения некоторых видов капитала под влиянием научно-технического прогресса), культурному (исходя из традиций и менталитета) и другим признакам.

Цифровизация оказывает существенное влияние на социальную структуру общества. С одной стороны, происходит формирование цифровой элиты – социального сегмента людей, обладающих определенными компетенциями, воплощающих в себе знания и информацию, а главное, устанавливающих правила использования информации и новых цифровых технологий [3, с. 344]. С другой стороны, возникает новый маргинальный сегмент людей, лишенных доступа к цифровым технологиям, а по сути, к современным коммуникациям, образованию, медицине, государственным услугам, современному производству.

Основными мерами преодоления социально-политических последствий углубления цифрового неравенства в современной России, по нашему мнению, должны стать:

- развитие законодательной базы в IT-сфере, ориентированное на перевод системы государственного управления на принципы цифровой экономики [4, с. 81];
- развитие антимонопольного регулирования, обеспечивающего условия для равного конкурентного доступа к новым технологиям и производителям, и потребителям;
- совершенствование налоговой политики, способствующие улучшению качества жизни всего населения, а не его отдельных слоев, включающее в себя как обусловленную цифровизацией корректировку субъектов и объектов налогообложения и методов работы с ними, так и конкретные меры по налоговому стимулированию цифровизации и сглаживанию ее рисков;
- повышение экономической активности населения, стимулирование инновационного предпринимательства и IT;
- обеспечение широким слоям населения доступа к высшему образованию, как важнейшему ресурсу постиндустриального общества, определяющему уровень адаптации индивида к ритму всеобщего прогресса человечества и позитивные модели его социально-экономического поведения;
- обеспечение доступности современных технологий максимально широкому кругу социальных слоев путем снижения стоимости цифровых технологий за счет возрождения отечественного серийного производства необходимой техники и программного обеспечения;

Стремительный подъем цифровой экономики и сетевого общества, утверждение новых социально-экономических механизмов порождает самые разнообразные риски: ожидаемые и новые, системные и ситуационные. При этом риски не исчерпываются текущими негативными последствиями, но оказывают

существенное влияние на будущее, являясь оборотной стороной цифрового этапа развития общества [5, с. 8]. Формируемое цифровое общество должно быть по сути своей ориентировано на использование потенциалов риска: как позитивных, так и негативных.

#### **Список источников:**

1. Осипов Г.В. и др. Вызовы цифрового будущего и устойчивое развитие России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2017–2018 годах: коллективная монография // под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской. – М.: ИТД «Перспектива», 2018. – 716 с.
2. Жадан, И.Э. Социальные риски в цифровой экономике / И.Э. Жадан // Гуманитарный научный журнал. – 2018. – № 1. – С. 20–26.
3. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования Д. Белл. – М.: Академия, 2004. – 788 с.
4. Ильичева, Л.Е., Лапин, А.В. Разработка региональной стратегии: новые подходы и критерии / Л.Е. Ильичева, А.В. Лапин // Власть. – 2019. – № 5. – С. 80–89.
5. Россия в новой социально-политической реальности: вызовы и риски. – М.: Издательство «Проспект». 2017. – 244 с.

*А.П. Дербин, проректор по учебной работе и  
интернационализации образования  
al\_derbin@tut.by*

*МГЛУ (Минск, Беларусь)*

*И.В. Пинчук, зав. кафедрой социальной коммуникации  
igor\_pinchuk87@mail.ru  
БГУ (Минск, Беларусь)*

## **СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОНСТИТУЦИИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ**

Как основополагающий документ жизни государства и общества, конституция должна соответствовать уровню развития общественных отношений в конкретный исторический период, обеспечивать баланс интересов различных социальных групп, воплощать систему ценностей и приоритетов, наличествующих в социуме. В то же время такого рода документы содержат основополагающие начала о перспективных моделях развития государства и общества, направленных на обеспечение социального прогресса, достижение выработанных ориентиров.

Очевидно, что глубинные трансформации в общественной жизни, изменения в мировоззренческой сфере большинства населения или его наиболее социально-активной части, вызвавшие вызревание либо уже фактическое

формирование новых моделей социального взаимодействия, могут потребовать корректировок основополагающих документов.

Будучи вовлеченным в глобальные процессы, белорусское общество испытывает на себе влияние тех же масштабных факторов социальных перемен. Основным из них, на наш взгляд, является дигитализация. Она не только кардинально переформатировала технические аспекты коммуникации как непосредственно между людьми, так и с различными социальными и государственными институтами. За короткий промежуток времени серьезно изменились мировоззренческие, и, отчасти, ценностные установки социума, основы социального взаимодействия.

С одной стороны, этому способствовали чрезвычайная динамика общественных отношений, виртуализация коммуникации как между индивидами, так и с государственно-властными структурами, широчайшие возможности для получения различных данных в мультиинформационном пространстве (Big Data), их обработки и самостоятельного анализа, построения прогнозов при помощи программных инструментов, способность практически беспрепятственно делиться в виртуальном пространстве своими мнениями и убеждениями, объединяться в группы, мобильно координировать свою деятельность в оффлайне и т.п.

С другой стороны, информационно-коммуникационные технологии и их проникновение в жизнь людей фактически перевернули прежние установки социума, основанные преимущественно на постфигуративной культуре (подростающее поколение учится у старших, живет по их моделям поведения), перейдя к установкам, характерным для кофигуративной (опыт приходится перенимать у сверстников) и префигуративной (старшие вынуждены перенимать опыт у младших) культур.

Можно согласиться с мнением М. Мид, что кризис постфигуративной системы наступил вследствие развития новых форм техники, не известных старшим [1, с. 322–361]. В данном случае таким своего рода технологическим триггером выступили цифровые технологии.

Цифровая эпоха принесла с собой глубинные изменения в сознании общества и характере социальных связей. Укрепились модели, при которых молодежь сама вырабатывает стандарты поведения (социальные нормы), становящиеся образцом, как для сверстников, так и во многом для старшего поколения.

В частности, успешность в современном мире «измеряется» не только и даже, порой, столько размером доходов, состоянием индивида, занимаемой им должностью и соответственно, местом в социальной иерархии, сколько оценкой его представленности в виртуальном пространстве – просмотрами связанного с ним (в том числе созданного им) контента в виртуальном пространстве, количеством подписчиков блога, полученными «лайками».

Нередко именно нестандартные, новые решения приводят современных акторов к желаемому результату. Вследствие этого молодежь во многом

игнорирует стандарты поведения старших или безразлично относится к ним [1, с. 360–361]. Авторитет старших становится объектом критического оценивания.

Параллельно происходят изменения в структуре важных социальных установок в сфере взаимодействия. Постепенно снижается значение привычной иерархичности, вертикальные связи уступают место горизонтальным, а субординация координации. Представляется, что эти процессы экстраполируются и на отношение к власти.

Долгосрочное наблюдение реакции интернет-пользователей (комментарии, блоги и т.п.) на различные информационные поводы, связанные с деятельностью официальных структур, дают повод предположить, что в настоящее время институты власти преимущественно оцениваются с позиций полезности, удобства для конкретного индивида, близкой ему социальной группы. Из общественного сознания постепенно уходят последние отголоски сакрализации власти как явления. На первый план выходит бюрократический, технологический и утилитарный аспекты. Власти в меньшей степени хотят просто подчиняться, от нее ожидают взаимодействия по понятным и выгодным алгоритмам. Индивид видит себя чаще самостоятельным гражданином – выгодополучателем. Он требует прежде всего признания его самого (как самостоятельной личности), ценности его прав, интересов, воззрений и переживаний.

В вопросах коллективного отстаивания своих прав (сохранение зеленых насаждений, скверов, массивов малоэтажной застройки и т.п.), или реализации своих интересов становится привычным явлением самоорганизация. Участники самоорганизации легко коммуницируют, объединяются посредством создания тематических групп, в социальных сетях, мессенджерах, собирают финансовые средства посредством краундфайдинга, используют криптовалюты.

Путем самоорганизации индивиды могут решать проблемы, разрешение которых ранее ожидалось исключительно от официальных, властных структур. Обращение к последним по каким-то причинам представляется актерам неэффективным.

Эти и другие аспекты происходящих в контексте дигитализации социальных трансформаций позволяют по-новому взглянуть на отдельные вопросы конституционного строительства. В частности, к таковым следует отнести участие социально-активных граждан, число которых возрастает, в решении жизненно-важных для них вопросов, появление новых форм взаимодействия в рамках местного самоуправления, коммуникацию со структурами местного управления и т.д. Самоорганизация может органично дополнять деятельность местных органов власти, там, где усилия последних не могут быть столь эффективны.

Представляется, что будет все более востребовано закрепление новых возможностей по обсуждению и принятию гражданами решений, в первую очередь на местном уровне, касающихся их жизнедеятельности. Обустройства территорий, инфраструктуры, изменения назначения социально-важных объектов влияния. Как отмечает профессор кафедры технологий, культуры и

общества в Школе инженерии Тандона при Нью-Йоркском университете Бет Симон Новек в своей книге «Умные граждане – умное государство», «многие страны, в том числе Филиппины, Финляндия, Италия и Бразилия, проводили эксперименты по прямому интернет-взаимодействию с гражданами в вопросах выработки политики и развития законодательства. Правительство Исландии попросило граждан участвовать в формировании проекта новой конституции. Подобные зарождающиеся проекты «крауд-законодательства» (crowdlaw), включающие разработку нормативных правовых актов, законов и даже конституции, имеют общую цель: создать работоспособные и воспроизводимые структуры для предоставления людям возможностей прямого участия в процессе законотворчества» [2, с. 56].

Таким образом, в контексте современного конституционного строительства актуализируется изучение вопросов трансформации институтов непосредственной демократии, референдумов, представительства и т.д. с учетом доступности новых инструментов коллективного обсуждения социально-значимых вопросов, непосредственного выражения общественного мнения, фиксации волеизъявления граждан, общественного контроля за реализацией принятых решений.

#### **Список источников:**

1. Мид, М. Культура и мир детства / М. Мид. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
2. Новек, Б.С. Умные граждане – умное государство: Экспертные технологии и будущее государственного управления / Б.С. Новек. – М.: Олимп-Бизнес, 2016. – 512 с.

*Е.М. Ильина, доцент  
IlyinaEM@bsu.by  
БГУ (Минск, Беларусь)*

### **ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**

Цифровая трансформация (далее – ЦТ), возникшая на стыке научного дискурса и реальности в условиях постиндустриального развития, имеет мультидисциплинарный характер и фиксируется преимущественно в знаковой системе экономических и технических наук в контексте организационно-экономических и технико-экономических аспектов оцифровки и цифровизации экономики и бизнеса, технологических особенностей внедрения цифровых бизнес-платформ и новых сквозных цифровых практик (систем распределенного реестра, искусственного интеллекта и нейротехнологий, Интернета вещей, больших данных, виртуальной и дополненной реальности, робототехники, аддитивных технологий и др.) четвертой промышленной революции (далее – Industry 4.0) или VI технологического уклада, их влияния на современные социально-экономические процессы.

Представляется, что назрела объективная потребность в системном и концептуальном именно политологическом измерении процесса ЦТ, так как доминирующие экономический и технологический ракурсы оказались несколько ограниченными и оставляют без должного внимания организационно-управленческие, политико-правовые и информационно-аналитические аспекты ЦТ. Политологическое измерение ЦТ позволит провести исследование данной актуальной тематики на более высоком междисциплинарном уровне и внесет определенный вклад в концепцию комплексной ЦТ Республики Беларусь как ИТ-страны.

Под воздействием цифровых технологий и трендов из окружающей/внешней среды на «вход» политической системы неизбежно поступают импульсы/вызовы с вариативными, неопределенными и непредсказуемыми последствиями, кардинально преобразующие систему в целом или ее отдельные подсистемы и функции:

- смещение политической активности в цифровую среду и появление новых виртуальных форм политического участия (в условиях пандемии COVID-19 т. н. протестные «онлайн-митинги» на платформе Zoom, YouTube, «Яндекс-протесты»), пока не получивших адекватного государственно-правового регулирования;

- блокчейнизация государственных услуг/суперприложений и переход к цифровому блокчейн-правительству/государству и цифровой блокчейн-демократии на принципах самоорганизации, децентрализации и саморегулирования, вступающих в определенный диссонанс с традиционными принципами централизации и иерархии в реализации политико-управленческих алгоритмов суверенных государств;

- ЦТ коммуникативной стратегии взаимодействия гражданского общества и бизнеса с органами государственной власти и управления, позволяющая стейкхолдерам прямо или косвенно оказывать влияние на процесс принятия решений посредством новых социальных сетевых медиа, мобильных приложений, чат-ботов, хэштегов, Legal Tech, участия в публичных онлайн-обсуждениях проектов нормативно-правовых актов или путем сбора подписей в поддержку электронных петиций;

- ЦТ политической теории и практики в русле относительно новой для политологии концепции «цифрового гражданства» и сопряженных с ней понятий «цифровые граждане» и «цифровая гражданственность» и др.

Повестка дня современного политического процесса детерминирована ЦТ политического знания, что способствует переосмыслению сущности фундаментальных политологических категорий в контексте формирования *цифрового ракурса политической теории*, ключевые особенности которого впервые проецированы на образовательный процесс высшей школы в рамках *авторской учебной дисциплины «Политика в сфере цифровой трансформации»* для специальности 1-23 01 06 Политология. Дисциплина читается на третьем курсе отделения политологии юридического факультета БГУ. Целью данной дисциплины является приобретение студентами системных знаний по теории и

---

методологии политики в сфере цифровой трансформации (далее – ПЦТ), процессу ее формирования и реализации в Республике Беларусь и за рубежом, а также навыков политико-правового позиционирования в условиях развития цифровой экономики Industry 4.0. Теоретическая направленность дисциплины сочетается с изучением и компаративным анализом прикладных аспектов ПЦТ. В результате освоения дисциплины студент должен знать базовый понятийно-категориальный аппарат и теоретико-методологические основы ПЦТ; круг актуальных проблем, выдвигаемых на повестку дня ПЦТ, технологии, тренды и направления ПЦТ в условиях развития цифровой экономики Industry 4.0; сущность и специфику внутренней институциональной структуры и динамики процесса формирования и имплементации ПЦТ (информатизации) в Республике Беларусь; зарубежный опыт формирования и реализации ПЦТ; правовые основы ПЦТ в Республике Беларусь и за рубежом; угрозы, риски и перспективы ПЦТ; индикаторы оценки, возможные направления совершенствования ПЦТ и уметь применять полученные системные знания о ПЦТ на практике [1].

Программа дисциплины составлена с учетом межпредметных связей с теорией государственного управления, методологией политической науки, теорией принятия политических решений, информационным правом, основами информационных технологий, экономической теорией. В процессе преподавания дисциплины используются практико-ориентированный, эвристический и проективный подходы с применением электронных средств обучения Образовательного портала БГУ LMS Moodle (<https://edulaw.bsu.by/course/view.php?id=8>) и внешних ресурсов и сервисов сети Интернет (Skype, Google Drive, YouTube, Kahoot, Mentimeter и др.). Освоение данной учебной дисциплины должно обеспечить формирование ключевых академических, социально-личностных, профессиональных и цифровых компетенций.

Таким образом, установлено, что для политического дискурса ЦТ является универсальной и предельно широкой категорией. Впервые предложено *политологическое измерение ЦТ*, которое позволяет уточнить круг актуальных проблем, формирующих цифровую повестку дня современной политики. Представлена *авторская интерпретация ЦТ в политологическом ракурсе* как исходящий из окружающей/внешней среды импульс/вызов на «входе» политической системы, кардинально преобразующий систему в целом или ее отдельные подсистемы и функции под воздействием цифровых трендов и технологий, имеющий неизбежный характер с неопределенными, вариативными и непредсказуемыми последствиями.

Выявлена *каузальная связь политологического измерения ЦТ с ЦТ политического знания*, способствующей переосмыслению сущности фундаментальных политологических категорий в контексте формирования цифрового ракурса политической теории на примере авторской учебной дисциплины «Политика в сфере цифровой трансформации» для специальности 1-23 01 06 Политология. Освоение данной учебной дисциплины способствует формированию цифровой грамотности в условиях междисциплинарного синтеза



и непрерывного развития комплексных «мягких» социально-поведенческих и когнитивных навыков эффективной коммуникации и сотрудничества, комфортного существования и самореализации студентов-политологов в цифровой среде в самой тесной связи с «жесткими» цифровыми навыками в узкопонятийном контексте базовой компьютерной грамотности и специализированных технических знаний в области цифровых технологий.

#### **Список источников:**

1. Ильина, Е. М. Политика в сфере цифровой трансформации : учеб. программа учреждения высшего образования по учеб. дисциплине для специальности: 1-23 01 06 Политология / Е. М. Ильина ; БГУ, юридический фак., каф. политологии. – Минск : БГУ, 2020. – 36 с.

*И.Л. Качалов, доцент  
kachalov@bsuir.by  
БГУИР (Минск, Беларусь)*

### **ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

В научной и учебной литературе понятие «политическая социализация» тесным и неразрывным образом связывают с понятием политической культуры. Например, С. А. Ланцов определяет политическую социализацию как процесс усвоения индивидом, социальной группой или всем обществом ценностей и норм, присущих какой-либо политической культуре конкретного общества [3, с. 145–146]. Результатом политической социализации на уровне отдельного человека становится усвоение определенных навыков, необходимых для исполнения соответствующих ролей в политической системе. Воспроизводство и эволюция политической системы как в целом, так и ее отдельных политических институтов невозможно без наличия в обществе эффективных механизмов политической социализации.

Чтобы избежать конфликтов и тем более серьезных политических потрясений в изменяющейся исторической и социальной обстановке, каждое последующее поколение должно усвоить опыт и ценности, выработанные предшествующими поколениями. Это вовсе не исключает его переосмысления. А вот резкий отказ от своего исторического прошлого и изменение ценностных ориентаций на диаметрально противоположные обязательно приведут к серьезным проблемам функционирования всех подсистем данного общества. А если разрушительные антисистемные социальные изменения приобретут необратимый характер, то такое общество неминуемо ждет катастрофа.

Начинаясь в возрасте 3-5 лет, процесс политической социализации продолжается на протяжении всей жизни человека. Особое значение имеют годы отрочества и юности. Считается, что именно к совершеннолетию у человека накапливается собственный жизненный опыт, складывается мировоззрение, формируются политические взгляды и убеждения. Хотя, как правило, эти

убеждения бывают непрочными и впоследствии меняются под воздействием внешних факторов. Взгляды и убеждения могут корректироваться в зрелом, и даже в преклонном возрасте. Однако примерно к 45 годам у человека происходит изменение поведенческой стратегии. Он переходит от инновационного к адаптивному поведению. Отдельный человек и целые социальные группы в процессе своей жизни могут менять свои политические ориентации, изменять формы, виды и направленность своей политической деятельности. Особенно часто это происходит при изменении политического строя, режима, состава основных участников политических процессов [1].

Исследователи отмечают, что наиболее прочные ценности, нормы и политические установки приобретаются под воздействием преобладающих в семье настроений. Уже у детей формируются базовые политические ориентации. Сформировавшиеся в детские и юношеские годы политические предпочтения и установки являются наиболее устойчивыми. Однако делается оговорка: роль семьи как агента политической социализации ограничивается степенью активности других политических институтов и общественных организаций. В ситуации радикального изменения ценностей (ресоциализации) у людей вне зависимости от возраста могут возникать острые внутриличностные конфликты и даже разрушаться структура личности.

Еще одним важнейшим агентом политической социализации выступает система образования. Школа транслирует существующие в обществе ценности и установки. Ее потенциал огромен. Однако результат далеко не всегда соответствует изначальной цели. В истории различных обществ достаточно примеров, когда декларируемые формальные политические нормы и ценности явно не совпадали с неписаными правилами политической игры. Школа как агент политической социализации способна стимулировать эмоциональную преданность молодых людей политической системе и ее символам (государственным, национальным, историческим), что несомненно будет укреплять такое общество. Не случайно, при формировании нации или после смены политического режима революционным путем, национальные лидеры или пришедшие к власти политические силы, как правило, тут же обращаются к школе как к средству вытеснения «устаревших» ценностей и символов и замены их новыми, более гармонизирующими с новой идеологией.

Образование также влияет на политические ресурсы граждан. Чем выше уровень и качество образования, тем в большей степени выражена предрасположенность к самостоятельному критическому мышлению, повышается способность интерпретировать факты и действовать на основе новой информации. Исследования политических установок различных социальных групп во многих странах подтверждают названные тенденции.

Однако в последние два десятилетия отчетливо проявились явные доказательства значительного усиления роли средств массовой информации как агента социализации, в том числе и в политике. Для большинства граждан они не только стали источником сведений о политических событиях. СМИ с возрастающей активностью распространяют напрямую и косвенно ценности,

установки, эмоционально окрашенные суждения. Это не только влияет на формирование политических убеждений людей, но и может в относительно короткий промежуток времени изменить их убеждения [4, с. 86–87]. Такое воздействие СМИ исследователи заметили, когда широкие массы населения по всему миру получили относительно недорогой доступ в Интернет.

Еще в конце XX в. один из крупнейших социологов современности Мануэль Кастельс обратил внимание на одну «специфическую социальную структуру» – «сетевое общество», в котором социальная структура «построена вокруг (но не определяется с помощью) цифровых сетей коммуникации». Он считал, что «процесс формирования и осуществления властных отношений, несомненно, трансформируется в новом организационном и технологическом контексте, возникающем из подъема глобальных цифровых сетей коммуникации как фундаментальной символической системы обработки данных нашего времени» [2, с. 21].

Вывод, сделанный М. Кастельсом, в свете происходящих сейчас событий во многих странах мира становится не только задачей академической науки, но и обязательным условием эффективности действий правительств этих стран: «...анализ властных отношений требует понимания специфичности форм и процессов социализирующей коммуникации, которая в сетевом обществе означает как мультимодальные массмедиа, так и интерактивные, горизонтальные сети коммуникации, возникающие вокруг Интернета и беспроводной коммуникации. Действительно, эти горизонтальные сети делают возможным подъем того, что я называю массовой самокоммуникацией, несомненно, увеличивающей автономию коммуницирующих субъектов в отношении к коммуникационным корпорациям в силу того, что пользователи становятся как отправителями, так и получателями сообщений» [2, с. 21].

Более чем актуально сейчас звучит сформулированный М. Кастельсом предмет его исследования: «Власть больше, чем коммуникация, а коммуникация больше, чем власть. Но власть полагается на контроль за коммуникацией, тогда как контрвласть зависит от прорыва этого контроля. Но массовая коммуникация, коммуникация, которая потенциально охватывает общество в целом, формируется и управляется властными отношениями, коренясь в медиабизнесе и политике государства. Коммуникационная власть находится в сердце структуры и динамики общества» [2, с. 20].

Рабочая гипотеза, сформулированная М. Кастельсом, сегодня также перешла в плоскость реальной политики и стала главной целью любого правительства как в границах своей страны, так и в международной политике: «наиболее фундаментальная форма власти состоит в способности формировать человеческое сознание» [2, с. 20].

Ссылаясь на исследования Дэвида Хелда 1990-х гг., М. Кастельс пишет: «...классическая теория власти, сфокусированная на национальном государстве или субнациональных государственных структурах, утрачивает привычную систему координат с момента, когда ключевые компоненты социальной

структуры одновременно оказываются, скорее, локальными и глобальными, чем локальными или национальными» [2, с. 35].

На наш взгляд, события, которые буквально за последний год происходят по всему миру, в очередной раз говорят о том, что «теория сетевого общества» стала реальностью сегодняшнего дня. И это следовало бы учитывать как исследователям политической социализации, так и «практикующим» политикам.

#### **Список источников:**

1. Баранов, Н. Лекция 15. Политическая социализация / Н. Баранов // Персональный сайт Николая Баранова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nicbar.ru/politology/study/kurs-politicheskaya-sotsiologiya/347-lektsiya-15-politicheskaya-sotsializatsiya>. – Дата доступа: 14.12.2020.
2. Кастельс, М. Власть коммуникации [Текст] : учеб. пособие / М. Кастельс ; пер. с англ. Н. М. Тылевич ; под науч. ред. А. И. Черных ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.
3. Ланцов, С.А. Политология: учебное пособие / С.А. Ланцов. – СПб. : Питер, 2011. – 544 с.
4. Лемешова, Т.В. Современные вызовы политической социализации молодежи и философия / Т.В. Лемешова // Высшая школа: проблемы и перспективы: материалы 13-й Междунар. научно-методич. конф. Минск, 20 февр. 2018 г. В 3 ч. Ч. 2. – Минск : РИВШ, 2018. – С. 85–90.
5. Милорава, А.Р. Процесс политической социализации молодежи в современном российском обществе / А.Р. Милорава. // Молодой ученый. – 2017. – № 13 (147). – С. 505–507.

*А.А. Михайлова, старший научный сотрудник*

*AnnaTikhonova@kantiana.ru*

*Д.В. Хвалец, магистрант*

*DKHvalei1@kantiana.ru*

*БФУ им. И. Канта (Калининград, Россия)*

### **СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ КОММУНИКАЦИИ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В РОССИИ<sup>1</sup>**

Возможность использования информационно-коммуникационных технологий для социологических и политологических исследований все активнее обсуждается в научной литературе, например, в [1-3]. Научная проблематика включает вопросы цифрового разрыва, а также статистической значимости различий между пользователями социальных сетей и реальным населением стран в отношении политических ценностей и поведения [3]. Данное исследование нацелено на оценку потенциала использования социальных сетей

---

<sup>1</sup> Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-011-32062 «Регионы России на пути к цифровой нации: пространственная дивергенция виртуализации социально-политических и экономических связей».

в практике государственного управления. В его основу легла гипотеза о том, что в России социальные сети могут выступать значимым инструментом для формирования коммуникационных связей между органами власти и населением.

Информационная база исследования сформирована на основе данных трех крупнейших социальных сетей в России: Вконтакте, Одноклассники, Инстаграм. Предметом изучения стала оценка потенциала их использования в современном политическом процессе как значимого коммуникационного инструмента в системе связей «органы государственной власти – население». В процессе исследования решалось 2 основные задачи: определение величины цифрового покрытия населения России социальными сетями и представленность политических институтов в виртуальном пространстве.

Исследовательская методика включала следующие этапы: 1. определение географии и половозрастной структуры распределения виртуальных личных профилей в социальных сетях Вконтакте, Одноклассники на примере городов России по состоянию на сентябрь 2020 г.; 2. оценка покрытия социальными сетями городов России путем сопоставления цифровых профилей и численности постоянного населения (данные Росстат); 3. оценка степени представленности политическими институтами в социальных сетях через количественные показатели формирования собственных виртуальных сообществ (Вконтакте, Одноклассники) и использования тематических хештегов (Инстаграм) по состоянию на декабрь 2020 г.

Свыше 90 млн индивидуальных профилей в социальных сетях аффилированы с 1174 городскими населенными пунктами России, совокупное население которых – 104,1 млн человек. В сети Одноклассники зарегистрировано 96,8 млн пользователей, немногим меньше в Вконтакте – 92,3 млн. Расчет коэффициента парной корреляции между массивами численности постоянного населения и виртуальных профилей в каждой из рассматриваемых социальных сетей (Вконтакте 0,99; Одноклассники 0,97) продемонстрировал наличие тесной прямой связи. Это говорит о том, что количество цифрового населения определяется численностью реальных жителей. На рис. 1 представлено распределение городов России по соотношению количества профилей в Одноклассниках и Вконтакте на 1 жителя. Превышение уровня в 1 означает, что с этим городом аффилировано больше личных аккаунтов в социальной сети, чем численность зарегистрированного постоянного населения.

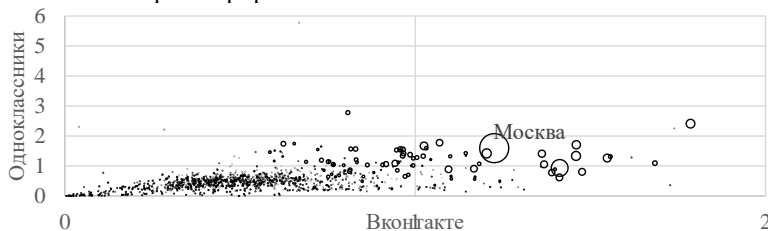


Рис. 1 – Распределение городов России по уровню покрытия населения социальными сетями, профилей на 1 жителя

Города выборки могут быть разделены на 2 группы с численностью цифрового населения: меньше реального (Вконтакте – 1102, Одноклассники – 1096 городов); больше реального (Вконтакте – 67, Одноклассники – 74 города). У всех городов-миллионеров хотя бы по 1 социальной сети наблюдается превышение виртуальных личных профилей над численностью жителей. Анализ территориальной структуры распределения пользователей Вконтакте и Одноклассники показал, что по ряду городов наблюдается расхождение по количеству пользователей в несколько раз. В первую очередь, это характерно для небольших городов с численностью жителей до 100 тыс. чел., а также ряда более крупных, расположенных в Северо-Кавказском федеральном округе (например, Грозный, Махачкала, Нальчик). Это говорит как о разной востребованности социальных сетей, так и невозможности использования конкретной социальной сети в качестве репрезентативной площадки для оценки мнения различных социальных групп. В возрастной структуре цифрового населения городов России превалирует группа «от 18 до 65 лет»: Вконтакте – 80,3 млн (87%), Одноклассники – 85,0 млн (87,9%) – рис. 2. Среди пользователей Вконтакте доля женских профилей – 50,7% (46,8 млн), а Одноклассники – 52,2% (50,6 млн). Для сравнения доля женщин в структуре населения России составляет 54%.

В таблице 1 представлено распределение некоторых политических виртуальных сообществ социальных сетей Вконтакте и Одноклассники с аффилиацией в России. Очевидно, что Вконтакте более часто используется как коммуникационная площадка для политического диалога, нежели Одноклассники. Возможно, определенную роль в этом сыграла более молодая и активная аудитория сети Вконтакте (рис. 2).

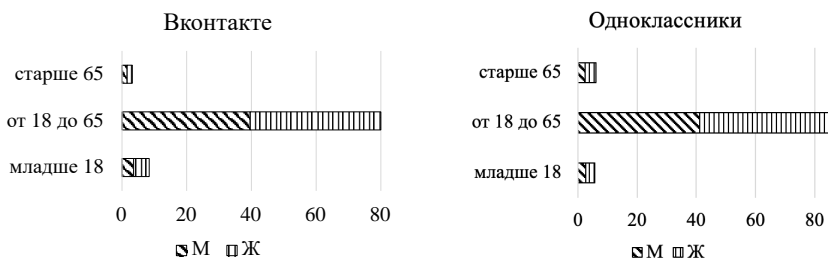


Рис. 2 – Структурный состав личных профилей жителей городов России в социальных сетях, млн пользователей

Таблица 1 – Распределение политических виртуальных сообществ социальных сетей Вконтакте и Одноклассники с аффилиацией в России

Слово / словосочетание	Количество виртуальных сообществ*			
	Вконтакте		Одноклассники	
	ед.	на 10 тыс. личных профилей	ед.	на 10 тыс. личных профилей
политика	56207	6,09	1794	0,185
государство	39619	4,29	129	0,013

Дума	34766	3,77	502	0,052
политический	31959	3,46	29	0,003
правительство	21747	2,36	135	0,014
государственный	19496	2,11	324	0,033
министерство	17582	1,90	298	0,031
конституция	6187	0,67	66	0,007
политическая партия	5385	0,58	102	0,011
выборы президента	3353	0,36	115	0,012
оппозиция	2394	0,26	58	0,006

Примечание: \* указано количество виртуальных сообществ, в названии которых есть данное слово и/или словосочетание

Еще одной важной площадкой для коммуникации государства и общества является сеть Инстаграм. На рис. 3 представлено распределение некоторых популярных хештегов на русском языке в данной социальной сети на политическую тематику по состоянию на декабрь 2020 г.



Рис. 3 – Распределение некоторых политических хэштегов в сети Инстаграм по количеству упоминаний, тыс.

«Политика» существенно опережает прочие хэштеги выборки по количеству упоминаний. Также используются «политика дня» (12,9 тыс.), «политика России» и «политика сегодня» (по более 5 тыс.), «политика РФ», «политика блокнот», «политический юмор» и «политический лидер» (по более 1 тыс.), «политический деятель» (0,5 тыс.). Около 207 тыс. публикаций в Инстаграм с хэштегом «правительство». При этом свои именные хэштеги есть у правительств Москвы – 41,3 тыс., РД (Республики Дагестан) – 26,2 тыс., РФ – 16,7 тыс., Московской области – 1 тыс., Калининградской области – 0,1 тыс. упоминаний. Хэштег «госдума» в несколько раз популярнее, чем «госдумарф»: 198 тыс. против 5 тыс. Публикуют информацию в сети Инстаграм и ведут переписку с населением ряд министерств и губернаторов России. По количеству упоминаний именных хэштегов среди министерств лидирует Министерство обороны – 23,7 тыс., на втором месте Министерство образования – 18,4 тыс. Также более 5 тыс. упоминается Министерство здравоохранения и 1 тыс. – Министерство сельского хозяйства. Выявлено 19 хэштегов с упоминанием слова «губернатор» и названия или номера региона / фамилии губернатора: свыше 51 тыс. раз – для Московской области (более популярный вариант написания «мо»); по 1 тыс. – для Ставрополя, Краснодарского и Хабаровского краев, Мурманской, Иркутской, Курской областей; по 0,5 тыс. – Ставропольского края, Ростовской области, Ханты-Мансийского автономного округа («ЮГРА» или «ХМАО»), Благовещенска; по 0,1 тыс. – Свердловской и Псковской областей,

Приморского, Пермского, Забайкальского краев, Ямало-Ненецкого автономного округа («ЯНАО»).

Таким образом, наше исследование показало, что с одной стороны, социальные сети в России имеют большой потенциал в качестве неформальных площадок для коммуникации государства и населения, и уже используются в качестве таковых рядом политических институтов. С другой, ни одна из социальных сетей не является исчерпывающей с точки зрения полноты представленности населения по возрастным группам и географии проживания.

#### **Список источников:**

1. Davies A.R., Donald B., Gray M., Knox-Hayes J. Sharing economies: Moving beyond binaries in a digital age // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. – 2017. – №10 (2). – P. 209–230.
2. Medaglia R., Zheng L. Mapping government social media research and moving it forward: A framework and a research agenda. // Government Information Quarterly. 2017. – № 34(3). – P. 496–510.
3. Mellon J., Prosser C. Twitter and Facebook are not representative of the general population: Political attitudes and demographics of british social media users // Research and Politics. – 2017. – № 4(3). – P. 1–9.

*Л.В. Николаева, доцент*

*Mikalayeva@bsuir.by*

*УО «БГУИР» (Минск, Беларусь)*

## **РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН**

В последние годы крайним формой разрешения политических противоречий в информационном обществе стали так называемые информационные войны. Их свидетелями, а чаще всего и участниками, стали огромное количество людей.

Благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) и, в частности, распространению и доступности Интернета, добиться широкой огласки любых событий внутри страны и даже в любой части земного шара стало значительно проще, чем несколько десятилетий тому назад. Это, несомненно, оказывает влияние на ход политических конфликтов и кризисов в современном мире и учитывается противоборствующими сторонами. Конфликтующие силы манипулируют информацией, используют СМИ, заставляя их освещать события с определенной, выгодной конкретной стороне, позиции. Тем самым пытаются обеспечить себе победу.

Информационные войны выступают ярким проявлением обратной стороны прогресса информационных технологий и доступности информации. Политические события (внутри данной страны, межгосударственные отношения, военные конфликты) широко освещаются по телевидению, в



Интернете и других средствах массовой информации. В ходе этих оповещений неоднократно были зафиксированы примеры фальсификации событий в новостных репортажах с целью формирования определённых «нужных» настроений, которые выгодны использующей данные методы стороне. Такие факты рассматриваются исследователями как проявление информационных войн. К информационным войнам относят также информационные атаки, направленные на дестабилизацию обстановки на территории страны-противника и созданию конфликта.

Таким образом, «информационная война» может быть определена как деятельность, направленная на получение преимущества над конкурентом или противником, когда методом и механизмом выступают мобилизация своих собственных информационных ресурсов, либо отказ (препятствие) противнику в полной мере использовать свои информационные ресурсы. Целью такого рода войн является попытка манипуляции общественным сознанием для дестабилизации противника и привлечения сторонников как внутри государства, так и за его пределами [2, с. 202].

Как отмечает В. И. Цымбал, «информационная война имеет широкий и узкий смысл. В широком смысле информационная война есть один из способов противостояния между государствами... В узком смысле информационная война есть один из способов достижения подавляющего преимущества над противником в процессе получения, обработки, использования информации для выработки эффективных административных решений, а также успешного осуществления мероприятий по достижению превосходства над противником на этой основе» [3, с. 31-37].

Информационная война носит главным образом скрытый характер. Ее основным содержанием является ведение разведывательных и политико-психологических действий по отношению к противнику, а также осуществление действий по собственной информационной безопасности [1, с. 27]. При этом в ходе разворачивающегося противоборства выделяются информационно-техническая и информационно-психологическая составляющие. При информационно-технической борьбе главными объектами воздействия и защиты являются информационно-технические системы (телекоммуникационные системы, сети и системы связи, радиоэлектронные средства), а при информационно-психологической борьбе – психика политической элиты и населения противостоящих сторон, системы формирования общественного сознания, мнения, выработки и принятия решений.

С развитием Интернета как пространства политических коммуникаций и появлением соответствующих ИКТ значительно расширились возможности управления общественным сознанием и традиционными ценностно-смысловыми пространствами, что во многом предъявляет к процессу политического управления новые требования, связанные с поддержанием и защитой традиционных для нации ценностей и смыслов.

Современные ИКТ делают технически возможными не только систематическую идеологическую индоктринацию, тотальное «промывание

мозгов», но и управление индивидуальным и групповым, массовым сознанием и поведением [1, с. 40].

Новые механизмы коммуникации, возможность выстраивания разнообразного взаимодействия между пользователями и комплексного использования широкого арсенала мультимедийных форматов информации значительно увеличивают пропагандистский потенциал Интернета как пространства политических коммуникаций.

#### **Список источников:**

1. Мигун, Д. А. Информационный экстремизм и информационная безопасность / Д. А. Мигун. – Минск : РИВШ, 2020. – 64 с.
2. Политические институты и процессы в информационном обществе : учеб. пособие / И. В. Вашкевич [и др.] ; под ред. И. В. Вашкевич. – Минск : БГУИР, 2018. – 236 с.
3. Цымбал, В. И. О концепции информационной войны / В.И. Цымбал // Безопасность : информационный сборник. – 1995. – № 9. – С. 31-37.

*А.В. Посталовский, ведущий научный сотрудник  
postalnio@tut.by  
ЦСПИ БГУ (Минск, Беларусь)*

### **МЕДИАКОНВЕРГЕНЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА**

В современных условиях развития цифровизации медиаконвергенция как форма функционирования воспроизводства и потребления информационного контента приобретает характер принципиально нового парадигмального вектора развития медиасферы. Стирание структурных границ в типологии СМИ приводит к фактическому размыванию границ между профессиональным журналистом и сетевым блогером, жидкокристаллическим (LCD) телевизором и смартфоном, прямой телевизионной трансляцией и технологией SmoothStreaming на видеохостинге Youtube. Медиаконвергентное состояние информационного поля видоизменяет роль традиционных СМИ (телевидение, печатные СМИ, радио) в контексте воспроизводства массовой информации и воздействия на аудиторию. Ранее, содержательные контексты воспроизводимого информационного контента и территориальный охват распространения информации играли определяющую роль в вопросе востребованности традиционных СМИ. Содержание информационного контента, частота распространения и доступность технических средств получения информации (например, наличие телевизора или иного устройства) ранее во многом определяли популярность тех или иных СМИ. В данном случае содержательная составляющая информационных материалов обуславливала направление

коммуникации по отношению к аудитории по принципу «ИНФОРМАЦИЯ-РАСПРОСТРАНЕНИЕ-ПОТРЕБЛЕНИЕ» [1, с. 110-111].

Медиаконвергентное состояние информационного поля привело к тому, что журналисты и профессиональные работники медиасферы перестали быть основными источниками воспроизводства и распространения массовой информации. В настоящее время абсолютно любой пользователь сетевого пространства может выступать не только реципиентом исходящего информационного контента, но самим находится в роли источника воспроизводства и распространения информации. Учитывая многообразие современной массовой информации, формируемой как традиционными источниками воспроизводства, так и самой аудиторией, имеющейся возможности мгновенного доступа к любому контенту, размещенному в открытом доступе сетевого пространства, наличием обратной коммуникативной связи между производителем и потребителем информации (пользовательские комментарии, визуальные инструменты сетевого одобрения в социальных медиа) современное информационное поле характеризуется содержательным переизбытком имеющегося медиаконтента.

Социологическое исследование особенностей функционирования национального информационного поля проводилось Центром социологических и политических исследований (ЦСПИ) БГУ по заданию Министерства информации Республики Беларусь в рамках НИР «Разработка комплекса технологий и инструментов оперативного реагирования на формирующиеся вызовы и угрозы в медиапространстве Республики Беларусь» (№ ГР 20181934).

Структуру информационного поля, согласно авторской классификации, составляет динамика информационного воздействия пяти основных сегментов, в состав которых входят как традиционные СМИ (телевидение, радио, печатные СМИ), так и Интернет-ресурсы (сайты, новостные порталы) в целом (включая средства сетевой виртуальной медиакommunikации). Согласно приведенным в таблице 1 данным, наиболее востребованными каналами получения информации по общественно-политической тематике является телевидение (50,2 %) и Интернет-ресурсы (сайты, новостные порталы).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «К каким источникам Вы обычно обращаетесь, если хотите получить информацию по проблемам...»

<i>Источники информации</i>	Политики	Экономики	Культурной жизни	Экологии
К газетам	17,9	16,6	15,9	13,8
К радио	5,3	4,5	7,5	4,6
К телевидению	50,2	49,4	47,3	44,9
К Интернету (сайты, новостные порталы)	48,1	49,2	45,5	48,2
К Интернету (социальные сети)	9,2	8,4	16,4	11,9

По вопросам политики и культуры наиболее востребованным каналом получения информации выступает телевидение, по вопросам экологии – Интернет (сайты, новостные порталы). В отношении экономических вопросов в плане расстановки приоритетов аудитории достигнуто равенство между телевизионным и сетевым сегментом информационного поля – впервые за многолетний период мониторинговых исследований (2003-2019 гг.) – рисунок 1.

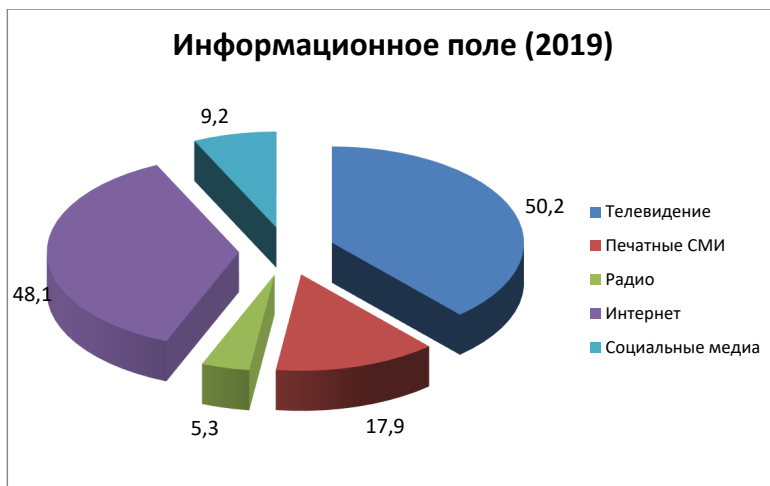


Рисунок 1 Доля основных источников получения информации по общественно-политической тематике в 2019 г. (в %)

Согласно данным массового опроса населения 2019 года, структуру национального информационного поля (рисунок 1) определяют фактически два равнозначных по степени информационного влияния на аудиторию сегмента – телевидение и интернет (сайты, новостные порталы). Позиции печатных СМИ значительно ниже, тем не менее, газеты по-прежнему используются аудиторией как источники получения массовой информации. Показатели радио (таблица 1) являются самыми низкими за весь период проведения социологических мониторинговых исследований ЦСПИ БГУ [1, с. 114].

В таблице 2 представлены показатели ответов респондентов в разрезе возрастных социально-демографических групп. Печатные СМИ в наибольшей степени востребованы среди аудитории в возрасте 60 и старше. Аналогичная тенденция сохраняется и в телевизионном сегменте информационного поля. Молодежь использует указанный источник информации (22,2 %), при этом востребованность телевидения среди аудитории 60 лет и старше составляет 75,1 %.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «К каким источникам Вы обычно обращаетесь, если хотите получить информацию...» в разрезе возрастных групп

<i>переменные</i>	18-29	30-44	45-59	60 и старше
К газетам	5,7	8,3	19,7	36,8
К радио	1,7	3,2	6,1	9,9
К телевидению	22,2	43,1	57,6	75,1
К Интернету (сайты, новостные порталы)	74,8	64,8	42,8	12,6
К Интернету (социальные сети)	21,7	9,1	6,1	1,2

В связи с чем, представляется необходимым сделать вывод о том, что телевидение продолжает занимать весомые позиции в отечественном информационном поле во многом благодаря высокой востребованности телевизионного контента среди представителей среднего и старшего поколений. В отношении Интернета и социальных медиа наблюдается прямо противоположная тенденция, где общие показатели востребованности формируются во многом за счет молодежи.

Общая картина изменения приоритетов аудитории национального информационного поля в период 2003-2019 гг. представлена на рисунке 2. На протяжении пятнадцатилетнего периода исследований телевидение выступало основополагающим источником получения информации среди аудитории. Общие процессы цифровизации общества, возможности мгновенного распространения информационного контента и доступа к интересующей информации обусловили стремительное развитие сетевого сегмента национального информационного поля, который в контексте приоритетов потребителей информации сравнялся с телевидением (в разрезе всех возрастных групп) – рисунок 2.

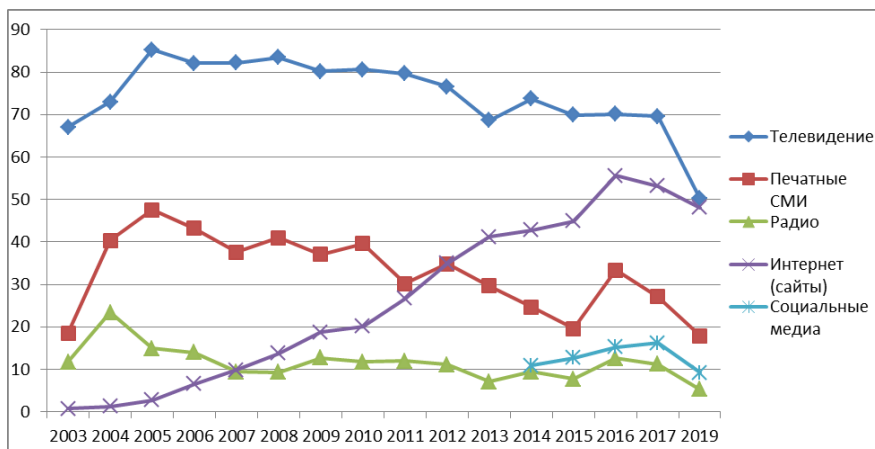


Рисунок 2. Динамика изменения приоритетов аудитории относительно структурных сегментов информационного поля (2003-2019 гг.)

Исходя из полученных эмпирических данных, именно в 2019 году достигнуто условное «равновесие» в вопросе расстановки приоритетов национальной аудитории в отношении источников получения информации.

В настоящее время индивид, в частности, молодое поколение, функционирует в пространстве всеобъемлющих масштабов распространения информации и мозг, в данном случае, даже гипотетически неспособен справляться с такими объемами медиапотребления, вследствие чего молодежь практически не занимается аналитической фильтрацией информации, выбирая либо развлекательный контент либо ту информацию, которая подается в максимально простых для восприятия форматах. Указанное обстоятельство по своей сути не выступает суть позитивным или негативным явлением. Фактически это абсолютно естественная ситуация для сформировавшегося медиапотребления в контексте медиаконвергенции информационной сферы. Полученные эмпирические результаты в полной мере отражают состояние пространства «клипов» по Э.Тоффлеру и общие процессы оптимизации информационного контента в пользу упрощения и обеспечения простоты восприятия. Формирующаяся тенденция, в свою очередь, оказала существенное влияние и на журналистские практики воспроизводства массовой информации. Простота восприятия материалов современных медиа выступает новым парадигмальным направлением подготовки и распространения информационного контента, уступая место аналитической и критической рефлексии в отношении массовой информации.

### **Список источников:**

1. Посталовский, А. В. Современные тенденции функционирования национального информационного поля Республики Беларусь / А.В. Посталовский // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2020. – № 1. – С. 110–118.

***В.В. Старичёнок**, аналитик  
starichenok1979@gmail.com  
БИСИ (Минск, Беларусь)*

## **БЕЛОРУССКОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПРИОРИТЕТЫ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ**

Актуальность и значимость исследования медиапространства определяется рядом обстоятельств: возрастающим влиянием инфосреды на формирование умонастроений общественности, широким использованием СМИ для манипуляции мнением населения, активной ролью внешних сил, создающих и направляющих информационные потоки на другие государства и достигающих за счет этого выгодных для себя политических дивидендов. «Сегодня основные угрозы государству формируются не на поле боя, а в информационном пространстве. Мы испытываем на себе возрастающее внешнее и внутреннее медиадавление. Ситуация давно требует принятия решительных мер по укреплению информационной безопасности страны» – констатировал А.Г. Лукашенко, выступая перед парламентом 19 апреля 2019 г. [5]. Принятая месяцем ранее Концепция информационной безопасности Республики Беларусь стала документом, где на концептуальном уровне обозначены принципы государственной информационной политики. Разъясняются они и в учебном процессе, для чего подготовлена соответствующая литература [1].

Белорусское медийное пространство постоянно находится в фокусе внимания отечественных социологов [2; 4; 6; 9]. Из выявленных ими трендов, определяющих развитие современного инфопространства, особого внимания в контексте данного исследования заслуживают «дигитализация» (Г.П. Коршунов) и «медиаконвергенция» (А.В. Посталовский). Под первой понимается «перевод информации в цифровую сферу» [2, с. 7], под второй – «взаимное медиазамещение средствами массовой информации и сетевой коммуникации друг друга» [6, с. 119]. В такой ситуации продолжает быть актуальным выявление приоритетов медийного потребления в Беларуси, определение места государственных СМИ в новой медиареальности, выработка и применение механизмов обеспечения их эффективной работы.

Современное общество вплотную приблизилось ко времени, когда Интернет станет доминирующим источником информации для всех граждан страны. Как показывают опросы Института социологии НАН Беларуси (далее – Институт социологии), если в 2011 году источником информации для 89 % опрошенных белорусов являлось телевидение и лишь для 37 % интернет, то в

2019 году интернет обогнал телевидение. Отвечая в июне 2019 года на вопрос «Из каких источников Вы обычно получаете информацию?», 66 % граждан Беларуси назвали интернет и 65 % телевидение. Последнему отдают предпочтение лишь старшие возрастные группы (см. таблицу 1).

Название источника	В целом	До 30 лет	30–50 лет	Старше 50 лет
Интернет	66 %	95 %	80 %	31 %
Телевидение	65 %	40 %	66 %	83 %
Родственники, друзья	43 %	45 %	40 %	44 %
Газеты, журналы	26 %	10 %	26 %	37 %
Коллеги по работе, руководство	22 %	22 %	26 %	17 %
Радио	17 %	10 %	20 %	20 %

Таблица 1 – Источники информации для белорусов различных возрастов (опрос Института социологии июня 2019 года)

Проявившаяся в 2019 году конфигурация общественного мнения – закономерное следствие глобального тренда, зафиксированного и другими организациями. В частности, опросы Центра социологических и политических исследований БГУ установили, что доля белорусов, которые практически ежедневно смотрели телевизионные передачи, сократилась с 80 до 60 % в 2003–2017 гг. Одновременно увеличилась доля тех, кто не смотрел телевизор вообще (с 2 до 13 %). Количество не читающих газеты за это время выросло с 1 до 55 %, не слушающих радио – с 38 до 66 % [6, с. 68, 89, 107]. Аналогичные результаты содержат опросы Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь (ИАЦ). Если в 2016 году 70 % белорусов смотрели телепрограммы больше одного часа в сутки, то в 2018 этот показатель сократился до 55 %. Отвечая на вопрос «Из каких источников Вы обычно получаете необходимую информацию о жизни в Беларуси и за рубежом?», телевидение назвали 91 % в 2009 и 72 % в 2018 году. Следовательно, рейтинг телевидения за десятилетие упал почти на двадцать пунктов. Те же тенденции затронули печатные СМИ и радио [7, с. 133–135].

Разумеется, сегодня уже не следует отделять традиционные СМИ от интернета, так как они имеют сайты, электронные версии, странички в социальных сетях и т.д. Растёт количество людей, которые предпочитают читать газеты в сети (с 11 % в 2017 до 19 % в 2018 году) и уверены, что интернет-издания полностью вытеснят печатные СМИ (с 42 % в 2013 до 52 % в 2018 году) [7, с. 148, 153]. Телевизор перестал быть единственным средством телесмотра. Как показал телефонный опрос, проведенный Институтом социологии в августе 2019 года в Минске и других крупных городах Беларуси, население активно использует для просмотра телепередач мобильные телефоны (23 %), планшеты и ноутбуки (18 %), стационарные компьютеры (15 %) [11, с. 189]. В свою очередь, телевизор все чаще становится удобным гаджетом, используемым для потребления интернет-контента.



Отдельным трендом является частичная утрата рядом ведущих белорусских СМИ (в том числе государственных) аудитории при сохранении ими топового положения в своей категории. В частности, опросы ИАЦ установили, что популярность первой тройки печатных изданий («СБ. Беларусь сегодня», «Комсомольская правда в Беларуси», «Аргументы и факты в Белоруссии») за четыре года сократилась почти в два раза (см. таблицу 2).

Название издания	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
«СБ. Беларусь сегодня»	28 %	34 %	19 %	17 %
«Комсомольская правда в Беларуси»	32 %	30 %	19 %	17 %
«Аргументы и факты в Белоруссии»	26 %	29 %	16 %	15 %

Таблица 2 – Наиболее популярные среди белорусов газеты (читали в течение месяца перед опросом) (опросы ИАЦ 2015–2018 гг.)

Аналогичная ситуация выявлена в отношении телеканалов: доля респондентов, сказавших, что обычно смотрят «ОНТ», сократилась с 81 % в 2010 до 70 % в 2013 и 63 % в 2017 году [6, с. 74]. Очевидно, данные ресурсы, теряя рейтинг, но продолжая находиться в топе, с опозданием приступили к освоению интернет-пространства, что впоследствии вынудило их наверстывать упущенное.

Развитие эпидемии коронавируса и «самоизоляция» населения превратили интернет в основную точку подключения к миру. Наиболее популярные в сети «независимые» ресурсы в результате еще больше нарастили свою аудиторию. В частности, по данным компании “SimilarWeb”, посещаемость “Tut.by” увеличилась с 69,7 млн в январе до 92,6 млн в апреле 2020 года. На это издание интернет-пользователи в целом тратят больше времени, чем на государственные СМИ. В то время как в среднем за три месяца (в феврале–апреле 2020 года) пользователи открывали 4,6 страничек на “Tut.by”, а время посещения сайта составляло 5.50 минут, то на «БелТА» и «СБ. Беларусь сегодня» данные показатели были ниже: соответственно 2,02 и 2,46 страниц и 1,35 и 1,37 минуты.

Как видно из приведенной ниже таблицы ведущие государственные СМИ «БелТА» и «СБ. Беларусь сегодня» отстают не только от “Tut.by” и “Onliner”, но и от российского “Sputnik.by” (см. таблицу 3).

Сайт	Январь	Февраль	Март	Апрель	Итого
“Tut.by”	69,70 млн	64,92 млн	81,52 млн	92,61 млн	306,75 млн
“Onliner”	35,44 млн	31,75 млн	36,07 млн	34,97 млн	138,23 млн
“Sputnik”	11,16 млн	7,854 млн	17,01 млн	25,38 млн	61,404 млн
«СБ. Беларусь сегодня»	4,640 млн	3,890 млн	3,987 млн	4,065 млн	16,582 млн
«БелТА»	3,514 млн	3,441 млн	3,857 млн	4,922	15,734 млн

Таблица 3 – Посещаемость сайтов в январе – апреле 2020 года (по данным “SimilarWeb”)

Специфика современного медиапространства благоприятствует децентрализации источников распространения информации, в силу чего происходит своеобразное уравнивание каналов ее донесения. Мощные государственные СМИ в результате растворяются в многообразии виртуального мира, что сужает потенциал их воздействия на общественное мнение. Реальная конкуренция крупным медиа со стороны отдельных телеграм-каналов или блогеров становится данностью, с которой нужно считаться.

В то время как традиционные СМИ стараются занять свою нишу в интернете, возникают новые типы медиа, которые необходимо осваивать. Характерный пример – мессенджер «Телеграм» [10]. Возможности его использования в качестве медиаресурса, удобного и позволяющего передавать информацию быстро, в простой и сжатой форме обусловили его «взлет» в Беларуси, который пришелся на 2020 год.

Согласно замерам Института социологии, «Телеграм» занимал в рейтинге мессенджеров в конце 2018 года четвертое место: его использовали 13 % респондентов. Аудитория, у которой он был наиболее популярен, – жители городов (14 %) и молодежь (27 %) [8].

В опросе белорусов в возрасте до 30 лет, проведенном Академией управления при Президенте Республики Беларусь в феврале 2020 года, мнение молодых людей о мессенджерах исследовано подробнее. По уровню популярности «Телеграм» оказался на втором месте после «Вайбера». Ежедневно либо несколько раз в неделю им пользовались 39 % респондентов, в Минске – 60 % (см. таблицу 4).

Частота использования	В целом по стране	г. Минск	Горожане	Сельчане	Юноши	Девушки
Ежедневно	25 %	40 %	27 %	13 %	27 %	23 %
Несколько раз в неделю	14 %	20 %	15 %	8 %	13 %	15 %
Несколько раз в месяц	10 %	9 %	9 %	14 %	9 %	10 %
Не пользуюсь	51 %	31 %	49 %	61 %	50 %	51 %

Таблица 4 – Частота использования мессенджера «Телеграм» белорусской молодежью (опрос Академии управления февраля 2020 года)

Активное использование «Телеграм» в период президентских выборов 2020 года и после них существенно усилили позиции данного мессенджера [3]. Если в июле 2019 года его белорусская интернет-аудитория насчитывала 200 тысяч человек в возрасте от 15 до 74 лет [10, с. 206], то в середине августа 2020 г., по некоторым подсчетам, она составила около 2,4 млн пользователей [3, с. 8]. Мессенджер стал достаточно популярным источником информации и в сферах, которые не связаны напрямую с политикой. На это

указывают результаты опроса Института социологии октября – ноября 2020 года. Отвечая на вопрос «Если Вы получаете информацию об исторических событиях Беларуси из интернета, то каким источникам отдаете предпочтение?», 9 % респондентов выбрали «Телеграм». Этот показатель выше у лиц с высшим образованием (12 %), жителей Минска (14 %), молодых людей в возрасте до 25 лет (22 %).

Таким образом, успех информационной политики государства зависит от ее гибкости и умения адаптироваться под стремительно меняющиеся медиареалии. Работа по формированию общественного мнения, выполняемая государственными и прогосударственными СМИ, должна органично сочетаться с удовлетворением медийных запросов населения и ориентацией контента на потребителя, использованием передовых технологий производства и распространения информации.

#### **Список источников:**

1. Государственная политика информационной безопасности и информационное противоборство: учеб. пособие / В.Ю. Арчаков, А.Л. Баньковский, А.В. Ивановский, О.С. Макаров. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2020. – 228 с.

2. Коршунов, Г.П. Контуры будущего в зеркале социологии / Г.П. Коршунов // Белорусская думка. – 2019. – № 11. – С. 3–10.

3. Мессенджер Telegram как средство коммуникации и самоорганизации в ситуации политического кризиса Беларуси / Центр европейской трансформации; О. Шелест, А. Шутов, Ю. Назаренко. – Минск: Центр европейской трансформации, 2020. – 20 с.

4. Особенности трансформации информационного поля Республики Беларусь в современных условиях: социологический анализ / И.И. Бузовский, А.Н. Карлюкевич, А.В. Посталовский, Д.Г. Ротман. – Минск: Вышэйшая школа, 2020. – 134 с.

5. Послание белорусскому народу и Национальному собранию, 19 апреля 2019 года / А.Г. Лукашенко [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: [http://www.president.gov.by/ru/news\\_ru/view/poslanie-beloruskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-20903/](http://www.president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-beloruskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-20903/). – Дата доступа: 20.12.2020.

6. Посталовский, А.В. Национальное информационное поле в контексте вызовов и угроз современного мира: социологическое измерение / А.В. Посталовский. – Минск: РИВШ, 2019. – 236 с.

7. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. – Минск: ИАЦ, 2018. – 180 с.

8. Самые популярные мессенджеры [Электронный ресурс] // Институт социологии НАН Беларуси. – 2019. – 24 мая. – Режим доступа: <https://socio.bas-net.by/samye-populyarnye-messendzhery-sredi-belorusov/>. – Дата доступа: 16.12.2020.

9. Сухотский, Н.Н. Медиапредпочтения белорусов: ключевые тенденции / Н.Н. Сухотский [Электронный ресурс] // Белорусский институт стратегических исследований. – 2020. – 13 марта. – Режим доступа: <https://bisr.gov.by/mneniya/mediapredpochteniya-belorusov-klyuchevye-tendencii>. – Дата доступа: 16.09.2020.

10. Чернобай, А.И. Политический сектор белорусского пространства Telegram / А.И. Чернобай // Безопасность и устойчивое развитие: теория и практика в условиях цифровой трансформации: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 5–6 дек. 2019 г.: в 5 т. / Институт национальной безопасности; редкол.: Г. Г. Краско (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2019. – Т. 2. – С. 205–208.

11. Шкурова, Е.В. Цифровизация в интерактивном медиапространстве (на примере телевидения) / Е.В. Шкурова, Е.А. Поклад // Социологический альманах. – 2020. Выпуск 11. – С. 184–193.

## **7. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА GR В МИРОВОМ И ЕВРАЗИЙСКОМ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

---

*А.С. Дорошко, аспирант  
anastasia1140@gmail.com  
СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)*

### **ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КОММУНИКАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА**

Современное информационное общество с развитием технических возможностей и постепенным процесс демократизации дали возможность выхода политической информации не только через властные структуры, но и через других участников политического процесса. Различные социальные и политические институты стремятся активно включиться в процесс политической коммуникации с целью донесения собственных интересов.

В современной российской политике одним из таких институтов является Русская православная церковь (РПЦ). Интерес к институту возникает по нескольким причинам. Во-первых, институт пользуется достаточно высоким уровнем доверия у населения. Во-вторых, исторический опыт участия в общественно-политической жизни общества организации достаточно велик, как велик и её адаптивный потенциал [1].

Однако, поскольку РПЦ является специфическим актором гражданского общества, то выстраивание коммуникации с государством, а также с другими акторами гражданского общества будет иметь свою специфику. Эта специфика будет иметь вид ограничений как со стороны государства, поскольку РФ является светским, так и со стороны церкви, поскольку организация имеет свои внутренние правила и устои.

Основными документами, регулирующими коммуникационное взаимодействие церкви, и государства являются: Конституция РФ, ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях», ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации» и «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы».

Согласно Конституции РФ, гражданам гарантируется свобода мысли и слова, право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию. Гарантируется свобода массовой информации и отсутствие цензуры, а также запрещается пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду [1].

Согласно ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», гражданам гарантируется свобода поиска, получения, передачи, производства и распространения информации, ограничение доступа к информации может действовать только в случаях, предусмотренных федеральными законами, определяется недопустимость установления нормативными правовыми актами каких-либо преимуществ применения одних информационных технологий перед другими [3].

«Доктрина информационной безопасности Российской Федерации» формулирует национальные интересы в сфере информации и направления осуществления информационной безопасности в области государственной и общественной безопасности. Приоритетным пунктом национальных интересов является поддержка институтов гражданского общества с целью улучшения коммуникации с государством, а также поддержка исторических и духовно-нравственных ценностей в обществе [4].

Последнее положение подтверждается в «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы». Также этот документ декларирует необходимость формирования информационного пространства на основе знаний и усовершенствование средств коммуникации [8]. Всё это создаёт благоприятное поле для деятельности различных институтов гражданского общества, особенно для традиционных религий.

Также необходимо сказать о правовом статусе РПЦ как специфического института гражданского общества. Согласно Конституции, Российская Федерация является светским государством. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Конституция гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств; свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними [2].

При этом, достаточно большие споры вызвала поправка в Конституции, принятая в 2020 году, а именно Статья 67.1: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» [2].

Статус религиозных организаций как специфических институтов гражданского общества закреплен в ФЗ «О свободе совести и религиозных организаций» и ФЗ «О некоммерческих организациях». Согласно первому, религиозной организацией признается добровольное объединение граждан, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры и в

установленном законом порядке зарегистрированное в качестве юридического лица. Вопросы участия учредителей и иных юридических или физических лиц в деятельности религиозных организаций определяются уставом и (или) внутренними установлениями религиозных организаций. Учредитель (учредители) религиозной организации может выполнять функции органа религиозной организации или членов коллегиального органа религиозной организации в порядке, установленном уставом и внутренними установлениями религиозной организации. Деятельность религиозных объединений отделено от деятельности государства: религиозное объединение создается и осуществляет свою деятельность в соответствии со своей собственной иерархической и институциональной структурой, выбирает, назначает и заменяет свой персонал согласно соответствующим условиям и требованиям и в порядке, предусмотренном своими внутренними установлениями; не выполняет функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления; не участвует в выборах в органы государственной власти и в органы местного самоуправления; не участвует в деятельности политических партий и политических движений, не оказывает им материальную и иную помощь [5].

На уровне организации коммуникативного взаимодействия Русской православной церковью также существует своя нормативная база, на основе которой должна организовываться вся коммуникация организации. Так, согласно главе VIII «Московский патриархат и синодальные учреждения» Устава Русской православной церкви существуют такие синодальные учреждения как Отдел внешних церковных связей (ОВЦС) и Отдел взаимосвязи Церкви с обществом и СМИ [9]. Именно эти организации, а также Патриарх Московский и всея Руси, являются официальными лицами, которые выражают общую церковную позицию по тем или иным вопросам.

Существуют закрепленные в документах РПЦ основы и направления её внешней коммуникации. К таким документам, по нашему мнению, относятся «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» и «О современной внешней миссии Русской православной церкви». Первый документ фиксирует общие положения РПЦ в отношении различных сфер общества. Особый интерес для нас представляют главы: Церковь и государство, где перечислены все основные моменты возможного пересечения двух институтов, Церковь и политика, где очерчены границы участия Церкви в политической жизни, и Церковь, и светские средства массовой информации, где прописаны основные моменты их взаимодействия. Это взаимодействие осуществляется как путем создания в светских СМИ особых форм церковного присутствия, так и вне такового [6].

Второй документ регулирует взаимодействие РПЦ с теми, кто находится вне церкви (имеют другие религиозные или светские убеждения). Работа в этой сфере ведется на основе «принципа присутствия», т.е. через опосредованное представление своей позиции в областях общественной и культурной жизни. Присутствие реализуется в разных формах: информационной, культурной,

социальной и личной. При этом обратим внимание на тот факт, что именно информационное присутствие стоит на первом месте, что говорит о приоритетности этого направления. Под информационным присутствием подразумевается распространение знаний о христианстве и православной культуре, донесение позиции Церкви по ряду общественно важных вопросов посредством СМИ, а также через участие представителей РПЦ в общественной дискуссии [7].

Таким образом, несмотря на существующие ограничения, как стороны государства, так и со стороны церкви, достаточно пространственные формулировки позволяют достаточно тесно взаимодействовать государству и религиозным организациям.

#### **Список источников:**

1. Баранов, Н.А. Церковь и государство: формы взаимодействия / Н.А. Баранов // Человек. Сообщество. Управление. Научно-информационный журнал. – 2009. – № 4. – С. 97–108.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации. Федер. закон, 27 июля 2006 г., № 149-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.
4. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации, 5.12.2016 г., № 646 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.
5. О свободе совести и религиозных организаций. Федер. Закон, 25 марта 1997 г., №125-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.
6. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского Патриархата. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128>. – Дата доступа: 10.12.2020.
7. О современной внешней миссии Русской православной церкви [Электронный ресурс] // Сайт Московского патриархата. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3102956.html>. – Дата доступа: 10.12.2020.
8. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации. Указ Президента Рос. Федерации, 9.05.2017 г., № 203 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.
9. Устав Русской православной церкви [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского Патриархата. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/133128.html>. – Дата доступа: 10.12.2020.



*А.В. Занкевич, аспирант  
azankevich1997@yandex.ru  
БГЭУ (Минск, Беларусь)*

## **GR-МЕНЕДЖМЕНТ В СИСТЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА, БИЗНЕСА И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ**

Динамичное изменение социальной и экономической действительности, развивающиеся процессы глобализации и информатизации приводят к появлению новых видов взаимодействия коммерческих и некоммерческих (общественных) организаций с государством. Изменяются как границы между обществом и госструктурами, так и сама система их взаимодействия. Вовлечение в общественно-государственный диалог множества субъектов дает повод для поиска усовершенствованных механизмов управления сотрудничеством общества и государства.

В целом, современным государствам свойственна прогрессирующая тенденция – возрастающая роль некоммерческих и коммерческих организаций в экономической, политической и социально-культурной жизни общества. Изучение роли данных организаций показывает, что его представители имеют большое значение как в жизни и трансформации общества, так и во взаимодействии общества и государства, выступая их посредником.

Следовательно, своевременное развитие как государства, так и коммерческих и общественных организаций, напрямую зависит от успешности управления процессом взаимодействия между ними. В связи с этим необходимость исследования проблем управления взаимодействием выше обозначенных организаций с государством вызвало возникновение нового явления в теории и практике менеджмента – GR-менеджмента (от англ. Government relations management – «управление связями с органами государственной власти»).

Среди главных задач GR-менеджмента выделим: информационную составляющую (создание/поддержание информационной среды между государством и организацией); налаживание прямых контактов (системы коммуникации); участие в программах ГЧП; участие в выработке совместных решений с органами власти; обеспечение получения государственной поддержки (в т.ч. субсидий, дотаций) и др.

В России GR-менеджмент развивается с конца XX века. Этому способствовали рыночная реформа и укрепление государственного устройства в начале 2000-х. Первые GR-структуры были созданы в крупных международных корпорациях, деятельность которых непосредственно зависела от деятельности органов государственной власти (топливные, табачные, пивоваренные компании) и крупных монополиях (ОАО «Российские железные дороги», РАО ЭЭС и т.д.). Сегодня крупные российские федеральные компании также

выстраивают систему GR, создавая подразделения в своих структурах по налаживанию контактов с органами власти [1].

Практика применения GR-менеджмента многоаспектна, однако, анализ использования GR-менеджмента в России показывает, что наибольшее развитие получили направления: экспертное сопровождение деятельности органов власти; использование механизма государственно-частного партнерства (ГЧП); региональный GR [2].

Экспертное сопровождение деятельности органов власти и участие в совместных диалоговых площадках – наиболее распространенная форма изучаемого взаимодействия. Органы власти привлекают представителей общественных организаций и бизнеса для подготовки и принятия государственных решений. Власть испытывает необходимость в профессиональной оценке определенных решений и проектов, а также в получении информации о социально-экономической действительности.

Как пример, в России к настоящему моменту в каждом регионе созданы представительства Общественной палаты, которые способны выступать мощной площадкой для диалога органов власти и российских общественных структур. Палата действует, осуществляя взаимодействие граждан с органами власти и местного самоуправления, с целью защиты прав и свобод граждан, и учета их потребностей и интересов при проведении государственной политики.

В соответствии с действующим законодательством, Общественная палата регулярно проводит экспертизу законопроектов, внесенных в Государственную Думу, согласно плану экспертной деятельности. Конечной целью общественных слушаний становится разработка рекомендаций по социально важным вопросам и/или получение общественной оценки законодательного акта.

Это дает основание говорить о том, что практика диалоговых площадок достаточно распространена и имеет множество примеров реализации. Существуют общественно-консультативные советы и/или экспертные советы, рабочие группы, созданные при органах государственной власти и др. К примеру, при Федеральной антимонопольной службе (ФАС России), которая является уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, создано всего 23 экспертных совета, среди которых советы по рекламе, недобросовестной конкуренции, защите конкуренции на рынке финансовых услуг, электроэнергетике, вопросам связи, агропромышленному комплексу, развитию конкуренции в области образования и науки и др. [3].

Активность и вовлеченность бизнеса и общественных организаций в работе данных советов иллюстрирует пример, когда после создания совета по информационным технологиям, оперативно заявки на участие прислали главы представительств Microsoft и Google, руководители компаний 1С, Яндекс, Ланит, Консультант Плюс, АП КИТ, НП Руссофт и др. [3].

Следует отметить, что данный состав участников совета позволяет глубоко вникать в особенности рыночной системы и принимать заключения по тем или иным вопросам, опираясь на профессиональные знания и практический опыт.

Результаты работы советов при ФАС России учитываются органами власти в законотворческой деятельности.

Важным элементом в реализации GR-менеджмента является механизм ГЧП. Государственный социальный заказ – одна из известных форм привлечения общественных структур к оказанию социальных услуг. Государственный орган становится заказчиком услуг у третьего сектора. Такая форма взаимодействия предполагает, что социальные услуги предоставляют поставщики, привлекаемые на конкурсной и договорной основе, а государство, со своей стороны, предлагает задания, проекты, которые необходимо реализовывать.

В России наиболее современными и развитыми инструментами государственно-частных соглашений являются: инвестиционный фонд, Банк развития, особые экономические зоны, Российская венчурная компания и др.

Отметим, что властью разрабатывается множество мер для привлечения третьего сектора к работе в социальной сфере. В 2016 г. Центром развития государственно-частного партнерства Российской Федерации было подготовлено специальное издание к международному инвестиционному форуму «Сочи-2016» – «Лучшие практики реализации проектов государственно-частного партнерства в социальной сфере». Авторы издания указывают, что в России на различных стадиях реализовываются около 200 проектов ГЧП в социальной сфере. В государстве общий объем частных инвестиций в проекты ГЧП в социальной сфере составляет немногим более 100 млрд. рублей. Таким образом, с учетом ВВП России на уровне 120 трлн. рублей потенциал для привлечения инвестиций в инфраструктуру социальной сферы реализован менее чем на 0,1% [4].

В. Путин, выступая на форуме «Сообщество», в котором принимали участие около 3 500 гражданских активистов, отметил, что «России нужны тысячи социально ориентированных некоммерческих организаций, которые станут надежным партнером государства...» [5].

Региональный GR, как необходимый механизм сотрудничества власти, бизнеса и общественных структур на местах, является инструментом налаживания эффективной коммуникации с органами власти в регионах, где расположены филиалы и производство компаний. Обратим внимание на то, что в ОАО «Газпром» создана структура, отвечающая за сотрудничество с властью: департамент по работе с органами власти Российской Федерации. Компания работает по принципу баланса интересов с субъектами России и другими организациями, ведущими хозяйственную деятельность в соответствующих регионах.

Сущность вышеизложенного сводится к тому, что с глобальными вызовами современности государство, бизнес и общественные организации в одиночку справиться не смогут. Понимание данного процесса всеми сторонами общественно-государственного диалога и обуславливает существенные изменения в их взаимоотношениях. Подчеркнем, что процесс управления становится многосторонним процессом, который приводит не только к

изменению границ вышеописанного сотрудничества, но и к трансформации самой природы их взаимодействия.

В выводах важно отметить, что наличие GR-структуры в коммерческой или некоммерческой организации является фактором плодотворного взаимодействия с государством и в целом обеспечивает безопасность внешней среды организации. GR-департаменты уже созданы в структуре крупных российских компаний (ОАО «Газпром», ОАО «Российские железные дороги», ОАО «Нефтяная компания «Лукойл», ОАО «Сбербанк» и многие др.).

Понятие GR-менеджмент, в первую очередь, предусматривает принцип взаимонаправленности в данном процессе, в котором участвуют: органы государственной власти, бизнес-сообщества и общественные организации. Исходя из этого, необходимость создания GR-структур в организациях особо актуальна. Созданные структуры, являясь инструментом налаживания взаимных контактов, позволяют согласовать интересы государства с интересами коммерческих и некоммерческих организаций.

В целом, власть Российской Федерации нацелена на создание благоприятных условий для передачи общественному сектору части государственных социальных функций и многое для этого уже сделано. Однако для полноценного взаимовыгодного сотрудничества требуется больше времени и стремление обеих сторон к более плотному диалогу. Отметим, что создание благоприятной правовой и экономической среды для деятельности общественных объединений и бизнеса является актуальной задачей для Российской Федерации.

#### **Список источников:**

1. Ложевский, И. А. GR-менеджмент как функция топ-менеджмента / И. А. Ложевский, М.А. Майборода // Бизнес. Общество. Власть. – 2017. – №1 (26). – С. 33.
2. Шетов, А. А. GR-менеджмент как инструмент управления взаимодействием организации с государством : дис. ... канд эконом. наук : 08.00.05 / А. А. Шетов. – Ростов-на-Дону, 2015. – 108 л.
3. Федеральная антимонопольная служба России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fas.gov.ru/>. – Дата доступа: 10.12.2020.
4. Лучшие практики реализации проектов государственно-частного партнерства в социальной сфере [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://pppcenter.ru/assets/docs/pppcenter\\_a4\\_2016\\_v2\\_web.pdf](http://pppcenter.ru/assets/docs/pppcenter_a4_2016_v2_web.pdf). – Дата доступа: 10.12.2020.
5. Путин: НКО должны стать надежным партнером государства [Электронный ресурс] // ТВЦ. – Режим доступа: <https://www.tvc.ru/news/show/id/126865>. – Дата доступа: 10.12.2020.

## 8. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

---

**М.А. Береснева**

*maryberesneva@yandex.ua*

*Консалтинговая компания «Комплексные услуги бизнесу»*

*(Симферополь, Россия)*

### ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ САМООРГАНИЗАЦИИ

В самом широком контексте, *глобализация* – это становление мироцелостности, интеграция, взаимопроникновение цивилизаций, снижение роли всевозможных границ и барьеров и превращение человеческого общества в единую многоликую общепланетарную систему [13]. Формирование и развитие пространства глобального мира сопровождается его дифференциацией, дроблением на макрорегионы, нарастанием нестабильности. На наших глазах рождается новая макрорегиональная полицентричность или многоуровневая глобальная мировая структура, где каждая из ее составляющих имеет свои параметры, наличие или отсутствие которых позволяет занять свое место в ней. Формируются новые полюса, центры силы, претенденты на эти центры и новые региональные системы [12].

Следствием глобализации является *глобальная регионализация*, которая приводит к фрагментации, структуризации мира (по фрактальному принципу) на регионально-социально-экономические системы (далее РСЭС) разного уровня: суб-, мезо- и макрорегионы [12]. *Регион* – общенаучная категория, обозначающая конкретно-историческую целостность, обладающую свойством ресурсной технологической и этнокультурной самодостаточности для расширенного социального воспроизводства [1]. РСЭС является «сложной иерархической системой, тесно взаимодействующей с окружением» [19, с. 14], которой свойственны:

- *целостность (входящие в нее элементы взаимосвязаны и едины);*
- *делимость (деление ее на однородные и разнородные элементы);*
- *множественность, сложноорганизованность, (состояние и поведение любой ее части отличается индивидуальностью, а простая совокупность ее составных частей не может раскрывать ее общее свойство) [20];*
- *самостоятельность, и, одновременно, – зависимость от внешней среды, включение ее в качестве элемента системы более высокого организационного уровня [18, с. 20–27];*
- *открытость (способность обмениваться ресурсами, энергией и информацией с внешней средой);*

- *неравновесность, нестабильность (постоянное быстрое или более медленное изменение ее основных параметров: состава, количества элементов, их качества, функций, конфигурации);*
- *динамичность и многовекторность развития с эволюционными процессами разной степени динамики [12].*

Так, макрорегионы могут эволюционировать от зоны свободной торговли, таможенного союза до наднационального образования с общими органами управления [12], субрегионы - от закрытых административно-территориальных образований до свободных экономических зон, функционирующих на основе территориальной самокупаемости [20].

Социально-экономическая, космическая, химическая и биологическая макроэволюции являются результатом процесса самоорганизации материи, имеют генетическую и структурную преемственность и подчиняются единым законам развития [8; 14; 21]. Процесс самоорганизации Вселенной ведет к образованию вложенных друг в друга все более сложных систем: вслед за элементарными частицами идут системы, обладающие большей сложностью и степенью порядка [9]. Новый уровень организации материи окончательно самоутверждается только тогда, когда он оказывается способным впитать в себя предшествующий опыт исторического развития [14], возникновение в нем упорядоченности является нелинейным результатом кооперации и коллективного поведения элементов предыдущего уровня организации [17]. Главной движущей силой социально-экономической эволюции является *положительная обратная связь между численностью населения, уровнем развития технологий [11] и увеличением системной сложности [3]*. Именно увеличение сложности со временем позволяет говорить о *развитии системы по восходящей ветви эволюции [11]*.

Гиперболический рост ведущих параметров эволюции мировой системы, сокращение длительности ее главных исторических эпох и циклов [5; 6; 7; 11; 22], их степенной характер зависимости [15] констатируют о приближении мировой системы к *моменту обострения* (краткому периоду развития на стадии взрывного роста) [2], что характерно для *фазовых переходов [11]*.

Глобальные тенденции развития в режиме с обострением переводят мировое сообщество к другому типу развития, с другими состояниями, законами и циклами. *Мир идет к единству через разнообразие [11]*. Попытки искусственно установить состояние, несвойственное системе такого уровня сложности, ее нелинейной среде, крайне опасно. Диссипативные процессы могут разрушить все то, что не отвечает потребностям глобальной системы, перераспределить энергию, вложенные средства и т.д. в соответствии с ее внутренними тенденциями, а если эти тенденции не активизированы, могут свести систему к максимально неупорядоченному состоянию, хаосу [2]. На данном этапе эволюции возросла сложность форм социальной организации, а значит - увеличиваются неопределенности и риски соскальзывания на катастрофические сценарии развертывания событий [4].

Шанс предотвратить хаос в сложном, нелинейном мире и использовать новые механизмы, методы и модели управления дает *синергетический подход*. Он ориентирует на управление развитием РСЭС разных уровней за счет формирования механизмов, реализующих структурные переходы [16]: создание синергетических эффектов, формирование системы положительной обратной связи по ходу реализации ее миссии [10] с выходом на траекторию развития по восходящей ветви эволюции. Главными задачами управленца, работающего в синергетической парадигме сегодня, становится проектирование и создание РСЭС со встроенными механизмами их саморазвития, формирование положительных синергетических эффектов и предупреждение отрицательных.

#### Список источников:

1. Абрамов, Ю. А., Куйбарь, В.И. Глобальная регионализация: к обоснованию понятия / Ю.А. Абрамов, В.И. Куйбарь // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 1. – С. 242–250.
2. Белавин, В. А., Курдюмов, С.П., Князева, Е.Н. Режимы с обострением и законы коэволюции сложных систем / В.А. Белавин, С.П. Курдюмов, Е. Н. Князева [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/evolutionism/zakony-koevolucii-slozhnyx-sistem/> – Дата доступа: 11.12.2020.
3. Береснева, М.А. Самоорганизующиеся системы планетарного уровня / М.А. Береснева // Таврический научный обозреватель. – 2016. – № 8 (13) – С. 71–84.
4. Гелих, О. Я. Управление и синергетика : учебное пособие / О. Я., Гелих, Е. Н. Князева. – СПб. : Книжный Дом, 2012. – 111 с.
5. Капица, С.П. Демографическая революция, глобальная безопасность и будущее человечества / С. П. Капица // Будущее России в зеркале синергетики. – М. : КомКнига, 2006. – С. 238–254.
6. Капица, С.П. Общая теория роста человечества: сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. Опыт теории человечества / С.П. Капица. – М. : Наука, 1999. – 136 с.
7. Капица, С. П. Очерки теории роста человечества. Демографическая революция и информационное общество / С. П. Капица. – М.: Ленанд, 2008. – 128 с.
8. Князева, Е. Н. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – СПб. : Алетей, 2002. – 414 с.
9. Косарев, В. В. Глобализация и синергетика / В. В. Косарев [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/globalizati-on/globalizaciya-i-sinergetika/> – Дата доступа: 12.12.2020.
10. Кузнецов, Б. Л. Организационно-экономический механизм промышленной политики территории опережающего развития / Б. Л. Кузнецов, Г. Ф. Галиуллина, Э. К. Мингалева // Экономическая синергетика: стратегии развития России : сб. науч. тр. – Вып. 11 – Набережные Челны : Изд-во Камской гос. инж.–экон. акад., 2009. – С. 190–198.

11. Куркина, Е. С., Князева, Е.Н., Куретова, Е.Д. Циклическая динамика развития Мир-Системы / Е.С. Куркина, Е.Н. Князева, Е.Д. Куретова // Сложные системы. – 2013. – № 3 (8) – С. 4–50.
12. Леонова, О. Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира / О. Г. Леонова // Век глобализации. – 2013. – № 1. – С. 59–60.
13. Леонова, О. Г. Россия и мир в XXI веке / О. Г. Леонова // Россия и мир в XXI веке. – Вып.4. – М. : Научный эксперт, 2010. – С. 31–89.
14. Найдыш, В.М. Концепции современного естествознания : Учебник / В. М. Найдыш. – М. : Альфа–М : ИНФРА–М, 2004. – 622 с.
15. Панов, А.Д. Единство социально-биологической эволюции и предел ее ускорения / А.Д. Панов // Историческая психология и социология истории. – 2008. – № 2. – С. 25–48.
16. Подлесных, В.И. Теория организации / В.И. Подлесных [Электронный ресурс] – Режим доступа: [https://studref.com/442617/management/teoriya\\_organizatsii](https://studref.com/442617/management/teoriya_organizatsii) – Дата доступа: 11.12.2020.
17. Прангишвили, И. В. Энтропийные и другие системные закономерности: Вопросы управления сложными системами / И. В. Прангишвили. – М. : Наука, 2003. – 428 с.
18. Саморазвивающиеся социально-экономические системы: теория, методология, прогнозные оценки: в 2 т. Т. 1: Теория и методология формирования саморазвивающихся социально-экономических систем / под общ. ред. А.И. Татаркина. – М.: ЗАО «Издательство “Экономика”»; Екатеринбург: УрО РАН, 2011. – 308 с.
19. Социально-экономические системы: генезис и проблемы развития. – Екатеринбург: Уральское отделение РАН, Институт экономики, 2003. – 251 с.
20. Татаркин, А.И. Саморазвитие территориальных социально-экономических систем как потребность федеративного обустройства России / А. И. Татаркин // Экономика региона. – 2013. – № 4. – С. 9–26.
21. Эволюция: космическая, биологическая, социальная – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 368 с.
22. Turchin, P.V. Historical dynamics : Why States Rise and Fall / P.V. Turchin. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 2003. – 264 p.

*К.С. Волнистая, аспирант  
volnistaya.ksenia@gmail.com  
РИВШ (Минск, Беларусь)*

## **ИТОГИ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОВАНИЯ БЕЛАРУСИ В ОРГАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА (ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОМИССИИ)**

В 2020 году Республика Беларусь приняла на себя председательствование в органах Евразийского экономического союза. Основными приоритетами «белорусского» года в Евразийской экономической Комиссии, которые были

---



озвучены 9 января 2020 года Президентом Беларуси Александром Лукашенко, стали приверженность работе по полному устранению барьеров между странами, сокращению количества барьеров и ограничений на рынках Союза, а также предотвращению возможностей для возникновения новых барьеров. Среди целей также были задекларированы увеличение эффективности функционирования органов Союза, работа над улучшением структуры институтов ЕАЭС, увеличение роли и наднациональных компетенций Евразийской экономической комиссии.

В прошлом году представитель Беларуси, бывший премьер-министр Михаил Мясникович возглавил Коллегию Министров ЕЭК. Под руководством белорусского председателя, Евразийская экономическая комиссия вступила в достаточно непростой период борьбы стран-участниц объединения с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19, чему была посвящена большая часть работы за текущий год. В связи с этим на заседании Совета Евразийской экономической комиссии 16 марта 2020 года Решение № 2 [1], предусматривающее отмену ввозной пошлины на товары, которые импортируются для предотвращения распространения COVID-19 в ЕАЭС. В первую очередь документ относился к средствам индивидуальной защиты и средствам для дезинфекции. А 24 марта Коллегией ЕЭК было принято Решение №41 [2], которое ввело временный запрет на вывоз из стран-участниц Евразийского экономического союза защитных и дезинфицирующих средств, а также медицинских материалов для применения в борьбе с пандемией. 25 марта Евразийская экономическая комиссия приняла к исполнению [3] Распоряжение № 11, которое регулировало совместные действия стран-участниц ЕАЭС, такие как: обмен информацией, проведение консультаций по изменениям или принятию новых правовых актов ввиду коронавирусной инфекции, координация медицинских и санитарно-эпидемиологических структур для создания безопасных условий населению стран ЕАЭС. Из-за пандемии за 2020 год Евразийской экономической комиссией были приняты решения, касающиеся сфер нетарифного регулирования [4], изменения перечня существенно важных товаров [5], утверждение товаров критического импорта [6]. В список вошли такие овощи и корнеплоды, как картофель, капуста, морковь, перец, лук, чеснок, а также злаковые культуры: рожь, рис, гречка. В перечень включили соки и детское питание. Решение также включило ряд лекарств и медицинских приборов: эндоскопов, бесконтактных термометров, одноразовых пипеток, дезинфекционных установок. Упростился документооборот между странами ЕАЭС: в течение полугода было позволено использовать бумажную или электронную копию сертификатов во время таможенного декларирования вместо оригиналов для предотвращения распространения COVID-19. Распоряжение № 6 от 10 апреля [7] призвано обеспечить эффективное функционирование экономик стран-участниц Евразийского экономического союза в период борьбы с пандемией, а также создадут возможности для последующего роста экономики. В частности, они будут способствовать ограничению территории распространения COVID-19, активизации работы по

минимизации последствий для частного бизнеса, координировать занятость населения и устойчивость системы финансов. Таким образом можно отметить, что пандемия коронавируса COVID-19 внесла серьезные изменения в работу Евразийской экономической комиссии, обеспечив дополнительную нагрузку на наднациональный орган.

Несмотря на активное развитие и относительную молодость интеграционного объединения, стоит также учитывать и слабые стороны, исправив которые можно добиться максимально успешного развития: улучшение работы над популяризацией интеграционного объединения; усиление взаимодействия со СМИ; изучение общественного мнения и реакции на происходящее в интеграционном объединении; работа с гражданским сообществом; работа с молодежью; укрепление международно-правового статуса ЕАЭС; проработка более жестких мер ответственности за неисполнение решений органов ЕАЭС; развитие грантовой системы в ЕАЭС. Данные действия позволят обеспечить плановое и устойчивое развитие интеграционного объединения, а также вынесут на передний план ценностные аспекты Евразийского экономического союза, которые являются его конкурентными особенностями.

#### **Список источников:**

1. Решение № 21 «О внесении изменений в некоторые решения Комиссии Таможенного союза и об утверждении перечня товаров, ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза в целях реализации государствами – членами Евразийского экономического союза мер, направленных на предупреждение и предотвращение распространения коронавирусной инфекции 2019-nCoV». // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии, 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01425251/err\\_24032020\\_21](https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01425251/err_24032020_21) – Дата доступа: 22.11.2020.
2. Решение № 41 «О внесении изменений в Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2015 года № 30 «О мерах нетарифного регулирования» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии, 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01425254/err\\_26032020\\_41](https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01425254/err_26032020_41). – Дата доступа: 22.11.2020.
3. Распоряжение № 11 «О реализации мер, направленных на предотвращение распространения коронавирусной инфекции COVID-19» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии, 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01425272/e-rr\\_30032020\\_11](https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01425272/e-rr_30032020_11). – Дата доступа: 22.11.2020.
4. Решение № 43 «О внесении изменений в Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2015 г. № 30 «О мерах нетарифного регулирования» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии, 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01425280/err\\_02042020\\_43](https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01425280/err_02042020_43). – Дата доступа: 22.11.2020.

5. Решение № 42 «О внесении изменений в перечень товаров, которые являются существенно важными для внутреннего рынка Евразийского экономического союза и в отношении которых в исключительных случаях могут быть введены временные запреты или количественные ограничения экспорта» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии, 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/014252-77/err\\_02042020\\_42](https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/014252-77/err_02042020_42) – Дата доступа: 22.11.2020.
6. Решение № 33 О внесении изменений в некоторые решения Комиссии Таможенного союза и об утверждении перечня товаров критического импорта // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии, 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01425324/err\\_0804-2020\\_33](http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01425324/err_0804-2020_33). – Дата доступа: 22.11.2020.
7. Распоряжение № 6 от 10 апреля «О предпринимаемых в рамках Евразийского экономического союза мерах, направленных на обеспечение экономической стабильности в условиях развития пандемии коронавирусной инфекции COVID-19» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии, 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01425377/ico\\_16042020\\_6](https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01425377/ico_16042020_6). – Дата доступа: 23.11.2020.

*Н.В. Говорова, ведущий научный сотрудник  
n\_govorova@mail.ru  
Институт Европы РАН (Москва, Россия)*

## **БЕДНОСТЬ И НЕРАВЕНСТВО – ПРЕГРАДА РАЗВИТИЮ ЭКОНОМИКИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА**

В современном мире наиболее актуальными являются несколько угрожающих тенденций или глобальных вызовов. Их трудно расставить по порядку, но очевидно, что наряду с проблемами исчерпания энергетических ресурсов и загрязнения окружающей среды, трудностями с преодолением бедности, усиливается социальное неравенство между различными слоями постоянно увеличивающегося населения планеты. Большинство исследователей относят рост неравенства и бедности к основным социально-экономическим рискам, порождаемым глобализацией, ключевой проблемой достижения целей устойчивого развития [3] (ЦУР) ООН 2030 [5]. В России социальное неравенство, т.е. степень различия между людьми в получении ими общественных благ (доходов, образования, здравоохранения, власти, престижа) может стать не только тормозом экономического роста, но и ограничивать возможности развития человеческого капитала, препятствовать решению демографической проблемы, привести к накоплению морально-этических проблем в обществе.

Неравенство в получении доходов, а также основных социальных благ играет все возрастающую роль в системе вызовов безопасности XXI века. В контексте национальных интересов России, учитывая внутренние и внешние

факторы социально-экономического развития, необходимо признать, что социальное неравенство создает реальную угрозу безопасности страны. Состояние отечественной экономики, социальная поляризация российского общества, увеличение удельного веса населения, живущего за чертой бедности формируют широкий спектр внутренних и внешних угроз национальной безопасности. Национальные интересы РФ в социальной сфере заключаются в обеспечении высокого уровня жизни народа, достижении равенства; их реализация возможна только на основе устойчивого развития экономики и социальной стабильности.

В течение длительного периода времени среди моделей мирового развития главенствовали те, в которых основной акцент делался на экономический рост и способы его ускорения, при этом считалось, что он автоматически влечет за собой прогресс в развитии человека и всего общества. В дальнейшем формула «экономический рост = развитие человеческого потенциала» не оправдала себя и выразилась в нарастании социально-политической нестабильности, усилении неравенства, расслоении общества. Экономический рост как важный фактор общественного прогресса может обеспечить повышение человеческого потенциала только тогда, когда имеют место масштабные государственные инвестиции в институты, во многом определяющие человеческое развитие – в учебные заведения и медицинские центры, а увеличение частных доходов идет равномерно.

В начале 1990-х годов XX века под эгидой ООН была разработана новая концепция развития человеческого потенциала. Она явилась противовесом традиционному пониманию развития как количественного роста материальных благ и услуг и приводит к выводу, что основными показателями следует считать не только ВВП, но и параметры, характеризующие здоровье, образование и доступ к информации. В рамках теории человеческого развития считается, что более равномерное распределение богатства ускоряет человеческое развитие, а рост доходов рассматривается в качестве одного из основных средств, способствующих расширению возможностей и повышению уровня благосостояния человека [1]. По последним данным (за 2018 г.) Россия находится на 49-м месте между Аргентиной и Беларусью в соответствующем мировом рейтинге (из 185 стран) [4], что вызывает определенную тревогу в плане обеспечения социальной безопасности.

Становление рыночных отношений в России, сопровождавшееся спадом производства, снижением основных социальных индикаторов уровня жизни, стремительным ростом имущественного неравенства, привело к деформации демографических параметров населения. С каждым годом становится все более очевидным, что преодоление острейшего демографического кризиса – важный фактор, определяющий успех экономических и социальных преобразований. Такие острые демографические проблемы, как сокращение численности детей и молодежи, а значит, в перспективе уменьшение трудовых ресурсов, определяющих интеллектуальный и профессиональный потенциал страны, в конечном итоге может привести к обесценению физического и человеческого

капиталов. Не менее негативное значение имеет и связанное с проблемами старения увеличение нагрузки на здравоохранение и пенсионное обеспечение, требующие разумного реформирования в соответствии с прогрессивной мировой практикой и реалиями сегодняшнего дня.

Основными причинами демографического кризиса и других негативных тенденций в жизни современного российского общества являются низкая заработная плата основной массы работников, которая не способна стимулировать воспроизводство рабочей силы. Работающие бедные – одна из ярких примет нашего времени, вырос и коэффициент дифференциации доходов. Сложившаяся в России система доходов и налогообложения не обеспечивает сглаживания неравенства по уровню жизни. Главная причина неравенства – в недооценке труда, в низком уровне заработной платы, которая является основным источником удовлетворения базовых потребностей трудящихся.

Низкий уровень заработной платы в бюджетной сфере и ряде отраслей экономики деформирует систему спроса и предложения на рабочую силу, способствует развитию бедности, ограничивая рост внутреннего потребительского спроса и внедрение современных технологий. Для развития рынка труда необходимо совершенствовать трудовое законодательство (с целью повышения гибкости использования рабочей силы и развития системы социального партнерства), способствовать мобильности рабочей силы (путем формирования экономических условий, содействующих ее свободному перемещению, создания действенного режима информирования населения о возможностях трудоустройства, разработки механизмов, обеспечивающих доступность найма и приобретения жилья). Учитывая, что эффективная занятость – ключ к грядущему социальному равенству, политика государства в этой сфере должна ориентироваться на устранение преград для внешней и внутренней миграции рабочей силы, совершенствование жилищно-коммунальной и социально-трудовой политики.

Результативно функционирующий рынок труда предоставляет большинству трудоспособного населения работу и доход, позволяя государству сосредоточиться на поддержке социально уязвимых категорий граждан и, таким образом, обеспечить большее социальное равенство. Высокий уровень занятости обеспечивает не только устойчивость индивидуальных доходов, но и рост совокупных доходов общества, создает возможности для производства максимального количества благ.

Образование – ключевой ресурс повышения благосостояния человека и государства, достижения социального равенства. В настоящее время российская образовательная система стоит перед необходимостью решения многочисленных серьезных проблем, в том числе обеспечения равенства доступа к образованию по социальному и поселенческому признакам. В связи с этим особенно важно поддержание равных возможностей в доступе к образованию, в противном случае можно утратить высокие стандарты образования, унаследованные от предыдущего периода.

Россия, страна с самой большой в мире территорией отличается огромными

внутренними различиями социально-экономического развития. Региональная дифференциация формируется на основе следующих преимуществ: лучшего местоположения, наличия востребованных мировым рынком ресурсов, концентрации человеческого капитала, развитости инфраструктуры [2]. Одна из важнейших задач государства сегодня – выравнивание возможностей для развития человеческого потенциала в субъектах РФ. Душевой ВРП российских регионов, пересчитанный по паритету покупательной способности, различается в громадном диапазоне: от развитых европейских стран до слаборазвитых стран Африки.

В России основная нагрузка в решении социальных проблем лежит на региональных властях, которые призваны обеспечивать на всей территории страны общенациональные стандарты жизни с учетом локальных особенностей проживания. Для этого необходима адекватная система оценки различных социальных, демографических, доходных, образовательных и экономических индикаторов благосостояния. Статистика показывает, что усиление регионального неравенства – устойчивая тенденция не только в годы кризиса, и в период экономического подъема. При сохранении нынешних тенденций функционирования экономики и дальнейшем усилении неравномерного развития производительных сил в региональном разрезе, дифференциация заработной платы и доходов населения в ближайшие годы будет только расти, угрожая безопасности страны, стабильности ее экономического развития.

Социальное неравенство – одна из наиболее острых проблем в современной России – создает реальную угрозу стабильности и безопасности страны. Перспективы укрепления безопасности РФ зависят от решения ряда фундаментальных проблем, прежде всего достижения социального равенства, которое представляется сегодня условием прогресса в обществе. В современных условиях для этого необходимо проведение продуманной социальной политики государства, направленной на выравнивание ситуации в регионах, расширение занятости, повышение реальной зарплаты, квалификации работающего населения, общим ростом благосостояния народа. Безотлагательное повышение качества жизни значительной части населения страны становится неременным требованием для снятия имеющихся проблем на пути прогрессивных экономических преобразований, повышения национальной безопасности России.

#### **Список источников:**

1. Говорова, Н.В. Современная концепция развития человеческого потенциала / Н.В. Говорова // Современная Европа. – 2000. – № 3 (3). – С. 104–111.
2. Проказина, Н.В., Рожнова, Т.М. Бедность в региональном измерении: причины и факторы возникновения. Научный результат / Н.В. Проказина, Т.М. Рожнова // Социология и управление. – 2018. – Т. 4. – № 4. – С. 28–37.
3. Садыков, Р.М. Бедность в России: сравнительный анализ и особенности / Р.М. Садыков // Региональная экономика: теория и практика. – 2018. – Т. 16. – № 8. – С. 1494–1505.

4. Human development report 2019. Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century // United Nations Development Programme. Human Development Reports [Electronic resource]. – Mode of access: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2019.pdf> – Data of access: 12.12.2020.

5. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development // Department of Economic and Social Affairs Sustainable Development [Electronic resource]. – Mode of access: <https://sustainabledevelopment.un.org/post2015/transformingourworld> – Data of access: 04.12.2020.

*О.Н. Грабова, профессор  
graon07@mail.ru*

*А.И. Крылов, магистрант  
sale@interkrow.ru*

*А.В. Грабов, магистрант  
antongrabov@mail.ru*

*ФГБОУ ВО КГУ (Кострома, Россия)*

## **ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА АНАЛИЗ И ПЛАНИРОВАНИЕ НАЛОГОВЫХ РИСКОВ В ТОРГОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ**

Торговля – важная сфера экономики, она связывает сферу производства и сферу потребления, это интегрирующая система, система, осуществляющая во многом тонкую настройку рыночного механизма [1].

Институционализация торговых связей и формализация субъектов торговых взаимодействий произошли достаточно рано в исторической ретроспективе эволюции экономических отношений. Долгое время понятие и сущность торговой организации практически не трансформировалось. Но современное развитие экономических отношений и развитие информационно-коммуникационных технологий вызвали к жизни инновации и в торговле, причем во многом она и является первичной сферой применения всех инновационных технологий, которые направлены, без сомнения, на завоевание рынка, наращивание прибыли и капитала [2]. Торговые организации весьма разнообразны и могут быть классифицированы по множеству признаков. Один из вариантов классификации представлен в таблице 1.

Таблица 1 – Классификация торговых организаций

Классификационный признак	Торговые организации
Форма собственности	Государственные Муниципальные Частные Смешанные (например, в форме ГЧП)

Количество собственников	Один (индивидуальный предприниматель) Несколько (юридическое лицо)
Организационно-правовая форма	Хозяйственные общества Хозяйственные товарищества Производственные кооперативы Унитарные предприятия
Вид торговой деятельности	Оптовая торговля Розничная торговля Оптово-розничная торговля
Вид торгового ассортимента	Универсальные Специализированные Комбинированные Смешанные
Степень концентрации	Крупные Средние Малые Микро
Инновационность нормативных и организационно-управленческих решений	Сетевая торговля Франчайзинг Интернет-торговля
Территориальная и национальная принадлежность (миграция бизнеса)	Местные Региональные Национальные Транснациональные

Данная классификация подчеркивает типовое разнообразие торговых организаций, что предопределяет сложность любого анализа и планирования их финансово-экономической деятельности, в том числе налогового планирования (и прогнозирования налоговых рисков). Неоднородность (хотелось бы выделить несколько ключевых характеристик: масштаб деятельности, территориальное расположение, вид деятельности) хозяйствующих субъектов сферы торговли не позволяет, на наш взгляд, в полной мере использовать стандартные методические рекомендации при исследовании определенных сторон их функционирования.

Налоговый риск выступает одним из вариантов финансового риска, но он носит императивный характер. Оценка налогового риска состоит из двух составляющих: во-первых, вероятность наступления события, а во-вторых, масштаб ущерба от наступления события.

В Российской Федерации планирование налоговых рисков определяется нормативной базой налогообложения, которое можно систематизировать следующим образом: 1) НК РФ и ФЗ о налогах и сборах; 2) законы, связанные с гражданским, административным и корпоративным правом; 3) решения и разъяснения судебных инстанций; разъяснения Минфина России и налоговых органов. Кроме того, принадлежность компании к иностранной юрисдикции обязывает эту компанию учитывать и нормы налогового права других государств, нормы международного права в анализ и планировании налогообложения, в том числе налоговых рисков.



Так же, необходимо отметить значительную вариативность режимов налогообложения в Российской Федерации, что приводит к многовариантности моделей анализа налоговой нагрузки и, соответственно, налоговых рисков хозяйствующих субъектов [1; 3], причем глобальные трансформации технологической составляющей социально-экономической системы изменяют механизмы взаимодействия участников налоговых правоотношений, в том числе порождая новые инструменты контроля. Тем не менее, российское законодательство предоставляет достаточный методологический инструментарий, равнозначно применимый как контролирующими органами (в первую очередь ФНС России), так и иными участниками налоговых правоотношений для однозначной фиксации возможности налогового риска [3].

Подводя итоги, можно отметить, что анализ и планирование налоговых рисков в торговых организациях имеют общие и частные подходы, в целом это весьма специфическая задача, так как любая торговая организация специфична в силу объективных характеристик, инструментарий анализа разнообразен, а нормативно-правовая база динамична и разноуровневна.

#### **Список источников:**

1. Грабова, О.Н., Анисеева, А.А. Модели анализа налоговой нагрузки в системе экономических и налоговых отношений в сфере торговли / О.Н. Грабова, А.А. Анисеева // Финансовая экономика. – 2018. – № 6. – С.1425–1430.
2. Грабова, О.Н., Суглобов, А.Е. Исследование налоговой нагрузки в условиях цифровизации экономики / О.Н. Грабова, А.Е. Суглобов // Экономика. Налоги. Право. – 2018. – Том. 11. – № 4. – С.141–151.
3. Грабова, О.Н., Грабов, А.В. Анализ налоговой нагрузки в системе налоговой безопасности бизнеса / О.Н. Грабова, А.В. Грабов // Качество управленческих кадров и экономическая безопасность организации. Тринадцатые Ходыревские чтения: сб. материалов национальной науч.-практ. конф. – Курск: Курский государственный университет, 2019. – С. 297–300.

*А.В. Елфимов, аспирант  
БГУ (Минск, Беларусь)*

### **ИНФОРМАЦИОННОЕ ОПЕРЕЖЕНИЕ ИНТЕГРАЦИИ**

Взаимосвязь и взаимодействие в информационную эпоху самым естественным неофициальным образом формирует через интернет единые информационные поля – еще прежде, чем сформируются единые таможенные и экономические пространства. И если в этих информационных полях активно не представлены государственные СМИ стран-участниц тех или иных интеграционных объединений, то интеграция этих стран находится под угрозой информационного сопротивления со стороны своих же региональных или глобальных конкурентов.

Таким образом, пора говорить не о информационном сопровождении, а о информационном опережении экономической, политической и любой другой интеграции – только тогда последняя будет успешной в современном мире.

Интеграция является доминирующей тенденцией современных международных отношений не только в экономической, политической, но и в информационной сфере. Хотя бы потому, что ведущие государства мира давно уже перешли от постиндустриального этапа развития к реальному построению информационных обществ. И сообществ – в том числе.

Теперь уже не только из теории, но также из практики, – на примере того же ЕС, – можно четко констатировать: в 21 веке успешными могут быть только крупные интеграционные проекты. Масштабность – это гарантия их самостоятельности, а, точнее, самоценности на глобальном поле взаимодействий. К тому же, они должны быть глубоко внутренне интегрированы, чтобы оставаться устойчивыми к воздействию внешних угроз. И уж точно, по принципу сообщающихся сосудов, между ними не должно быть никаких внутренних преград. Это хорошо показал тот же карантин, введенный в Европейском союзе – как только границы между государствами-членами внезапно восстановились, т.е. возникли преграды, сам ЕС фактически перестал существовать. Интеграция – это коммуникация; это взаимный обмен продуктами, финансами, людьми, идеями, информацией и смыслами. Перетекающие в соответствии с этим принципом капиталы, как финансовые, так и людские, не только обеспечивают возможность повысить общую капитализацию интеграционного проекта и сконцентрировать ее в нужном месте и в нужное время, но – что еще более важно! – обеспечивают также внутреннюю сбалансированность и мобильность проекта.

Если же говорить об информационном «капитале», то его суть – обмен и аккумуляция идей. И этот капитал постепенно становится ключевым, ибо чисто экономическая капитализация без идеи, без главенствующей цели: ради чего мы объединились и куда идем? – становится всего лишь фондом для конвертации. И чем выше будет капитализация проекта, чем очевидней для других глобальных игроков станет его ликвидность, тем быстрее возникнет соблазн конвертировать его в какой-то другой, даже «чужой проект». Ибо капитал без идеи всегда не патриотичен, а носит чисто конформистский характер. Его цель – голая выгода, и только идея придаст этой выгоде государственное (в нашем случае, общегосударственное) звучание.

Таким образом, без создания единого информационного пространства ни один интеграционный проект не может считаться по-настоящему устойчивым. В его основу обязательно должна быть положена триада (или, если угодно, поставлены три кита): экономика, политика и информация. Только тогда он будет действительно стабилен. Более того, он будет иметь постоянный движитель своего развития. Постоянное взаимное перетекание капитала в идеи, а идей – в капиталы, создаст то самое колесо, которое повезет Союзное государство, а, значит, Беларусь и Россию, в будущее.

В настоящее время такого «колеса» у Союзного государства нет даже в зародыше. Ибо нет даже согласованной, конкретизированной концепции, отвечающий на два первых вопроса: 1) а нужно ли нам общее информационное пространство? 2) и если нужно, то по каким принципам его строить?

Сегодня есть только маленькая, да и то раздробленная на ТРО «Союз» и, частично, МТРК «Мир», союзная информационная площадка, которая «зажата» меж двух неравных между собой информационных пространств, - российским и белорусским. Это неравенство сложилось исторически, а, значит, объективно, и в нем просто нет возможности изменить количественное соотношение. Зато возможно изменить качественные параметры. В самом деле, единственное, где мы можем выйти на приблизительно равные партнерские информационные взаимодействия – это в области качества. Нужно совместно создавать новое качество информации, новый общий контент. И кто его может создать, как не та маленькая, но уже имеющаяся (и обладающая финансированием из союзного бюджета) информационная площадка Союза?

Если есть заинтересованность в союзной тематике, то тогда ее нужно «приземлять» - в прямом и переносном смысле, - на союзную телевизионную и печатную площадку и максимально развивать. Причем, по тем направлениям, которые и составляют интеграционную триаду: экономика, политика и все та же информация, т.е. обмен идей. И вот здесь неоценимую услугу (и питательную среду) явят собою те, кто вообще способен давать пищу к размышлениям – политологические сообщества Беларуси и России, к тому же, общающиеся на темы Союза. Мало того, именно на этой площадке сформируется союзное политологическое содружество, а иначе сей процесс (со всем разбросом мнений, далеким от компромиссов) пойдет спонтанно. На этой же, союзной площадке, союзники окажутся абсолютно равными, и пойдет свободный обмен идеями, а, значит, как минимум, на уровне политологов выработается столь необходимый нам компромисс. И баланс идей, учитывающий как союзные интересы, так и национальные интересы двух государств, Беларуси и России.

Причем, необходимо учитывать, что наши страны вступили сейчас в этап реальной интеграции, реальной «притирки» интересов и взглядов, и он не может обойтись без политически взвешенного, ответственного информационного обеспечения. В котором априори равные «доли» - а, значит, и права, - будут как у белорусской, так и у российской стороны.

Вступление в новое информационное измерение углубляющейся интеграции не может не привести и к процессам унификации во всех сферах жизни. Однако такая унификация вовсе не означает поглощение одного субъекта другим, ибо она будет происходить именно в рамках интеграции, а это процесс равноправный для всех его участников. Участники могут быть не равны по своему экономическому и даже политическому весу, но они имеют право на внесение собственной лепты в общий интеграционный процесс, какой бы сферы он ни касался. Это особенно важно понимать в такой чувствительной области, как развитие внутривнутриполитической жизни каждой из стран-участниц.

Резюмируя данную часть, можно утверждать, корреспондируя выводы с предвыборной ситуацией в Республике Беларусь: информационная интеграция (если это интеграция равноправных партнеров) не должна оказывать негативного влияния на положение союзника. Иными словами, тут должен вступить в силу принцип «не навреди» своему партнеру, являющийся безусловным приоритетом. Благодаря чему даже информационные поля, развитые по-разному и даже разные по своей величине, не будут конфликтовать, ибо не смогут затрагивать сферу внутренней политики.

Означает ли это, что страны отказываются от взаимного влияния в области политического развития, становления демократических институтов или гражданского общества? Ни в коем случае: общее или интегрированное поле предполагает обмен идей и, следовательно, размышления на общие темы, в том числе и общедемократические. Но при этом политические системы каждого из государств обладают суверенностью развития. Это и будет объективизмом, позволяющим не только избежать конфликтов (таких как информационные вбросы, например), но и формирующим имидж страны на основе объективных общественных процессов. Таким образом, информационная безопасность сможет соблюдаться наиболее гибким и демократичным образом: через обмен конструктивной по отношению друг к другу информации.

Второе направление – это нахождение общих тем для информационного взаимодействия. Вероятней всего, такие темы легко будет найти, прежде всего, в ходе координации внешнеполитических усилий союзников. Взаимодействие между Беларусью и Россией наиболее успешно развивается по вопросам безопасности, - страновой, региональной и глобальной. Раз так, то к такому успешному взаимодействию нужно подключить и информационные ресурсы двух стран. В частности, для разработки и пропаганды новой концепции европейской или мировой безопасности.

*В.А. Елфимов, доцент  
periodika304@mail.ru  
БГУ (Минск, Беларусь)*

## **ГАРМОНИЯ ПЛАНОВ И ЦЕЛЕЙ КАК ЗАЛОГ УСПЕХА СОЮЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА**

В теории стратегия и тактика должны находиться в тесном взаимодействии, взаимно дополнять и поддерживать друг друга. На практике же часто получается совсем иное – тактическое заслоняет стратегическое, и за текучкой «непосредственных выгод» порой не увидеть настоящих побед.

Чтобы не допустить этого, необходимо постоянно сверяться с ранее определенным маршрутом движения, в том числе, и интеграции. На современном этапе союзного строительства, которое перевалило за 20-летний юбилей, ревизия, а, точнее, аудит союзных программ и концепций – весьма

своевременная мера, чтобы сверить часы и, одновременно, придать новый импульс нашей интеграции.

Обсуждение 31 «дорожной карты» для прокладки дальнейшего союзного маршрута происходило в течение всего 2019 года. И происходило оно исключительно за закрытыми дверями правительств. Как и всякий аудит (что по-русски значит «проверка» или «перепроверка»), сведение дебита с кредитом в союзной интеграции – процесс очень деликатный, требующий специальных знаний и профессионального подхода. И ревизия оказалась настоящим испытанием для стратегического видения общих перспектив, открывающихся перед братскими народами – русским и белорусским. Таким образом, спасительным ресурсом для союзного строительства должно стать именно стратегическое видение его перспектив.

И здесь, несомненно, начинается очевидное противоречие между новомодным и всюду декларируемым «прагматизмом» нашего Союза и, собственно, его же перспективами. Прагматика, ищущая сегодняшней, сиюминутной выгоды, не верит в завтра. Ей подавай сегодня и сейчас, пусть по минимуму, но в материальном выражении. Стратегия же требует оторвать взор «от земли» и глянуть за горизонт. Прагматика – это политический минимализм; стратегическое мышление – это расширение горизонтов, как в политике, так и экономике.

Таким образом, прагматизм не гарантирует ничего, ибо, когда закончится нынешняя выгода для кого-то из союзников, тогда же закончится и союз. Можно ли такое положение вещей назвать стабильностью? Или уверенностью в завтрашнем дне?

Что дала ревизия союзных отношений с точки зрения прагматики? Общий ее итог, ставший известным к концу 2019 года, вроде бы положительный – 28 «карт» дальнейшей интеграции, среди которых большинство имеют как раз стратегическое значение, были согласованы. И только 3 «карты», - самых прагматичных, и, более того, сводящиеся фактически лишь к цене на российские нефть и газ, - так и остались «в доработке». И не позволили совершить знаковую в юбилейный год вещь – подписать весь пакет интеграционных маршрутов. «Доработка», конечно, будет продолжена. Но можем ли мы, опираясь на соображения выгоды, гарантировать ее положительный исход?

И хотя окончательный результат этих согласований и договоренностей еще неизвестен, уже сейчас стало ясно: в последние месяцы возобладала, во многом с подачи белорусской стороны, прагматичная или чисто экономическая модель Союзного государства. Минск объявил суверенитет священным, создание наднациональных структур – преждевременным, а главной целью двустороннего взаимодействия – экономическую выгоду и создание равных условий хозяйствования.

Как известно, интеграция – это создание наднациональных регуляторов для объединяющихся экономик, и, стало быть, не слева, так справа, не сверху, так снизу, но Беларусь, углубляясь в совместную хозяйственную

деятельность, - а именно этого она хочет больше всего - все равно войдет в интеграцию и начнет подниматься вверх по лестнице координирующих объединений и структур. Но произойдет это постепенно, эволюционным путем.

А раз так, то в данном процессе, чтобы он в будущем не забуксовал, главное - видеть стратегическую перспективу, которая и должна стать методологической основой союзного строительства.

Данное утверждение не имеет ничего общего с «политическим ямбом» - оно лишь констатирует будничные реалии. Правда, будни сейчас стоят не совсем обычные. Мир в ходе затянувшегося кризиса вошел в столь глубокое пике, что амплитуда выхода (а на это стоит надеяться!) неизбежно выведет глобализованную экономику на совершенно новую траекторию полета. И (опять же смеем надеяться!) на траекторию более устойчивую, с дальним пунктом назначения. Первыми на нее выйдут те, кто менее всего отклонился в период кризисной турбулентности от своих целей, кто меньше всего «модернизировал» свою стратегию.

Что удивительно, данный цикл передела глобализованной экономики (мы намеренно не применили прилагательное «глобальной», ибо экономика выйдет из пике не вся, не сразу и далеко не в прежнем виде) поразительно совпадает с новым политическим циклом в Беларуси – президентскими выборами и всем тем, что с ними связано. А, значит, главное сейчас – не допустить, чтобы эти выборы вдруг добавили турбулентности, неопределенности в союзное строительство.

А случайности, как говорится, не случайны: цикл этот еще и совпадает с новым интеграционным циклом на всем постсоветском пространстве, в ЕАЭС, например. И, стало быть, в союзном проекте – тоже!

Есть ли тут какая-то причинно-следственная связь с кризисом? Несомненно, есть. Применительно к России, кризис надо понимать, как шанс на реальное реформирование экономики, доставшейся нам от советских времен, испытавшей приснопамятный «шок», попавшей под «секвестр» гайдаровских узко-рыночных концепций, наконец, понявшей необходимость государственного регулирования. А применительно к Беларуси, шанс (как и кризис) понимается чуть-чуть наоборот, - с ощущением необходимости либерализации в экономике, где 80 % собственности пока находится в прямом управлении государством. Естественно, желательна либерализация без «шока», которого белорусы сумели избежать в 90-х, - так зачем же наступать на старые грабли в новом веке? Это ли не рыночный подход или, по крайней мере, готовность на него пойти?

Все это означает следующее: Россия, которая дальше ушла в рыночные глубины, постепенно возвращает в свой обиход такие понятия как «государственное регулирование» и «социальная ответственность капитала». А в Беларуси, где эта ответственность обеспечивалась всей силой государства, последнее все смелее сбрасывает с себя лишнюю ответственность и принимает в свой оборот нормальные рыночные механизмы. И хотя обе наши страны

двигаются в двух разных направлениях, - справа налево и слева направо, - нетрудно заметить, что движутся они к одной сходящейся, т.е. общей траектории развития. И к общему политическому центризму. Или к «золотой середине» между либеральной и социал-демократической концепциями.

В общем, старая добрая конвергенция сейчас начинает медленно, но, верно, торжествовать в двух ключевых для бывшего СССР странах. И ее полному торжеству пока мешает лишь одно – глобальный кризис, зародившийся не в наших странах, не в Союзе России и Беларуси, но шлейфом своего вихря коснувшийся и нас.

Хотя – как мы уже отмечали – именно кризис и дал хороший шанс переосмыслить прошлое и заглянуть в будущее. Кстати, для белорусской элиты это еще и означает окончательное избавление от иллюзий по поводу Запада и белорусской «сбалансированной» политики где-то посередине шкалы между ним и Россией. Что особенно примечательно, произошло это (хотя и не безболезненно) в тот самый момент, когда Запад попытался в своих отношениях с Минском перейти от «кнута» к «прянику». Отмена западных санкций против Минска хотя и была провозглашена, однако так и не стала реальностью – они не были отменены, а лишь приостановлены. То есть могут быть в любой момент восстановлены.

Между тем, мировое сообщество в растерянности: рецессия слишком затянулась. Все ждут: вот-вот откуда-то поступит долгожданный сигнал роста – и даст шанс всем на скорое избавление от кризиса. И каждый раз «вот-вот» ничем не оборачивается... Впрочем, нашлись страны, которые больше не намерены ждать, а намерены что-то делать. Возможно, это тот самый долгожданный сигнал, причем, не только к выходу из кризиса, но и, вообще, к выходу глобальной экономики на новые, менее «кризисные» маршруты. И есть основания полагать, что эти страны вполне могут составить новый ведущий кластер мирового устройства. Логично отнести к этому кластеру Евразийский союз, и столь же логично – Союзное государство. Эта цепочка интеграционных механизмов, пожалуй, единственная надежда мирового сообщества на скорый и надежный выход из затянувшейся рецессии.

На последнем экономическом форуме в швейцарском Давосе, посвященном модернизации современной мирохозяйственной и политической системы, вырвались наружу пессимистичные настроения. И действительно, похоже, глобальный пессимизм своими корнями уходит в гораздо более глубокие причинно-следственные связи, нежели обыкновенная цикличность капиталистических кризисов.

Цикличность отражает борьбу лишь двух тенденций из всего их многообразия – борьбу между стремлением к максимальной капитализации экономик и невозможностью в связи с ограниченностью ресурсов насытить капиталами сразу все отрасли. Возникающий дисбаланс приходится маскировать или «смазывать» при помощи спекулятивного капитала, поднимая и опуская фьючерсы и цены, «разогревая» или «остужая» те или иные отрасли. Или целые экономики. Вот почему мы наблюдаем четкую

корреляцию: чем выше капитализация, тем выше и спекулятивная составляющая. И кризис становится результатом или следствием успеха. Когда спекулятивных денег в экономике накапливается слишком много, раздается «бум!» - спекулятивный пузырь выходит наружу. Так что сама идея евро, как и вообще идея единой валюты, к кризису не имеет никакого отношения: евро же не виноват в том, что ради его создания объединились «пузыри»!

Вот почему к созданию единой союзной валюты надо подойти столь же стратегически, сколь и прагматически: мы не должны объединять «пузыри». За основу союзной валюты нужно взять только наиболее твердую денежную единицу, а это возможно будет сделать, лишь укрепив союзную общую экономику.

По-настоящему продуктивно интеграция может двигаться лишь в одном направлении – в сторону отказа от эгоцентризма в политике и экономике; в сторону социал-демократической (в противовес неолиберальной) модели, усиливающей социальную ответственность капитала. А, значит, необходимо постепенно двигаться к подчинению интересов частного бизнеса интересам всего общества, а вовсе не наоборот – подчинения интересов общества интересам частного бизнеса, что мы сегодня наблюдаем сплошь и рядом по всему миру. Такую социальную ответственность капитала, вовсе не лишенного своих позиций и позитивных свойств в экономике, а, наоборот, имеющего возможность плодотворно работать, но во благо не только себя самого, но и во благо всех, можно обеспечить с помощью сильного государства. Волюнтаризм которого необходимо – и абсолютно возможно! - ограничить сильным гражданским обществом.

И сейчас, когда под давлением «второй волны кризиса» схлынула знаменитая «вторая волна консерватизма», пришедшая в мир еще в 80-х годах прошлого века (с приходом к власти крайне правых политиков, таких как Рейган, Тэтчер и Коль) – оперативный простор для реализации неосоциальной модели оказывается широко распахнут. А сам неосоциализм, как и социал-демократическая модель, выглядят хорошо подготовленными всем ходом развития и затухания неоконсерватизма. Достаточно сказать, что соотношение государственной и частной собственности, скажем, в той же Франции уже достигло «золотой середины» – 50:50, что обеспечивает здоровый баланс между общественными и частными интересами. И даже в Америке, флагманской канонерке мирового частного предпринимательства, за текущие годы доля государственного сектора подросла до 30 %.

России и Беларуси вряд ли стоит публично вмешиваться в извечный спор «измов», который, несомненно, разгорится с новой силой на выходе из мирового кризиса. Белорусская модель прагматична и вполне соответствует знаменитому выражению Дэн Сяопина: «Не важно, как зовется кошка, лишь бы она ловила мышей». Российская модель тоже постепенно движется в том же направлении. И вовсе не наша вина, а наше общее преимущество в том, что



непредвзятые веса истории постепенно склоняются в сторону общественной пользы, как бы ее ни называть.

Так что все разговоры о «несовместимости» российской и белорусской моделей развития - от лукавого: они не только совместимы, не только движутся из разных отправных точек к общему знаменателю, но и, пройдя через интеграционный синтез, неизбежно дадут импульс к обновлению и новому экономическому росту.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод: не следует сегодня заикливаться на конкретных «моделях» Союзного государства. Союзное строительство – процесс творческий, и хотя оно, конечно же, не обойдет ни одной и объективных закономерностей интеграции, надо дать ему творческий простор. А партнерам – ощущение свободы своего исторического выбора

Главное, с лазерной точностью солидности стратегический прицел объединения двух братских народов, и тогда все «модели», «карты», а, главное, дороги приведут в нужный стратегический пункт. По ходу движения к нему будут изменяться не цены и тарифы, вернее, не только они, сколько будут меняться общества, - белорусское, и российское. Вот единственная гарантия успешности Союза.

Не стоит нам забывать урок, преподнесенный с «вершин» Евросоюза, когда президент Франции, опираясь на горький опыт западноевропейского объединительного проекта, фактически предупреждает: не увлекайтесь рынком и помните о стратегии. В своем ставшем знаменитым интервью британскому журналу «Economist» Эммануэль Макрон говорит: «Рынок не является сообществом. Сообщество сильнее: оно подразумевает элементы солидарности, определенного единства, которое мы утратили, и политической мысли» [1].

В отличие от европейцев, мы не должны забыть о нашем «сообществе», о дружбе и братстве русских и белорусов. Вот наша стратегия и политика союзного строительства, и никакая прагматика не должна им помешать.

#### **Список источников:**

1. The Economist (Великобритания): Эмманюэль Макрон своими словами // ИноСМИ.РУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20191108/246190685.html>. – Дата доступа: 05.04.2020.

*С.В. Ефименко, аспирант  
Efimenko\_\_sergey@mail.ru  
БГЭУ (Минск, Беларусь)*

## АСПЕКТЫ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Региональная экономическая интеграция представляет собой процесс развития устойчивых экономических связей и разделения труда национальных хозяйств, который, охватывая внешнеэкономический обмен и сферу производства, ведет к тесному переплетению национальных хозяйств и созданию единого хозяйственного комплекса в региональном масштабе [1].

Региональная интеграция приводит к разным эффектам. С одной стороны, она рассматривается как инструмент достижения более быстрых темпов экономического роста. С другой стороны, регионализм расценивается как средство сохранения политического контроля над процессами глобализации в экономической сфере, которые ослабили степень влияния национальных инструментов экономической политики. Это приводит к замедлению темпов интеграции и неустойчивости политической системы стран-участниц. Для адаптации к белорусскому опыту рассмотрим несколько интеграционных объединений. Наиболее крупными по доле в мировом экспорте являются интеграционные объединения: НАФТА, ЕС, АТЭС. Их сравнительную характеристику приведем в таблице.

Таблица 1 – Сравнительные характеристики ЕС, НАФТА и АТЭС

Характеристика	ЕС	НАФТА	АТЭС
Число стран	27	3	21
Уровень интеграции	Экономический союз	Зона свободной торговли	Формирование зоны свободной торговли
Распределение сил внутри блока	Полицентричность при общем лидерстве Германии	Моноцентричность (лидерство США)	Полицентричность при общем лидерстве Японии
Степень разнородности стран-участниц	Наиболее низкая	Средняя	Наиболее высокая
Развитие органов наднационального управления	Система органов наднационального управления (Совет ЕС, Европейская комиссия, Европарламент)	Специальные органы наднационального управления - нет	Органы наднационального управления уже есть, но не играют большой роли

Примечание – Источник: собственная разработка по данным [2].

Для более полноценного понимания опыта региональной интеграции рассмотрим эти образования подробнее.

НАФТА является экономическим интеграционным объединением, в которое входят США, Канада, Мексика, и выступает одним из самых влиятельных интеграционных блоков мира.

Данное объединение является зоной свободной торговли и не планирует создания более развитой формы последовательной региональной экономической интеграции, поскольку большая часть экспорта направлено за пределы НАФТА и США планирует сохранить свободу своей внешнеполитической политики. Также следует отметить, что все три государства-участника руководствовались различными мотивами создания НАФТА и существенную роль сыграли политические, экономические и социальные соображения. Однако все участники объединения выступали за укрепление национальной конкурентоспособности, снижение транзакционных издержек, приток иностранных инвестиций и др.

Существенным отличием других объединений является то, что интеграция осуществляется «сверху вниз», благодаря межправительственным соглашениям, поощряющим контакты предпринимателей разных стран, тогда как в НАФТА интеграция осуществляется «снизу вверх», с первоначальным укреплением межкорпоративных связей и принятием на их основе межгосударственных соглашений [2]. Внутри НАФТА существует лишь один экономический центр: США, чья экономика превосходит экономики Канады и Мексики. Это позволяет США осуществлять управление и задавать вектор направления политики НАФТА, но при этом приводит к потенциальным конфликтам с Канадой и Мексикой. Ключевая позиция США привела к тому, что в НАФТА отсутствуют крупные наднациональные институты правления, поскольку их наличие сделало бы их зависимыми от позиции США.

Центральным институтом управления является Комиссия по свободной торговле (далее- Комиссия), с представителями на уровне министров от трёх стран-участниц [3]. Содействие в работе Комиссии оказывает Секретариат НАФТА. Разрешение спорных вопросов в рамках НАФТА осуществляется при содействии рабочих групп и консультационных органов. Проводятся переговоры между сторонами по поставленным вопросам. В случае неудачи, дело переходит на рассмотрение Комиссии, а затем специальной группе специалистов, гарантирующих разрешение споров. Это позволяет разрешать практически любые вопросы, или замораживать их до принятия экспертного решения.

К недостаткам НАФТА относят различные экономические издержки для каждой из стран-участниц. Мексика несёт наиболее тяжёлые издержки, как более экономически слабая страна. В отличие от ЕС, в НАФТА отсутствует компенсационный финансовый механизм. Также в последнее время наблюдается сокращение рабочих мест в США, поскольку многие производства переносятся в Мексику - страну с более дешёвой рабочей силой. Это вызвало серьёзные иммиграционные последствия для США и повлияло на рост заработной платы. Также сохраняется уязвимость экономик Канады и Мексики от экономики США, что проявляется в периоды экономических спадов и привело к нежеланию Латиноамериканских стран вступать в НАФТА.

Европейский союз (ЕС) является классической формой экономического союза. В настоящий момент в ЕС входят 27 стран, образующих единое экономическое пространство, регулирующееся едиными государственными органами, то есть «сверху вниз».

Основными наднациональными органами, влияющими на экономическое развитие, являются Европейский парламент, Совет Европейского союза, представляющий правительства отдельных стран-членов, и Европейская комиссия, которая представляет интересы Союза в целом [4]. К иным органам правления относятся: Европейский экономический и социальный комитет, Европейский центральный банк, Судебная и Счетная палаты, Европейский инвестиционный банк и др.

Развитие в рамках интеграционного объединения происходит благодаря разработке различных программ по наиболее существенным вопросам, таким как: содействие конкурентоспособности и занятости, содействие развитию сельского хозяйства и сельскохозяйственных регионов, поддержка культурных мероприятий, СМИ, образовательные программы и др. Для этого формируются европейские структурные фонды и фонды сплочения, такие как Европейский социальный фонд или фонд регионального развития. Для развития предпринимательства используется Европейский банк реконструкции и развития, Европейский инвестиционный банк, структурные фонды. Вступающие в ЕС страны обычно поддерживаются за счёт компенсационных отчислений из единого бюджета. В ЕС фактически отсутствуют таможенные пошлины, экономические ограничения во взаимной торговле, сформирована единая таможенная территория и действуют соглашения о свободном движении товаров и услуг, капитала, рабочей силы и др.

Финансирование программ и фондов происходит за счёт единого бюджета, состоящего из собственных источников, взносов членов ЕС, доходов от НДС и прочих доходов. Мониторинг результатов проводится ежегодно или после завершения определённого проекта, благодаря чему корректируется политика или способ достижения цели.

Следует отметить, что состав ЕС из 27 государств-членов сильно усложняет выбор единой экономической политики ЕС, и создаёт условия для внутренних противоречий. Кроме того, в отличие от НАФТА, где необходимость интеграции диктовалась непосредственно корпоративными участниками рынка и бизнеса, в ЕС инициаторами углубления интеграции выступают государственные структуры, что регулярно приводит к противоречиям в отношении пути дальнейшего развития между правительствами и населением, а также противоречиям между странами-членами ЕС.

Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) является связующим звеном между странами Тихоокеанского бассейна с разным уровнем экономического развития и включает 21 стран. Его основная задача - установление правил региональной торговли и инвестирования.

Сочетание сильных интегрирующих и дезинтегрирующих факторов предопределило особенности интеграционных тенденций, отличные от

европейских. Основные факторы: динамика экономического развития, рост экономической взаимозависимости; противодействие влиянию ЕС [5]. Однако сохраняются и факторы, препятствующие интеграции: большая экономическая, политическая и социально-культурная дифференциация стран, отсутствие единой идеи, различный менталитет народов, не считающих себя единой нацией, а также различные политические цели участия в едином блоке.

Особенности АТЭС состоят в преобладании микроэкономической интеграции над макроэкономической, что стало возможным благодаря инвестированию и новым технологиям американских и японских транснациональных корпораций. Это стало возможным благодаря смягчению экономической и политической дифференциации, углублению экономического сотрудничества и хозяйственной интернационализации объединения, что стало причиной формирования зоны свободной торговли в рамках АТЭС.

Сравнивая опыт приведенных выше интеграционных объединений следует отметить, что ЕАЭС сформирован в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов, что является выгодным для Республики Беларусь.

#### **Список источников:**

1. Региональная экономическая интеграция — форма развития мирового производственного процесса [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://textbooks.studio/mirovaya-ekonomika-uchebnik/regionalnaya-ekonomicheskaya-integratsiya.html> — Дата доступа: 10.12.2020.
2. Мантусов, В. Б. НАФТА: Становление интеграционного блока, современное состояние и роль в международной торговле : дис. ... канд. экон. наук : В. Б. Мантусов. — Москва, 2012. — 18 с.
3. Критерии устойчивости трансатлантической зоны свободной торговли / Б. А. Павлова [и др.]. — Москва : НИУ Высшая школа экономики, 2013. — 60 с.
4. Семак, Е. А. Модель интеграции Европейского союза / Е. А. Семак // Журнал межд. права и межд. отношений. — 2015. — № 4. — С. 54–62.
5. Семак, Е. А. Особенности Азиатско-Тихоокеанской экономической интеграции / Е. А. Семак // Труды факультета международных отношений: научный сборник. — 2011. — Вып. II. — С. 114–117.

*С.А. Ихсанов, аспирант  
ishanovserik@mail.ru  
ОрГУ (Оренбург, Россия)*

## **ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ НЕФТЯНЫХ КОМПАНИЙ**

Сельскохозяйственный кооператив, также известный как фермеры кооператив, является кооперативом, где фермеры объединили свои ресурсы в определенных областях деятельности. В широкой типологии сельскохозяйственных кооперативов проводится различие между «сельскохозяйственными обслуживающими кооперативами», которые предоставляют различные услуги своим индивидуальным членам-фермерам, и «сельскохозяйственными производственными кооперативами», в которых производственные ресурсы (земля, техника) объединены, а участники обрабатывают совместные фермы. Примеры сельскохозяйственных производственных кооперативов включают колхозы в бывших социалистических странах, кибуцы в Израиле, управляемые коллективно. общинное сельское хозяйство, кооперативы Longo Mai и производственные кооперативы Никарагуа [1].

С начала 2016 года, когда цены на сырую нефть упали ниже 30 долларов за баррель, в нефтегазовой отрасли наблюдалась значительная неопределенность, особенно в отношении того, могут ли цены на сырую нефть когда-либо вернуться к уровню до 2014 года >100 долларов. Хотя цены в настоящее время составляют в среднем 70 долларов за баррель, опасения по поводу их дальнейшей устойчивости все еще ощутимы. Поскольку неопределенность в отрасли сохраняется, различные уровни правительств продолжают изучать альтернативы диверсификации экономики, особенно в свете последних событий.

Экономический спад во многом вызван снижением доходов от сырой нефти. В ответ на вышеизложенную тенденцию многие нефтегазовые компании в равной степени рассматривают возможность инвестирования в не нефтяной сектор. В конце концов, при предполагаемом населении, изобилии других природных ресурсов, включая пахотные земли и динамичную рабочую силу, Казахстан представляет собой огромный потенциал неиспользованного или недостаточно задействованного рынка. Руководитель министерства подчеркнул необходимость диверсификации в сельском хозяйстве и других не нефтяных секторах.

Во всем мире сельскохозяйственная торговля является катализатором роста, особенно в развивающихся странах, где она является основным источником иностранных доходов и создания рабочих мест. Относительно разнообразные климатические условия и большие площади пахотных земель в Казахстане позволяют выращивать широкий спектр сельскохозяйственных культур, а также выращивать различный скот. Ожидается, что скрытые возможности в отрасли возрастут по мере того, как правительство будет стремиться к самообеспечению

продовольствием. Примером такого рода будет производство и переработка пшеницы. Основными факторами, стимулирующими инвестиции в сельское хозяйство, являются:

Для поощрения продовольственной самообеспеченности были введены различные стимулы и налоговые скидки. Для Казахстана можно перенять опять других стран по созданию государственных частных предприятий в отраслях с неэффективным производством, вероятно, приведут к дальнейшим частным инвестициям и повышению производительности в отраслях. Примером может служить проект Green-River (нигерийский Agip Oil Company flagship initiative), которая сотрудничает с правительствами штатов в обеспечении улучшенного и устойчивого развития.

Сельскохозяйственная деятельность обеспечивает занятость трудоспособного населения. В дополнение к вышесказанному уместно подчеркнуть, что сельское хозяйство не обязательно требует огромных стартовых инвестиций по сравнению с нефтегазовым сектором или твердыми полезными ископаемыми. Кроме того, нефтяные и газовые компании привыкли к высокому риску, в то время как сельское хозяйство представляет собой менее или менее управляемый профиль риска. Наконец, Агробизнес имеет более низкие барьеры для входа, чем нефтегазовая или другие добывающие отрасли, которые в настоящее время находятся в исключительном списке контроля с более жесткой нормативной базой.

Нефтегазовая отрасль по своей природе, как правило, является капиталоемкой, высоко рискованной и подвержена более жестким нормативным требованиям. Аналогичным образом, цепочка создания стоимости в сельском хозяйстве также обладает теми же атрибутами, но в разных контекстуальных рамках, но с потенциалом для лучшей отдачи от инвестиций.

Нефтехимические компании могут конвертировать различные запасы газа и углеводородов в удобрения для сельского хозяйства. Типичный пример бывшая нефтехимическая компания Eleme, ныне Indorama Eleme Petrochemicals Ltd, которая в настоящее время производит удобрения с Завод мирового класса стоимостью 1,5 миллиарда долларов.

Хотя набор навыков, необходимых для большинства нефтегазовых предприятий, отличается от набора навыков для сельского хозяйства, следует отметить, что человеческий капитал в обеих отраслях обучен быть сознательным к риску, особенно при внедрении самых высоких стандартов качества, здоровья, безопасности, охраны окружающей среды (QHSSE). Этот навык может быть передан КСО, принимающему сообществу и усилиям по устойчивому развитию от нефти и газа до агробизнеса.

Недавний глобальный нефтяной кризис является серьезным тревожным сигналом для игроков нефтегазовой отрасли изучить сельскохозяйственную цепочку создания стоимости и определить существующие возможности. По мере роста интереса к сельскому хозяйству ожидается увеличение финансирования со стороны международных партнеров, что снизит инвестиционные риски.

Организации, стремящиеся инвестировать в сельскохозяйственную цепочку создания стоимости, должны оценивать существующие возможности и в равной степени искать подходящих технических партнеров, а также профессиональных консультантов для предоставления рекомендаций по успешной реализации [2].

Пик открытия нефти и газа пришелся на 1960-е годы. Производство также достиг пика: пять стран Ближнего Востока восстановили контроль над мировыми поставками. Почти две трети мировых запасов сырой нефти расположены на Ближнем Востоке, особенно в Саудовской Аравии, Иране и Ираке. Оценка будущих мировых запасов нефти и их истощения показывает, что в период с 1980 по 1998 год мировая добыча сырой нефти увеличилась на 11,2% - с 59,6 до 66,9 миллиона баррелей нефти в день. Текущие мировые темпы добычи составляют около 25 Гб (миллиардов баррелей) в год. Простой расчет показывает, что, если уровни потребления останутся постоянными, мировые запасы сырой нефти, составляющие примерно 1 триллион баррелей, могут быть исчерпаны примерно к 2040 году.

Нефтяные кризисы 1970-х годов, когда страны Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК) ограничили свою добычу, ушли в народную память. Однако они сопровождались масштабными сбоями и глобальным экономическим спадом. То же самое произошло в 1980 и 1991 годах.

Колин Дж. Кэмпбелл, выдающийся аналитик нефтяной отрасли, считает, что будущие кризисы будут намного хуже. «Нефтяные потрясения 1970-х были недолговечными, потому что тогда было много новых нефтяных и газовых месторождений, которые можно было запустить. На этот раз практически нет новых плодородных бассейнов, чтобы дать урожай гигантских полей, достаточный для глобального воздействия. Усиление контроля над рынком на Ближнем Востоке, вероятно, приведет к радикальному и необратимому росту цен на нефть до того, как физический дефицит начнет проявляться в течение первого десятилетия 21 века. На протяжении большей части этого столетия мировая экономика определялась обильными поставками дешевой энергии на основе нефти. Грядущий нефтяной кризис, соответственно, будет экономическим и политическим разрывом исторического масштаба, поскольку мир приспосабливается к новой энергетической среде».

Масло используется во всем мире по трем основным причинам: питание, транспорт и отопление. В ближайшем будущем конкуренция за нефть по этим трем направлениям будет жесткой и реальной. Энергетический голод может в первую очередь затронуть более бедные страны, когда повышение стоимости парафина, используемого для приготовления пищи, сделает его недоступным для них. После пика производства поставки продовольствия во всем мире начнут прерываться не только из-за роста цен, но и из-за того, что нефти больше не будет.

Если мы думаем, что у нас продовольственная безопасность здесь, в Великобритании и других промышленно развитых странах просто потому, что у нас есть бензин в машине, откровенно говоря, мы заблуждаемся. Несмотря на видимость бесконечного изобилия еды, это хрупкое изобилие, зависящее от



целостности мировой системы добычи, переработки и доставки нефти. Эта система полностью зависит от технологии. Современное сельское хозяйство, основанное на технологиях, производит как продукты питания, так и семена для продуктов питания в следующем году точно в срок. Есть очень мало запасов еды или семян, чтобы выдержать любые длительные перемены.

Наше продовольственное снабжение и наше экономическое выживание в целом зависят от стабильного наличия нефти по разумным ценам. Независимый политический аналитик Дэвид Флеминг пишет в британском журнале Prospect (ноябрь 2000 г.): в условиях глобального нефтяного кризиса, надвигающегося, как Скала Судного дня, почему так мало политических лидеров, которые должны подумать? Многие эксперты отказываются серьезно относиться к этой проблеме, потому что она «выходит за рамки мышления рыночной экономики». Благодаря победе глобального капитализма модель свободного рынка теперь царит почти повсюду. Проблема в том, что его принципы «имеют тенденцию нарушаться при применении к таким природным ресурсам, как нефть». Результат одновременно потенциально катастрофичен и слишком человечен. Наши первосвященники - рыночные экономисты - слепы к реальности, которой в их космологии не может быть. Где ссылка и зачем такие большие цитаты

Флеминг предлагает несколько примеров работы этой сломанной логики. Многие придерживаются веры в то, что более высокие цены на нефть будут стимулировать новые нефтяные открытия, но они игнорируют то, что ученые-земледельцы говорили в течение многих лет: больше нечего делать. Большинство запасов нефти, которые мы добываем сегодня, были фактически идентифицированы к середине 1960-х годов. В земле осталось много нефти - возможно, более половины всех извлекаемых запасов. Флеминг говорит, что проблема не в этом. Настоящее беспокойство вызывает точка, за которой спрос не может быть удовлетворен. А поскольку спрос будет расти на целых 3 процента в год, недостающие баррели быстро будут расти. Как только боль становится реальной, возникает дарвиновский импульс, и упорядоченный рынок уступает место хаосу.

Близость и локализация продовольственной системы были бы полезны. Современная продовольственная система по своей сути неустойчива.

Индикаторы социальных, экологических и экономических показателей, такие как продовольственная безопасность, выбросы парниковых газов, продовольственные мили, доход фермерских хозяйств и биоразнообразие, подчеркивают этот факт. Этот процесс можно обратить вспять, восстановив местные и региональные системы снабжения продовольствием и заменив «ближкое на дальнее» в системах производства и распределения. Это снизило бы как спрос на транспорт, так и связанную с ним нагрузку на окружающую среду. Принцип близости — это простая концепция в Eating Oil, где производственные процессы расположены как можно ближе к потребителю. Применительно к поставкам продуктов питания местные продовольственные системы в виде коробок с доставкой на дом, фермерские рынки и магазины, продающие местную

продукцию, заменят импортируемые и централизованно распределенные продукты питания.

Появляется все больше свидетельств экологических выгод от закупки продуктов питания из местных источников с точки зрения снижения воздействия транспорта на окружающую среду. Что касается органических продуктов, при обследовании розничных торговцев сравнивались местные и глобальные источники продукции, продаваемой в различных торговых точках в период с июня по август 2001 года.

Продовольственная система в настоящее время вносит значительный вклад в изменение климата. Снижение выбросов углекислого газа при производстве, переработке и распределении пищевых продуктов за счет сведения к минимуму расстояния между производителем и потребителем должно быть важной частью любой стратегии по смягчению последствий глобального потепления.

Приоритетом должно быть развитие местных и региональных продовольственных систем, предпочтительно на органической основе, в которых большая часть спроса удовлетворяется в пределах местности или региона. Этот подход в сочетании со справедливой торговлей обеспечит надежные поставки продовольствия, сведет к минимуму потребление ископаемого топлива и снизит уязвимость, связанную с зависимостью от экспорта (а также от импорта) продуктов питания. Локализация продовольственной системы потребует значительной диверсификации, исследований, инвестиций и поддержки, которых до сих пор не было [3].

#### **Список источников:**

1. Википедия, свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://en.wikipedia.org/wiki/Agricultural\\_cooperative](https://en.wikipedia.org/wiki/Agricultural_cooperative) – Дата доступа: 04.02.2021
2. Сеть PwC [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pwc.com/ng/en/publications/exploring-agriculture.html> – Дата доступа: 04.02.2021
3. Пост-углеродный институт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.resilience.org/stories/2005-04-01/why-our-food-so-dependent-oil/>– Дата доступа: 04.02.2021

*О.Г. Казак, доцент  
olegkazak90@tut.by  
БГЭУ (Минск, Беларусь)*

### **ПАРТИСИПАТОРНОЕ БЮДЖЕТИРОВАНИЕ (БЮДЖЕТ УЧАСТИЯ): ХАРАКТЕРИСТИКА, ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ**

Во многих странах Европы, Азии и Америки реализуется практика партисипаторного бюджетирования (далее – ПБ) или бюджета участия – распределения части бюджета города при помощи комиссии, состоящей из

горожан. Впервые данная практика была применена в конце 1980-х гг. в г. Порту-Алегри – столице штата Риу-Гранди-ду-Сул Бразилии. К 2020 г. бюджет участия реализуется в более чем 2 тыс. городах различных стран мира (Германия, Португалия, Чехия, Польша, Украина, Россия, Казахстан и др.). По мнению экспертов Всемирного банка, именно ПБ «помогает по-новому выстроить публичное обсуждение городских проблем и повысить уровень активности граждан. Другими словами, граждане получают возможность не только высказать свое мнение о бюджете города, но и решить, как распределить его часть, а также познакомиться с тонкостями и трудностями этой работы» [3, с. 6].

Классический пример ПБ был реализован в г. Порту-Алегри. По сути, городские власти работали в рамках концепции делиберативной демократии, когда вовлечению общественности в принятие политических решений предшествует интерактивный процесс обучения этой общественности. На заседаниях районных и тематических ассамблей местные власти разъясняли гражданам вопросы, связанные с формированием местного бюджета. Далее, уже без участия местных властей, вырабатывались приоритетные инвестиционные планы. После этого ассамблеи граждан выбирали своих представителей в советы по бюджету, которые осуществляли распределение средств и надзор за их освоением. В г. Белу-Оризонти (второй город Бразилии, в котором осуществлялась практика ПБ) активисты организовывали автобусный тур по городу для выявления приоритетных целей ПБ. В 1990-х гг. объем бюджета участия в двух бразильских городах составлял 60–80 млн. долларов США (ежегодно) [4, с. 196; 9, р. 165–168].

В последнее десятилетие подобная практика ПБ осуществляется в регионах России. В 2016 г. о своем участии в ПБ (в российской правовой и политологической традиции закрепился термин «инициативное бюджетирование») заявили 35 субъектов федерации. По данным Министерства финансов, в 2016 г. в России было реализовано 8 732 проекта ПБ на общую сумму 38 млн. долларов США. Вместо регламентации «сверху» в сотрудничестве со Всемирным банком был разработан комплекс мероприятий по развитию партисипаторных практик при помощи обучения региональных и муниципальных органов власти и активных граждан. Проекты ПБ осуществляются на средства бюджетов субъектов Российской Федерации при обязательном софинансировании муниципалитетов, населения и местного бизнеса [1, с. 84].

Согласно набирающей популярность «польской модели» ПБ предполагается, что поданные гражданами проекты рецензируют представители органов местной власти профильного направления. В разных государствах процесс ПБ может различаться. Приведем пример реализации проектов в рамках бюджета участия в Чехии. На первом этапе мэрия определяет сумму выделяемых средств, муниципалитет или район города устанавливает базовые процедуры вовлечения граждан в процесс определения бюджета. Второй этап представляет собой информационную кампанию. Третий этап – сбор предложений граждан. Жители соответствующих территорий готовят проектные предложения, в

которых они должны представить свои намерения, указать ожидаемые затраты. Четвертый этап подразумевает экспертную оценку предложений граждан. Экспертный контроль обеспечен уполномоченными органами, которые оценивают, соответствуют ли представленные предложения установленным правилам, требуют ли проекты доработки. На пятом этапе авторы проектов презентуют их на общественных встречах. Шестой этап – голосование, которое может проводиться в двух форматах – электронном и очном (по выбору муниципалитета). Каждый голос связан с идентификационными данными. Завершающий этап – включение проектов в городской бюджет. Даже если по результатам голосования проект признается победителем, могут быть ситуации, при которых муниципалитет не поддержит и не осуществит его. Мотивы такого решения должны быть объяснены гражданам [6, с. 18–19].

В Польше проверка проектов как один из важнейших этапов реализации ПБ может осуществляться по трем схемам: специальным комитетом при муниципальном совете, состоящим из его членов; смешанным комитетом с участием НКО; внутренними службами муниципалитета. Скептики отмечают следующие недостатки «польской модели» ПБ: концентрация на проектах, а не на развитии муниципалитетов; иллюзия полномочий граждан по принятию решений; недостаточная проработанность инструментов обсуждения и отбора проектов [7]. В г. Харькове (Украина) предусмотрены механизмы прямого контроля мэрии над распределением ПБ. Главой рабочей группы по вопросам общественного бюджета стал заместитель мэра, в составе группы также имелось подконтрольное мэру партийное большинство, а юридический департамент городского совета получил право ветоировать проекты. Интернет-платформа «Активный харьковчанин», которая является площадкой для голосования по проектам, также находится под контролем местной власти. Под прикрытием ПБ может быть использован административный ресурс для лоббирования интересов местных коммунальных предприятий, что, как следствие, демотивирует обычных жителей [5].

В большинстве стран мира при реализации проектов ПБ наблюдается диверсификация каналов коммуникации, куда входят онлайн-инструменты, позволяющие проводить обсуждение и выбор приоритетов дистанционно. На специальных порталах граждане выдвигают предложения по решению местных проблем, обсуждают предложенные идеи вместе с другими участниками, голосуют за понравившиеся идеи, контролируют последующую реализацию проектов [2, с. 19]. Практика онлайн-голосования по проектам, претендующим на финансирование в рамках ПБ, оценивается неоднозначно. С одной стороны, данный канал коммуникации облегчает обсуждение, делает информацию открытой, обеспечивает доступ ко всем предложениям, замечаниям и заявлениям. С другой стороны, при работе на онлайн-площадках существует риск манипуляций с рейтингами и влияния анонимных лоббистских групп. Возможно исключение людей, не имеющих доступа к сети Интернет. Поэтому в большинстве стран проявляется тенденция к мультиканальному формату участия граждан [8]. Показательна ситуация с голосованием по проектам

бюджета участия в г. Белу-Оризонти, где с 2006 г. у граждан появилась возможность участия через Интернет. Доля участвующих в ПБ возросла с 1,5 % до 10 %, однако снизилось качество обсуждений. На форумах сайта в обсуждениях в лучшем случае участвует лишь один из пяти голосующих. Таким образом, подавляющее большинство участников минует важнейший этап процесса ПБ. Эффект снижения качества обсуждений за счет перехода в онлайн-формат отмечен и в исследовании опыта Южной Кореи. Авторы провели анализ каналов вовлечения граждан, которые используются в округе Букгу г. Кванджу. Как показал сравнительный анализ, офлайн-каналы вовлечения оказались более эффективными благодаря более высокому уровню репрезентативности населения и качеству обсуждений. Выяснилось, что в тех случаях, когда граждане вовлекаются в процесс обсуждений, их мнения с большей степенью вероятности будут учтены в бюджете или в принятии ключевых решений [1, с. 20].

Таким образом, органы местной власти испытывают на себе воздействия глобализационных процессов. Открываются возможности для вовлечения граждан в процесс принятия решений на местном уровне, что демонстрирует набирающая популярность практика ПБ. Использование каналов интернет-участия для реализации проектов на местном уровне имеет неоспоримые преимущества (повышение охвата населения, более гибкие временные рамки для участия, снижение стоимости участия), однако сопряжено с определенными рисками (снижается качество обсуждений, имеются трудности с верификацией граждан для предотвращения манипулирования голосами, представители старшего поколения и граждане с низким доходом могут быть отстранены от процесса принятия решений на местном уровне). Внедрение практики ПБ связывают с развитием гражданского общества и самоуправления, диалога власти и граждан, транспарентности институтов. В то же время существует риск трансформации ПБ в организованную и масштабную форму клиентелизма, что подтверждает опыт ряда государств (Бразилия, Польша, Украина).

#### **Список источников:**

1. Гаврилова, Н. В. Практики партисипаторного бюджетирования в европейских странах / Н. В. Гаврилова // Управление: проблемы и перспективы. – 2018. – № 2. – 79–87.
2. Гаврилова, Н. В. Реализация проектов партисипаторного бюджетирования посредством Интернета / Н. В. Гаврилова // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2017. – № 1. – С. 19–26.
3. Дахин, А. В. Партисипаторное бюджетирование: к вопросу о принципах созыва комитетов граждан / А. В. Дахин, В. И. Лысов, А. А. Фоменков // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2019. – № 1. – С. 3–10.
4. Каллаур, А. А. Партиципаторное бюджетирование: история, виды и перспективы в Республике Беларусь / А. Каллаур // Региональные интеграционные процессы и Беларусь: философско-мировоззренческие

- основания, тенденции развития, опыт социально-политического моделирования. Белорусская политология: многообразие в единстве : материалы VIII междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 17–18 мая 2018 г. : в 2 ч. / Ин-т филос. Нац. акад. наук Беларуси, ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: А. А. Лазаревич (гл.ред.), В. Н. Ватыль (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2018. – Ч. 1. – С. 195–198.
5. Киселева, В. «Бюджет участия» в Харькове: шанс для громады или имитация самоуправления? [Электронный ресурс] В. Киселева, А. Авксентьев // Аналитический центр «Обсерватория демократии». – Режим доступа: <http://od.org.ua>. – Дата доступа: 06.11.2020.
6. Кобаса, М. В. Участие граждан в процессе принятия решений на местном уровне в Беларуси: состояние, опыт и перспективы / М. В. Кобаса. – Минск : Медисонт, 2020. – 96 с.
7. Процедуры партисипаторного бюджетирования как основополагающего элемента концепции сбалансированных инициатив местных сообществ [Электронный ресурс] / Н. Д. Бублик [и др.] // Интернет-журнал «Науковедение». – 2016. – Т. 8, № 4. – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/62EVN416.pdf>. – Дата доступа: 05.12.20.
8. Тимохина, Е. Механизмы участия граждан в бюджетных решениях в Германии [Электронный ресурс] / Е. Тимохин – Режим доступа: <https://is.gd/UYuoxp>. – Дата доступа: 06.11.2020.
9. Souza, C. Participatory budgeting in Brazilian cities: limits and possibilities in building democratic institutions / C. Souza // Environment and Urbanization. – 2001. – Vol. 13, № 1. – P. 159–184.

*Д.А. Логвінова, аспірантка  
darielf@ukr.net  
ЧНУ ім. Ю. Федьковича (Україна)*

## **ІМІГРАЦІЙНА ПОЛІТИКА КВЕБЕКУ ЯК ІНСТРУМЕНТ ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ «SOCIÉTÉ DISTINCTION»**

Канадська провінція Квебек має власний департамент імміграції вже більше 50 років, і майже стільки ж років квебекуа чують про спеціальні угоди між Квебеком та Канадою, згідно з якими Квебек «контролює» імміграцію до своєї території. Припускається, що цілком природно, що це «окреме суспільство», визнане парламентом Канади як нація, повинно мати змогу розробляти та реалізовувати політику, що стосується кількості та типів іммігрантів, яких воно отримує, і ця політика буде на користь як новоприбулим, так і жителям Квебеку. Тим паче що ця політика, з огляду на певні дані, видається досить ефективною. Так, рівень зайнятості іммігрантів постійно зростає з 2009 р., навіть перевершивши в 2019 р. Онтаріо; рівень безробіття серед іммігрантів у Квебеці значно знизився – з 12,7 % у 2009 р. до 6,3 % у 2019 р.; рівень освіти у іммігрантів вищий, ніж у не-іммігрантів; до Квебеку прибуває більше іммігрантів, які до свого приїзду опанували французьку мову; Квебек є одним із лідерів Канади

щодо утримання іммігрантів через 5 років після їх прибуття до країни [4]. Але чи це насправді так? Наскільки Квебек справді контролює свою імміграцію?

За даними Асоціації імміграційних адвокатів Квебеку, Квебек контролює лише економічний клас іммігрантів, на який припадає 60 % усіх іммігрантів, що приймаються до Квебеку щороку, решта - біженці та особи, прийняті за програмою возз'єднання сім'ї, – контролюються федеральним урядом [4]. Натомість рівень народжуваності в Квебеці знижується, а підтримка високих темпів постійної імміграції могла б зберегти конкурентну економічну вагу провінції в межах Канади. На законодавчому рівні планування постійної імміграції передбачає, що «Квебек зобов'язується проводити імміграційну політику, метою якої є отримання Квебеком такого відсотка від загальної кількості іммігрантів, прийнятих у Канаді, який є рівним відсотку населення Квебеку порівняно з населенням всієї Канади». Відповідно, для балансу «Канада мусить враховувати поради Квебеку щодо кількості іммігрантів, яку він бажає отримати». При цьому Квебек ніколи не досягав цього визначеного порогу, його допуск завжди був на 2–6 відсоткових пунктів нижчим, ніж частка його населення [4]. Якщо Квебек недоотримує кількість іммігрантів, що відповідає його частці населення Канади, частка його населення в Канаді зменшується. Кількість населення Квебеку визначає кількість місць у парламенті Квебеку, а отже, рівень впливу депутатів від Квебеку, що є вагомим фактором при підрахунку певних грантів та трансфертів з Оттави. Тобто, існує не тільки юридичний, але й політичний та фінансовий стимул для Квебеку підтримувати відносно високий рівень постійної імміграції. Постає досить закономірне питання: наскільки ефективною є провінційна імміграційна політика у випадку Квебеку, чи достатньо вона автономна та яким чином можна в сучасному антиімміграційному кліматі провінції Квебек реформувати цю політику з найменшою кількістю хибних кроків?

3 моменту приходу до влади в Квебеці уряду Coalition Avenir Québec (CAQ) у 2018 р. прем'єр-міністр Франсуа Лего оголосив про свої плани щодо скорочення імміграції та надання переваги більшій кількості іммігрантів з Франції та інших європейських країн [4]. Політику надання CAQ своїх вподобань європейським та французьким громадянам можна трактувати як таку, що є подібною до аналогічної антиімміграційної політики США Дональда Трампа та протилежну загальноканадській політиці, яку найкраще свого часу сформулював прем'єр-міністр Канади Джастін Трюдо: «Тим, хто рятується від переслідувань, терору і війни: канадці приймуть вас, незважаючи на вашу віру; у розмаїтті наша сила» [4]. Натомість у відповідь на звинувачення в расизмі Ф. Лего заявив, що його пріоритет - суто економічний, і що він хоче збільшити інвестиції французьких та європейських компаній до Квебеку, також наголосивши, що в Квебеці вже надто багато іммігрантів, які не говорять французькою мовою та водночас не відповідають кваліфікаційним вимогам Квебеку [4].

Тим самим уряд CAQ приєднується до зростаючого протекціоністсько-економічного дискурсу в США та Європі (наприклад, у Фінляндії), де іммігрантів та біженців, здається, не вітають в першу чергу для того, щоб робочі

місця залишалися для народжених в цих країнах громадян. Натомість загалом поточна імміграційна стратегія провінційного уряду розроблена з метою досягнення гнучкості та кращої підтримки іммігрантів у вивченні французької мови та інтеграції в суспільство Квебеку.

Імміграція є складною реальністю, і уряд Квебеку контролює порівняно небагато аспектів такої всебічної імміграційної політики. Канадський уряд має виключний контроль за тривалістю, категоріями постійної імміграції, умовами, що стосуються тимчасової імміграції, в'їзду, вислання та громадянства. За винятком «сітки відбору» для прийому кваліфікованих робітників та інтеграційних послуг для новачків, політика та процедури обох урядів часто не збігаються і можуть бути навіть суперечливими.

Знання загальноживаної мови є головною вимогою для швидкої та гармонійної інтеграції. У цій галузі конфліктує законодавство Канади загалом та Квебеку зокрема. Англійська та французька мови закріплені в Конституції Канади та підкріплені федеральним законом про офіційні мови, тоді як Хартія французької мови проголошує французьку єдиною офіційною мовою в Квебеці. Як зазначено в Канадсько-Квебекській угоді, в обмін на те, що Канада відмовляється пропонувати послуги соціально-економічної та лінгвістичної інтеграції в Квебеці та пропонує еквівалентну фінансову компенсацію, Квебек повинен запропонувати послуги, які, якщо розглядати їх у цілому, відповідають послугам, пропонованим Канадою решті країни. Більше того, в результаті їх численних контактів з канадським урядом, новоприбулі часто припускають, що в Квебеці – дві офіційні мови.

Квебек десятиліттями намагався визначити власний підхід (який врешті отримав назву «інтеркультуралізм») до соціальної згуртованості, що багато в чому суперечить мультикультурному підходу Канади. Мультикультуралізм був закріплений в Канадській хартії прав і свобод (ст. 27) [1], але ніколи не був прийнятий як відповідний загальному напрямку розвитку та формування громадянського суспільства Квебеку. Після оголошення у 1971 р. нової канадської політики мультикультуралізму, тодішній ліберальний прем'єр-міністр Квебеку Роберт Бурасса написав прем'єр-міністру П'єру Трюдо наступне: «Щодо принципу мультикультуралізму, Квебек не приймає підходу Вашого уряду. Справді, здається, буде важко узгодити це поняття з реальністю Квебеку, де переважаюча група населення - лінгвістично та культурно франкофони ... Якщо федеральний уряд переймає на себе загальні зобов'язання щодо представників всіх інших культур, скільки їх є в Канаді, Квебек повинен взяти на себе на своїй території роль головного захисника французької мови та культури» [2, с. 2].

Чи може Квебек за теперішніх умов залишатися й надалі вагомим франкофонним товариством? При дослідженні питання можна виходити з припущення, що імміграційна політика Квебеку повинна прагнути до досягнення цілі побудувати гармонійне, рівноправне, справедливе, безпечне та здорове суспільство, в якому французька як загальна мова сприяє спільному почуттю приналежності до спільноти, члени якої мають чітко визначені права та



обов'язки. Одразу виникає додаткове питання – чи зможе франкомовна провінція розмістити англомовних/іншомовних іммігрантів – з інших частин Канади, а також з усього світу – і при цьому зберегти свою виразну ідентичність?

Загалом, контролю Квебеку над політикою, пов'язаною з імміграцією, видається недостатньо, щоб забезпечити його позицію як виразного франкомовного суспільства. Це обмежується міжнародними угодами та договорами, які односторонньо укладаються канадським урядом в рамках встановленої ним імміграційної системи. На даний момент уряд Квебеку не в змозі повністю адекватно прийняти і, таким чином, інтегрувати всіх іноземних громадян, що прибувають на його територію, з тими повноваженнями та ресурсами, які є в його розпорядженні. Значна частина даних, необхідних для планування та реалізації комплексної імміграційної політики, збирається та контролюється урядом Канади. Нарешті, інформація, яку отримують новоприбулі про історичну, культурну, лінгвістичну та економічну специфіку Квебеку, розмивається їх взаємодією з двомовним канадським урядом та його ідеалом мультикультурного суспільства.

Отже, чи достатньо є простору квебекському урядові для вдосконалення та маневрів в сфері імміграційної політики? Чи ці обмеження є такими, що ставлять під питання те, чи зможе Квебек як провінція канадської федеральної системи сподіватися в довгостроковій перспективі на адекватну інтеграцію іммігрантів, щоб залишатися окремим франкофонним суспільством? Ці та інші питання в контексті анонсованої теми потребують подальшого вивчення та розгляду в динаміці для того, аби робити більш ґрунтовні висновки та більш-менш ймовірні прогнози.

#### **Список источников:**

1. Government of Canada, Acts and Regulations – Immigration, Refugees and Citizenship Canada [Electronic resource] – Mode of access: <https://www.canada.ca/en/immigration-refugees-citizenship.html> – Date of access: 20.11.2020.
2. Letter from Robert Bourassa to Pierre Elliott Trudeau (dated November 11, 1971) [Electronic resource]: «Multiculturalisme: de sérieuses réserves du Québec». – Le Devoir, Nov. 17, 1971, p. 2. – Mode of access: <https://www.collectionscanada.gc.ca/primeministers/h4-2233.2-e.html> – Date of access: 20.11.2020.
3. Plan d'immigration du Québec pour l'année 2019 [Electronic resource]: Ministère de l'Immigration, de la Diversité et de l'Inclusion du Québec. – Mode of access: <https://www.immigration-quebec.gouv.qc.ca/fr/informations/actualites/actualites-2019/index.html> – Date of access: 20.11.2020.
4. The Myth of Quebec's Control Over Immigration [Electronic resource]: by Anne Michèle Meggs – Inroads: The Canadian Journal of Opinion, Issue 46, 2020. – Mode of access: <https://inroadsjournal.ca/the-myth-of-quebecs-control-over-immigration/> – Date of access: 20.11.2020.

*А.С. Михайлов, ведущий научный сотрудник  
andrmikhailov@kantiana.ru*

*Д.Г. Ажинов, директор по стратегическому развитию  
dazhinov@gmail.com*

*БФУ им. И. Канта (Калининград, Россия)*

## **КЛАСТЕРНЫЙ ПРОЦЕСС В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ<sup>1</sup>**

Устойчивость кластеризации компаний во времени – основа конкурентоспособности экономики приграничного региона [2], а, следовательно, его инновационной безопасности [1, 3]. Данное исследование направлено на оценку динамики протекания кластерного процесса в приграничных субъектах европейской части России. Цель статьи – выявить виды деятельности с наибольшим потенциалом к кластерообразованию на основе показателя локализации хозяйствующих субъектов в приграничном регионе. Источником данных о распределении предприятий и организаций в регионах выступили материалы ежегодных сборников Росстат «Регионы России. Социально-экономические показатели». География исследования охватывала 15 субъектов РФ, расположенных в приграничье европейской части страны: Белгородская, Брянская, Воронежская, Калининградская, Курская, Ленинградская, Мурманская, Псковская, Ростовская, Смоленская области; Республики Крым и Карелия; Краснодарский край; города федерального значения Санкт-Петербург и Севастополь. Временной период – 2003-2019 гг., а для Республики Крым и Севастополя – 2017-2019 гг.

В качестве основных видов деятельности с высоким экспортным потенциалом выбраны: *сельское хозяйство и рыболовство* (в официальной статистике в 2003-2005 гг. учитывались «сельское хозяйство» и «лесное хозяйство»; в 2006-2017 гг. – «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» и «рыболовство, рыбоводство»; в 2018-2019 гг. – «сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство»); *обрабатывающая промышленность* (в 2003-2005 гг. учитывалась «промышленность»; в 2006-2019 гг. – «обрабатывающие производства»); *транспорт и связь* (в 2003-2005 гг. учитывались «транспорт», «связь» и «информационно-вычислительное обслуживание»; в 2006-2017 гг. – «транспорт и связь»; 2018-2019 – «транспортировка и хранение» и «деятельность в области информации и связи»); *туризм* (в 2003-2005 гг. учитывалась «культура и искусство»; в 2006-2017 гг. – «гостиницы и рестораны»; 2018-2019 гг. – «деятельность гостиниц и предприятий общественного питания» и «деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений»); *научно-техническая деятельность*

---

<sup>1</sup> Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, 19-010-01083 «Проблемы инновационной безопасности и механизмы кластерного экономического развития приграничных регионов Европейской части России».

(в 2003-2005 гг. учитывалась «наука и научное обслуживание»; в 2018-2019 гг. «деятельность профессиональная, научная и техническая»).

Для получения непрерывных и сопоставимых во времени рядов количества предприятий по туризму в разрезе регионов выборки был произведен ряд корректировок: в 2003-2005 гг. к данным по виду деятельности «культура и искусство» добавлены данные за 2006 г. по количеству гостиниц и ресторанов; в 2006-2017 гг. к данным по виду деятельности «гостиницы и рестораны» добавлено количество организаций в области культуры и искусства за 2005 г.

На первом этапе исследования рассчитан удельный вес предприятий и организаций экспортоориентированных видов деятельности в общем количестве хозяйствующих субъектов и сопоставлен со среднероссийским уровнем (рис. 1).

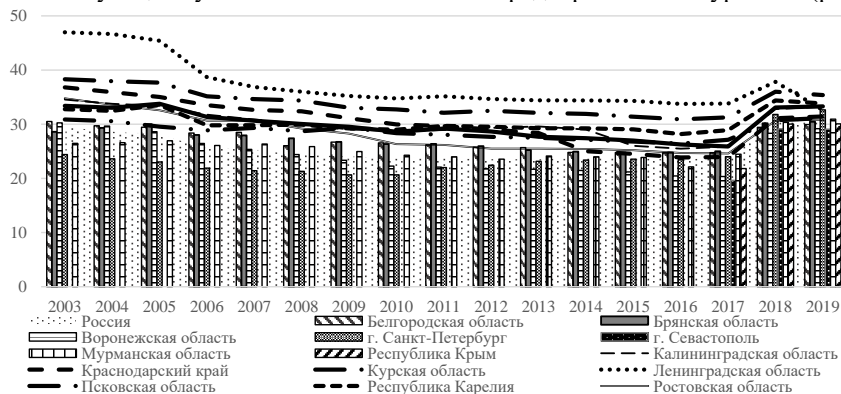


Рис. 1 – Динамика доли предприятий и организаций экспортоориентированных видов деятельности в общем количестве хозяйствующих субъектов, 2003-2019

Источник: рассчитано авторами на основе данных Регионы России [4].

Если в 2003 г. 10 приграничных субъектов европейской части РФ преодолели среднестрановой порог по доле компаний, то в 2019 г. – только шесть (Псковская, Смоленская, Калининградская, Ленинградская области, Республика Карелия, Санкт-Петербург). На втором этапе исследования рассчитаны коэффициенты локализации хозяйствующих субъектов в регионах по основным экспортоориентированным видам деятельности по формуле:

$$I_{ri} = \frac{x_i/x_{ij}}{X_i/X_{ij}}$$

где  $I_{ri}$  – коэффициент локализации компаний вида деятельности  $i$  в регионе  $г$ ;  $x_i$  – количество компаний вида деятельности  $i$  в регионе  $г$ ;  $X_i$  – количество компаний вида деятельности  $i$  в стране;  $x_{ij}$  – количество компаний экспорто ориентированных видов деятельности  $i$  в регионе  $г$ ;  $X_{ij}$  – количество компаний экспорто ориентированных видов деятельности  $i$  в стране.

Если  $I_{ri} > 1$ , то локализация компаний по данному виду деятельности в регионе выше, чем по стране, а, следовательно, существует потенциал для формирования отраслевых кластеров. В таблицах 1-4 представлена динамика отраслевых коэффициентов локализации в регионах выборки. По научно-

технической деятельности высокий коэффициент локализации только у Санкт-Петербурга.

Таблица 1 – Коэффициенты локализации компаний приграничных регионов европейской части РФ в сфере сельского хозяйства и рыболовства, 2003–2019 гг.

Регион	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Белгородская область	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2											1,1	1,1
Брянская область	1,3	1,3	1,3	1,5	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4	1,5	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4	1,5	1,5
Воронежская область	1,3	1,3	1,4	1,3	1,3	1,4	1,4	1,3	1,3	1,3	1,2	1,2	1,3	1,2	1,2	1,1	1,1
Калининградская область	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,2	1,2	1,3	1,3	1,4	1,5	1,5					
Краснодарский край	1,5	1,5	1,5	1,5	1,6	1,8	1,8	1,8	1,8	1,9	1,9	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2
Курская область	1,4	1,5	1,5	1,4	1,5	1,5	1,5	1,5	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4	1,3	1,3	1,5	1,5
Ленинградская область	1,7	1,7	1,7	1,8	1,8	1,9	2,0	2,1	2,3	2,4	2,5	2,7	2,8	2,9	3,1	3,7	1,8
Мурманская область														1,1		1,1	1,1
Псковская область	1,5	1,5	1,6	1,7	1,7	1,8	1,7	1,8	1,9	2,0	2,1	2,2	2,3	2,3	2,5	2,8	2,5
Республика Карелия				1,3	1,3	1,4	1,4	1,5	1,5	1,6	1,7	1,7	1,7	1,8	1,8	2,0	1,6
Республика Крым	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1,7	1,7	1,7
Ростовская область	1,5	1,5	1,6	1,5	1,6	1,6	1,6	1,3	1,3	1,3	1,2	1,3	1,3	1,2	1,2	1,3	1,3
Смоленская область	1,6	1,6	1,6	1,7	1,6	1,6	1,6	1,6	1,7	1,8	1,7	1,8	1,8	1,8	1,8	1,8	1,8

Примечание для табл. 1-4: указаны только значения коэффициентов локализации больше 1

Таблица 2 – Коэффициенты локализации компаний приграничных регионов европейской части РФ в сфере обрабатывающей промышленности, 2003–2019 гг.

Регион	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Белгородская область									1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,2	1,2
Брянская область	1,1						1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,2	1,2
Воронежская область				1,1	1,2	1,2	1,1	1,2	1,1	1,1	1,1	1,2	1,1	1,1	1,1		
г. Санкт-Петербург	1,3	1,3	1,3	1,3	1,3	1,3	1,2	1,2	1,1	1,1							
г. Севастополь	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1,1		
Калининградская область	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1						1,1	1,1	1,1	1,2	1,2
Ленинградская область																	1,2
Мурманская область	1,4	1,4	1,3	1,1	1,1												
Псковская область																	1,1
Республика Карелия	1,2	1,2	1,2														
Ростовская область																1,1	1,1

Таблица 3 – Коэффициенты локализации компаний приграничных регионов европейской части РФ в сфере транспорта и связи, 2003–2019 гг.

Регион	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Белгородская область			1,1	1,1		1,1										1,1	1,1
Брянская область		1,2															
Воронежская область															1,1		
г. Санкт-Петербург	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,1	1,1
Калининградская область	1,1	1,1	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,3	1,3	1,2	1,1	1,1
Мурманская область	1,6	1,6	1,5	1,5	1,4	1,4	1,3	1,3	1,3	1,2	1,2	1,2	1,2	1,3	1,2	1,1	1,1

Республика Карелия	1,5	1,5	1,4	1,5	1,5	1,5	1,4	1,4	1,4	1,3	1,3	1,3	1,3	1,2	1,1	1,1
Смоленская область	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1								1,1

Таблица 4 – Коэффициенты локализации компаний приграничных регионов европейской части РФ в сфере туризма, 2003–2019 гг.

Регион	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Белгородская область	1,4	1,4	1,6	1,6	1,5	1,5	1,5	1,4	1,3	1,3	1,3	1,3	1,3	1,2	1,2		
г. Санкт-Петербург	1,6	1,5	1,5	1,4	1,3	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,1	1,1	1,1		
г. Севастополь	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1,6	1,8	1,8
Краснодарский край	1,1	1,1	1,1	1,1	1,2	1,2	1,2	1,3	1,3	1,3	1,3	1,5	1,5	1,4	1,4	1,5	1,5
Курская область	1,8	1,8	1,9	1,9	1,8	1,9	1,9	1,9	1,9	1,9	1,9	1,9	1,8	1,9	1,9	1,5	1,5
Ленинградская область																	1,2
Мурманская область	1,2	1,2	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,2	1,3	1,3	1,3	1,4	1,5	1,4	1,4	1,4
Республика Карелия	1,1	1,1		1,1												1,1	1,2
Республика Крым	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1,7	2,0	1,9
Ростовская область										1,1	1,1	1,1	1,1	1,1			
Смоленская область																1,2	1,2

Таким образом, наиболее устойчивый кластерный потенциал среди регионов выборки в 2003-2019 гг. сохраняется в сельском хозяйстве и рыболовстве (особенно в Псковской и Ленинградской областях – табл. 1). Еще одна привлекательная сфера для кластеризации – туризм, где, в первую очередь, хорошие показатели у полуострова Крым и Курской области – табл. 4. Стабильные позиции занимает ряд регионов в сфере транспорта и связи, благодаря функционированию в них крупных портовых комплексов (г. Санкт-Петербург, Калининградская и Мурманская области, Республика Карелия) – табл. 3. Наименее устойчив потенциал приграничных регионов выборки к кластеризации в обрабатывающей промышленности, что, вероятно, связано с сильными конъюнктурными колебаниями в сфере внешнеэкономических и внешнеполитических связей.

#### Список источников:

1. Горочная, В.В., Михайлова, А.А., Михайлов, А.С. Инновационная безопасность приграничного региона: опыт сравнительной статистической и экспертной оценки в Ростовской области / В.В. Горочная, А.А. Михайлова, А.С. Михайлов // Национальная безопасность. – 2020. – № 5. – С. 24–44.
2. Михайлов, А.С., Горочная, В.В., Михайлова, А.А., Плотникова, А.П., Вольхин, Д.А. Кластеры приморских регионов европейской части России / А.С. Михайлов, В.В. Горочная, А.А. Михайлова, А.П. Плотникова, Д.А. Вольхин // Географический вестник. – 2020. – № 4 (55). – С. 80–95.
3. Михайлова, А.А. Инновационная безопасность региона: научная конструкция или политическая необходимость? / А.А. Михайлова // Инновации. – 2018. – № 231 (1). – С. 79–86.

4. Регионы России. Социально-экономические показатели // Росстат. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>. – Дата доступа: 20.11.2020.

*А.В. Николаенко, доцент  
nikolaenko-av@ranepa.ru  
Северо-Западный институт  
управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Россия)*

## **НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЕАЭС НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Политические и экономические процессы, происходящие в региональном сообществе, в том числе ЕАЭС, определяют перспективы развития анализа. Наглядно видна роль аналитических процедур на всем протяжении управленческого цикла. Цифровая экономика, развитие аналитических инструментов – вот ключевые направления развития анализа. Современные инструменты, информационные возможности не вызывают сомнений для цифровых трансформаций региональных структур. Но, дискуссионными и актуальными по-прежнему остаются вопросы: какие инструменты и технологии анализа применять, чтобы принятые на их основе политические и экономические государственные решения эффективно заработали.

Понимание предпосылок развития интеграционных процессов и основных мотивов углубления международного сотрудничества является важным фактором для выбора наиболее оптимальной формы участия в процессах региональной экономической интеграции, который не только определяет дальнейший вектор развития международных экономических отношений страны, но и влияет на процесс воспроизводства общественного продукта и экономический рост. Важнейшим уровнем экономической интеграции является политический союз, в рамках которого координируется не только хозяйственная деятельность государств-членов, но и политические вопросы. С учетом действующих ограничений с связи с пандемией, особую актуальность обретают вопросы, связанные с цифровизацией государственных услуг.

Члены такого объединения передают часть своего суверенитета в сфере компетенции наднациональных институтов власти. Эта форма имеет все шансы успешно осуществиться на практике в наиболее влиятельной интеграционной группировке ЕС и регион и может рассматриваться как целостная экономическая система.

Среди всех моделей и форм региональной интеграции подавляющее большинство касается экономического регионального сотрудничества, к тому же выбор различных форм реализации выбранной модели позволяет постепенно переходить от одной формы сотрудничества к другой в зависимости от изменения целей стран-членов группировки. Ярким примером этого процесса является европейская интеграция, которая начиналась с модели торгово-

экономического сотрудничества и постепенно, с изменением приоритетов стран-участниц соглашения, переросла в модель политико-экономической интеграции, реализованную в форме экономического и валютного союза. С 1 января 2018 года в юридическую силу вступил новый единый Таможенный кодекс Евразийского Союза.

ЕАЭС – это молодое объединение, которое в 2025 году отпразднует свой юбилей – 10 лет. Страны -члены объединения планируют амбициозные задачи, потому что Евразийский Экономический Союз следует позиционировать как по-своему уникальный интеграционный формат, способный функционировать довольно эффективно.

Говоря о перспективах развития ЕАЭС, особенно важно подчеркнуть, что фундаментальной целью создания ЕАЭС страны-члены видят создание необходимых базовых условий, чтобы развивать свои экономические показатели и повышать их способность конкурировать как в мировой и региональной системе.

С целью либерализации экономики и доступа продукции на мировые рынки, необходимо улучшить предпринимательский климат, чтобы привлечь инвестиционные потоки, насколько это возможно. В целях интеграции осуществляется формирование четырех свобод.

Если проводить анализ относительно ожиданий государств –участниц на базе единого документа на уровне ЕАЭС, в котором указаны векторы развития до 2030 года, то невооруженным взглядом легко увидеть то, что все государства–члены имеют общую точку зрения развития Евразийского Союза в обозначенный временной период, несмотря на внутренние противоречия.

Однако, можно сказать, что нельзя упускать из виду тот факт, что ожидания стран-членов от ЕАЭС учреждаются в тесной связи с национальными задачами и задачами внутреннего развития экономики, что опять-таки станет причиной определенного рода трудностей. Учитывая эскалацию напряженности в отношении России и Западных стран, в обозримом будущем все-таки подобного рода соглашения если и будут заключаться с другими странами, то это в преимущественной степени станут азиатские страны, в первую очередь, члены ШОС. Потому что как бы не складывались обстоятельства, безусловно, Российская Федерация остается «локомотивом» ЕАЭС, своеобразно тому, как сейчас ФРГ занимает первые позиции в ЕС, после выходы Великобритании как де-факто, так и уже де-юре. Хотя, возможно, экономический интерес окажется на чаше весов, которая сможет перевесить чашу идеолого-политических соображений ведения внешней политики.

Существующие проблемы интеграции связаны с переходным периодом, как в политическом, так и в чисто экономическом плане. В политическом плане бывшим республикам СССР, ныне определяющим вектор своего развития, важно понять, в какую сторону с какими партнерами им выгоднее всего развиваться. Годы, когда на первый план в таких государствах выходили националистические идеи и цели, и такие государства рвали многолетние связи

с соседями, проходят. Но политика пока превалирует и во многом мешает полноценным экономическим отношениям.

Безусловно, в этой связи можно сказать, российский фактор очерчивает пределы в экономическом сотрудничестве государств ЕАЭС с ЕС. Особенно явно это представляется с точки зрения того, что де-факто лидер ЕАЭС – Российская Федерация, и через призму Экономического Союза, а также и Таможенного Союза фундаментально строятся экономические связи Москвы и партнеров, которые не без оснований находятся на первостепенных позициях. Помимо этого, эксперты акцентируют внимание на том, что одновременно с расширением международных контактов нужно как можно скорее устранять всякие барьеры на внутреннем рыночном пространстве ЕАЭС, поскольку они мешают как государствам-членам союза, так и иностранному бизнесу, который желает наладить сотрудничество и естественно вкладывать свои денежные средства.

Дальнейшая судьба ЕАЭС и роль принятия политических решений как совместного проекта сводится к двум сценариям. Во-первых, ЕАЭС может стать релевантным наднациональным органом и инструментом для реализации целей государств-участников объединения. Во-вторых, для реализации поставленных целей могут быть найдены другие форматы, а ЕАЭС может превратиться в спящий периферийный проект, не обеспечивающий многостороннее взаимодействие. Находятся в достаточно активной стадии, особенно это касается многостороннего сотрудничества в формате ЕАЭС и ОДКБ, особенно учитывая, что сейчас международная обстановка переживает турбулентную стадию и без того шаткая стабильность может быть и вовсе нарушена. Государства принимают активное участие во всех направлениях евразийской интеграции, и этот факт демонстрирует, что политические решения призваны отстаивать передовые позиции по различным аспектам взаимодействия с государствами - членами.

Ведь, планомерная работа в направлении углубления и расширения евразийских процессов интеграции является одним из важнейших внешнеполитических векторов государств-членов интеграционного объединения. Однако, для достижения подобных планов, которые вполне способны еще в большей степени повысить экономико-политическую мощь государств, а вместе с ними и международное авторитет и влияние.

#### **Список источников:**

1. Винокуров, Е. Ю. Евразийский экономический союз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://vinokurov.info/wp-content/uploads/2019/12/edb\\_centre\\_2017\\_monograph\\_eaeu\\_rus\\_5\\_mb.pdf](https://vinokurov.info/wp-content/uploads/2019/12/edb_centre_2017_monograph_eaeu_rus_5_mb.pdf).
2. Винокуров, Е. Ю. Евразийская континентальная интеграция / Е.Ю. Винокуров, А. М. Либман. – Санкт-Петербург, 2012. – 224 с.
3. Глазьев, С.Ю. О стратегических направлениях развития ЕАЭС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://glazev.ru/articles/6-jekonomika/76650-o-strategicheskikh-napravlenijakh-razvitija-eajes>



4. Глазьев, С. Ю. Политические и экономические аспекты региональной интеграции / С. Ю. Глазьев // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2014. – № 1. – С. 9-20.
5. Денисова, А. Ю. Особенности правового регулирования таможенных сборов в таможенном союзе ЕврАзЭС / А. Ю. Денисова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 4. – С. 48-52.
6. Евразийский экономический союз пока не готов к единой валюте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/586121>
7. Юрин А. Евразийская интеграция: туманные результаты и неопределенное будущее [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ism.kz/evrazijskaya-integraciya-tumannye-rezul-taty-i-neopredelennoe-budushee-chast-2>

*Чжун Хайбо, аспирант  
zhonghaiboo@gmail.com  
БГЭУ (Минск, Беларусь)*

## **ИЗМЕНЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В ПОСТПАНДЕМИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

На фоне беспрецедентного за столетие периода, когда в мире бушует пандемия COVID-19, когда международная ситуация постоянно меняется, в это непростое время между странами должно быть налажено более глубокое сотрудничество. Оно может заключаться в культурном обмене, а также в экономическом сотрудничестве. Приоритетом во внешнеэкономическом сотрудничестве для Китая являются прямые инвестиции в иностранные государства.

В новую эпоху инициативы «Один пояс, один путь» прямые иностранные инвестиции Китая быстро развиваются, но при этом демонстрируют некоторые новые характеристики:

1. В 2014 г. объем прямых внешних инвестиций Китая был всего на 3,56 млрд долларов США меньше, чем объем иностранных инвестиций Китая за тот же период. Согласно текущей статистике, мы наблюдаем первый случай, когда двусторонние инвестиции Китая приблизились к равновесию. В 2018 г. двусторонние инвестиции Китая вступили в новый этап сбалансированного развития.

2. Прямые иностранные инвестиции Китая имеют огромный потенциал развития. По данным ЮНКТАД, по состоянию на конец 2018 г. объем прямых иностранных инвестиций Китая составлял 1938,87 млрд долларов США, что составляет менее 6,3 % мирового показателя прямых иностранных инвестиций. По сравнению с развитыми странами, по-прежнему существует большой разрыв между прямыми иностранными инвестициями Китая и второй по величине экономикой Китая. Есть огромные возможности для роста.

К концу 2019 г. Китай инвестировал в общей сложности 35 млрд долларов США в зоны сотрудничества, построенные в странах, расположенных вдоль

«Пояса и пути», и заплатил более 3 млрд долларов США в виде налогов и сборов принимающей стране, создав 330 000 местных рабочих мест.

Осенью пришла вторая волна пандемии COVID-19, и правительства разных стран ужесточили меры иммиграционного контроля. Это может объективно привести к тому, что сотрудники проектов, оборудование и материалы не смогут беспрепятственно проходить таможенную, что повлияет на совместные зарубежные проекты, участие в торгах и переговорах, а также вызовет задержки с началом строительства или невозможность продолжения строительства, просроченное строительство, увеличение затрат или снижение доходов, а также нарушение международных торговых, проектных и инвестиционных контрактов, подписанных с иностранными сторонами.

По причине набирающей обороты пандемии страны ужесточают отношения к иностранным инвестициям. С марта этого года Европейский Союз, Япония, Канада, Индия и другие страны и регионы коллективно издали или инициировали разработку новой политики надзора за иностранными инвестициями. Это создает новые проблемы для прямых инвестиций Китая в другие страны.

После трений в китайско-американских отношениях в 2017 г. и распространения в мире COVID-19 продажа американского оружия Тайваню также увеличила неопределенность в отношении будущего сотрудничества между Китаем и США. В связи с недавними институциональными изменениями (FIRRMA) Комиссия по иностранным инвестициям США будет осуществлять более тщательный надзор. Все это привело к ограничению инвестиций китайских компаний в США в краткосрочной перспективе.

Согласно данным, опубликованным несколько дней назад Министерством торговли Китая, в первой половине этого года иностранные инвестиции Китая имели тенденцию к стабилизации. В первом полугодии китайские внутренние инвесторы сделали нефинансовые прямые инвестиции в 159 странах и регионах мира, общий объем инвестиций составил 362,14 млрд юаней, что на 0,7 % меньше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Прямые иностранные инвестиции в масштабах отрасли в Китае составили 54,9 млрд долларов США, что на 4,4 % меньше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, а прямые нефинансовые иностранные инвестиции составили 51,5 млрд долларов США, что на 4,3 % меньше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года; за первые три квартала этого года прямые нефинансовые инвестиции китайских предприятий в страны, расположенные вдоль «Пояса и пути», составили 13,02 млрд долларов США, что на 29,7 % больше, чем годом ранее.

Во время пандемии Китай увеличил свои инвестиции в регион «Один пояс, один путь», что в полной мере продемонстрировало сильную экономическую взаимодополняемость между Китаем и странами, находящимися на маршруте «Один пояс, один путь», а также сильную инвестиционную привлекательность для китайских компаний. Китайские компании и компании из стран региона «Один пояс, один путь» совместно преодолели воздействие неблагоприятных

факторов, таких как пандемия, продемонстрировали всесторонний эффект семилетнего совместного строительства «Один пояс, один путь».

Беларусь расположена в центре евразийской зоны и имеет отличное географическое положение. Она чрезвычайно привлекательна для китайских инвесторов. Человеческие ресурсы Беларуси чрезвычайно конкурентоспособны по сравнению с соседними странами. Беларусь может стать европейским офисом китайских компаний. 4 ноября этого года открылась третья китайская выставка «Shanghai Import Expo». Председатель КНР Си Цзиньпин выступил с видеобращением, в котором заявил, что группа населения Китая со средним доходом превышает 400 миллионов человек, и это самый потенциальный большой рынок в мире. По оценкам, совокупный объем импорта товаров в следующие 10 лет, как ожидается, превысит 22 трлн долларов США, и обширный рынок внутреннего спроса Китая будет и дальше стимулировать устойчивый поток инновационного потенциала.

В настоящее время китайские инвестиции в Беларусь в основном сосредоточены на уровне национального правительства, инвестиций в крупномасштабные инфраструктурные проекты и инвестиций от китайских государственных центральных предприятий, таких как индустриальный парк «Камени» и автомобильный завод «Geely». Крупномасштабные инвестиционные проекты занимают много времени (до десяти лет). Например, первоначальное намерение китайского индустриального парка «Великий камень» состояло в том, чтобы повторить успешный опыт китайско-сингапурского индустриального парка «Сучжоу», но последний начал приносить прибыль только на десятый год. Инвестиции в высокотехнологичные индустриальные парки сопряжены с высоким риском и низкой окупаемостью. Проекты в большей степени ориентированы на повышение уровня жизни общества и людей и увеличение числа рабочих мест на местном уровне.

Основная сила китайских иностранных инвестиций – китайские частные малые и средние предприятия (МСП). Китайские частные МСП вкладывают меньше средств в Беларусь. Они обеспечивают более 70 % ВВП Китая, а их налоговые поступления превышают 60 % и обеспечивают 80 % рабочих мест. Частные МСП Китая имеют более гибкие способы инвестирования за рубежом. Вспышка пандемии не только не может помешать процессу иностранных инвестиций Китая, но и ускоряет их, особенно в евразийском регионе «Пояса и пути». Китай расширил свою открытость для внешнего мира, а китайские компании увеличили свою готовность инвестировать за рубежом.

Потенциал большой. Китайские частные предприятия станут основной силой иностранных инвестиций Китая.

С нетерпением ждем инвестиций Китая в Беларусь в постпандемический период в следующие отрасли:

1. Сельское хозяйство.

Китайские инвесторы увеличат инвестиции в белорусское сельское хозяйство, а белорусская сельскохозяйственная продукция очень конкурентоспособна на китайском рынке. Китай – страна с большой

численностью населения и большим потреблением сельскохозяйственной продукции. В Китае крайне не хватает качественной зеленой сельскохозяйственной продукции. Если белорусская сельхозпродукция соответствует привычкам китайских потребителей и китайской модели маркетинга, то о продажах можно не беспокоиться. Белорусские говядина и молоко уже появились на столе китайских потребителей, а в Беларуси много сельхозпродукции, которая должна способствовать развитию китайского рынка.

## 2. Интернет-индустрия. Культура.

Если взять в качестве примера китайскую индустрию мобильных игр, фактическая выручка от продаж на китайском игровом рынке в 2019 г. составила 230,88 млрд юаней без учета зарубежных доходов китайских компаний, производящих мобильные игры в Интернете. Китайская игровая индустрия нуждается в широкомасштабном зарубежном сотрудничестве, и за рубежом создаются центры разработки игр. Многие китайские игровые компании инвестируют за рубеж. Беларусь имеет большое конкурентное преимущество в игровой индустрии и располагает достаточными качественными человеческими ресурсами, такими как таланты в области IT, искусства и музыки. В настоящее время в Беларуси практически нет инвестиций из Китая в эту сферу.

## 3. Транспортная промышленность.

Беларусь является ключевым узлом в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и одной из первых стран, откликнувшихся на данную инициативу. Последние данные показывают, что в этом году по маршруту Китай – Европа проследовали более грузовых 10 000 поездов, а по состоянию на 5 ноября их количество составило 10 180, что является новым рекордом. Перевезено 927 000 контейнеров TEU, что на 54 % больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, а общий объем перевозок тяжелых контейнеров в обе стороны достиг 98,3 %. Контейнеры достигли 21 страны и 92 городов Европы.

Из-за различий в железнодорожных путях на всех поездах «China – Europe Express», следующих в Европу из Китая, необходимо переустанавливать колеса в Бресте. Беларусь может использовать это преимущество для привлечения инвестиций китайских компаний и стать логистическим центром «China – Europe Express».

В Инициативе «Один пояс, один путь» иностранные инвестиции Китая являются очень важным звеном. Пандемия лишь на короткое время препятствует развитию инициативы «Один пояс, один путь». Китайские инвесторы продолжают увеличивать свои инвестиции в Беларусь.

## **МАТЕРИАЛЫ МОЛОДЕЖНОЙ СЕКЦИИ «ШАГ В НАУКУ...»**

*Ф.Ш. Агаев, студент  
famil.agaev.2015@mail.ru  
БрГУ им. А.С. Пушкина (Брест, Беларусь)*

## **РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЛИДЕРА В УСЛОВИЯХ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО КОНФЛИКТА (НА ПРИМЕРЕ ГЕЙДАРА И ИЛЬХАМА АЛИЕВЫХ)**

В условиях распада СССР и начала обострения ситуации вокруг принадлежности Нагорного Карабаха новая элита созданной Республики Азербайджан с целью защиты национальных границ от агрессии отдельных государств начала реализовывать комплекс мер, направленных на создание крепкой вертикали власти.

Одной из идеологием создаваемой руководством Азербайджана политической системы стало стремление к созданию четко структурированной политической системы, нацеленной на реванш после поражения в войне 1988–1994 годов. В 1993 году президентом Азербайджанской республики был избран Гейдар Алиев, а в 2003 году его на посту президента сменил Ильхам Алиев. В сложившихся условиях на лидера азербайджанского государства были возложены следующие основные функции:

1. Функция политического администрирования, под которой понимается институциональное осуществление власти. Особенностью президентского правления Г. Алиева и И. Алиева является использование силового и правового инструментов реализации власти, жесткая иерархичность и беспощадность подчинения, выраженная в таких формах общения лидер-последователи как приказ, декрет, требование (устное или печатное), угрозы. Базисом для осуществления данной функции является признание обществом права лидера на управление, и потому он как представитель государства, один из немногих, кто имеет монополию на насилие [1].

2. Функция интеграции и координации предполагает выработку единых целей и концепций действий политического лидера и его группы поддержки, с целью определения основного вектора развития государства и придания авторитетности и легитимности властного решения лидера. Ключевым качеством и необходимостью при осуществлении данной задачи является желание и умение находить компромиссы, способность идти на уступки и согласование различных групп интересов. Основной целью, провозглашенной президентом Гейдаром, стала месть Армении и доказательство превосходства своих вооруженных сил над противником. Примечательны слова Г. Алиева о важности возвращения и объединения исконно азербайджанских земель: «Посол Италии спросил меня, как вы смотрите на объединение Южного и Северного Азербайджана? Я ответил, что это единый народ, который по определенным причинам был разделен. Этот народ не может существовать друг без друга. Безусловно, наступит время, когда народ объединится» [2]. Таким образом, после смерти Гейдара Алиева, приход на его место Ильхама Алиева, как

продолжателя дела своего отца, выглядел довольно логично в глазах азербайджанской элиты и народа страны. Став президентом в 2003 году, Ильхам Алиев стал подлинным лидером Азербайджана, одной из своих основных целей он видел в структурной реорганизации вооруженных сил, оснащение их самыми современными видами вооружений, а также создание пояса нейтрально или дружественно относящихся к Азербайджану, он отметил: «Если мы хотим, чтобы наш народ жил счастливо и спокойно, эта политика обязательно должна быть продолжена» [3].

3. Функция распределения ресурсов, под которой подразумевается организация предметного осуществления власти. Дискурс идёт о распоряжении лидером экономическими, политическими, силовыми, финансовыми ресурсами, с целью реализации конкретных политико-управленческих решений. Период президентства Гейдара и Ильхама Алиевых характеризуется постепенным расширением числа их сторонников за счёт внутренних политических и экономических элит, внешнеполитических акторов.

4. Символическая функция, в рамках которой азербайджанские лидеры ассоциируются с конкретными действиями или достижениями, с целью создания благоприятного образа для широких масс и группы поддержки. Наибольшим успехом в данной области является создание наиболее узнаваемого «бренда» политического лидера.

Авторитарный стиль руководства азербайджанских лидеров в целом привычен для значительной части азербайджанского общества, которое в силу своего исламского характера патриархально, что нашло своё отражение в Конституции Республики Азербайджан 1995 года. Согласно Основному Закону, лидером государства становился президент, обладающий широкими полномочиями прежде всего в военной сфере, в дела которой, парламент не имеет права вмешиваться. Армия является инструментом исполнительной ветви власти и подчиняется исключительно президенту и назначенным им генералам. Первый президент Азербайджана Г. Алиев заложил основной вектор развития страны, заключавшийся в ориентации на главную геополитическую силу планеты, которой в 1990-е и начале 2000-х годов были США. Масштабные экономические реформы позволили Азербайджану в экономическом плане стать в разы сильнее Армении.

В свою очередь, также, был необходим серьёзный союзник в исламском мире, с помощью которого можно было получить новейшие разработки и идеологическую поддержку в деле возвращения утраченных территорий, вопрос о которых был поставлен на уровень государственной идеологии. На Ближнем Востоке была лишь одна сила, которая подходила по всем параметрам – Турецкая Республика, обладающая доступом к новейшим разработкам НАТО в области перспективного вооружения с одной стороны, имеющая схожие с Азербайджаном интересы в Закавказье с другой. Кроме того, было необходимо наладить сотрудничество с государством, войска которого имели наиболее передовой военный опыт, в силу постоянного локального противостояния с соседями. Таким партнёром стал Израиль, выступивший перевалочной базой для

закупаемого вооружения и источником идей для реализации программы перестройки армии.

Взаимоотношения между Азербайджаном и Исламской Республикой Иран были также достаточно напряженными, из-за нахождения в составе Ирана Восточного Азербайджана с населением вдвое превышающее собственно население Азербайджана. Однако данный факт был использован с пользой для азербайджанского руководства, так как из-за угрозы волнений на национальных окраинах Иран не будет активно проводить политику, направленную против интересов Азербайджана [4, с. 18].

Основной проблемой оставался блок ОДКБ и крепкие союзные отношения между Сержом Саргсяном и Владимиром Путиным. Несмотря на наличие ряда провокаций с одной и с другой стороны за более чем 15 лет в горячую фазу данный конфликт не переходил вплоть до 2020 года. Ряд политологов называют датой отсчёта перехода конфликта из замороженного состояния в фазу эскалации начало революционных событий в Армении в 2018 году, в ходе которого был свергнут президент Армении. Новое правительство, начало реализовывать политику, нацеленную на первоочередное сотрудничество с Францией и США, в которых значительное политическое влияние имеют армянские диаспоры. Таким образом армянское руководство планировало постепенный отход от ориентированной на Россию политики в сторону многовекторного развития. Одновременно с этим новое армянское правительство начало коренные преобразования в армии, с целью ликвидации возможной «пятой колонны», что губительным образом сказалось на боеспособности армянской в первую очередь подразделений, расположенных на территории непризнанной Нагорно-Карабахской Республики. Благодаря разведке руководство Азербайджана знало о плачевном состоянии противостоящей стороны и готовилось к активным действиям. В тоже время армянскому руководству эскалация была также выгодна. Подобный подход преследовал цель показать состоятельность нового правительства, по сравнению с предыдущим. 12 июля 2020 года начались «Бои в Товузе», в рамках которых обе стороны прощупывали позиции друг друга. Получив оперативные сведения руководство Азербайджана посчитало позиции противника недостаточно крепкими, что привело к началу Второй Карабахской войны, продолжавшейся с сентября по ноябрь 2020 года, в рамках которой были использованы плоды предшествующих действий на международной арене, а также расчёты правительства Армении [5].

Таким образом, роль лидера, как распределителя ресурсов и социальных ролей внутри государства и создателя общей стратегии международного и национального поведения в условиях межнационального конфликта значительно возрастает, так как общество стремится к максимальной консолидации вокруг центра силы в условиях военного противостояния.

#### **Список источников:**

1. Андриянов, В. Ильхам Алиев / В. Андриянов, Г. Мираламов. – М. : Молодая гвардия, 2007. – 65 с.



2. Алиев, Г. А. Сказал то, чего армяне не могут простить [Электронный ресурс] / Г. А. Алиев. – Режим доступа: [https://vesti.az/politika/xeber\\_gejdar\\_aliev\\_\\_\\_kogda\\_ya\\_byl\\_pervym\\_sekretarem\\_ar\\_meniya\\_color\\_red\\_ne\\_smogla\\_zakhvatit\\_color\\_ni\\_pyadi\\_nashej\\_zemli\\_\\_\\_362242?\\_\\_cf\\_chl\\_jschl\\_tk\\_\\_=e4a7dd15d9dda0dd6519cf9b50136ae459699c9c-1611899886-0](https://vesti.az/politika/xeber_gejdar_aliev___kogda_ya_byl_pervym_sekretarem_ar_meniya_color_red_ne_smogla_zakhvatit_color_ni_pyadi_nashej_zemli___362242?__cf_chl_jschl_tk__=e4a7dd15d9dda0dd6519cf9b50136ae459699c9c-1611899886-0). – Дата доступа: 14.12.2020.
3. Алиев, И. Г. Президент Азербайджана продолжит политический курс своего отца [Электронный ресурс] / И. Г. Алиев // Кавказский узел. – Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/52187/>. – Дата доступа: 16.12.2020.
4. Гасанов, А. М. Геополитика / А. М. Гасанов. – Баку : Zardabi LTD, 2019. – 688 с.
5. В Товузе опять бои: Минобороны сообщило об обострении ситуации на границе [Электронный ресурс] // Спутник. Азербайджан. – Режим доступа: <https://az.sputniknews.ru/azerbaijan/20200714/424431487/azerbaijan-armenia-boi-granica.html>. – Дата доступа: 17.12.2020.

*А.А. Алексеева, магистрант  
agent2-6@yandex.ru  
РАНХиГС (Москва, Россия)*

## **ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ РОССИИ: ДИАЛОГ ИЛИ МОНОЛОГ?**

С начала XXI века исследователи, изучающие российскую политическую систему, наблюдают тенденции инерционности и пассивности в процессе взаимодействия гражданского общества и государственной власти. Последняя стремится решать волнующие население проблемы с помощью регулирования, административного вмешательства, навязывания форм контроля и консервирования сложившейся политической культуры, что неизбежно приводит к уменьшению уровня общественно-политической активности граждан.

Профессор С.В. Чугров, анализируя перспективы становления российского гражданского общества, констатирует: «В стране отсутствуют социальные площадки, где люди были бы способны свободно создавать общественные структуры. Каждый факт самоорганизации населения – результат конфронтации и преодоления сопротивления властей, не заинтересованных в наличии такого социального партнера» [7].

Еще в XIX веке французский философ, один из создателей науки социологии, дал этому общественному явлению название «механическая солидарность». Для государства, в котором оно преобладает, характерны деспотическое управление, неразвитость личности и коллективного сознания, господство обычаев над формальным правом [3].

Так, отсутствие устойчивых исторических демократических традиций ставит Россию в один ряд с Индией, Японией и Китаем, в которых государство

существенно влияет на формирование и развитие гражданского общества [5] и контролирует его сверх меры.

Индустриальному обществу, в свою очередь, свойственен переход на качественно новый этап развития, где господствует сознательно-добровольная или «органическая солидарность», черты которой коррелируются с признаками демократического государства.

Как отмечает профессор А.П. Кочетков, «главное предназначение современного гражданского общества – быть противовесом безраздельному господству государственной бюрократии и правящих элит, способствовать сохранению необходимого равновесия в социуме в триаде государство – гражданское общество – элиты, что обеспечивает нормальное развитие демократического процесса» [6].

Согласно Конституции РФ, Россия представляет собой демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления [4]. Однако стремление к демократии без развития гражданского общества, стимулирования его политической активности и регулярного обновления политических элит едва ли делает возможным достижение этой цели. Фактически подобная ситуация сводит на нет эффективность принятия решений в органах федеральной и региональной власти, связанных, к примеру, с реализацией национальных проектов, борьбой с коррупцией, поддержкой конкуренции, модернизацией систем образования, здравоохранения и т.д.

Политические партии России «законсервированы», с трудом поддаются обновлению, не слышат гражданское общество и, следовательно, не удовлетворяют интересы большинства россиян. Попасть в состав правящего класса профессионалы не могут в виду отсутствия механизмов широкого вовлечения институтов гражданского общества в процесс ротации органов власти. В результате институты гражданского общества впали в прямую зависимость от правящего класса, отмечает кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления РАНХиГС А.К. Сквоиков. По его словам, российский правящий класс сохраняет господствующее положение благодаря социальной апатии, которая усиливается нестабильным состоянием мировой экономики и регулярными с 2014 года санкциями в отношении России со стороны Европейского Союза и США [10].

Проблему усугубляют и низкое представительство среднего класса в социальной структуре российского общества, несовершенство нормативно-правовой базы, обеспечивающей работу институтов гражданского общества. А.К. Сквоиков считает, это отчасти связано с бесконечными внесениями поправок в федеральные законы и ростом разногласий в целесообразности норм, например, в отношении НКО [10].

В России бизнес недостаточно финансирует отечественные НКО, утверждает А.П. Кочетков [5]. Более того, в 2020 году пандемия COVID-19 способствует сокращению затрат по всем направлениям господдержки, поскольку значительная ее часть брошена на обеспечение социальных гарантий населению и поддержание работы системы здравоохранения.

Общеизвестно, что чиновники не желают делиться властью, признавать общественные организации полноправными партнерами государства, а плохое информирование населения о социально значимой деятельности НКО формирует у них недоверие к ним, полагает исследователь, отмечает А.П. Кочетков. Большая социальная активность населения в западных странах, считает он, обусловлена получением гражданами отдачи от своей общественной деятельности и тем, что у них сложились равноправные партнерские отношения с государством [5].

Российская молодежь переживает кризис социальных ценностей, руководствуясь скорее потребительскими интересами, нежели культурно-историческими ценностями старшего поколения. Проявляя большую, чем несколько лет назад, заинтересованность в политической жизни страны, она, однако, не видит способов повлиять на работу политических институтов и потому проявляет абсентизм [8].

По данным социолога и философа В.А. Лукова, «среди московских студентов 65% опрошенных говорят, что гордятся своей страной, но 47 % опрошенных выражают готовность уехать навсегда за рубеж, если им предоставят хорошую материальную базу» [9].

В противовес сложившейся системе взаимоотношений власти и общественности конец второго десятилетия XXI века ознаменовался активизацией работы Общественной палаты РФ и членов Общероссийского народного фронта, созданного по инициативе президента страны В.В. Путина и призванного служить оком народа. Молодежные форумы «Таврида», «Территория смыслов», конкурс «Лидеры России» демонстрируют стремление властей выстроить диалог с трудоспособным населением, учесть его мнение при решении стратегически важных для государства проблем, запустить механизмы социального лифта. Ярким примером вовлечения общества в решение государственных задач стала волонтерская акция «Мы вместе», появившаяся в России начале пандемии новой коронавирусной инфекции в марте 2020 года.

Начиная с 2010 года, главную роль в политической активизации общественности сыграло развитие электронных средств коммуникации, интернет-технологий. По мнению кандидата политических наук И.А. Бронникова, это сделало возможным проявление гражданского контроля государственных органов, «аккумуляцию гражданских инициатив, направленных на деятельность властных персон и институтов, и общественных проблем для выдвижения их в качестве предложений или требований органам власти» [1].

«Активисты электронных средств коммуникации фиксировали множество нарушений избирательного законодательства и фальсификаций результатов выборов в Государственную Думу РФ шестого созыва. Затем социальные сети сыграли важнейшую роль в организации массовых многотысячных митингов и движений «За честные выборы», Лига избирателей, Гражданское движение и др. Набирает силу и такое относительно новое для политической жизни в России явление, как фандрайзинг», – пишет С.В. Чугров [7].

Одной из тенденций государственной политики стало привлечение населения к обсуждению решений органов государственной власти. Оппозиционные митинги способствовали либерализации законодательства о политических партиях, реформированию Совета Федерации РФ (Федеральный закон № 229 «О порядке формирования Совета федерации федерального собрания РФ» от 3 декабря 2012 года). В том же году было подписано постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил проведения общественного обсуждения проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов», узаконившее такую работу с использованием сети Интернет.

По данным ВЦИОМ, на выборах президента РФ 18 марта 2018 года молодежь от 18 до 34 лет голосовала не менее активно, чем старшее поколение [2].

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что к 2020 году уровень добровольческой активности в России остается низким. Обществу необходимо пройти длинный путь, прежде чем появится основание говорить о появлении в его лице противовеса государственному аппарату. Многие исследователи ожидают в ближайшие десятилетия ряд демократических преобразований в России. С наибольшей долей вероятности они могут произойти при условии, что граждане будут иметь возможность свободно выражать свою политическую волю, повышать свой культурный уровень, активно включаться в процессы решения общегосударственных проблем и выработке более эффективных механизмов политического управления.

Органам государственной власти стоит уделять больше внимания совершенствованию публичной политики и отказаться от схемы управления обществом, основанной на господстве и подчинении. Если власть будет расширять и системно использовать каналы коммуникации, поощрять создание новых форм общественного контроля, так называемой «обратной связи» с населением, выстраивать долгосрочную стратегию поддержки и развития гражданского общества, то политическая система сможет обеспечить качественный рывок страны в процессе ее демократизации и обретет больше инструментов защиты государственного суверенитета.

#### **Список источников:**

1. Бронников, И. А. Электронное гражданское общество: иллюзии или реальность? / И. А. Бронников, В. И. Буренко // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 1. – С. 11–18
2. Молодежь до 34 лет голосовала на выборах не менее активно, чем старшее поколение [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/5055270>. – Дата доступа: 10.12.2020.
3. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – М.: Канон, 1996. – 345 с
4. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/constitution>. – Дата доступа: 11.12.2020.

5. Кочетков, А. П. Некоторые особенности развития гражданского общества в странах Азии / А. П. Кочетков // Политические исследования. – 2016. – № 2. – С. 36–49.
6. Кочетков, А. П. Государство и гражданское общество в России: стратегия взаимодействия [Электронный ресурс] / А. П. Кочетков // Электронное научное издание «Альманах Пространство и Время». – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=33970032>. – Дата доступа: 11.12.2020.
7. Чугров, С. В. Quo vadis? Перспективы становления гражданского общества в России / С. В. Чугров // «Полис». – 2012. – № 2. – С. 49–71.
8. Малик, Е. Н. Формирование политической культуры молодежи в условиях медиатизации российской политики / Е. Н. Малик. – Орел : ОРАГС, 2009. – 349 с.
9. Ручкин, Б. А. Российское общество: патриотизм XXI века / Б. А. Ручкин // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 1. – С. 23–30.
10. Сквовиков, А. К. Власть и гражданское общество: диалог взаимодействия / А. К. Сквовиков // Политические науки и фундаментальные исследования». – 2014. – № 12. – С. 45–51.

*А.А. Атаманенко, студент  
artemonat@mail.ru  
РАНХиГС (Москва, Россия)*

## **ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭТИКА КИБЕРПАНКА: ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ АЛГОРИТМЫ ТЕХНОКРАТИИ**

В работе «Свет, обманувший надежду» исследователи Иван Крастев и Стивен Холмс задаются вопросом того, почему волна европейской демократизации после 1989 года на сегодняшний привела к дискриминации либеральной демократии как политического этоса. Авторы называют причиной такого исхода долго применявшуюся в странах восточной Европы политику имитации, подразумевавшую косметической настройку либеральной идеологии при функциональном и структурном сохранении традиционных политических институтов. Такая имитация обуславливалась необходимостью политического признания либо экономической помощи, а с достижением цели имитационные практики постепенно отмирали ввиду отсутствия финансирования и должного внимания [5]. Столкнувшись с проблемами внутреннего ощущения демократичности с одной стороны и с восточной альтернативой сильного государства, не стесняющегося вторгаться в личную жизнь своих граждан с другой, современные прочтения политической этики требуют поиска альтернативы агрессивному продвижению либеральных ценностей. Технологии и средства коммуникации сегодня все больше влияют на институционализацию цифровой политики, электронных правительств и элементов медиакратии.

В связи с новым парадигмальным измерением политической сферы требуется определить границы допустимого и предназначение политической

морали в условиях наступающей технократии. Достаточно интересным дискурсом с точки зрения таких изменений также становится кризис из-за пандемии коронавируса, изменивший запросы общества и приведший к пересмотру некоторых политических ценностей. Поскольку этические концепции создаются в первую очередь профессиональным философами и социальными учеными, мы можем попробовать обрисовать перспективы политической этики в условиях так называемого «киберпанка».

Киберпанк есть набор условий и регистров восприятия реальности, подразумевающих техническую вседозволенность и социально-политическую несвободу. С.Н. Волков определяет киберпанк как один из подвидов ретрофутуризма, определяя несколько пессимистический контекст употребления данного термина [2]. Зародившись в среде научной фантастики, сегодня эта идея используется для обозначения совокупности политик, в которых технология и технический прогресс выступают в роли инструментов политического управления и самостоятельной политической ценности. П. Родькин называет такое состояние «онтологической зрелостью власти» [7, с. 37–39], отмечая киберпанк как политическое бытие, направленное на власть как институт для общества, которое в свою очередь существует для власти. Техническая и технологическая сложность такого круга делают киберпанк на сегодняшний день более визионерским концептом политической философии, чем реальной программой какой-либо страны, однако все чаще и чаще в науке и публицистике описательный набор киберпанка апеллирует к политической действительности.

Бруно Латур предлагает акторно-сетевую теорию как способ описания индивидуально особенных социально-политических конструкторов. Для этого нам необходимо отойти от социологии понятий и прийти к наблюдению тех контекстов, которые создают деятели данной социальной среды [6]. В условиях политического киберпанка такой методологический подход может позволить нам увидеть всю полноту автономных политических систем, реализующих собственную технократическую плоскость. Важным аспектом акторно-сетевой теории является ее фокус на ценность социального явления в самом себе, что коррелирует с тезисом Родькина об онтологически зрелой политической власти. Этот подход может позволить посмотреть на власть как на технологическую ценность, создающую под себя необходимый социальный дискурс. В таком понимании власть уже не ресурс, а знание о степени и возможности управляемости системы. Аналогичных идей придерживался основатель и классик кибернетики Норберт Винер в работе «Кибернетика, или управление и связь в животном мире» выделяет три принципа кибернетического управления:

1. Управление. Любая система имеет предрасположенность к управлению и противодействию энтропии, упорядочиванию процессов внутри себя.

2. Системность. Система может существовать только тогда, когда взаимодействия внутри нее происходят регулярно и часто в различных направлениях.

---

3. Обратная связь. Все взаимодействия в системе представляют не только коммуникативные акты, но и реакции на них. Обмен стратегической информации определяет то, насколько система постоянна и стабильна [1].

В условиях кибернетического управления акторно-сетевая теория помогает нам описать политическую систему на основе ее собственного социально-политического механизма. Категории «суверенитета» и «идентичности» также дополняются понятием цифровой экосистемы и национального информационного пространства. Возможно, классическое понимание национального государства в данном прочтении политической этике уступит свое место некоему новому концепту «информационного государства».

Еще одной заслуживающей внимания особенностью политической этики потенциального киберпанка становится повсеместная цифровизация работы и рабочей силы. В своей знаковой книге «Прекариат: новый опасный класс» Гай Стэндинг описывает прекариат как нестабильную социальную категорию, постоянно занятую временной работой. К прекариату относятся мигранты, студенты на подработке, фрилансеры и все те, кто регулярно меняет место и качество собственной работы. Прекариат ввиду своей нестабильности не имеет адекватного политического представительства, поскольку из-за отсутствия выраженной коллективной ментальности не может артикулировать собственный запрос, да и для политиков представляет далеко не самую привлекательную избирательную базу. Из-за этого прекариат оказывается заложником корпораций и «гибкого» рынка труда, но гибкого отнюдь не для работников, а для тех, кому выгодно иметь по факту зависимый от колебаний рынка социальный класс, который не будет источником проблем и несогласия [8]. В каком-то смысле можем говорить о том, что этика киберпанка – это этика цифрового прекариата. Помимо всех возможностей по оптимизации управленческих и социальных процессов цифровизация приводит к часто тревожащей приверженности показателям и статистике. Возросшие мощности по обработке больших данных и усложнение управленческих цепочек приводит к тому, что в линии экономического, политического или социального производства ценность работника заменяется его включенностью в алгоритм. Успешность такого алгоритма определяется в первую очередь количественной выполняемостью поставленной задачи, а это может быть причиной игнорирования человеческого благосостояния. Этими вопросами уже задался в своем трактате антрополог Дэвид Гребер. В «Бредовой работе» автор выдвигает тезис о том, что технократическое усложнение работы привело к появлению формы трудового насилия, в которой ненужная или даже вредная для отдельного человека работа становится обязательной как часть глобального социально-политического алгоритма и символ власти над отдельным человеком в системе. В этом случае технократический характер власти проявляется в ее монополии на установление нормы данного алгоритма и придание значимости его отдельным элементам [3].

Наконец, в визионерском проекте киберпанка политическая сфера деполитизируется, приобретает технические функции, но одновременно с этим происходит массовая политизация социального. Джон Кин в работе

«Демократия и декаданс медиа» описывает медиакратию как форму информационного негосударственного институционального дизайна по осмыслению и реализации политической повестки. [4, с. 219–230] В медиакратии основную роль играют медиахолдинги, ТНК и иные коммерческие организации, которые могут позволить себе достаточные ресурсные вложения в поддержание собственных медиаматериалов. В этом качестве медиакратия видится как функциональное пространство для политической этики киберпанка, в котором, следуя постулатам акторно-сетевой теории, мы даем системе право самой называть и описывать свои качества. Политическим капиталом киберпанка становится потенциал информационного воздействия.

На сегодняшний день киберпанк видится нам как одновременно опасение и надежда относительно глобального политического будущего. Товаризация политической сферы и тирания показателей уравниваются техническим прогрессом и открытием новых способов применения цифровых технологий в улучшении и упрощении привычных нам социально-политических процессов. Однако уже сегодня ощущается необходимость в обновлении парадигмы политического мышления, основанного на политической этике, готовой к функционированию в условиях всеобщей информационной технократии. В условиях киберпанка задачей политической этики становится сохранение индивидуальности человека и противопоставление его ценности самовоспроизводимой ценности власти как онтологически зрелой системной силы.

#### **Список источников:**

1. Винер, Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине / Н. Винер. – М. : Наука, 1983. – 344 с.
2. Волков, С. Н. О деструктивных тенденциях информационного общества / С. Н. Волков // Инновационная наука. – 2020. – № 7. – С. 42–44.
3. Гребер, Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда / Д. Гребер. – М. : Ад Маргинем, 2020. – 440 с.
4. Кин, Дж. Демократия и декаданс медиа / Дж. Кин. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 312 с.
5. Крастев, И. Свет, обманувший надежду. Почему Запад проигрывает борьбу за демократию / И. Крастев, С. Холмс. – М. : Альпина паблишер, 2020 – 354 с.
6. Латур, Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 384 с.
7. Родькин, П. Кинополитики. 13 опытов по герменевтике современного кинематографа / П. Родькин. – М. : Совпадение, 2018 – 184 с.
8. Стэндинг, Г. Прекариат. Новый опасный класс / Г. Стэндинг. – М. : Ад Маргинем, 2020. – 368 с.



*А.Г. Арутюнов, член Совета по региональному развитию  
РАПН (Москва, Россия)  
anton.arutynov.98@mail.ru*

*В.О. Сизов, председатель Ульяновского отделения Мол РОП  
(Ульяновск, Россия)  
cool-vlad73@yandex.ru*

## **ФЕДЕРАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИЯ «СИРИУС» КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ**

Согласно актуальной редакции Конституции Российской Федерации от 1 июля 2020 года, а именно на основании пункта №1 Статьи 67 [2, с. 30], в России был официально введен такой политико-правовой термин и государственный институт, как «федеральная территория». Порядок деятельности «федеральной территории» устанавливается федеральным законом. В рамках текущей ситуации имеется информация о том, что 9 ноября 2020 года по инициативе депутата Государственной Думы РФ – П.В. Крашенинникова и члена Совета Федерации РФ – А.А. Клишаса в Государственную Думу России был внесен законопроект о «Федеральной территории «Сириус»». Отметим, что первоначально выдвигавшиеся концепции о приравнивании федеральных субъектов к субъектам РФ, к неким надсубъектовым образованиям типа федеральных округов не оправдались [1, с. 23]. Дополним также, что в качестве кандидатов на звание федеральных территорий назывались Байкал, агломерация Кавказские Минеральные Воды (ранее обладавшей субрегиональным уровнем), и некоторые другие объекты, однако они не получили такого статуса.

Обращаясь к международному опыту внедрения института федеральных территорий, в первую очередь, можно назвать Соединённый Штаты Америки, где подобный институт существует довольно давно, но тем не менее, в него вкладывается несколько иной смысл. Так, многим знаком федеральный округ Колумбия, периодически возникает дискуссия о придании этой территории статуса штата США, на этой территории базируется ряд федеральных органов власти США. Кроме того, федеральные территории в США иногда используются как объекты, где размещены институты безопасности и обороны США. Иногда понятие федеральной территории используют для обозначения ряда субъектов в федеративных государствах, например, в Малайзии. Кроме того, понятие федеральной территории часто используется для обозначения специфического статуса столиц стран, например, Австралия и Нигерия. Как мы видим, чаще всего в большинстве случаев этот государственный институт (существенно меняющийся в разных странах). Дополнительно отметим, что российский вариант федеральной территории вполне самобытен и весьма ограниченно соотносится с другими международными моделями.

В целях более детальной проработки данного обзорного исследования, необходимо дать определение понятию «государственные институты». «Государственные институты» — это совокупность форм официальной

деятельности учреждений и организаций, наделенных властными полномочиями в отношении общества.

Также на основании текущих нормативных данных, «федеральная территория» – это есть публично-правовое образование, которое не является субъектом РФ, так как территориально входит в состав Краснодарского края, однако, имеющее свой устав, органы местного самоуправления, бюджетную систему и представителя в Государственной Думе России. Территориальное расположение данного образования определяется в пределах посёлка городского типа «Сириус».

Политико-властная структура «Федеральной территории «Сириус»» включает в себя такие элементы, как: совет федеральной территории, глава федеральной территории, администрация федеральной территории. Совет федеральной территории – это местный представительный орган, состоящий из 17 членов, формирующиеся сроком на 5 лет по смешанной системе, в рамках которой 9 человек избираются напрямую населением, 3 человек назначаются Президентом РФ, 3 человека назначаются Правительством РФ и 1 человек назначается руководителем высшего исполнительного органа государственной власти Краснодарского края. Глава федеральной территории – это высшее должностное лицо, входящее в состав вышеуказанного совета и осуществляющее текущее руководство администрацией федеральной территории, избирающиеся на пятилетний срок Советом федеральной территории по представлению Президента РФ. Администрация федеральной территории является постоянно действующим исполнительным и распорядительным органом

Анализируя политико-властную структуру «Федеральной территории «Сириус»», важно также раскрыть основные закрепленные формы участия жителей «федеральной территории» в местном управлении. К числу данных форм относится: возможность прямого формирования местного органа представительной власти через всеобщий выборный механизм, наличие возможности внесения правотворческих инициатив граждан, закрепление деятельности территориально-общественных самоуправлений, возможность организации и проведения общественных и публичных слушаний, гражданские собрания, социальные опросы и иные формы участия граждан в управлении, предусмотренные Уставом «федеральной территории».

Механизм взаимоотношений «федеральной территории» с федеральными органами государственной власти РФ также необходимо детально рассмотреть. Известно, что в рамках «Федеральной территории «Сириус»» могут учреждаться территориальные подразделения федеральных органов исполнительной власти РФ. Федеральное же законодательство и иные нормативные акты РФ действует в рамках данной территории с учетом положений федерального закона о «федеральной территории «Сириус»».

В официальных взаимоотношениях «федеральной территории «Сириус»» и Краснодарским краем, как субъектом РФ, также устанавливается фактический

приоритет вышеуказанного федерального закона, над нормативно-правовыми актами органов государственной власти Краснодарского края.

Можно предположить, что «федеральная территория «Сириус», является на данный момент наиболее перспективным государственным институтом для органов и высших должностных лиц федеральной власти РФ. Перспективность же обуславливается упрощенным режимом управления территорией, где наблюдается значительное присутствие предметов ведения органов федеральной власти РФ, что в свою очередь усиливает политическое влияние федеральной власти в рамках данной территории. Резюмируя, можно констатировать, что в определенной степени, данный проект является политико-институциональным экспериментом, в сфере территориального управления территориями России, результаты которого будут известны в ближайшей временной перспективе.

#### **Список источников:**

1. Ирхин, И. В. Федеральные территории и федеральные округа: смещение конституционно-правовых моделей / И. В. Ирхин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 6. – С. 30–37.
2. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст : с изм. от 1 июля 2020 г. – М. : Гарант, 2020. – 23 с.

*В.В. Баранов, М.В. Савельев, бакалавры  
Р.О. Резниченко, К.О. Каршева, магистранты  
Karшева.888@mail.ru  
Университет ИТМО (Санкт-Петербург, Россия)*

### **ПОДДЕРЖКА НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОНТЕРАМИ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ**

Глобальные события, связанные с пандемией коронавируса в 2020 году, стали вызовом для всего мира. В борьбе с пандемией так или иначе принимают участие большинство социальных институтов. Активная позиция была проявлена волонтерскими организациями. Можно сказать, что одним из ответов общества на вызов в борьбе с пандемией коронавируса, стала волонтерская деятельность некоммерческих организаций, студентов, активных граждан и корпоративных волонтеров. В последние годы развитие волонтерской деятельности стало заметно увеличиваться, как и сама вовлеченность граждан в волонтерские проекты, происходит заметный прирост помощи, увеличиваются масштабы запускаемых проектов. Происходит разделение каналов, форм, видов и направления волонтерской поддержки.

Стоит отметить что наибольший интерес к волонтерской деятельности отмечается у молодого поколения, согласно данным ВЦИОМ 22 % молодежи до 24 лет, принимали участие в работе волонтерских центров и оказывали поддержку в необходимом направлении. Данные Росмолодежи, отмечают что в волонтерской деятельности за прошедший год принимали участие более

4 миллионов молодых людей в возрасте до 30 лет, что составило 15 % от этой возрастной категории [1].

В 2020 году в связи с пандемией коронавируса волонтерская деятельность стала своеобразным ответом общества на представленную угрозу. Поддержка волонтеров в первую очередь была направлена на помощь старшему поколению, которое попало в зону наибольшего риска, так же силы волонтеров были брошены на борьбу с нехваткой продуктов первой необходимости, обеспечение средствами индивидуальной защиты, лекарственными средствами. Огромную поддержку со стороны волонтеров получили: система здравоохранения, образования, администрирования, оказание психологической поддержки в рамках общероссийской акции # МЫВМЕСТЕ, логистические услуги. В некоторых случаях поддержку волонтеров получили организации малого и среднего бизнеса. Направление деятельности волонтеров разбавили новые практики фандрайзинга, просвещение населения, борьба с фейковыми новостями. В период пандемии был создан сайт акции # МЫВМЕСТЕ, на предлагаемом сайте можно было оставить заявку на получение волонтерской поддержки, на сайте были размещены различные вариации возможностей оказания помощи: донорство, пожертвования, личная помощь, указанная ранее возможность оказания психологической поддержки или предоставление логистических услуг. В волонтерской деятельности так же принимали участие крупные фирмы, автомобильные компании предоставляли средства для передвижения, чтоб волонтеры могли заниматься закупом и доставкой лекарств и продуктов. Банки оказали финансовую поддержку для закупа продуктовых наборов, сотовые операторы предоставляли сим-карты для быстрого и комфортного общения волонтеров и благополучателей.

Существенный рост общественного и волонтерского активизма зафиксирован в первые недели введения жестких ограничительных мер. Скачек в развитии получил такой новый вид волонтерской деятельности как фандрайзинг с использованием возможностей онлайн трансляций. Были проведены онлайн концерты, аукционы, театральные представления и другие практики в онлайн формате. Благодаря онлайн формату появилась возможность охватывать широкую аудиторию, концерты или представления теперь легко принимают мировой формат и привлекают аудиторию с разных стран. В целом можно отметить что во многих странах пандемия коронавируса дала мощный толчок для активизации и развития взаимопомощи и волонтерства. Распространение инфекции показало большую сплоченность и выявило быструю скорость, силу волонтерских движений.

В целом готовность гражданского общества лично помогать незнакомым людям, попавшим в сложную ситуацию в связи с пандемией коронавируса достаточно велика Таблица № 1.

В целом	61%	25%	14%
Мужчины			
От 18 до 24 лет	68%	13%	19%
От 24 до 54 лет	54%	24%	22%
От лет 55 и старше	63%	30%	7%
Женщины			
От 18 до 24 лет	64%	21%	15%
От 24 до 54 лет	57%	30%	13%
От лет 55 и старше	59%	32%	9%
Ответы	Готов(а)	Не готов(а)	Затрудняюсь ответить

В рамках акции # МЫВМЕСТЕ было мобилизовано порядка 95 тысяч волонтеров [2]. Вузы и студенты активно принимали участие в движении по предоставлению медицинской помощи, организационной поддержке с группами риска. основополагающей особенностью волонтерских движений студентов является возможность профильной идентификации при распределении работы. Таким образом, при оказании волонтерской помощи студенты получают возможность развития и тренировки своих профессиональных навыков. Студенты медицинских учреждений – в оказании медицинской помощи, для студентов юридических факультетов есть возможность проведения консультаций и разбор реальных случаев, студенты технического направления могут расширять свои компетенции занимаясь волонтерством в цифровой среде [3].

Сложившаяся ситуация создала условия, в которых впервые перед всеми волонтерами встал вопрос о безопасности собственного здоровья, и безопасности тех кому они могут помочь, максимально все старались перевести все возможные сферы деятельности в дистанционный формат. Безусловно, опыт, приобретенный в экстремальной ситуации, скажется на траектории развития волонтерских практик в дальнейшем.

#### Список источников:

1. Лукьяненко, К. Т. Волонтерство как инструмент вовлечения в систему государственной молодежной политики / К. Т. Лукьяненко // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2020. – № 3. – С. 13–18.

2. #МЫВМЕСТЕ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://мывместе2020.рф>. – Дата доступа: 10.11.2020.

3. Практики вузов по поддержке волонтерской деятельности студентов в период пандемии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ioe.hse.ru/sao\\_volunteers](https://ioe.hse.ru/sao_volunteers). – Дата доступа: 15.11.2020.

*М.Д. Березнякова, студентка  
mari2412@icloud.com  
РАНХиГС (Москва, Россия)*

## **КЛАССИФИКАЦИЯ ГИБРИДНЫХ РЕЖИМОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В современной политической науке есть множество различных классификаций политических режимов. Каждая из классификаций имеет свои особенности, достоинства и недостатки. Но наличие такого множества классификаций политических режимах говорит об актуальности исследования данной проблемы.

После окончания холодной войны и под влиянием глобализации в мире сложились такие условия, в которых чистым авторитарным режимам стало тяжело существовать. Многие из них пали, многие трансформировались в гибридные режимы. В политической науке ведутся оживленные дискуссии о генезисе этих режимов, сущности демократического транзита в контексте новых демократий. Начало этой дискуссии было положено еще после Второй Мировой Войны, но начало расцвета теории гибридных режимов пришлось на период после окончания холодной войны и продолжается до сих пор.

В мировой политологии есть множество исследований по данной теме, вот лишь некоторые из них: Л. Вей и С. Левицкий, «Подъем конкурентного авторитаризма»; Д. Кольер и С. Левицкий, «Демократия с прилагательными: концептуальные инновации в сравнительном исследовании»; Г. О'Доннелл, «Делегативная демократия».

Анализируя всю научную дискуссию, касающуюся гибридных режимов, можно сделать вывод, что мнения ученых в вопросе о классификации и типологизации достаточно сильно расходятся. Основной камень преткновения двух разных подходов лежит в следующем вопросе: гибридный политический режим относится к субтипу демократии или же все-таки является особой формой диктатуры?

В данной работе мы рассмотрим мнения экспертов, придерживающихся различных точек зрения, и их классификацию гибридных режимов.

На первом этапе формирования теоретической базы теории гибридных режимов Ф. Шмиттер предложил две крайние формы гибридных режимов: диктобланду и демократуру по-другому их называют *диктократией* и *демократурой*. В основе этой классификации лежат две категории: демократизация (наличие регулярно проводимых выборов) и либерализация

(свобода политической деятельности). Важно отметить, что две этих крайних формы гибридного режима не предполагают наличия развитого института гражданского общества.

*Диктократия* или *диктобланда* – это такой тип гибридного политического режима, который возникает вследствие проведения либерализации политической системы без ее демократизации. Она имеет три основных особенности: наличие у граждан индивидуальных политических прав, наличие многопартийной системы, отсутствие у граждан рычагов контроля и давления на власть, например выборы проводятся нерегулярно и с фальсификациями. В качестве классических примеров таких режимов Ф. Шмиттер приводит Кению и Кот д'Ивуар.

*Демократура* или *демокрадура* – это такой тип политического режима, который возникает вследствие проведения демократизации политической системы без ее либерализации. Она имеет следующие особенности: регулярное проведение выборов и отсутствие реальной политической конкуренции. Выборы в таких режимах всегда выигрывает правящая партия. В качестве примеров таких режимов Ф. Шмиттер приводит Гватемалу и Сальвадор в период с 1980-х середины 1990-х.

Позднее Г. О'Доннелл предложил новый концепт «делегативной демократии». Суть этого типа политического режима состоит в том, что граждане путем участия в выборах делегируют президенту право на неограниченную власть. Ученый отмечает: «Отличительной чертой данного концепта являются дополнительные выборы, которые проводятся в случае, если первый тур выборов не принес явного лидера. А уже избранный президент рассматривается как воплощение нации и хранитель её интересов» [1, с. 7]. Признаками делегативной демократии являются: наличие у президента максимально широких полномочий во внутренней и внешней политике, в том числе наличие права издавать указы, которые имеют равную законам юридическую силу, систематическое превышение президентом конституционных рамок своих полномочий, абсолютный статус президента, как главы государства, слабое политическое участие граждан, которое выражается в участии в выборах, которые служат инструментом легитимации действующей власти. По мнению Г. О'Доннелла делегативные демократии не являются институциональными и в таких режимах существует угроза возвращения к авторитаризму.

В качестве примера стран с таким типом гибридного режима ученый приводит Аргентину, Бразилию, Перу и ряд других стран.

Также существует классификация гибридных политических режимов Т. Карозерса. Он выделяет два типа таких режимов: режимы с синдромом слабого плюрализма и режимы с синдромом доминирующей власти.

Для режима с синдромом слабого плюрализма характерны следующие признаки: регулярные выборы, высокий уровень политической конкуренции между группировками внутри элиты, коррумпированность политических элит,

низкое политическое участие граждан. По мнению Т. Карозерса примером такого режима может служить Молдова, Украина, Албания и ряд других стран.

Д. В. Подлесный, пишет о том, что «для режима с синдромом доминирующей власти характерны следующие признаки: наличие внешних признаков демократии (выборы, политические права и свободы), слабая оппозиция, размытие границ между государством и правящей элитой» [2, с. 64].

Одной из самых популярных концепций гибридных режимов стала концепция «конкурентного авторитаризма». Авторами этой концепции являются С. Левитски и Л. Вэй. Исследуя эту концепцию, Д. В. Подлесный отмечает, что ученые допустили существование базовых демократических институций в условиях неравной борьбы между правящими элитами и оппозицией. «В конкурентном авторитаризме оппозиция сталкивается со всевозможными преградами и угрозами во время избирательной кампании» [3, с. 56].

Также, в науке существует схожая концепция электорального авторитаризма Л. Шедлера. В рамках этой концепции так же невозможна смена власти на выборах, что является одной из основных черт авторитаризма.

И так, в политической науке существует множество классификаций гибридных политических режимов, это обуславливается не до конца сформированным предметом исследования. Некоторые исследователи, предлагая свою классификацию исходят из того, что гибридный режим представляет из себя «демократию с дефектами», другие же придерживаются тезиса о том, что это авторитарный режим с некоторыми электоральными практиками.

#### **Список источников:**

1. Клокава, А. И. Анализ теории гибридных политических режимов и их классификации / А. И. Клокава // Молодой ученый. – 2018. – № 11 (197). – С. 264–266.
2. Подлесный, Д. В. Политология : учебное пособие / Д. В. Подлесный. – Харьков : НУА, 2016. – 263 с.
3. Levitsky, S. The Rise of Competitive Authoritarianism / S. Levitsky, L. A. Way // Journal of Democracy. – 2002. – Vol. 13. – №. 2. – P. 51–65.

*А.А. Бондарев, бакалавр  
goldenwolfen2014@gmail.com  
РАНХуГС (Москва, Россия)*

### **РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ И ПОЛЯРИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Согласно Третьему закону Ньютона, любое действие порождает противодействие. В философии данный закон нашел свое отражение как принцип противодействия. Данный закон – аксиома, которая логично вписывается в любую парадигму миропознания. В этом ключе, политическая



сфера не стала исключением. Всегда можно проследить, как идеи, появляющиеся с течением исторического развития человечества, порождали собственные противоположности: Теоцентризм – антропоцентризму, Интернационализм – национализму.

Современный процесс глобализации – объективен. Он развивается большую часть человеческой истории: начинаясь в Античности и существуя до сих пор. Из-за экономических проблем в 30-х годах XX века, этот процесс был приостановлен, но с окончанием Второй Мировой Войны он был возобновлён с ускоренным темпом. В первую очередь, это обусловлено, конечно же уровнем НТП (научно-технического прогресса). Развитие авиации и остальных типов грузо- и пассажироперевозок соединило ранее недоступные районы, а международная телефонная сеть позволила обмениваться информацией находясь на огромных расстояниях друг от друга.

Особенным проявлением глобализации стал процесс интеграции. В данном случае, этот процесс обуславливал политическое, экономическое, информационное и социальное объединение крупных Международных акторов. Например, создание НАТО подразумевало создание сферы коллективной безопасности в Европе, проявлением которой стала военная интеграция: выработке единых стандартов военной экипировки, снаряжения и номенклатуры боеприпасов.

Примерно в этот же момент, начинается процесс противоположный интеграции – регионализация. Этот процесс ограничивал интеграционные векторы, помещая их в рамки одного региона. Например, Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА), в которую входят только Мексика, Канада и США. Основные векторы интеграции здесь имеют ярко выраженную Американскую направленность [1].

С распадом СССР в 1991 году Международные отношения ушли от Биполярного состояния, при котором идеологическая борьба шла между СССР и США, и вступили в период относительной Однополярности, где США имели доминирующее положение, как в дипломатическом и политическом смысле, так и в военно-экономическом. Такой миропорядок продлился до 2014 года.

В 2014 году наступает переломный момент, так как происходит присоединение (аннексия) Крыма к Российской Федерации. Почему данное событие имеет настолько важное событие? Ответ достаточно простой – до этого момента какие-либо активные политические, экономические или военные операции на международной арене проводили только Соединённые штаты. Этот фактор очень важен, так как состояние однополярности международных отношений подразумевает неоспоримый авторитет и мощь лишь одного государства, которое имеет ресурсы и возможности потенциально безнаказанно вмешиваться в дела друг государств.

После 2014 года мы могли наблюдать ряд ситуаций и событий, которые постепенно двигают международные отношения к состоянию многополярности:

- создание «Норманской четверки» (Россия, Германия, Украина, Франция) – дипломатической группы, которая работает по урегулированию конфликта на Украине;
- гражданская Война в Ливии;
- участие ВКС РФ в оказании Сирии военной поддержки в борьбе с террористической организации «Исламское государство»;
- усиление позиций Турции на Ближнем Востоке и в Закавказском регионе (конфликт в Карабахе 2020);
- военный ответ Ирана на убийство Касема Сулеймани;
- усиление позиции Северной Кореи в Азиатском регионе;
- торговые войны между США и Китаем;
- разногласия внутри блока НАТО вызванные экспансионистской политикой Турции;
- борьба за сферы влияния в Африканском регионе между Россией, Китаем и США.

Данные события наглядно демонстрируют усиление роли Региональных лидеров на современном этапе Международных отношений. Если раньше интеграционные процессы шли в основном в направлении США, то на данный момент тенденции говорят о смене векторов в сторону именно региональных лидеров, таких как Турция, Китай, Россия и ЕС.

Необходимо так же отметить, что вопрос, какое именно государство является Региональным лидером – достаточно сложен, так как для этого необходимо провести Компаративные межгосударственные исследования внутри региона. Исследование должны включать в себя сравнение НТП, а также экономического, демографического, военного, информационного и политического потенциала [2].

Почему это является важным? Внутри каждого из регионов может присутствовать несколько мощных государств, которые будут конкурировать между собой за звание Регионального лидера. Например, на Ближнем Востоке существует несколько сильных государств: ОАЭ, Израиль и Турция. Экономический выигрывает ОАЭ, в военном плане – Израиль, а Турция на данный момент на постосманском пространстве имеет наиболее мощный политический вес, имея возможность транслировать свои интересы в сопредельные регионы, например, Закавказье.

Таким образом, мы можем констатировать, что сегодняшняя система международных отношений – наиболее динамична. Огромную роль в ней играют Региональные лидеры и их вектор политического развития. С уверенности можно сказать, что поляризация международных отношений так же будет усиливаться, что обусловлено конкуренцией внутри государств внутри регионов.

### **Список источников:**

1. Ачкасов, В. А. Что такое регионализация? / В. А. Ачкасов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. – 2006. – № 3. – С. 14–21.
2. Харбих, С. К. Региональная держава как структурный элемент глобального мира / С. К. Харбих // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 3. – С. 53–61.

*E.A. Butsikova, master's degree student  
bucikova@sfnu.ru  
SFU (Rostov-on-Don, Russia)*

### **MEDIA AS AN INSTRUMENT OF "SOFT POWER" FROM THE POSITION OF "PUBLIC DIPLOMACY" AND STATE IMAGE POLICY**

In the twenty-first century, there is a significant increase in the interpenetration of cultures of different countries. These integration processes, called "globalization", have significantly influenced the rules of the game in international relations. In these conditions, the policy of pressure and force is inferior in effectiveness to the policy of persuasion. The problems of the country's image and its status in the global political space come to the fore.

Nevertheless, by abandoning the use of force, the states of the modern world do not abandon the task of achieving their national interests. Currently, all "combat" actions are transferred to the meeting rooms of international organizations and to the pages of the world's media.

The concept of "soft power" was formulated by the American politician and international scholar Joseph Nye in 1990 in a book called "Calling for Leadership: the changing nature of American power." The author identifies three elements by which the state is able to exert influence: culture, values and foreign policy.

The media occupy the most important position in the construction of public consciousness and public opinion, it is on their successful work that the outcome of the struggle "for the minds and hearts" of people largely depends. Initially having the function of direct dissemination of information, i.e. transmitting it from one source to many recipients, the media are currently independent actors in world politics [4].

Modern media are not limited to local or national space and audiences, acting as actors of the modern world. CNN, BBC, Al-Jazeera, Russia Today, Euronews are not only instruments of influence of the leading countries of the world, but also have a significant impact on world public opinion, national and world politics.

Currently, the actions of the media as an instrument of "soft power" from the position of "public diplomacy" and state image policy should be taken into account: 1) "profitable" informing the internal and external public; 2) manipulating and persuading citizens; 3) entertaining the audience, distracting the population from problems and turbulent phenomena in domestic and foreign policy; 4) forecasting and predicting political actions of the authorities, including their initiation and correction.

Moreover, the mass media, as an instrument of "soft power", propagandize the state ideology, impose their own cultural values, patterns of behavior, patterns of thinking and demoralize the enemy, form public opinion regarding the state's foreign policy, etc.

Specific examples of the main ways of presenting information, using which the media achieve this goal are: distortion of reality; display of a fragment of reality taken out of context; interpretation of real events from the point of view of certain political forces or interest groups; prediction of the development of events, foreseeing threats; concealment of facts. At the same time, it is important to note that all political events will be selected for a specific task, in particular, the fulfillment of the political order of the world's leading players, the dissemination of their worldview standards, etc.

In the modern world, information wars are an attribute of international relations and world political processes, a "soft power" that determines the winner in conflicts of the XXI century. It should be noted that the effectiveness of the media of developing countries in world politics is extremely low, as evidenced by unsuccessful information campaigns in conflicts with the West, as well as the desire to create their own media with an alternative agenda. At the same time, it should be noted that this is rather the effect of broadcasting on foreign countries, with respect to Russian media audiences, the situation is more favorable. Thus, the coverage of international conflicts in the media of Russia and Western countries creates different pictures of the world and different identifications of "friends" and "strangers". At the same time, Russian society as a whole gives priority to the Russian information picture of the world.

Today, the presence of mass media in world politics is complemented by Internet communities and social networks, which allows you to massively influence the world community, using not only linear channels of information, but also involving the general public of different countries in the process of discussing current world problems. This kind of complex impact can undoubtedly have a significant impact on the process of political decision-making in the framework of world politics.

### References:

1. Фокина, В. В. СМИ как акторы мировой политики / В. В. Фокина // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. №. 1 (28). – С. 61–65.
2. Нье, J. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. Nye. – New York : Public Affairs Group, 2004. – 191 p.
3. Зегонов, О. В. Роль «глобальных СМИ» в мировой политике : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / О. В. Зегонов ; МГИМО(У). – М., 2009. – 30 с.
4. Зегонов, О. В. Роль СМИ как сетевого актора в мирополитических процессах / О. В. Зегонов // «Приватизация мировой политики»: локальные действия – глобальные результаты : коллективная монография / под рук. М. М. Лебедевой. – М. : Голден Би, 2008. – 279 с.

*Е.А. Гринченко, студент*  
*grinchenko.elizaveta08@yandex.ru*  
*ЮРИУ РАНХуГС (Ростов-на-Дону, Россия)*

## **ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ**

Попытки оценить состояние и тенденции развития политической науки в России предпринимались неоднократно. Проследить специфику трансформационного пути становления политологии в России видится возможным при помощи системного анализа. Научная новизна работы представляет собой оценку этапов институционализации науки в ретроспективе многовековой истории Российской Империи, основываясь на парадигму исторического детерминизма.

Современное научное сообщество выделяет три этапа формирования политологии как науки в государстве, а именно:

- зарождение политической науки в царской России (с конца XIX в. до 1917 г.);
- подспудное существование политической науки в СССР (1917–1989 гг.);
- институционализация политологии в современной России (с 1989 г. по настоящее время).

Развитие политической мысли в РФ началось в XIX веке в рамках смежных дисциплин, таких как философия, правоведение, социология и история. Особенностью русской дореволюционной школы было то, что зачатки политической науки в ее современном понимании формировались, преимущественно, на основе правоведческих концептов. Тогда особое значение приобрели работы Н.А. Бердяева, Б.Н. Чичерина, С.М. Соловьева, Д.А. Милютин, В.О. Ключевского, которые исследовав вопросы государственного строительства и парламентаризма, выявили определенную взаимообусловленность исторических событий, ознаменовавших динамику развития политико-властных отношений [4, с. 178].

Серьезной проблемой в Российской империи стало отсутствие предмета исследования политологии, поэтому политические исследования носили несистемный характер, часто имели уклон в правовую сферу, исследуя зарубежные конституции и их избирательные системы.

Несмотря на весомую методологическую базу, составляющую научно-методические разработки в области исследований по смежным с политологией наукам, вопрос о ее развитии и утверждении в перечне социо-гуманитарных знаний в Царской России был закрыт. Обуславливалось данное обстоятельство авторитаризмом властной элиты, ее закрытостью к диалогу с обществом, существовавшей цензурой, и, разумеется, низким уровнем культуры и среднестатистического образования граждан.

Исходя из этого, следствием стало отсутствие понимания цели развития качественно новых механизмов, нацеленных на анализ принятых властных решений, социальных потребностей для дальнейшего планирования и

прогнозирования стратегии государственного развития как во внутренней, так и во внешней политике.

Согласимся с мнением А.И. Соловьева в том, что менталитет русского человека оказал особое влияние на статику развития политологии как науки из-за своей особенности испокон веков подчиняться монарху, не вникая в сущность и перекладывая ответственность за принимаемые решения, на наделенную соответствующей властью, правящую элиту, тем самым даже не осознавая конечную цель проводимой политики своего государства.

Даже такие судьбоносные события, как закат правления династии Романовых, тяжелая и затяжная Первая Мировая война, революция 1917 года, богатые на анализ поведения политических лидеров и, принятых ими решений, ощутимо сказавшиеся на политическом самочувствии общества, не смогли в полной мере дать обеспечить онтогенез становления политологии как науки в Советском Союзе [5, с. 87]. Это объясняется рядом причин: социальная аномия общества, экономический кризис, назревшие психологические проблемы граждан, нежелание властного аппарата в экспертном анализе, проводимой ими политики и выявления ее положительных и отрицательных сторон, привели к стагнационной стадии развития политологии как науки, которая продолжалась в СССР на протяжении долгих лет.

Преодолев культ личности И.В. Сталина и войдя, в так называемую, стадию «оттепели» Н.С. Хрущева, активно начали формироваться теории в области социологии, на основе изученного общественного мнения респондентов по принятым в государстве решениям в отношении экономического, политического и культурного поворота в жизни страны.

Восстановление связей с продвижением политологии также было обусловлено в СССР окончанием Второй мировой войны, когда политическая наука на западе сделала большой рывок вперед и под эгидой ЮНЕСКО была создана Международная Ассоциация политической науки – МАПН [1, с. 63].

Следует отметить, что ряд исследователей, входящих в научное сообщество, глубоко убеждены, что теоретическая база хоть и была отечественной, а вот методика развития и прикладной характер в исследовании заимствованы были у Запада, где политическая наука уже крепко утвердилась и могла насытить практическими знаниями политический рынок, стать своего рода фундаментом для развития.

В ответ на крайности западной фазы Россия выстраивала свою идентичность как восточная держава, опирающаяся на традиционные ценности, религиозно-этические принципы национальной традиции.

Проанализировав становление политологии в западных странах, можно сделать вывод о том, что существующий политический режим и форма правления в государстве играют решающую роль в тенденциозности и устремленности любой науки, в особенности, интерес к содержанию и целям – политологии. Российская Федерация не стала исключением, с распадом тоталитарной системы политическая наука перестала служить формальным условием режима и превратилась в важный фактор развития общества, которое,

порвав с политическими институтами тоталитарного прошлого, осталось заложником его политической культуры. Русская политическая мысль обосновывала, прежде всего, приоритет интересов государства перед личностью и не была ориентирована на защиту интересов самостоятельного индивидуума.

В декабре 1960 года сознательно создается Советская академия политических наук – АПН, которая в 1961 году вошла в состав МАПН [2, с. 4]. Первым президентом АПН был избран Г.Х. Шахназаров. Целью АПН было определено содействие становлению в России эффективного правового государства и зрелого гражданского общества на основе укрепления государственности. Основной проблемой академии, по нашему мнению, явилось отсутствие достаточной профессиональной квалификации многих исследователей и преподавателей и признанных самим сообществом академических стандартов.

Воссоздание политической науки началось в постсоветский период, когда обозначился государственный заказ, и, кроме того, исчезли идеологические препятствия для освоения достижений мировой политической науки. Политика гласности, инициированная М.С. Горбачевым, должным образом повлияла на демократизацию политической науки, а характерные тому времени, заимствованные из Запада, концепции плюрализма обеспечили свободу мыслить и высказывать свое мнение открыто и честно, порой даже вступая в публичные диспуты [7, с. 30].

Ведущую роль в становлении в СССР политической науки сыграли академические институты [8, с. 63]. В 1990-е годы происходит окончательная институционализация политической науки в Российской Федерации посредством создания кафедр политологии в вузах и непосредственному преподаванию новой учебной дисциплины на факультетах. Если ранее педагогический состав формировался из бывшей советской номенклатуры, преимущественно не обладавшими глубинными политологическими знаниями и не имеющих понимания комплексной системы о представлениях и целях науки обладавших знаниями, то в 2000-е годы XX века в Российской Федерации ситуация кардинально меняется. А превращение вчерашних историков, философов, юристов, филологов и инженеров в политологов ставит во главу угла проблему интенсивного самообразования, предполагавшего освоение ученым сообществом зарубежной классики и предоставленного ими инструментария.

Начинается активная подготовка политологического сообщества, важным условием которого явилось создание диссертационных советов и предоставление возможности практической защиты аспирантов своих кандидатских работ на соискание ученой степени в вузах [3, с. 78]. Первая кафедра политологии была открыта в 1989 г. на философском факультет ЛГУ. В том же году была образована кафедра политической социологии в рамках межфакультетского Центра социально-гуманитарного образования МГУ и кафедра политологии в Тульском пединституте, с 1991 г. – практически, во всех вузах. Произошла трансформация институтов, действовавших в рамках КПСС и отчасти – академических институтов.

Еще одно существенное препятствие в развитии политологии в России находит свое отражение в слабом развитии гражданского общества, способного к созданию условий органической модернизации, инициированных самим населением страны, а не навязанных сверху. Российский правовед, историк и философ Б.Н. Чичерин определил две первоосновы гражданского общества: индивидуальную свободу и наличие частной собственности, которую должно в большей степени, обеспечить государство, а если быть точнее, создать все необходимые для этого условия [9, с. 12]. Ко всему этому, характерной тенденцией является слабая коммуникационная составляющая граждан и власти, закрытость политической элиты к диалогу.

Таким образом, изучая предшествующие этапы исторической реальности в процессе разрешения назревших проблем в государстве, важно понимать, что состояние политических систем, связано, прежде всего, генетически. Именно 90-ые годы XX века в РФ стали триггером для социальных катаклизмов, которые оказали непоправимый урон современному состоянию общества, отразившись на его политической сфере, где власть не взаимодействует с обществом, а воздействует на него [6, с. 150].

В ходе исследования посредством системного анализа установлен ряд причин, сдерживающих процесс институционализации политологии в отечественном научном сообществе. Определены текущие проблемы, препятствующие качественному развитию институтов политических школ в современной России.

#### **Список источников:**

1. Батухтин, А. С. Феномен риска в некоторых теориях гуманитарного знания / А. С. Батухтин // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. – 2017. – Т. 6, № 3. – С. 61–64.
2. Голосов, Г. В. Сравнительная политология и российская политика / Г. В. Голосов. – Санкт-Петербург, 2016. – 324 с.
3. Ильин, М. В. Политика как предмет изучения, состав политологии и методы основных политологических дисциплин / М. В. Ильин. – М., 1994. – 278 с.
4. Пляйс, Я. М. Политическая наука России в 1998 г.: Что нового? / Я. М. Пляйс // Полис. – 1999. – № 3. – С. 175–182.
5. Сергеев, К. В. Когнитивные модели и формирование религиозных институтов: античный протогностицизм / К. В. Сергеев // Полис. – 2002. – № 5. – С. 86–95
6. Титова, Е. В. Политическое знание: сущность, свойства, границы и пределы / Е. В. Титова, В. Н. Лупандин // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – Т. 14, № 4. – С. 145–159.
7. Шаповал, К. С. Трансформация политологического сообщества в постсоветской России / К. С. Шаповал // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 1999. – № 1. – С. 23–39.



8. Федун, Л. Н. О предмете и методе политологии / Л. Н. Федун // Социально-политические науки. – 1991. – № 3. – С. 63.
9. Шестопал, Е. Б. Мировая политология в российском контексте / Е. Б. Шестопал // Политическая наука: Новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингемана. – М., 1999. – С. 9–18.

*В.П. Джигило, магистрант  
uladzislapaulavich@mail.ru  
БрГУ им. А.С. Пушкина (Брест, Беларусь)*

### **НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В БЕЛАРУСИ В «ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД» (1988–1994 гг.)**

В рамках социогуманитарного знания категория «переходный период» представляет собой «период смены одних системообразующих институтов другими, новыми, которые отражают иную систему отношений и законов» [5, с. 12]. В нашем случае процесс «Перестройки» и дальнейшее институциональное развитие (в том числе и модернизация избирательного процесса) суверенной Республики Беларусь является образцовым, так как процесс государственной трансформации Беларуси в указанное время органично вписывается в категориальную систему понятия «переходный период»:

1. «пространственно-временные особенности объекта исследования» (в 1988 – 1994 гг. происходит процесс государственной переориентации Беларуси);
2. «поиск новых подходов и инструментов к анализу этого феноменального явления»;
3. «динамичность социально-экономических процессов» (в нашем случае следует делать акцент на модернизации институтов, обеспечивающих проведение избирательного процесса);
4. «методы фиксации институциональных изменений» (изменение избирательного законодательства, фиксирующего нормы избирательного процесса) [5, с. 11].

Советская политическая система, основанная на сращивании партийного и государственного аппарата, привела к партийной монополизации спектра политических прав. «Концепция прав человека поначалу вообще не была признана советской научной доктриной. Лишь в конце 50-х – начале 60-х гг. идея прав человека была в Советском Союзе реанимирована, в результате начала формироваться социалистическая концепция прав человека» [12, с. 7].

Реорганизация социально-политической и экономической системы СССР М.С. Горбачёвым привела к изменению политической реальности в БССР. Концепция правопродшественник БССР – правопреемник Республика Беларусь базировалась на Договоре о правопреемстве внешнего государственного долга и архивов Союза ССР [3].

**Целью** исследования является аспектов модернизации избирательного процесса в Беларуси (1988–1994 гг.).

Процесс «Перестройки» раскрывает всю степень влияния социальных, экономических, и целого комплекса внутри- и внешнеполитических факторов на утверждение новых политико-правовых оснований жизнедеятельности государства. Именно данный период реформирования основ политической и экономической модели СССР следует относить к так называемой «третьей волне модернизации», основным элементом которой являлся отход от социалистической модели модернизации [11, с. 111].

Модернизация советской модели избирательной системы основывалась на стремлении максимально приблизить её к общепринятым избирательным принципам (закреплены в Международном пакте о гражданских и политических правах, принятым резолюцией Генеральной ассамблеи ООН в 1966 г., ратифицирован в СССР в 1973 г.) [6]. Предметами преобразования советской избирательной системы стали нормативная и институциональная база.

Первым шагом к модернизации советской модели избирательной системы стало принятие закона от 1 декабря 1988 г. «*О выборах народных депутатов СССР*». Ключевым изменением стала свобода избрания депутатов на собраниях по месту жительства. Однако отметим, что 1/3 представительства приходилось от общественных организаций, что было противоположно принципу прямого избирательного права. При выборах народных депутатов СССР действовала мажоритарная система абсолютного большинства [8].

На основе общесоюзных политико-правовых актов в БССР были разработаны законодательные акты, вносящие изменения в Конституцию БССР 1978 г.: «*О выборах народных депутатов БССР*» и «*О выборах народных депутатов местных Советов народных депутатов БССР*», на основе которых прошли избирательные кампании в Беларуси в 1990 г [7].

Закономерной стала трансформация государственных институтов власти. Верховный Совет БССР стал ключевым государственным органом. Количество депутатов Верховного Совета ограничивалось в 360 человек (намечалась тенденция оптимизации пропорции депутатов на количество населения страны). Отметим, что сохранялось представительство от общественных организаций, 310 депутатов избиралось по территориальным избирательным округам, а 50 – от белорусских общественных организаций. Новое законодательство ограничивало в пассивном избирательном праве представителей исполнительных и судебных органов власти [7]. На наш взгляд, установление чёткой разделительной линии между ветвями государственной власти стало эффективным средством преодоления проблемы сращивания партийного и государственного аппарата.

Введение принципа состязательности кандидатов в значительной степени расширяло их полномочия. Агитировать за кандидата теперь могли не только субъекты его предвыборной группы, но и он сам. Вводился институт доверенных лиц. Данный фактор расширял возможности депутатов при агитации. Члены

различных общественных объединений получили право быть наблюдателями на выборах [7].

Со вступлением в силу 27 июля 1990 г Декларации о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики Беларусь окончательно утвердился вектор независимости. Вскоре Верховный Совет принял Закон «*О названии Белорусской Советской Социалистической Республики и внесении изменений в Декларацию Верховного Совета Белорусской Советской Социалистической Республики о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики и Конституцию (Основной закон) Белорусской ССР*» [9]. Это была реакция на путч в Москве, прошедший 19–21 августа 1991 г.

Для реализации спектра политических прав в условиях демократического государства необходимо было институционализировать избирательную систему Республики Беларусь. В Законе «*О референдуме (народном голосовании) в Республике Беларусь*», принятом 13 июня 1991 г. были обозначены системообразующие избирательные принципы: всеобщности, равенства, прямых и тайных выборов (Статья 3 Закона). Правом принимать участие в решении ключевых вопросов жизнедеятельности страны был наделен не только парламент, но и белорусский народ. Согласно Закону, был установлен ограничения, в соответствии с которыми на референдум не могли быть вынесены следующие моменты: вопросы о суверенной национальной государственности, охране общественного порядка, здоровья и безопасности населения, налогах, бюджете, амнистии, помиловании и др. [10].

Представители Белорусского Народного Фронта (БНФ) предложили свой законопроект по организации выборов в парламент страны. Суть законопроекта заключалась в следующем: проведение выборов по мажоритарно-пропорциональной избирательной системе (50 % депутатов избираются от политических партий, 50 % депутатов по одномандатным округам). Однако, парламентом было актуализирована идея по созданию мажоритарной избирательной системы на основе одномандатного представительства.

Верховный Совет 15 марта 1994 г. принимает Конституцию Республики Беларусь, статья 1 которой гласит: «Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство» [4]. Тем самым, данный документ оформил на кодифицированном уровне государственный суверенитет Республики Беларусь. Государственный строй страны определялся как парламентская республика с постом президента. В Основном Законе избирательным процессам посвящён III раздел «Избирательная система. Референдум» (отдельные моменты касательно избирательных процессов прослеживаются в разделах I, II, IV, V, VIII, IX [4]. В частности: новым органом, отвечающим за функционирование избирательной системы в Беларуси, была определена Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов; были установлены возрастные цензы для пользования активным и пассивным избирательным правом. В Конституции оговаривались условия проведения республиканских

референдумов. Президент наделялся полномочиями выдвижения вопросов на республиканский референдум.

Категория «переходный период» достаточно условна, однако вполне уместна для развития белорусской политико-правовой истории в 1988–1994 гг. Трансформация избирательного законодательства Беларуси в указанный период совместима с категорией «модернизация», так как избирательный процесс возводился в регулирующий компонент функционирования политической системы белорусского государства. Демократизация процедуры выборов меняла представление о предвыборной борьбе. Мы полагаем, можно выделить следующие аспекты модернизации избирательного процесса в Беларуси в «переходный период»:

- процесс «Перестройки» и модернизация белорусского общества, определили вектор развития белорусского государства, послужили катализатором активного становления нового дизайна национальной избирательной системы в целом;

- советская законодательная и институциональная база (де-факто только декларируемая) стала основой для формирования политической системы суверенной белорусской Республики;

- утверждение новых политико-правовых оснований, определивших характер протекания избирательных процессов, стали значимыми компонентами строительства суверенного белорусского государства;

- важным фактором, определившим особенности развёртывания национального избирательного процесса, стала институционализация в Республике Беларусь института президентства.

#### **Список источников:**

1. Декларация Верховного Совета Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 27 июля 1990 г. № 193-ХП : О государственном суверенитете Республики Беларусь // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=V09000193>. – Дата доступа: 20.04.2020.
2. Договор о правопреемстве в отношении внешнего государственного долга и активов Союза ССР // Правопреемство государственной собственности бывшего Союза ССР : Сборник основных документов по вопросу правопреемства в отношении договоров, представляющих взаимный интерес, государственной собственности, государственных архивов, долгов и активов бывшего Союза ССР. – М., 1996. – С. 58–65.
3. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. Референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 62 с.
4. Лемещенко, П. С. Переходный период в контексте институциональной динамики / П. С. Лемещенко // Экономическая наука сегодня. – 2014 – Вып. 2. – С. 7–24.

5. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] : принят резолюцией 2200 А (XXI) Генер. Ассамблеи, 16 декабря 1966 г. // Организация Объединённых Наций. – Режим доступа: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/pactpol.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml). – Дата доступа: 08.12.2020.
6. Об изменении статьи 47 Закона Белорусской ССР «О выборах народных депутатов Белорусской ССР» и статьи 45 Закона Белорусской ССР «О выборах народных депутатов местных Советов народных депутатов Белорусской ССР» : Закон БССР, 20 июня 1990 г., № 25-ХІІ // Ведомости Верховного Совета Белорусской ССР. – 1991. – № 12/14. – Ст. 129.
7. О выборах народных депутатов СССР : Закон СССР от 1 декабря 1988 г., № 9855-ХІ // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1988. – № 49. – Ст. 729.
8. О названии Белорусской Советской Социалистической Республики и внесении изменений в Декларацию Верховного Совета Белорусской Советской Социалистической Республики о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики и Конституцию (Основной Закон) Белорусской ССР : Закон Республики Беларусь от 19 сентября 1991 г. : №1085-ХІІ // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2001. – № 2/300.
9. О референдуме (народном голосовании) в Республике Беларусь : Закон Республики Беларусь от 13 июня 1991 г., № 859-ХІІ // Ведомости Верховного Совета Белорусской ССР. – 1991. – № 25. – С. 364.
10. Северин, Э. Н. Политическая модернизация в контексте теории модернизации / Э. Н. Северин // Весн. Брэсц. дзярж. ун-та. Сер. 1, Філасофія, паліталогія, эканоміка. – 2018. – № 1. – С. 108–113.
11. Северин, Э. Н. Становление и развитие теории прав человека в зарубежной и отечественной науке : монография / Э. Н. Северин. – Брест : БрГУ, 2018. – 127 с.

*Д.М. Егорова, студент  
dnwchs5@gmail.com*

*П.А. Орлов, доцент  
orlova1911@is74.ru*

*Челябинский филиал РАНХиГС (Челябинск, Россия)*

## **УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ПОЛИТИКЕ: ОПЫТ ФИНЛЯНДИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ГЕНДЕРНОГО БАЛАНСА**

Следуя утвержденной правительственным распоряжением «Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы», в Российской Федерации «женщины активно участвуют в управлении государством». Среди лиц, замещающих должности государственной либо муниципальной службы, доля женщин составляет 72,1 %, в т.ч. среди работников российских дипломатических миссий за рубежом – 16 % (в 2010 году – 10,8 %).

Наиболее многочисленным выглядит женское представительство на «первичном» властном уровне – в сфере управления муниципалитетами. В обеих

же парламентских палатах России женщины занимают менее четверти мест (17 % и 15,6 % соответственно), а в системе федеральной и региональной исполнительной власти лишь единицы достигают действительных «руководящих постов».

«Мы ждем от партий практических мер, которые обеспечат женщинам равные возможности при формировании списков кандидатов в депутаты законодательных органов государственной власти всех уровней и в органы местного самоуправления», – неоднократно отмечала председательствующая в Совете Федерации В.И. Матвиенко.

Надо полагать, что результатами реализации Стратегии станут увеличение доли россиянок и «среди лиц, замещающих должности государственной гражданской службы», и в численности участников «партийных организаций», хотя в российском обществе и существует укоренившееся мнение, что «политика – грязное дело», своего рода «мужской клуб», и что «женщинам там не место», а те их них, кто попадает «туда» – «они, как правило, или жены, или любовницы, или протеже политиков-мужчин» [7].

Между тем, зарубежная статистика указывает на то, что «чем больше в политической сфере женщин», тем лучше решаются наиболее значимые вопросы общественного развития и качества жизни в стране. По «выведенным» Организацией Объединенных Наций данным считается даже, что «именно и только» женщины способны обеспечивать надлежащую результативность государственным мерам по поддержке и защите детства и родительства.

В этом смысле, как раз скандинавские страны [8], в которых более 40 % должностей в системе власти и управления замещаются женщинами, демонстрируют подлинное «гендерное равенство», несомненно и показательно сказывающееся на всех социально-политических составляющих «тамошних» государств.

В методологической основе нашей работы – методы сравнительного анализа и обобщения, позволившие охарактеризовать важные для понимания специфики гендерного баланса политические практики отдельных государств современной Европы.

Специальное внимание нами было уделено изучению текста «Национальной стратегии действий в интересах женщин», оформленной в 2017 г. 410-м распоряжением Правительства Российской Федерации [5].

Заявленная нами проблематика сегодня достаточно активно исследуется – здесь можно упомянуть труды таких авторов, как С.Г. Айвазова [1], Г. Михалева [7], П. Песонен и О. Риихинен [6] и др.

Самостоятельное место также занял контент-анализ публикаций ряда экспертных мнений [4].

В обнародованном Советом Европы более двух десятков лет назад докладе «Комплексный подход к проблеме равенства между женщинами и мужчинами» [3], были определены суть и методология оценивания «гендерного равенства» и представлен «позитивный опыт применения» его аспектов в различных странах.

Одним из таких примерных для всего континента «чемпионов» была объявлена Финляндская Республика.

Финляндия – первое европейское государство, предоставившее женщинам избирательные права в 1906 году и уже через год получившее 19 женщин-парламентариев. Сегодня в 200-местном однопалатном финском парламенте (фин. – Eduskunta) 47 % депутатов – женщины.

Значительное число финок на государственной службе выглядит непосредственным результатом осуществляемой в стране «политики гендерного равенства».

Ставшая «женщиной, впервые в мире избранной президентом», Т.К. Халонен занимала свой пост с 2000 г. в течение двух 6-летних сроков подряд.

Почти уже год финское правительство возглавляет С.М. Марин (1985 г. рождения). В ее Кабинете министерствами внутренних дел, науки и культуры, финансов, образования, по делам Европы и управления собственностью руководят М. Охисало (1985 г. рождения), А.В.И. Саарикко (1983 г. рождения), К.Б.И. Кулмуни (1987 г. рождения), Л.С. Андерссон (1987 г. рождения), Т.Й. Тупшурайнен (1976 г. рождения).

Равноправие «по-фински» стало не только проявлением возможностей женщин участвовать «в политической и экономической деятельности государства», но повлекло изменение «исторически сложившихся» ролей женщин и мужчин в обществе.

Определенно, женская активность в финской политике была и остается направленной, прежде всего, на вопросы так называемой «социалки» – на семью, воспитание и образование, на особые условия занятости, на коммунальную инфраструктуру и экономику домохозяйств – т.е. области, в которых известны проявления модальностей неравенства полов.

Слагаемые реализации гендерного баланса в Финляндии можно изобразить следующим образом: предоставление детсадовского места каждому ребенку и помощь родителям в оплате расходов по нему, сохранение приемлемого уровня материальной обеспеченности женщин (или мужчин-отцов!) в период декретного отпуска либо создание возможностей для их скорого возвращения в соответствующую трудовую сферу на собственную (новую) должность, политика паритета в оплате мужского и женского труда, и пр.

Начиная с 90-х годов Организация Объединенных Наций ежегодно представляет доклады на тему «Индексы и индикаторы человеческого развития», рейтингуя страны по показателям «качества жизни» их граждан на четыре группы – страны с «очень высоким», с «высоким», со «средним» и, наконец – с «низким» уровнем развития (в смысле прав и гражданских свобод, возможностей участия в общественной жизни, гарантий здравоохранения, социальной защищенности и предупреждения безработицы, гарантий благоприятной экологической среды и культурного развития, состояния преступности, и пр.)

По прошлогодним данным, Финляндская Республика получила 12-е место из 189, Российская Федерация тогда же квалифицировалась лишь во второй группе на 49-й строке [2].

Основной закон Финляндии, в ред. от 11 июня 1999 г. (1999/731)	Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.)
Глава 2 Основные свободы и права § 6. Равноправие	Глава 2. Права и свободы человека и гражданина
(...) <i>Равенство между полами в общественной деятельности или трудовой жизни обеспечивается в соответствии с более детальными предписаниями закона, в особенности в отношении заработной платы и других условий найма.</i>	Статья 19 (...) 3. <i>Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации.</i>
(...) <i>С детьми следует обращаться как с равными индивидуумами, и они должны иметь право оказывать влияние на решение вопросов, которые касаются их самих в соответствии с уровнем их развития.</i>	Статья 38 1. <i>Материнство и детство, семья находятся под защитой государства.</i> 2. <i>Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей.</i>

Хотя соответствующие нормы Конституции России и Основного закона Финляндии выглядят вполне сопоставимыми (см. таблицу), вряд ли возможно ожидать, что в финской политической повестке когда-либо вообще возникнет необходимость «поправлять» известное «grandfather clause» (англ.) на женский лад.

Между тем уже сейчас эту страну отличает действительно высокий уровень жизни граждан, экологически чистая экономика, лидерство в «мировом зачете» систем образования, качественное здравоохранение, сбалансированная пенсионная система, полная транспарентность в областях и сферах государственного и муниципального управления.

И этот опыт достижений представляется поучительным для нового поколения женщин-политиков у нас в России.

#### Список источников:

1. Айвазова, С. Г. Гендерное равенство в контексте прав человека / С. Г. Айвазова. – М. : Эслан, 2001. – 76 с.
2. Индекс человеческого развития [Электронный ресурс] // Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Индекс\\_человеческого\\_развития](https://ru.wikipedia.org/wiki/Индекс_человеческого_развития). – Дата доступа: 25.11.2020.
3. Комплексный подход к проблеме равенства между женщинами и мужчинами. Концептуальные рамки, методология и ознакомление с «позитивным опытом» // Заключительный доклад о деятельности Группы специалистов по вопросу о комплексном подходе к проблеме равенства женщин и мужчин (EG-S-MS). – Страсбург, 1998. [Электронный ресурс]. – Режим



доступа: <http://www.owl.ru/win/docum/ec/gender/index.htm>. – Дата доступа: 25.11.2020.

4. Корпела, С. Всеобщее право голоса было узаконено в Финляндии в 1906 году, когда Финляндия первой страной в Европе признала право голоса женщин [Электронный ресурс] / С. Корпела. – Режим доступа: <https://finland.fi/ru/zhizn-i-obshhestvo/kogda-vse-poluchili-pravo-golosa/>. – Дата доступа: 25.11.2020.

5. Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 гг.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 марта 2017 г. № 410-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/71624782/#ixzz6emd0oqFn>. – Дата доступа: 25.11.2020.

6. Песонен, П. Динамичная Финляндия/ П. Песонен, О. Риихинен; пер. А. Рупасова. – Санкт-Петербург: Издательство «Европейский дом», 2007. – 388 с.

7. Шумаков, В. Интервью доктора политических наук Г.М. Михалевой [Электронный ресурс] / В. Шумаков. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2019/02/08/womenpolit/>. – Дата доступа: 25.11.2020.

8. Women in politics in the Nordic countries – Statistics & Facts. Published by Statista Research Department, Nov 6, 2020 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.statista.com/topics/6092/women-in-politics-in-nordic-countries/>. – Date of access: 25.11.2020.

*Н.А. Ёдко, студентка  
edkonatasha@gmail.com  
БГЭУ (Минск, Беларусь)*

## **ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ**

В литературе существует множество подходов к определению структуры и сущности природы власти. Наиболее структурно подходы представлены в работе белорусского исследователя Н.А. Лобана. Автор выделяет три основных подхода к феномену политической власти, каждый из которых в свою очередь имеет концепции и теории – политико-психологический подход, современный и комбинированный подходы. Проблема психологии власти наиболее отражена в политико-психологического подходе. Данный подход принято разделять на 3 основные концепции: социобиологическую, компенсаторную, мотивационную.

Преимущественно в компенсаторной теории отображена психологическая природа властных отношений. Эта теория связывает стремление личности к доминированию, превосходству с попытками преодолеть неполноценность. Яркими представителями данного подхода являются З. Фрейд, Э. Фромм, А. Адлер, К. Хорни.

З. Фрейд выделил два психологических механизма, которые лежат в основе властвования: образ правителя-отца и способность правителя оказывать гипнотическое воздействие на подчиненных ему людей [1, с. 160–174]. Отец-правитель был единственным человеком, который был свободен, все остальные

члены общества были зависимы от него. Его воля не нуждалась ни в каких подтверждениях волей других людей. Еще один психологический механизм, который лежит в основе властвования является способность правителя оказывать гипнотическое воздействие на подчиненных ему людей. Второй механизм связан с умением внушать поданным идею о том, что правитель владеет определенной демонической силой, благодаря которой правитель становится до такой степени опасным, что результатом, в том числе простого прикосновения, может стать смерть. Непосредственно такая вера стала основой многочисленных ритуалов, и табу, окружавших правителей в традиционных обществах. Ряд положений, сформулированных З. Фрейдом, легли в основу психоаналитической интерпретации власти.

Э. Фромм создал своеобразную, уникальную концепцию аналитической психологии, в основании которой было изучение соотношения человека и общества. Немецкий исследователь отказался от теории Фрейда, согласно которой влечения, прежде всего сексуальные, первоначально укоренены в физиологической природе личности, а на них налагается еще и влияние семьи. Э. Фромм считал, что представление о том, что мы имеем индивидуума с его определенным набором естественных потребностей, с одной стороны, а общество, удовлетворяющее или подавляющее эти потребности, с другой, считаются неверным и недопустимым. Побуждение к власти коренится в стремлении индивида избежать одиночества. И мазохистские, и садистские стремления помогают человеку избежать одиночество и ничтожность, при этом чаще всего такие ощущения являются неосознанными и замаскированными компенсирующими чувствами превосходства и совершенности. Такой человек ищет себе кого-нибудь или что-нибудь, с кем бы он мог связаться, так как он больше не в состоянии быть самим собой [2]. Здесь Фромм отошел от теории Фрейда, который рассматривал садомазохизм как «частное влечение», связывая его с сексуальным инстинктом.

А. Адлер подверг критике учение Фрейда за преувеличение роли сексуальности и бессознательного в детерминации поведения людей. В своём произведении «Наука жить» автор определил ведущую роль социальных факторов и выводил стремление к власти из чувства неполноценности и физических недостатков. Также австрийский исследователь отказался от теории бессознательного З. Фрейда (действия человека, совершаемые «на автомате» обладают неосознаваемым характером). Согласно данной теории в бессознательное вытесняются скрытые желания, фантазии, противоречащие общей морали или нормам поведения, которые заложены обществом. Для А. Адлера главный элемент – стиль жизни (соединение уникальных черт, способов поведения и привычек), с помощью которого человек приспособляется к своему окружению [3]. Это не происходит на бессознательном уровне. Стиль жизни (прототип) формируется в возрасте четырёх или пяти лет, который в последующем сохраняется и становится основой поведения в будущем. Решающую роль в его формировании принадлежит родителям.

К. Хорни считала, что стремление к власти, к престижу и обладанию – получение успокоения через ослабление контакта с другими и через укрепление собственного положения [4]. Как и Адлер, К. Хорни в работе «Невротическая личность нашего времени» отмечала, что каждый из нас обладает стремлением к власти. Если у нормального человека такое ощущение возникает в результате осуществления его превосходящей силы (например, физические, умственные способности; зрелость; мудрость), то у невротика стремление к власти рождается из тревожности, ненависти и чувства собственной неполноценности, т.е. нормальное стремление к власти появляется из силы, невротическое – из слабости. Фрейд считал, что причиной стремления невротической личности к власти является то, что невротик следует принципу удовольствия, не справляется, следовательно, с фрустрациями и инфантилен. К. Хорни утверждала, что стремления невротика к любви, власти и свободе – поиски безопасности и избавления от тревожности. В этом заключается мотивация невротика, поэтому его стремления компульсивны. Кроме этого, критике подверглась и теория либидо, с помощью которой Фрейд рассматривал стремление к власти как скрытое проявление садизма.

К. Хорни, как и Э. Фромм, отошли от концепции З. Фрейда, который рассматривал садомазохизм как «частное влечение» и связывал его с сексуальным инстинктом. Исследователи связывали садизм и мазохизм с отношением личности к обществу, её отчуждению.

На смену психологическому подходу пришли современный и комбинированный подходы, тем не менее, исследования представителей компенсаторной теории внесли существенный вклад в изучение психологии власти, интерес к которой остается и сегодня.

#### **Список источников:**

1. Фрейд, З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии / З. Фрейд. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2006. – 256 с.
2. Фромм, Э. Бегство от свободы [Электронный ресурс] / Э. Фромм // Большая онлайн-библиотека e-Reading. – Режим доступа: [https://www.e-reading.club/chapter.php/60813/0/Fromm\\_-\\_Begstvo\\_ot\\_svobody.html](https://www.e-reading.club/chapter.php/60813/0/Fromm_-_Begstvo_ot_svobody.html). – Дата доступа: 09.11.2020.
3. Адлер, А. Наука жить [Электронный ресурс] / А. Адлер // Большая онлайн-библиотека e-Reading. – Режим доступа: <https://www.e-reading.club/book.php?book=749>. – Дата доступа: 18.12.2020.
4. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени [Электронный ресурс] / К. Хорни // Большая онлайн-библиотека e-Reading. – Режим доступа: [http://www.e-reading.by/bookreader.php/62445/Horni\\_\\_Nevroticheskaya\\_lichnost%27\\_nashego\\_vremeni.html](http://www.e-reading.by/bookreader.php/62445/Horni__Nevroticheskaya_lichnost%27_nashego_vremeni.html). – Дата доступа: 18.12.2020.

*К.С. Зеленкова, студентка  
karinka.zelenkova99@gmail.com  
БГЭУ (Минск, Беларусь)*

## **ДИНАМИКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ**

Достижение социально-экономических целей развития страны во многом зависит от эффективности государственного управления. От имени государства выступают конкретные органы и должностные лица, деятельность которых может быть оценена как гражданами, так и вышестоящими инстанциями [1, с. 32].

В Республике Беларусь к вопросу оценки эффективности аппарата управления подошли еще в начале 2000-х гг. В 2004 г. было издано Постановление Правительства № 759 «О критериях оценки работы руководящих кадров республиканских органов государственного управления, иных государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь, облисполкомов и Минского горисполкома». Некоторые положения носили общий характер, при этом ряд других показателей из постановления имели декларативный характер, что затрудняло их оценку.

На сегодняшний день нет единого нормативного правового акта, содержащего базовые показатели оценки эффективности государственных органов. С 2016 года Правительством ежегодно издаются постановления «О реализации задач социально-экономического развития», в которых утверждаются поквартальные значения ключевых показателей эффективности работы аппарата управления. Ежегодно прогнозируемые показатели сравниваются с фактическими за предыдущий период, на основании которых можно сделать вывод об эффективности / неэффективности Правительства.

В настоящей статье остановимся на оценке эффективности государственного управления в Республике Беларусь за период 2018–2019 гг. на основании ключевых показателей, утвержденных постановлениями Правительства.

На 2018 год постановлением Правительства № 1053 были определены поквартальные значения ключевых показателей эффективности работы. В отношении Правительства были определены шесть основных показателей, еще один показатель – индекс потребительских цен – для Национального банка и Правительства (табл. 1).

Таблица 1. Ключевые показатели оценки эффективности работы Правительства и Национального банка Республики Беларусь за 2018 год

Наименование ключевых показателей	Прогноз 2018	Факт 2018
Правительство Республики Беларусь		
Валовой внутренний продукт (ВВП)	103,5 %	103,1 %
Производительность труда по ВВП	103,2 %	103,4 %
Сальдо внешней торговли товарами и услугами к ВВП	-0,1 %	1,2 %
Экспорт товаров и услуг (в процентах к предыдущему году)	105,7 %	114,9 %
Прямые иностранные инвестиции на чистой основе	\$1,4 млрд	\$1,6 млрд
Реальные располагаемые денежные доходы населения	103,2 %	108 %
Национальный банк и Правительство Республики Беларусь		
Индекс потребительских цен	не более 106,0 %	104,9 %

Источник: собственная разработка на основе [2].

По итогам 2018 г. из 7 ключевых показателей работы Правительства не был выполнен только один – ВВП (прогноз 103,5 %, факт – 103,1 %). Экономический рост был обеспечен при сохранении макроэкономической сбалансированности. В частности, сформировано положительное сальдо внешней торговли (прогноз – -0,1 %, факт – +1,2 %), удалось удержать инфляцию в пределах прогнозируемого уровня (прогноз – 106,0 %, факт – 104,9 %) [2].

Эффективность работы Правительства по итогам 2018 г. оценивается в 85,71 % (выполнено 6 из 7 показателей). Поскольку к Национальному банку относится один показатель, который был выполнен, то его оценка эффективности составляет 100 %.

Для руководителей республиканских государственных органов и организаций, подчиненных Правительству, оценка проводилась по четырем показателям: экспорт товаров, экспорт услуг, рентабельность продаж в промышленности, прямые иностранные инвестиции на чистой основе (далее – ПИИ). В 2018 г. был введен четвертый показатель – ПИИ на чистой основе в отношении 7 министерств и 4 руководителей концернов. Однако в итоговых документах этот показатель не фиксировался либо содержалось положение о необходимости дальнейшего привлечения ПИИ. Белстат опубликовал данные о

ПИИ только по видам экономической деятельности, а не по конкретному Министерству / концерну, ответственному за достижение этих показателей. В связи с этим при расчете эффективности этот показатель не учитывался. По итогам 2018 г. эффективность работы руководителей государственных органов и организаций составила 64,73 %.

Оценка работы председателей облисполкомов и Минского горисполкома проводилась по 5 показателям: валовой региональный продукт (далее – ВРП), производительность труда по ВРП, экспорт товаров, экспорт услуг, ПИИ на чистой основе.

По первому показателю 5 областей не достигли прогнозных показателей. Исключением стали Гродненская область и г. Минск, в которых удалось даже незначительно превысить план (на 0,6 % и 0,9 % соответственно). Аналогичная ситуация прослеживалась и по производительности труда. Наименьший уровень производительности труда показали Минская (-1,5 %) и Могилевская области (-1,2 %) [2].

Значительно лучше обстояло дело с экспортом товаров. Только две области не выполнили прогнозный показатель: Витебская (-10 %) и Могилевская (-2,7 %). Остальные области улучшили значения, некоторые – незначительно (Брестская – + 0,5 %), другие – г. Минск, Гродненская и Минская области – более чем на 10 %. На сегодняшний день более 60 % занятого населения страны сосредоточено в сфере услуг (так, в 2011 году – 55,7 %), поэтому увеличение объема экспорта в этом направлении становится все более важным [2].

В результате по итогам 2018 г. эффективность работы председателей облисполкомов и Минского горисполкома составила 59,96 %. Учет всех областей и г. Минска показал следующие результаты: 5 из 7 регионов попадают в медианное значение, основной вклад внесли г. Минск (выполнение всех запланированных показателей) и Гродненская область (не выполнен только один показатель – ПИИ на чистой основе). Хуже обстоит ситуация с проблемными на протяжении уже многих лет регионами: Витебской (40 %) и Могилевской (20 %) областями.

По итогам 2019 г. из 7 ключевых показателей работы Правительства было выполнено только три: сальдо внешней торговли товарами и услугами, реальные располагаемые денежные доходы населения и индекс потребительских цен. Вместе с тем более половины показателей не были достигнуты. Речь идет о ВВП, производительности труда, экспорте товаров и услуг и ПИИ на чистой основе.

Оценка эффективности работы Правительства по итогам 2019 года составила 42,85 %. Как и в прошлом году, эффективность работы Национального банка определялась по одному показателю, который был выполнен (эффективность – 100 %).

Мониторинг эффективности работы государственных органов и организаций в 2019 г. проводился по трем показателям (экспорт товаров, экспорт услуг и рентабельность продаж в промышленности), которая составила 56,4 %.

Как и в 2018 г., оценка работы председателей облисполкомов и Минского горисполкома проводилась по 5 показателям. ВРП в 2019 г. был выполнен только

Минской областью, остальные регионы показали сравнительно низкие результаты работы. По экспорту товаров значимые результаты показали Брестская и Могилевская области (рост 4,5-5,5 % по сравнению с прогнозом). Три области (Витебская, Гомельская и Гродненская) не достигли уровня 2018 г. Положительные тенденции прослеживаются по экспорту услуг: 5 из 7 регионов перевыполнили прогнозируемые показатели (Могилевская область более чем на 20 %, г. Минск и Гомельская область – более чем на 5 %) [3].

По итогам 2019 года эффективность работы председателей облисполкомов и Минского горисполкома составила 31,36 %, что говорит о существенных трудностях во всех регионах за исключением Минской области – 80 % (6 из 7 показателей были выполнены). В частности, результаты работы председателя Могилевской области оценивались в 60 %, что вряд ли можно было считать индикатором успешной деятельности. Однако на фоне других регионов, где это значение составляло лишь 20 % от расчетных показателей, его деятельность представлялась еще не худшей. Особого внимания требует Витебская область, которая по итогам 2019 г. не выполнила ни одного ключевого показателя, хотя годом ранее эффективность работы председателя составляла 40 % (2 из 5 показателей были выполнены).

Очевидно, что результат работы органов местного управления (31,36 %) напрямую сказался на эффективности работы Правительства (42,8 %). Республиканские органы государственного управления и концерны, вошедшие в оценку, не показали эффективной работы, особенно в 2019 г., поскольку по сравнению с 2018 г. падение эффективности составило 8,3 %.

Проведенный анализ оценки эффективности государственного управления Республики Беларусь за 2018–2019 гг. позволил выявить проблемные уровни и области в деятельности исполнительной власти. По результатам сравнения можно говорить о провале практически всех показателей в 2019 г. и низкой эффективности работы всех органов, для которых они являются ключевыми. Полученные данные будет полезно учитывать при прогнозе развития деятельности республиканских и областных органов власти на следующий период при условии, что запланированные показатели будут реалистичными и соответствующими целям и задачам структур исполнительной власти. Реализация задач, стоящих перед государственными органами, обеспечит положительную динамику качества государственного управления.

#### **Список источников:**

1. Конституционно-правовые основы противодействия коррупции как важнейшее условие обеспечения устойчивого социально-экономического равновесия : сб. мат-лов круглого стола, Минск, 4 марта 2017 г. / БГУ, Юридический факультет, Каф. конституционного права ; редкол.: Г. А. Василевич [и др.]. – Минск : БГУ, 2017. – 183 с.
2. Статистический ежегодник 2018 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/0be/0becfeb4ff8551d54808f25ebc33ca51.pdf>. – Дата доступа: 20.11.2020.

3. Статистический ежегодник 2019 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/35d/35d07d80895909d7f4fdd0ea36968465.pdf>. – Дата доступа: 20.11.2020.

*В.А. Калабанов, студент  
vkalabanov-17-01@edu.ranepa.ru  
РАНХиГС (Москва, Россия)*

## **РЕАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

В современном обществе все больше возрастает роль Интернета, приобретая к своим первоначальным функциям и характеристикам ещё и дополнительные – политические. Сейчас почти каждый орган и представитель государственной и муниципальной власти имеет собственный сайт, страницы в социальных сетях и аккаунты на различных платформах. Институты, связанные с реализацией молодёжной политики, не являются исключением, а даже, наоборот выступают первопроходцами в этом вопросе. Опережающий характер их действий диктуется, во-первых, целевой группой этой отрасли политики, во-вторых, нынешней эпидемиологической обстановкой и ограничениями из-за неё в реальной жизни, в-третьих, глобальным трендом цифровизации органов власти и политических институтов.

Применение информационных технологий и цифровизация выступают сейчас одним из новых критериев эффективности, а также создают новые возможности для реализации основных направлений молодёжной политики на всех уровнях государственного управления. Именно статус «критерий эффективности» стимулирует развитие не только всех направлений молодёжной политики, но и других направлений государственной политики.

В самом обычном понимании молодёжная политика — это деятельность государства по различным направлениям для реализации потенциала молодёжи с целью устойчивого развития страны и укрепления позиций страны в международной повестке. Интернет-площадки, имеющие в своём функционале все офлайн-инструменты и дополнительные механизмы, реальные только в сети, сейчас стали теми самыми точками самореализации инициативной молодёжи.

Цифровые технологии позволяют муниципальным и региональным ответвлениям молодёжной политики выходить на федеральный уровень, развиваясь и конкурируя именно там [2, с. 70]. На высшем уровне их практики могут получить дополнительное финансирование, улучшить инвестиционный климат территории и получить продолжение в виде масштабирования в других субъектах страны.



Молодежь, являясь целевой группой и главным объектом такого рода политики, уже на подсознательном и ценностном уровнях больше предрасположена к потреблению контента в цифровом пространстве. Именно поэтому направления молодежной политики, закрепленные в нормативно-правовых актах и стратегиях, находят свою реализацию в различных формах именно в Интернете: специализированные платформы, молодежные проекты и программы, видео- и аудио-контент. «Поколение Z», рожденное в 90-х годах прошлого века, в ходе своего взросления все больше идентифицирует себя с цифровыми коммуникациями, «электронной демократией» и прочим, осознавая свою политическую, нравственную и профессиональную культуру в Интернете [1, с. 230].

Хороших результатов и показателей молодежной политики в период цифровизации государству помогают достигать специально созданные государственные структуры в этой сфере и поддерживаемые федеральным и региональным финансированием общественные молодежные организации и движения. Для них создаются условия в виде Интернет-платформ, технической поддержки сайтов и баз данных, организации работы на государственных серверах, возможности осуществлять различные финансово-денежные операции, связанные с грантовой поддержкой, в полной мере. В цифровой среде государственные институты и институты гражданского общества в виде общественных организаций и НКО находят точки соприкосновения по вопросам молодежной политики и воспитания политической грамотности молодежи.

Государство и политическая сфера, будучи частью общественных отношений, не может игнорировать увеличение роли цифрового пространства и роста доли молодого населения в нем, поэтому старается активно отвечать на современные вызовы, увеличивая свое присутствие там и иницируя создание новых технологий и инновационных решений. Цифровизация молодежной политики ведет не только к появлению новых форматов работы с молодежью, но и к созданию трудностей с реальной идентификацией личностей, чрезмерным выбором и легкостью человеческих манипуляций, сложностью регулирования процессов, происходящих в киберпространстве. Эти трудности могут уменьшить или вообще перекрыть успешные шаги государства по осуществлению молодежной политики.

#### **Список источников:**

1. Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного прикладного исследования / Е. В. Бродовская [и др.] // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 1. – С. 228–251.
2. Гусев, Д. В. Молодежная политика в цифровом обществе и проблема свободы личности. / Д. В. Гусев // Современное образование: векторы развития. Цифровизация экономики и общества: вызовы для системы образования: материалы международной конф., Москва, 24–25 апр. 2018 г. / Моск. пед. гос. ун-т; редкол.: М. Мусарской (гл. ред.) [и др.]. – М., 2018. – С. 67–73.

3. Луков, В. А. Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала нового поколения / В. А. Луков. – М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2013. – 717 с.
4. Попова, Е. А. Государственная политика в области цифровой трансформации общества / Е. А. Попова, З. С. Мартемьянова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2018. – № 3. – С. 162–166.

*Л.Д. Козьякова, студент  
lika\_kozyakova@mail.ru*

*Таврическая Академии (СП) КФУ им. В.И. Вернадского» (Симферополь,  
Россия)*

### **ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

На сегодняшний день термин «гражданское общество» во многих отношениях является неопределённой категорией социально-государственного права. Так, Петренко Е. С. отмечает, что: «Гражданское общество понимается как общество в целом, как особая его часть, как социальная характеристика всех его членов» [5, с. 14]. По сути, правовое государство может формироваться только в подобном обществе. Однако гражданское общество в России нельзя назвать уже сформированным, поэтому необходимы решительные действия со стороны правительства для развития институтов гражданского общества.

Гражданское общество является посредником между государством и малоактивным населением (в политическом отношении). В гражданском обществе взаимоотношения между её членами строятся по горизонтальному принципу сотрудничества и конкуренции. С законодательной точки зрения гражданское общество не может быть введено каким-либо указом.

Главными институтами гражданского общества обычно выступают какие-либо общественные объединения (организации). Однако при этом необходимо понимать, что общественные организации в таком случае выступают, как не государственные добровольные объединения граждан. Главной целью подобных объединений является привлечение внимания граждан и государства к какой-либо проблеме [1, с. 48–50].

Ввиду различных исторических и социально-политических особенностей развития, то гражданское общество в России не смогло сложиться традиционным путем, как это было в западных странах. Для создания гражданского общества в современных реалиях необходима поддержка государства, которая может выражаться в финансовой, а также правовой помощи. Так, например, в период XVII – начала XX века в Российской империи при поддержке государства создавались многие общественные организации [4, с. 96–99].

На сегодняшний день для формирования полноценного гражданского общества в Российской Федерации необходимо разрешить ряд задач со стороны

государства. Во-первых, необходимо обеспечить эффективную реализацию конституционных прав и свобод населения, которые зачастую имеют место нарушаться. Во-вторых, государство должно поспособствовать формированию правового государства, а также необходимо развитие экономики.

Однако помимо общих задач, необходимо выделить и специальные. Так к ним относится создание такого законодательного режима, который бы предусматривал и чётко прописывал бы положения о деятельности и регистрации общественных объединений. Также необходимо невмешательство со стороны государства в работу негосударственного сектора (в случае, если деятельность организации не противоречит законодательству Российской Федерации). Говоря о специальных задачах, безусловно, необходимо отметить и организационно-правовую поддержку институтов гражданского общества, а также необходимо позволить участие институтов гражданского общества в административной деятельности.

Косвенная поддержка гражданского общества со стороны государства осуществляется с помощью экономической (многоукладная экономика, различные формы собственности, рыночные отношения), социально-политической (разделение властей, политический плюрализм, доступ граждан к участию в государственных вопросах); духовной (отсутствие единой идеологии и мировоззрения) поддержки [2, с. 341–363].

На сегодняшний день главной организацией, которая обеспечивает взаимодействие общественных структур, является Общественная палата Российской Федерации, которая координирует деятельность всех общественных организаций с государственными структурами.

Прежде чем подвести итоги, необходимо отметить и тот факт, что в Российской Федерации установлена континентальная модель развития гражданского общества – исходит из идеи конфликта и борьбы элит и иных политических сил за свои интересы. Однако в России ввиду её исторического развития установилось немного иное понимание данной модели, а точнее её реализация – борьба с элитой (государством) исходит не из-за каких-либо благ, а зачастую ради достижения самоцели. И при таком подходе общество стремится, как можно сильнее, отдалится от государства, что также усложняет установление отношений с государством [2, с. 243–280].

Ввиду вышесказанного для того, чтобы достичь качественного взаимодействия между государством и гражданским обществом, необходима поддержка государством институтов гражданского общества в системе частноправовых отношений. Так, необходимо закрепление материальных гарантий реализации гражданских прав население, поднятие уровня жизни в стране (в том числе и реформирование налоговой системы, а именно введение прогрессивной шкалы налогообложения) [3, с. 26–31].

### Список источников:

1. Кишлакова, Н. М. Гражданское общество и структура гражданства / Н. М. Кишлакова, Т. М. Махаматов // *Философия и культура*. – 2012. – № 8 (56). – С. 46–53.
2. О чем мечтают россияне: идеалы и реальность / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. – М. : Весь Мир, 2013. – 400 с.
3. Пашенцев, Д. А. Роль частного права в формировании институтов гражданского общества / Д. А. Пашенцев // *Вестник Академии права и управления*. – 2014. – № 36. – С. 34–54.
4. Пашенцева, С. В. Правовое регулирование благотворительной деятельности в Российской империи / С. В. Пашенцева // *Государство и право*. – 2006. – № 12. – С. 12–24.
5. Петренко, Е. С. Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры / Е. С. Петренко. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. – 409 с.

*И.А. Колосов*, студент  
*igor.kolosov2001@mail.ru*

*Гомельский филиал МИТСО (Гомель, Беларусь)*

## ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Не секрет, что успешное развитие социума зависит от эффективного функционирования ряда компонентов. Согласно критериям Организации Объединенных Наций (далее – ООН), к таким компонентам относят: государство, бизнес и гражданское общество [1]. И именно последнее служит базой современной демократии, основанной на максимизации инициативности граждан с последующим перенаправлением идей на рассмотрение вышестоящим государственным органам. Вопрос развития элементов гражданского общества входит в список целей устойчивого развития ООН до 2030 года, что выводит проблему взаимоотношений граждан и государства внутри социума на концептуально новый уровень нежелези прежде [2].

Гражданское общество – совокупность граждан, не приближенных к элементам государственной власти; совокупность активистов, поднимающих важные для населения проблемы и старающихся донести их до официальных представителей страны. Если рассматривать гражданское общество с точки зрения пользы, то она выражена исключительно в своевременном решении актуальных вопросов, если можно выразиться, «микросоциума», т.е. какой-то отдельной части народа, а также для более глобальных проблем, касающихся всей нации. Именно поэтому активисты служат хорошим подспорьем для властей, содействуют развитию гражданского самосознания, демократизации и рационализму в плане выделения средств для социально значимых государственных проектов.

В то же время важно понимать, что, как и любая структура, группа, гражданское общество не может быть исключительно положительным явлением. Всякая система имеет свойство меняться, и любой механизм рано или поздно даёт сбой, что выливается в проблемы для пользователей. Помимо всё очевидных плюсов, своеволие граждан обладает рядом весьма заметных минусов. Среди них наиболее значимым является анархическая направленность, на что в своей статье также обратили внимание известные советские (российские) социологи Ю.А. Красин и А.А. Галкин в статье «Гражданское общество и демократия», где отметили, что гражданское общество имеет различное выражение, но в то же время не является продуктом исторического развития как то же государство [3]. У него нет чёткого перехода от одной формации к другой, а возникает такая форма выражения как ответ на всевластие со стороны официальной власти, как её естественный ограничитель, который в случае наделения реальными полномочиями не сможет управлять также эффективно, породив анархию. А, как известно из истории, ни одно анархическое общество не прошло ещё испытания временем, перейдя в разряд утопических форм государствообразования.

В то же время гражданское общество «не должно отождествлять себя с государственным агентством или ведомством», как заявили на одном из семинаров Высшей школы экономики в 2013 году [4]. Эта идея выкристаллизовалась исходя из того, что активисты условно разделились на два лагеря: ярких противников властей, «оппозиционеры», и её сторонников. И те, и другие постепенно теряли роль независимого общественного института, но вопрос обеспеченности ресурсами как от частных, так и от официальных спонсоров, разумеется, стоял и у первых и у вторых на одном из первых мест.

При этом важно понимать, что вышедшее за пределы правового поля гражданское общество представляет серьёзную угрозу для общественной безопасности и порядка, ведь при определённых условиях оно способно породить массовые волнения, используя вполне обычные средства управления, как манипуляция фактами, «вырывание» из контекста и иные. Это ярко видно на примере протестов в Соединённых Штатах Америки (далее – США), где после убийства Джорджа Флойда зародилось движение BLM (с англ. «Black lives matter», «Жизни чёрных важны»), обошедшееся экономике в 1-2 миллиарда долларов [5].

#### **Список источников:**

1. Гражданское общество [Электронный ресурс] // О взаимодействии гражданском общества с ООН / Организация Объединённых Наций. – Женева, 2020. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/sections/resources-different-audiences/civil-society/index.html>. – Дата доступа: 21.12.2020.
2. Цели в области устойчивого развития [Электронный ресурс] / Организация Объединённых Наций. – Нью-Йорк, 2020. – 15 января. – Режим доступа: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>. – Дата доступа: 21.12.2020.

3. Красин, Ю. А. Гражданское общество и демократия [Электронный ресурс] / Ю. А. Красин, А. А. Галкин // Некоммерческое партнёрство Информационно-аналитический портал «Наследие». – Режим доступа: [http://old.nasledie.ru/politvnt/19\\_40/article.php?art=3](http://old.nasledie.ru/politvnt/19_40/article.php?art=3). – Дата доступа: 21.12.2020.
4. Чумак, А. С. Гражданское общество: проблемы и возможности [Электронный ресурс] / А. С. Чумак // Новостной портал ВШЭ. – 2013 г. – 21 марта. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/science/78871136.html>. – Дата доступа: 21.12.2020.
5. Phillips, Morgan. Damage from riots across US will cost at least \$1B in claims: report / Morgan Phillips // FOXBusiness. – 2020. – September 16.

*В.В. Кольцов, К.А. Почуевва, студенты  
iembracethehurt@gmail.com  
thelightningstorm@gmail.com  
ТГУ (Тула, Россия)*

## **НЕДОСТАТОЧНОСТЬ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ЧЕЛОВЕКА КАК АВТОНОМНОГО СУБЪЕКТА**

В большей части современного западного мира – не в географическом его понимании, но в культурно-ценностном – преобладает позиция по поводу отношений между индивидом, обществом и государством, которая связывает политику в основном с обеспечением отдельных лиц максимальным количеством условий реализации их способности к автономному рациональному выбору. Однако насколько оправданной является такая позиция?

Легко можно усомниться в том, в какой мере люди действительно предстают свободными агентами в мире. Обширные области нашей жизни отнюдь не организованы так, чтобы мы осуществляли свои автономно выбранные жизненные проекты, но регулируются рутинной, которую мы не выбирали, и укорененными привычками. Очевидные примеры – отношения только вступившего в мир человека в группах, где проходит его социализация. Принимая воспитание в семье или детском доме, ребенок не выбирает его, затем, уже нагруженный определенным миропониманием, ценностями и схемами поведения, он поступает в образовательные учреждения различных уровней, правилам которых ему следует подчиняться или хотя бы считаться с ними, так же как с корпоративными нормами на работе и государственным законом. Любые взаимодействия в интересубъективном пространстве составляют «историю» каждого человека, также они являются необходимым условием для формирования его идентичности, зачастую не являющейся предметом рефлексии.

Многие люди действуют исходя из своего социального происхождения, которое задает ценностную иерархию и обуславливает то, какие правила этикета они соблюдают, как одеваются, как и в какие игры играют. При этом они не формулируют никаких целей и не совершают никакого выбора, а только

воспроизводят устойчивые схемы поведения, в своей основе носящие подражательный характер.

Только тогда, когда вещи выходят за пределы нормального, повседневного, невыбираемого способа существования, мы думаем о себе как о субъектах, имеющих дело с внешним миром, имеющих опыт формирования различных способов осуществления целей, выбора этих способов и принятия ответственности за результаты наших действий. Другими словами, традиционная интенциональность вступает в игру в тот момент, когда нашего обычного способа справляться с вещами недостаточно.

Таким образом, либеральная идея субъекта, стремящегося реализовать свой жизненный план, упускает из виду тот факт, что критическая рефлексия над целями является не более чем одной возможностью, реализующейся тогда, когда наши обыкновенные способы взаимодействия с вещами не достигают своей цели. Особенно неосмотрительным в такой концепции выглядит провозглашение моральных принципов индивида результатом его осознанного выбора, которое часто имеет своим следствием отрицание любых общих моральных норм, нигилизм и признание собственной выгоды как единственного критерия для оценки своего рационального выбора в жизни.

Сегодня излишне индивидуалистическая концепция «Я» в рыночном пространстве в некоторой степени способствует разрушению либеральных обществ, поскольку она усилила такие проблемы, как отчуждение от политического процесса, одиночество и связанные с ним психологические проблемы, городская преступность, необузданная алчность, высокий уровень разводов, разрушение местных сообществ, семейных и социальных связей.

Их разрешение представляется возможным при обращении к традиции, например, в своей статье «Атомизм» Чарльз Тейлор выступил против вышеуказанной либеральной точки зрения о том, что люди являются самодостаточными вне общества. Вместо этого Тейлор защищает актуальность аристотелевской точки зрения: «человек является общественным животным, в самом деле — политическим животным, потому что он не самодостаточен сам по себе и в важном смысле не является самодостаточным вне полиса».

Социальный мир обеспечивает не только неморальные социальные практики – например, правила поведения за столом и нормы произношения, – но также некоторого рода ориентацию в моральном пространстве. Мы не можем понять наш моральный опыт, если не поместим себя в данное моральное пространство, в авторитетные моральные горизонты. То, что Чарльз Тейлор называет «высшими, ценнейшими благами», к которым мы должны чувствовать приверженность и которые накладывают на нас моральные обязательства независимо от наших реальных предпочтений, не является изобретением индивидов. Он утверждает, что большинство людей заинтересовано в ведении достойной общественной жизни с политическим соучастием, в которой может возникнуть необходимость поддерживать и развивать общественные привязанности, имеющие решающее значение для нашего чувства благополучия.

Принимая во внимание вышеописанные недостатки либеральной теории индивида, можно сделать вывод о важности роли государства и общественных воспитательных структур в роли достижения всеобщего блага среди граждан. Они должны способствовать культивированию и распространению добродетелей в обществе, которые другой видный американский философ-аристотелист Аласдер Макинтайр определяет как «те предрасположения, которые будут не только поддерживать практики и позволять нам достигать благ, внутренних по отношению к практикам, но которые будут также поддерживать нас в соответствующем виде поиска блага, позволяя нам преодолеть зло, опасности, искушения и препятствия, с которыми мы сталкиваемся; это предрасположения, которые ведут нас ко все большему самопознанию и познанию блага». Можно привести в пример традиционные и универсальные добродетели, такие как благоразумие, справедливость, щедрость, дружелюбие, правдивость, умеренность, искренность, милосердие, умножение которых в сообществах различных уровней, несомненно, помогло бы преодолеть растущее отчуждение людей друг от друга и достичь разрешения множества проблем, сегодня не лежащих напрямую в сфере ответственности государства.

#### **Список источников:**

1. Грачев, Н. И. Происхождение концепции прав человека и идея либерального государства / Н. И. Грачев // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 1. – С. 15–29.
2. Корсуновский, А. Г. Свобода как философский концепт и как политическая практика / А. Г. Корсуновский // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2018. – № 41. – С. 57–63.
3. Шавеко, Н. А. Либертарианская и коммунитаристская критика взглядов Джона Ролза и их эволюция в работе политической либерализм / Н. А. Шавеко // Правоведение. – 2018. – № 2 (337). – С. 382–399.
4. Макинтайр, А. После добродетели: Исследования теории морали / А. Макинтайр ; пер. с англ. В.В. Целищева. – М. : Академический проект, 2000. – 384 с.

*А.Н. Курадовец, магистрант  
nastassyya@mail.ru  
БГЭУ (Минск, Беларусь)*

#### **ГЕНЕЗИС ЛОББИЗМА**

Лоббизм как многогранный феномен является значимой составляющей современного политического процесса. Деятельность лоббистов зачастую оказывает влияние на принятие важных политических решений, от которых зависит благополучие государств и народов. Однако данное явление не ново и имеет глубокие исторические корни. Ввиду чего возникает необходимость



изучения лоббизма с момента его возникновения. Целью работы является исследования генезиса лоббизма.

Российский политолог А. Павроз под лоббизмом понимает «любые попытки индивидуумов или групп интересов воздействовать на органы публичной власти в целях влияния на формирование или осуществление государственной политики во имя содействия реализации собственных интересов» [4, с. 154]. Однако первоначально термин имел совершенно иное значение. Английское «lobby» произошло от латинского «lobia», что до XVII века означало проходы в монастырях. С 1640-х гг. под термином понимали «вестибюль и два коридора в здании палаты общин британского парламента, где депутаты имели возможность встречаться с заинтересованными в их деятельности лицами, которые не допускались на заседания палаты» или кулуары [5, с. 301].

Развиваясь на протяжении XVII – XIX вв., понятие «лоббизм» приобрело политический подтекст только в XIX веке. Это было связано с президентством У.С. Гранта в США (1869–1877 гг.), который имел традицию отдыхать в вестибюле одной из гостиниц, который назывался «лобби». Одновременно министры и сенаторы вели прием заинтересованных лиц, гарантировали выполнение просьб, зачастую получая за это вознаграждение [2, с. 87]. Таким образом, «лобби» приобрел политический смысл и стал обозначать группу людей, объединенную общими интересами, а производное от «лобби» понятие «лоббизм» начало использоваться для определения неформального влияния на голоса законодателей в коридорах парламента (в лобби) за пределами законодательной палаты» [1, с. 5].

В XX в. с ростом демократических тенденций, формированием групп интересов и увеличением роли государства в жизни общества возникла необходимость института, который осуществлял диалог с государством, выступал в качестве механизма воздействия на процесс принятия политических решений в интересах общества. Ввиду вышеназванного запроса лоббизм значительно усилил свои позиции и стал инструментом широкого пользования не только для узкого круга лиц, но и для представителей небольших объединений. Изменился и масштаб деятельности: если изначально явление носило эпизодический характер, то теперь лоббизм стал целой системой. Немаловажным является то, что отстаивание интересов начало осуществляться не только с помощью контакта с членами законодательных собраний – лоббизм нашел применение во всех центрах власти, даже самых малых. Так произошла трансформация лоббизма в социально-политический институт.

С третьей четверти XX в. происходит профессионализация лоббистской деятельности. Запрос на квалифицированное представительство интересов спровоцировал возникновение организаций, занимающихся только лоббистской деятельностью. Среди сотрудников подобных компаний большую часть составляют юристы, бывшие политики, специалисты по связям с общественностью, государственные служащие, обладающие необходимыми знаниями и контактами в сфере политики и власти [4, с. 32]. Свидетельством большого влияния лоббистов на политические процессы в мире служат данные

об их количестве. Так, в Европейском союзе на 1995 г. насчитывалось около 10 тыс. профессионалов в области представительства интересов [6, с. 76], в 2019 г. – 15 тыс. Учитывая тот факт, что для ведения данной деятельности нет обязательной регистрации, т.е. она производится на добровольных началах, необходимо отметить, что реальное количество лоббистов гораздо выше, нежели представленные данные. Следовательно, существует устойчивая тенденция к увеличению влияния представителей интересов в процессе принятия политических решений в ЕС и в мире [3].

Таким образом, становление феномена лоббизма происходило в несколько этапов:

1. до XVII в. – период, когда термином «лобби» обозначали проходы в монастырях;

2. 1640-е гг. – XIX в. – под «лобби» понимали вестибюли, кулуары, а затем неформальное влияние на голоса законодателей в коридорах парламента (в лобби) за пределами законодательной палаты;

3. XX – XXI вв. – институционализация и профессионализация лоббизма, большое влияние на процесс принятия политических решений.

#### **Список источников:**

1. Автономов, А. С. Азбука лоббирования / А. С. Автономов. – М. : Права человека, 2004. – 223 с.
2. Лоббизм : курс лекций: / Н. Н. Меньшенина [и др.] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 136 с.
3. Лоббисты в ЕС: сколько стоит попытка повлиять на Брюссель [Электронный ресурс] // DW. – 2019. – 19 марта. – Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/лоббисты-в-ес-сколько-стоит-попытка-повлиять-на-брюссель/a-47412255>. – Дата доступа: 15.12.2020.
4. Павроз, А. В. Группы интересов и лоббизм в политике : учебное пособие / А. В. Павроз – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. – 186 с.
5. Политика // Толковый словарь: Русско-английский. – М. : ИНФРА-М, 2001. – 407 с.
6. Семенов, И. С. Евролоббизм / И. С. Семенов // Бизнес и политика. – 1995. – № 4. – С. 63.

*А.А. Кутузова, магистрант  
kutuzova-aa@ranepa.ru  
РАНХиГС (Москва, Россия)*

## **ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Интернет проник во все сферы жизни современного общества и кардинальным образом изменил многие социальные процессы. Одно из самых значительных изменений произошло в сфере коммуникации. Люди общаются друг с другом и узнают информацию в интернет-пространстве. При этом появляются такие новые формы коммуникации, как, например, интернет-мемы.

В отдельную категорию выделяются политические мемы – медиаобъекты, которые передают информацию о политических категориях. Они могут выступать инструментом не только выражения, но и в определенной степени формирования общественного мнения за счет яркости своей формы, которая, в свою очередь, способствует их стремительному распространению. Именно поэтому они должны рассматриваться как действенный инструмент политической коммуникации в интернет-пространстве.

В основе интернет-мемов лежит стратегия злободневности [2]. Объектами мемов часто выступают актуальные события и инфоповоды. В качестве примера можно привести активность создания мемов в период выборов в США в 2020 году [5]. Кроме того, одним из важных приёмов создания мема является гипербола [4], используемая с целью усиления эффекта гротеска.

Мемы имеют комическую природу: они воздействуют на эмоции человека и вызывают смех. Поэтому мемы можно рассматривать через призму основных теорий происхождения юмора. Как новая форма политического юмора, мемы представляют собой критическую рефлексию общества в отношении высказываний или действий публичных политиков, конкретных политических решений и всей государственной политики. Так, например, начиная с весны 2020 года по всему миру пользователи начали создавать мемы про COVID-19 и государственные меры по борьбе с пандемией [3].

При этом в мемах очень популярен черный юмор со свойственным ему цинизмом. Кроме того, в мемах практически отсутствует цензура. Они позволяют пользователям интернета в ироническом ключе говорить о вещах, о которых сложно сказать серьезно. Именно поэтому мемы способны снижать уровень агрессии в сообществах, внутри которых они распространяются.

Еще одним важным аспектом изучения политических мемов является их способность выступать идентификатором принадлежности пользователей интернета к той или иной социальной группе. Это связано с необходимостью дешифрования информации, которая заложена создателем мема в медиаобъект. Таким образом, отправляя кому-либо мем, пользователь интернета ожидает от его получателя одобрительной реакции (смеха), и, если вместо этого получает в

ответ непонимание или осуждение, делает вывод о том, что получатель не разделяет его ценностей и представлений о смешном.

Сегодня мемы являются важной составляющей массовой культуры, которая способна предложить значительной части граждан новую форму политического участия [1]. Важно отметить, что создатели политических мемов могут одновременно открыто выразить свою позицию и при этом остаться анонимными. Поэтому популярность определенного мема, содержащего критику или протестные настроения внутри страны или локального сообщества может выступать доказательством наличия проблемных аспектов в политической плоскости.

Так, изучение политических интернет-мемов с точки зрения теории политической коммуникации дает возможность анализировать общественное мнение и отношение граждан к проблемам, существующим внутри политической системы. Более того, использование мемов как инструмента донесения информации со стороны государства может способствовать в некоторой степени корректировке отношения общественности к конкретным политическим решениям и государственной политике в целом.

#### **Список источников:**

1. Гандалоева, М. Т. Интернет-мем как избирательная технология / М. Т. Гандалоева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – 2019. – № 3. – С. 15–34.
2. Канашина, С. В. Интернет-мем и политика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-mem-i-politika>. – Дата доступа: 25.11.2020.
3. Столетов, А. Мемы: мифы и реальность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.advertology.ru/article74564.htm>. – Дата доступа: 23.11.2020.
4. Memes and Consciousness: Friend or Foe? [Electronic resource]: Mode of access: [http://www.researchgate.net/publication/275542689\\_Memes\\_and\\_Consciousness\\_Friend\\_or\\_Foe](http://www.researchgate.net/publication/275542689_Memes_and_Consciousness_Friend_or_Foe). – Date of access: 24.11.2020.
5. Turner, J. The experimental social psychology of intergroup behaviour / J. Turner, H. Giles // *Intergroup behavior*. – 1981. – P. 277–293.

*Li Xiaoyu, Master's Degree student  
lll.leo0101@gmail.com  
BSEU (Minsk, Belarus)*

### **CHINA-BELARUS ECONOMIC AND CULTURAL COOPERATION WITHIN THE CONTEXT OF THE *ONE BELT, ONE ROAD* INITIATIVE**

Belarus boasts a rich cultural and civilizational heritage, its people are highly educated, and its cultural undertakings are well developed. Since the establishment of diplomatic relations between China and Belarus on 20 January 1992, cultural

exchanges between the two countries have been steadily advancing and flourishing. Located at the center of Europe, Belarus is the transportation hub of the Eurasian continent and a vital corridor for trade and commerce between China and Europe. Its geographical location determines the geopolitical advantage of the construction of *One Belt, One Road*, which is an important Chinese project. Herein, the features of cooperation between China and Belarus within the context of this project are studied.

The intensive development of relations between China and Belarus began in 2013 when the countries established a comprehensive strategic partnership.

On September 7, 2013, Chinese President Xi Jinping proposed to jointly build *One Belt, One Road* [1]. It is a combination of the Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Road. With the endorsement and active participation of Belarus, on 22 December 2014, China and Belarus signed an agreement on cooperation in building the Silk Road Economic Belt and established the *Monolith* Sino-Belarusian Industrial Park, which is the latest example of Sino-Belarusian cooperation. The largest and highest-level project is a landmark in the joint construction of the Silk Road Economic Belt, and the Belarusian President Alexander Lukashenko called the China-Belarus Industrial Park the most important cooperation project between China and Belarus.

In May 2015, China and Belarus signed nearly 20 economic cooperation agreements with a total value of about \$15.7 billion [2]. It should be noted that these agreements are still valid. According to the data, the trade volume between China and Belarus only in 2015, for example, increased by 5.6 percent compared to 2014 and reached \$3.18 billion. China became the third largest trading partner and the second largest source of imports for Belarus [3]. Thus, economic cooperation is the most important direction of Sino-Belarusian cooperation within the framework of the *One Belt, One Road* initiative.

This project also opens prospects for cooperation in other directions. Culture is the soul of a country and the spiritual home of its people. As a bridge to enhance understanding, communication, cooperation, and development between the two countries, cultural exchanges and cooperation are of utmost importance. Over the years, the two countries have set up various platforms for cultural exchanges, such as arts, cultural, and film festivals, and established cultural centers. The *One Belt, One Road* Initiative stipulates further development of cooperation in this direction [4].

The Week of Intangible Cultural Heritage of the People's Republic of China, held in Minsk since 2017, has given the people of Belarus an opportunity to delve into traditional Chinese culture. Moreover, libraries of the two countries are actively cooperating. The National Library of Belarus has more than 5,000 documents from the Chinese side, covering culture, history, geography, politics, traditions, and medicine. The Chinese Library has also collected a number of Chinese versions of Belarusian works. In the cultural cooperation between China and Belarus, each side publishes at least 3-5 excellent literary translations of the other side every year, which gives the people of the two countries more opportunities to understand each other's excellent culture.

Confucius Institutes, as public interest educational institutions for the

dissemination of Chinese culture, are an important practice subject of the *One Belt, One Road* initiative and concept, as well as an important venue for cultural exchanges and cooperation between China and Belarus. The first Confucius Institute was established in Belarus in 2007, and now there are four Confucius Institutes at Belarusian State University, Minsk State Linguistic University, Belarusian State Technical University, and Gomel State University. The Confucius Institutes carry out many cultural exchange activities, such as Confucius Institute Day, cultural performances, exhibitions and cultural experiences, which provide the people of Belarus with an effective channel for a comprehensive understanding of Chinese culture.

Thus, the main feature of the *One Belt, One Road* project is a complex approach with an emphasis on the simultaneous development of economic and cultural cooperation. This project can be considered as an important instrument of China's soft power for creating a new world system of political, economic, and cultural tolerance.

#### **Resources:**

1. «One Belt, One Road»: Xi Jinping's speech at the 1st «The Belt and Road» International Forum, Beijing, 2017 [Electronic resource] // Russia today. – Mode of access: <https://inosmi.ru/politic/20170519/239391693.html>. – Date of access: 11.12.2020.
2. Huirong, Zh. Development and prospect of China-Belarus economic and trade relations / Zh. Huirong // Russian Central Asian & East European Market. – 2016. – № 3. – P. 85–98.
3. Belarus in numbers. Statistical handbook // National Statistics Committee of Republic of Belarus. – 2020. – P. 59.
4. Zhai, L. The Main Obstacles and Countermeasures of Cultural Exchange Between China and Countries Along Silk Road from the Perspective of «the Belt and Road»/ L. Zhai, Ch. Zhang, Y. Wang // Advances in Social Science. Education and Humanities Research. – 2019. – V. 310. – P. 492–495.

*Е.В. Ловцов, студент*

*e.lovtsov.2000@gmail.com*

*БрГУ им. А.С. Пушкина (Брест, Беларусь)*

### **ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Феномен политического лидерства занимает особенное место в политической науке. Являясь одним из основных проявлений власти в публичном политико-правовом поле лидерство распространяется на различные уровни и подуровни жизнедеятельности общества и государства. Властные полномочия лидера и его положение в политической системе регламентируются рядом политико-правовых актов, определяющих характер их реализации в

плоскости «личность – общество – государство» в историко-политическом контексте.

Советская политическая система монополизировала институт политического лидерства в рамках партийной и институциональной принадлежности. Инакомыслие и альтернативные политические взгляды не находили отражения в политическом дискурсе. Данная система с одной стороны не давала возможность для политического участия широких масс населения, несмотря на наличие избирательных прав, это исключало появление из общества народных лидеров, а с другой стороны не позволяло ярким и амбициозным лидерам с прогрессивными идеями пробиться на вершины, так как партийная номенклатура видела в них угрозу своей привычной жизни. Однако в период до середины 60-х годов данная проблема не стояла, так как на тот момент правящая элита была достаточно молода, что является следствием репрессивной политики Сталина, и, как следствие, способная на изменения в обществе. В 70-е и особенно в начале 80-х годов, с началом экономического и политического кризисов в обществе возникла необходимость структурных изменений общественно-политической жизни. «СССР оставил нам не только тяжёлое наследие, связанное с нарушениями гражданских и политических прав» [2, с. 76]. Политика «перестройки», начатая в середине 80-х годов, привела к структурным изменениям как в Советском Союзе в целом, так и в БССР в частности.

В первую очередь началось появление лидеров из народных масс, которые стремились заполнить вакуум местной политической повестки дня, указывая на недостатки в работе органов КПСС и районных органов власти. Затем с постепенной либерализацией партии, в которой стали возможны дискуссии и споры о путях развития государства, началось взаимодействие с наиболее активными элементами зарождающегося гражданского общества.

С началом реформ серьёзно возросла роль местных и республиканских органов власти, так в Белорусской ССР главной силой стал Верховный Совет, который в большинстве своём состоял из старой партийной элиты. Однако в БССР постепенно начинается формирование новых политических сил, настроенных на достижение суверенитета и независимости республики. До изменения выборного законодательства в 1988 г. данные политические акторы представляли собою внесистемную оппозицию. После выборов в Верховный Совет БССР в составе парламента оказались 3 неформальные группы, которые выдвинули своих лидеров:

- лидер старой номенклатурной элиты – Николай Дементей;
- лидеры центристов были – Станислав Шушкевич Вячеслав Кебич;
- лидер национального движения – Зенон Станиславович Позняк.

С этого момента общественно-политическая жизнь БССР определялась противостоянием вышеназванных политических блоков. Декларация о государственном суверенитете, принятая Верховным Советом БССР 27 июля 1990 г., стала политико-правовой основой суверенного белорусского государства и создала принципиально новые условия для политической борьбы [1]. Таким

образом, к концу существования СССР в Беларуси была возможность для выдвижения лидеров общегосударственного уровня.

Ключевым моментом переходного периода стала разработка Конституции. На данном этапе политического развития у политических элит сложилось принципиально различное понимание роли и места политических лидеров в новой политической системе. Лидеры либерального направления отстаивали модель республики парламентского типа, в которой ключевой фигурой являлся премьер-министр, а правительство было подотчётно парламенту. Президент в данной системе выполнял исключительно церемониальные функции. За основу взята система управления ФРГ. Центристы предлагали политическую модель США, в которых институт президентства является главой исполнительной ветви власти, однако полностью подотчётен парламенту. Он имеет право назначать министров, однако премьер-министр должен быть согласован с парламентом. Номенклатурная элита, которая продолжала составлять значительную часть депутатов Верховного Совета, высказывалась за президентско-парламентскую форму для Беларуси, в которой парламент занимался исключительно законодательной деятельностью, в то время как президент являлся главой исполнительной власти с правом осуществления кадровой политики без согласия парламента. Таким образом привычным для номенклатуры было действовать при авторитарном стиле лидерства, в котором принятие решения связывается с одним человеком или группой лиц, а реализация осуществляется с использованием разнообразных средств убеждения и воздействия на несогласные элементы.

По мере дебатов в парламенте по поводу типа государственного устройства Беларуси нарастала напряженность в белорусском обществе, которое в значительной мере продолжало рассуждать советскими категориями. Одновременно с этим старая партийная элита у большей части населения вызывала скептическое отношение, в силу закостенелого мировоззрения.

Данные тенденции привели к принятию всеми политическими силами компромиссной программы, которая предусматривала введение института президентства как главы исполнительной ветви власти, который все основные назначения обязан согласовывать с парламентом. Следует отметить, что именно Конституция Республики Беларусь 1994 года заложила политико-правовые основы формирования института президентства.

В заключение отметим, что феномен лидерства в контексте становления института президентства в Беларуси является важной частью этапа утверждения и развития белорусской государственности. В историко-политическом контексте понимание сущности политического лидерства белорусским обществом будет меняться, что приведёт к переосмыслению роли и места института лидерства в политической жизни Беларуси.

#### **Список источников:**

1. Декларация Верховного Совета Республики Беларусь О государственном суверенитете Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 27 июля 1990 г.,



№ 193-ХП // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=V09000193>. – Дата доступа: 08.12.2020.

2. Штукина, Т. А. Новое измерение феномена политического лидерства / Т. А. Штукина // Психология и психоанализ власти. Хрестоматия : в 2 т. / ред. Д. Я. Райгородский. – Самара, 1999. – Т. 1. – С. 523–549.

*А.А. Лосик, магистрант  
anton.zews1995@gmail.com  
БГЭУ (Минск, Беларусь)*

## **ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Весь мир, включая Беларусь, постепенно вступает в новую эру – эру цифровой экономики. Цифровые технологии оказали значительное влияние на общество и экономику, вызвав расширение прав и возможностей каждого человека, трансформации продуктов и отраслей, обусловив появление новых целей и задач развития для государства и частного бизнеса. Республика Беларусь ищет свое место в меняющейся мировой экономике. Ищет пути диверсификации рынков сбыта. Это сложный и медленный процесс, связанный с рисками.

В это же время начинает все больше обсуждаться тема грядущего нового технологического уклада, прежде всего ориентированного на внедрение во все сферы экономики инноваций и высоких технологий, обеспечивающих не просто развитие, а рывок в развитии общественной экономики.

Развитие информационного общества и широкое внедрение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) является ключевой составляющей стратегии инновационного развития страны. Информационно-коммуникационные технологии призваны стать инструментом, обеспечивающим развитие высокотехнологичного сектора экономики, создание условий для перехода к цифровой экономике, совершенствования институциональной и формирования благоприятной бизнес-среды.

Приоритетным направлением развития национальной экономики является активное внедрение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) не только на всех уровнях функционирования, но и для создания благоприятной бизнес-среды. Использование ИКТ порождает инновации, что требует их осмысления и включения в правовую и хозяйственную парадигму.

Информационные технологии (ИТ, также ИКТ) – это процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов; приёмы, способы и методы применения средств вычислительной техники при выполнении функций сбора, хранения, обработки, передачи и использования данных; ресурсы, необходимые для сбора, обработки, хранения и

распространения информации [3].

Для характеристики современных информационных технологий (ИТ) используют следующие категории: базы данных, информационные технологии (ИТ, ИКТ), big data, интеллектуальный капитал.

В Республике Беларусь принята Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы. Целью Государственной программы является совершенствование условий, содействующих трансформации сфер человеческой деятельности под воздействием ИКТ, включая формирование цифровой экономики.

Цифровая экономика (электронная, веб-, интернет-экономика) – экономическая деятельность, основанная на цифровых технологиях, связанная с электронным бизнесом и электронной коммерцией, и производимых и сбываемых ими электронными товарами и услугами. Расчёты за услуги и товары электронной экономики производятся зачастую электронными деньгами.

При слиянии реального и виртуального миров образуется новый гибридный мир, в котором будут работать другие законы и правила, отличные от привычных нам сегодня. С этой точки зрения надо сказать, что нет такого явления как «Цифровая» экономика, которое было бы отделено от остальной экономики.

«Цифровая» экономика – это экономика, существующая в условиях гибридного мира. Гибридный мир – это результат слияния реального и виртуального миров, отличающийся возможностью совершения всех «жизненно необходимых» действий в реальном мире через виртуальный. Необходимыми условиями для этого процесса являются высокая эффективность и низкая стоимость ИКТ и доступность цифровой инфраструктуры [3].

28 марта 2018 года вступил в силу Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», направленный на дальнейшее развитие Парка высоких технологий, инновационной сферы и построения современной цифровой экономики в стране. В 2018 году решением правительства был создан Совет по развитию цифровой экономики. В компетенцию совета входят:

- создание и развитие современной цифровой инфраструктуры;
- создание цифровых платформ различного назначения;
- развитие национальной индустрии информационно-коммуникационных технологий;
- вопросы эффективности работы органов государственного управления в сфере развития цифровой экономики.

Совету поручена реализация инвестиционных проектов и проектов государственно-частного партнерства (ГЧП) в области информационно-коммуникационных технологий и международного сотрудничества в сфере цифровой экономики [1].

Большинство инноваций сегодня – это новые продукты и процессы, которые стали возможными благодаря цифровым технологиям или воплощены в данных и программном обеспечении. Достижения в искусственном интеллекте (ИИ), как набор технологий, которые подражают определенным аспектам человеческого

интеллекта, обещают дальнейший прогресс в управлении цифровой информацией и знаниями. Многие измерения цифрового мира отличаются от физического, материального мира, а инновационные процессы и результаты, как следствие, трансформируются. Новый контекст и особенности инноваций требуют изменения целевых показателей, механизмов, инструментов инновационной политики страны. Это связано с тем, что цифровизация оказывает существенное влияние на все механизмы, стимулирующие инновации.

До последнего времени практически все экономические процессы укладывались в бизнес-центрическую парадигму взаимодействий: B2B, B2C, B2G. Развитие технологий позволяет энтузиастам-одиночкам играть важную роль в бизнес-процессах.

Таким образом, появляются совершенно новые типы взаимодействий в экономике: C2B и C2C. Примером первого типа взаимодействий могут служить фрилансеры, выполняющие контрактные обязательства на аутсорсинге.

Примером второго типа взаимодействий могут служить CrowdFunding стартапы (американский kickstarter.com, белорусская talaka.by). Появление новых типов взаимодействий является исключительно важным моментом и требует пристального внимания в силу того, что на сегодняшний день не существует проработанной нормативной и налоговой базы, нет понимания того, как они должны быть интегрированы в общую экономику. Как мотивировать фрилансеров платить налоги? Большинство из них работает в сером секторе экономики, получая оплату за свои услуги в виртуальных валютах (иногда и в криптовалютах). Какие налоги и преференции должны оказываться CrowdFunding инициативам? Данные направления кажутся высокопотенциальными и в обозримом будущем могут составить значительную долю в общей экономике, поэтому подобные вопросы нуждаются в тщательной проработке уже сегодня.

Принципиально важными направлениями развития предпринимательства в рамках инновационной политики Республики Беларусь являются:

1. Во-первых, пересмотр традиционных инструментов поддержки исследований и инноваций для обеспечения их эффективности. Инновации в сфере-услуг (например, новые бизнес-модели) мало зависимы от НИОКР, поэтому они могут не дополучать государственной поддержки в рамках проводимой политики (например, налоговые льготы). Вместе с тем инновации в сфере услуг требуют от бизнеса углубленного понимания информационных технологий (ИТ), которые еще не получили широкого охвата использования, особенно среди малого и среднего предпринимательства (МСП). Инновации в сфере услуг развиваются быстро, а границы сектора все более размываются, технологические измерения могут иметь неожиданные направления из-за нового применения информационных технологий в традиционных технологических областях, что может породить неожиданные и резкие изменения в технологической траектории развития республики. Поддержка, предназначенная для предпринимателей-инноваторов в этих секторах, может быть оправданной. Например, в Нидерландах была внедрена экспериментальная схема

инструментов обслуживания для поддержки МСП, называемая «ваучеры для оформления услуг в инновационном производстве МСП».

Примером инициативной политики является работа немецкого центра компетенций «МСП 4.0», который помогает МСП осознавать, тестировать и внедрять новые цифровые технологии решения для бизнеса. Другим примером является программа CAP'TRONIC во Франции, которая направлена на то, чтобы помочь МСП повысить свою конкурентоспособность за счет интеграции цифровых решений и встроенного программного обеспечения в свои продукты. 85 МСП, участвующие в программе, могут получить доступ к техническим семинарам, тренингам, консультационным услугам и поддержке экспертов для разработки цифровых инновационных проектов [2, с. 259].

2. Во-вторых, поддержка конкуренции среди предпринимательства, чтобы в эпоху цифровых технологий найти правильный баланс между статистической эффективностью – где важны преимущества масштаба – и динамической эффективностью, которая стимулирует инновации. Это сложная область, где основы политики в области конкуренции ставятся под сомнение цифровыми инновациями и присутствием сетевых эффектов, стандартов и т.д. Например, трудно достоверно определить, что составляет «доминирующее положение», поскольку рыночные позиции постоянно подвергаются угрозе со стороны новых участников. Тут играет важную роль масштаб фирмы и динамика конкуренции.

Анализ категории «цифровая экономика» позволил понять, что под этим термином понимается экономическая деятельность, основанная на цифровых технологиях, связанная с электронным бизнесом и электронной коммерцией, и производимых и сбываемых ими электронными товарами и услугами. Либо, по альтернативному определению, – это экономика, существующая в условиях гибридного мира. Гибридный мир – это результат слияния реального и виртуального миров, отличающийся возможностью совершения всех «жизненно необходимых» действий в реальном мире через виртуальный. Необходимыми условиями для этого процесса являются высокая эффективность и низкая стоимость информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и доступность цифровой инфраструктуры.

Проведенный анализ также дал понять о существующих проблемах, касающихся инновационной политики, направленной на цифровую экономику в Республике Беларусь. На данный момент стоит решить следующие проблемы:

- пересмотр традиционных инструментов поддержки исследований и инноваций для обеспечения их эффективности;
- поддержка конкуренции среди предпринимательства.

Таким образом, цифровая трансформация затрагивает традиционные секторы нашей экономики. В перспективе они получают новое наполнение, связанное с комплексным влиянием новейших и вновь возникающих технических решений, технологий и материалов. Цифровая трансформация постепенно захватывает также все новые сферы бизнеса и жизни в целом, преобразовывая стандартные бизнес-процессы, бизнес-модели и целые рынки.

### **Список источников:**

1. Богдан, Н. И. Инновации и человеческие ресурсы для развития цифровой экономики / Н. И. Богдан // Белорус. экон. журнал. – 2018. – № 3. – С. 110–123.
2. Богдан, Н. И. Инновационная политика / Н. И. Богдан. – Минск : Четыре четверти, 2019. – 308 с.
3. Введение в цифровую экономику [Электронный ресурс] / под общ. ред. А. В. Кешелава. – М.: ВНИИГеоСИСТЕМ, 2017. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/07/vvedenie-v-cifrovuyu-ekonomiku-na-poroge-cifrovogo-budushhego.pdf>. – Дата доступа: 11.12.2020.

*А.А. Макаров, студент  
andrei-267@mail.ru  
ТвГУ (Тверь, Россия)*

## **ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ФЕДЕРАЛИЗМА В РОССИИ**

Кризис национальной идентичности россиян, вызванный распадом Советского Союза, усилившийся процесс глобализации, курс властей на федерализацию и демократизацию страны способствовали тому, что российское общество стало все активнее обращаться к альтернативным видам идентичности. В частности, в условиях проводимой центром политики регионализации большое значение приобрела региональная идентичность [11], которая, по мнению ряда исследователей, призвана сыграть важную роль в отношениях центра и регионов [3; 13; 17].

Говоря о региональной идентичности, необходимо отметить отсутствие четкого определения данного феномена, что обуславливается наличием различных подходов к рассмотрению природы этого явления. В рамках современной политической науки, прежде всего, выделяются эссенциалистский и конструктивистский взгляд на региональную идентичность [12].

Стронники эссенциалистского подхода считают, что региональная идентичность является объективным явлением, становление которого происходит под влиянием языковых, территориальных, культурных, исторических и этнических факторов, при этом особенно подчеркивается неуправляемый характер ее формирования в сознании граждан [2; 18; 15].

Исследователи, придерживающиеся конструктивистского взгляда на данную проблему, напротив, говорят о субъективной сущности данного феномена. Согласно их точки зрения, региональная идентичность выступает продуктом социальных отношений, деятельности территориальных сообществ и элит, иначе говоря, региональная идентичность предстает как конструируемое явление, которым можно управлять и которое может выбираться индивидом [1; 2].

Приведем определения региональной идентичности, предлагаемые современными учеными. Согласно Е. В. Ереминой, «региональная идентичность – это, прежде всего, переживаемые и осознаваемые людьми ценности определенной системы локальной общности, которые, в свою очередь, формируют чувство территориальной принадлежности индивида и группы» [3, с. 280]. По мнению В. В. Черниковой «региональную идентичность можно представить как отождествление жителями себя с некоторой местностью, пространством, сложившимися на ней традициями и жизненным укладом» [19, с. 101]. Российский исследователь М. П. Крылов дает следующее определение данному явлению: «региональная идентичность – это системная совокупность культурных отношений, связанная с понятием «малая родина» [6, с. 13].

Важное место в исследовательской среде занимает не только проблема определения феномена региональной идентичности, но и вопрос ее формирования. Ключевым условием становления региональной идентичности, по мнению ученых, является наличие определенной территории или пространства. При этом, как отмечает Н. Ю. Замятина, «речь идет о территории как о своего рода овеществляющей (репрезентирующей, воплощающей) субстанции для разного рода социальных конструкций» [4, с. 151].

На становление региональной идентичности особенно влияет наличие образа «чужого», образа, которому сообщество или индивид себя противопоставляет и по отношению к которому выстраивает определенное отношение, будь то конкуренция, вражда или подчинение. При этом для региональной идентичности характерно присутствие данного образа на различных уровнях, то есть региональное сообщество может противопоставлять себя другим регионам, федеральному центру, государству и так далее [4; 5; 10].

С распадом Советского Союза одной из ключевых задач, поставленных правительством (наряду с общей демократизацией, формированием свободных рыночных отношений и институтов гражданского общества) стало построение федеративных отношений внутри страны, переход к равноправному взаимодействию центра и субъектов. В связи с этим появилась необходимость конструирования особой политической культуры, которая соответствовала бы государственному устройству и способствовала бы развитию федерализма. В этом плане особую роль могла бы сыграть региональная идентичность [14].

Федеративные отношения в России имели несколько стадий своего развития. Период 90-х гг. характеризуется исследователями как этап децентрализации [14]. На данной стадии происходило отдаление регионов от центра, утверждение региональных законодательных актов, кроме того, этот период характеризуется становлением политических режимов внутри регионов, требованием политическими элитами большей автономии для субъектов страны. Региональные элиты на данном этапе активно занимались конструированием региональной политической идентичности, прибегая к использованию политических мифов. В ряде случаев имело место проявление сепаратизма [8].

С начала 2000-х гг. власть выбирает другую модель выстраивания отношений с регионами. Происходит усиление центра, регионы теряют свои

полномочия в финансовой и законодательной областях, осуществляется создание «вертикали» исполнительной и законодательной власти, что, в конечном счете, приводит к становлению в России гибридной модели федерализма («квазифедерализма») [16].

Главная роль в политическом процессе в современной России по-прежнему остается за центром, регионы не воспринимаются как равноправные субъекты политики, от них не исходит импульс, побуждающий власть к проведению политики децентрализации. В подобной ситуации региональные управляющие не только не ставят перед собой задачи по поддержанию единства регионального сообщества, стимулированию деятельности населения и формированию доверительного отношения к институтам власти, но и не осознают их [9]. Иначе говоря, региональная власть не участвует в процессе конструирования региональной идентичности. Как итог, «локальные сообщества оказываются под угрозой разрушения со стороны централизованных формализованных институтов» [10, с. 129].

Наибольшего успеха в формировании региональной идентичности, по мнению исследователей, удалось добиться лишь в национальных субъектах России, что обусловлено сильным влиянием этнического фактора. Кроме того, попытки конструирования региональной идентичности успешны в экономически развитых субъектах. В обоих случаях важнейшую роль играет возможность использования символических ресурсов, политических мифов, стереотипов. К этому стоит добавить, что своеобразной чертой российского федерализма является различный уровень автономности субъектов, что также сказывается на возможности конструирования региональной идентичности [7; 8].

Таким образом, можно сделать вывод, что в рамках политики федерализации в России формирование региональной идентичности не приобрело массовый характер в регионах. Напротив, региональная идентичность в силу внутренних и внешних причин характеризуется нестабильностью, зачастую уступая место национальной или же этнической идентичности. Об этом, в частности, свидетельствует то, что наибольшее распространение данный феномен получил лишь в субъектах, где доминируют представители нерусского этноса.

Вместе с тем, как отмечают исследователи, подобное состояние носит отрицательный характер в контексте построения федеративных отношений, так как в рамках данного государственного устройства стабильность и развитие страны возможны лишь с опорой на региональные сообщества, обладающие устойчивой региональной идентичностью. Только при учете данного аспекта возможна выработка грамотных политических решений, способствующих гармоничным отношениям центра и региона, результатом которых станет не только благополучие субъектов, но и государства в целом.

### Список источников:

1. Гельман, В. Политические элиты и стратегии региональной идентичности / В. Гельман // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. VI, № 2. – С. 91–105.
2. Головнева, Е. В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура / Е. В. Головнев // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. – № 5. – С. 42–50.
3. Еремина, Е. В. Понятие региональной идентичности и специфика ее формирования в современной России / Е. В. Еремина // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 5. С. 276–287.
4. Замятина, Н. Ю. Территориальные идентичности и социальные структуры / Н. Ю. Замятина // Общественные науки и современность. – 2012. – № 5. – С. 151–163.
5. Казакова, Г. М. Российская региональная идентичность: современный культурологический дискурс / Г. М. Казакова // Вестник МГУКИ. – 2008. – № 6. – С. 16–20.
6. Крылов, М. П. Региональная идентичность в Европейской России / М. П. Крылов. – М. : Новый хронограф, 2010. – 240 с.
7. Кулаков, С. В. Проблемы формирования региональной политической идентичности в современной России С. В. Кулаков // Pro nunc. Современные политические процессы. – 2015. – № 1 (14). – С. 141–151.
8. Кулаков, С. В. Развитие российского регионализма в контексте политической идентичности С. В. Кулаков // Pro nunc. Современные политические процессы. – 2017. – № 2 (18). – С. 43–54.
9. Лапин, Н. И. Новые проблемы исследований региональных сообществ / Н. И. Лапин // Социологические исследования. – 2010. – № 7. – С. 28–38.
10. Лубянов, А. В. Роль идентичности в формировании региональной общности / А. В. Лубянов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2014. – № 1 (135). – С. 123–131.
11. Макарова, Г. И. Взгляд на региональную идентичность: к программе социологического исследования / Г. И. Макарова // Вестник КИГИ РАН. – 2017. – № 1 (29). – С. 84–94.
12. Малащенко, М. В. Понятие «региональная идентичность» в зарубежном научном дискурсе / М. В. Малащенко, С. А. Глушкова // Гуманитарий юга России. – 2017. – Т. 23, № 1. – С. 90–100.
13. Митрошенков, О. А. Управление идентичностями: возможности и пределы / О. А. Митрошенков // Свободная мысль. – 2011. – № 10. – С. 133–148.
14. Огорокова, М. П. Политическая идентичность молодежи в контексте российского федерализма (на материалах республики Саха (Якутия)) / М. П. Огорокова, Н. А. Григорьев // Общество: политика, экономика, право. – 2018. – № 12 (65). – С. 26–30.
15. Смирнягин, Л. В. Региональная идентичность и география / Л. В. Смирнягин // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник



- статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции, Москва, 21–22 октября 2010 г. / редкол.: И. С. Семененко [и др.]– М., 2011. – С. 177–185.
16. Туровский, Р. Российский квазифедерализм: состояние и перспективы / Р. Туровский // К новой модели российского федерализма /под общ. ред. А. Рябова, А. Захарова, О. Здравомысловой. – М., 2013. – С. 118–142.
17. Тянь, В. В. Региональная идентификация как фактор эффективности управленческих решений власти в контексте федерализма / В. В. Тянь // Вестник ГУУ. – 2014. – № 21. – С. 318–325.
18. Федотова, Н. Н. Концепции идентичности в условиях нелинейной социокультурной динамики / Н. Н. Федотова // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 2. – С. 52–62.
19. Черникова, В. В. Региональная политическая идентичность: проекция Воронежской области / В. В. Черникова // Власть. – 2016. – № 3. – С. 101–105.

*А.Э. Матосян, студент  
moratushka@gmail.com  
РУДН (Москва, Россия)*

## **КРИЗИС ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ США**

Политико-административная система – это система, в которой происходит организация и осуществление самого политического управления, то есть процесс решения проблем социального значения. Можно сделать вывод, что политико-административная система включает связи, установленные на уровне исполнительных органов, судебной и законодательной ветвей власти, при этом обязательно опирается на выстраивание отношений с гражданским обществом. На эффективность политико-административной системы определенного государства влияет множество факторов, среди которых можно выделить специфику страны и региона в целом, научно-технологическое развитие, правовую систему и т.д [3, с.150–165]. Одним из самых важных факторов является эффективность взаимодействия власти с другими составными элементами политико-административной системы страны. В этом контексте интересным для изучения является кейс США, политико-административная система которых всегда была в центре внимания политиков и ученых [4, с. 15].

США – это президентская федеративная республика, состоящая из 50 штатов и столичного федерального округа Колумбия. Политическая система США построена в соответствии с принципом разделения властей, что является основой его системы «checks and balances» (система сдержек и противовесов) [1]. Что касается штатов, то каждый из них имеет свой свод законов, порядок распределения полномочий (исполнительных, законодательных и судебных) и широкую политическую и административную автономию, вытекающую из одного из фундаментальных принципов федерализма. В стране господствует бипартизм, представленный основными политическими силами – Демократической и Республиканской партиями [7]. Политическая система США

на протяжении всей своей истории сохраняла стабильность, за исключением этапа гражданской войны, развязанной после победы А. Линкольна на выборах 1860 г.

Главой исполнительной власти является президент. Он возглавляет американские вооруженные силы, имеет право назначать и смещать с должности глав различных ведомств и агентств. С другой стороны, он не обладает правом законодательной инициативы, но может предлагать законопроекты для рассмотрения и обсуждения; президент США также наделен правом вето на законы, одобренные законодательным собранием, однако и это право ограничено. Избранный вместе с главой исполнительной ветви власти вице-президент действует как его непосредственный заместитель в случае отставки, отстранения от должности или смерти президента. Исторически вице-президент играл роль «фоновой поддержки» для главы государства, не обладая значительным политическим весом, хотя были и исключения.

Законодательная ветвь США представлена двухпалатным Конгрессом. Верхняя палата (Сенат) избирается штатами на шестилетний срок; каждый из них избирает двух представителей, несмотря на размер территории и количество население. Палата представителей избирается всеобщим голосованием, при этом страна делится на равное количество избирательных округов в зависимости от численности населения. Учитывая избирательную систему США и децентрализованный характер двух политических партий, представители и сенаторы пользуются широкой независимостью при голосовании.

Институты судебной ветви власти США, в особенности Верховный Суд, всегда играли видную роль в системе «checks and balances». В полномочия суда входит вынесение приговоров во всех сферах общественной жизни. Будучи главным толкователем Конституции страны, Верховный Суд имеет ряд чрезвычайных полномочий, например, он может объявить действия членов федеральных или местных властей не соответствующими главному закону США.

США в целом считаются успешным примером реализации федеративной системы государства. Конституция США указывает на то, что штаты уступают или отказываются от части своего суверенитета в пользу федеративного государства. В Конституции также закреплено, что любой вопрос, прямо не делегированный федерации, находится под юрисдикцией штатов. У каждого штата есть своя конституция и система разделения полномочий (исполнительная власть – губернатор, избираемый на четыре года, но в некоторых штатах – на два года) [7].

Несмотря на тот факт, что США являются одним из самых успешных примеров функционирования федеративного устройства государства с верховенством права и главенством демократических ценностей, можно сказать, что мы наблюдаем некий кризис в политико-административной организации США. Одним из факторов данного явления стало падение доверия к власти. С каждым годом растет недоверие к политическим институтам Соединенных Штатов, хотя, безусловно, это зависит от администрации президента и

главенствующей партии [2]. Много факторов повлияло на становление такой тенденции среди американского населения, в особенности события сентября 2001 г., Иракская война, экономический кризис 2008 г. С приходом к власти Б. Обамы можно говорить о том, что уровень доверия к федеральному правительству начал повышаться, в то время как с президентством Д. Трампа, наоборот, вновь можно отметить снижение уровня доверия населения. Б. Ширяев приводит результаты исследования общественного мнения, согласно которому только 37 % населения доверяют Д. Трампу. Автор также отмечает, что это худший показатель за последние 70 лет [5]. Попытки Д. Трампа провести реформы без учета интересов среднего класса также усугубили его положение. Важным фактором при избрании главы государства является то, что одни штаты традиционно голосуют за Республиканцев, другие – за Демократов. Здесь отображаются предпочтения населения, и именно это показывает то, как «простой» народ реагирует на власть и на процесс принятия политических решений. Партийная поляризация влияет на политико-административную систему страны последние несколько лет. Например, при президентстве Б. Обамы новые важные законопроекты или инициативы принимались партией Демократов, при Д. Трампе – Республиканцев. Партии формируют свои программы, резко противоположные друг другу. Такие меры привели к некому кризису в системе принятия политических решений, сильно уменьшив ее эффективность и «нормальность» на уровне внутренней и внешней политики.

Следующим фактором, углубившим кризис политико-административной системы, стала тенденция к росту авторитаризма в реализации президентской власти. Президент все чаще обходит решения Конгресса, игнорирует Верховный Суд, в особенности это стало очевидным с приходом к власти Д. Трампа. Многие американские политологи отмечают, что Д. Трамп вышел за рамки своих полномочий. Причина растущего авторитаризма кроется также в партийной поляризации. С этими двумя явлениями связано и то, что за последние годы принимается очень много «ненужных» законодательных проектов, вследствие чего падает эффективность законодательной власти. Это привело к тому, что все чаще блокируется принятие важных государственных решений. Да, США действительно можно назвать успешным примером реализации федеративного устройства, так как каждый штат является носителем суверенитета и осуществляет исполнительную, законодательную и судебную власть. Это и есть фундаментальный принцип федерализма – независимость штатов в реализации власти, однако некоторые вопросы (например, продажа наркотиков или любые другие общественно-значимые проблемы) должны перейти в общенациональное ведение. Некоторые законы штатов иногда доходят до абсурда, что вообще ставит под сомнение адекватность организации местной политики. Политико-административное управление непосредственно влияет на экономическое развитие штатов. Из-за этого мы можем наблюдать неравенство – одни штаты очень богатые, другие бедные [6].

В государственной политике могут возникать кризисы внешнего и внутреннего порядка – международные конфликты, экономические кризисы,

неравенство в экономической и социальной сферах, национализм, расизм, рост авторитаризма политических институтов. Можно сказать, что США столкнулись с некоторыми из таких проблем. Кризис в политико-административной организации США во многом связан с двухпартийной системой, которая в итоге приводит к поляризации процесса принятия государственно важных решений. Законопроекты принимаются в зависимости от принадлежности президента к Демократической или Республиканской партии. Такие шаги приводят к росту авторитарности президентского режима, что в свою очередь влияет на то, насколько население США доверяет действующей власти. Поскольку доверие к власти является одним из важных аспектов политической жизни США, то можно сделать вывод, что это один из самых важных факторов возникновения раскола в политико-административной системе. Подводя итоги, стоит отметить, что мы не можем говорить о глубоком кризисе в политико-административном управлении, так как политические реалии в США быстро меняются вместе с приходом нового президента.

#### Список источников:

1. Травкина, Н. М. США: меняющийся алгоритм развития / Н. М. Травкина. – М. : Весь мир, 2018. – 264 с.
2. Травкина, Н. Углубляющийся кризис политической системы США: причины, признаки, последствия [Электронный ресурс] / Н. Травкина, В. Васильева. – Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=535980>. – Дата доступа: 19.12.2020.
3. Политико-административное управление : учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. В. С. Комаровского, Л. В. Сморгунова. – М. : Юрайт, 2019. – 407 с.
4. Ускова, Т. В. Эффективность государственного управления: сущность, факторы и методы повышения: учебное пособие / Т. В. Ускова, С. А. Кожевников. – Вологда : ФГБУН ВолНАЦ РАН, 2019. – 160 с.
5. Ширяев, Б. Кризис политической системы США: устойчивая реальность или временное явление / Б. Ширяев, С. Костюченко // XXI международный научно-исследовательский конкурс МЦНС «Наука и просвещение» / отв. ред. Г. Б. Гуляев. – Пенза, 2019. – С. 263–267.
6. Geil, K. Why Competition in the Politics Industry is Failing America / K. Geil, M. Porter [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.hbs.edu/competitiveness/Documents/why-competition-in-the-politics-industry-is-failing-america.pdf>. – Date of access: 19.12.2020.
7. Renka, R. The American Two-Party Duopoly [Electronic resource]. – Mode of access: [https://cstl-cla.semo.edu/rdrenka/ps360/Fall2009/American\\_duopoly.htm](https://cstl-cla.semo.edu/rdrenka/ps360/Fall2009/American_duopoly.htm). – Date of access: 19.12.2020.

*Т. Маубаев, студент*

*19s06s19@mail.ru*

*Колледж экономики, бизнеса и права*

*КЭУ Казпотребсоюза (Караганда, Казахстан)*

## **СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

Сегодня молодежь – это один из самых организованных, социально-активных слоев населения. Она объективно является генератором новых идей, жизненной силой и энергией общества. Молодежь не просто будущее страны, это ее настоящее.

Проводимые сегодня реформы по обновлению и модернизации страны осуществляются при участии молодых людей. В своем Послании народу Казахстана Глава государства К.-Ж. Токаев отметил роль молодежи: «2020 год объявлен «Годом волонтера». Актуальная задача – расширить участие граждан, особенно молодежи, студентов и учащихся в добровольческой деятельности, привить им навыки активной жизненной позиции. Это важная составляющая часть нашей работы по укреплению гражданского общества: по всем направлениям поддержать нашу молодежь, будущее Казахстана» [4]. Большая часть молодежи решает задачи коренного изменения своего отношения к жизни, труду, собственности, осмысления своего долга и причастности к судьбе Родины, любви и преданности стране и народу, связывает с ними свои жизненные перспективы и рост физических, личностных, образовательных, профессиональных качеств. Именно такие люди, верящие в правильность выбранного пути, будут всегда с уверенностью смотреть в будущее и нести ответственность за развитие общества.

В наше время все более актуальными становятся проблемы современной молодежи. Во всем мире, да и в Казахстане у молодежи меняются приоритеты. Вместо того, чтобы быть добрыми, честными и послушными, думать о семье, наше подрастающее поколение все чаще хочет выделиться за счет пагубных привычек, насилия и превосходства.

Среди казахстанских подростков растет число наркоманов. При этом количество наркозависимых в целом по сравнению с прошлым годом уменьшилось. Больше всего юных наркоманов на учете в Алматы – более 600 подростков. Но официальная статистика, как предполагают эксперты, в пять раз меньше реальной картины. Между тем каждый наркоман за год вовлекает в этот порочный круг 13–15 человек.

В жизни современного общества одной из особо острых проблем является распространение случаев злоупотребления алкогольной продукцией среди подростков и молодежи. В Казахстане распространенность потребления алкоголя среди подростков старше 12–15 лет составляет 18,1 %, 15–17 лет – 37 %. Это приводит к росту числа хронических заболеваний и смертности, а также оказывает негативное влияние как на жизнь общества в целом, так и на жизнедеятельность личности.

На наш взгляд, приоритетным направлением должно стать вовлечение молодежи в общественную жизнь страны. Для реализации данного направления предусмотрены различного рода проекты, программы, основными целями которых являются: самоопределение молодежи на рынке труда, развитие моделей и форм вовлечения молодежи в трудовую и экономическую деятельность, направленную на решение вопросов самообеспечения молодежи, вовлечение молодежи в деятельность трудовых объединений, студенческих отрядов, молодежных бирж труда и других форм занятости молодежи, привлечение молодежи в творческие, научные и спортивные объединения.

В каком направлении пойдет дальнейшее развитие Казахстана, будет зависеть не только от успешного хода социально-экономических реформ, но и от того, насколько настроена к активному участию в них молодежь.

Таким образом, в Казахстане молодежная политика рассматривается как часть социальной политики. Вместе с тем, среди молодежи не должны развиваться иждивенческие настроения. Уместно вспомнить мнение Елбасы Н. А. Назарбаева о том, что только собственный труд станет источником благосостояния, а государство должно создать для этого должные условия. Речь идет о формировании конкурентоспособной молодежи [5].

Мы поддерживаем реформы Главы государства, направленные на укрепление государственности, демократизацию казахстанского общества и стабильное развитие страны. Полагаем, что только общими усилиями мы достигнем развития и укрепления государственности, роста благосостояния казахстанцев!

И стратегический курс Лидера нации, направленный на модернизацию всех сфер жизни общества, улучшение качества жизни, мир и стабильность, как и прежде остается основой нашего единения, нашей уверенности в будущем, наших дальнейших успехов и побед.

#### **Список источников:**

1. О государственной молодежной политике в Республике Казахстан [Электронный ресурс] : Закон Республики Казахстан, 9 февраля 2015 г. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz>. – Дата доступа: 20.12.2020.
2. Конституция Республики Казахстан: с изм. и доп. от 23 марта 2019 г. – Алматы, 2019 г. – 45 с.
3. Концепция государственной молодежной политики Республики Казахстан до 2020 г. «Казахстан 2020: путь в будущее» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1300000191#z6>. – Дата доступа: 20.12.2020.
4. Послание Главы государства «Казахстан в новой реальности: время действий» от 01 сентября 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000002020/history>. – Дата доступа: 20.12.2020.
5. Послание Главы государства «Казахстанский путь – 2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее» от 17 января 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400002014/links>. – Дата доступа: 20.12.2020.

*А.Р. Менаждинова, магистрант  
ms.menazhdinova@mail.ru  
РАНХиГС (Москва, Россия)*

## **ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИММИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ФРГ**

Интенсификация социальной мобильности является одной из отличительных черт формирования международного сообщества. Данный процесс оказал значительное влияние на характер развития внешнеполитической и внутривнутриполитической деятельности государств-членов Европейского Союза (ЕС). Этот вопрос особенно актуален для Федеративной Республики Германия (ФРГ), которая является одной из приоритетных стран для иммиграции.

Современный этап формирования иммиграционной политики в Германии был ознаменован заключением договора с Турцией в 1961 г. о привлечении рабочей силы [1], необходимость в которой возникла вследствие бурного экономического роста и послевоенного восстановления страны. За последние десятилетия регулирования иммиграционных процессов акцент сместился преимущественно в область интеграции иммигрантов в немецкое общество. Однако вплоть до начала 2000-х гг. отсутствовала необходимая нормативно-правовая база государственной регламентации данной области.

Важным шагом в становлении иммиграционной политики ФРГ стало принятие Закона об иммиграции в 2005 г. [3], одним из основных положений которого было обязательное прохождение иммигрантами специальных интеграционных курсов. Более того, для повышения эффективности иммиграционной политики Германии в сфере интеграции А. Меркель, канцлером страны, была предложена инициатива по созданию «интеграционных саммитов», которые должны проводиться каждый год с целью установления и развития диалога с иммиграционным сообществом и привлечения к участию в нем немецкого общества. Другой характерной чертой этого этапа государственного регулирования иммиграционных процессов в ФРГ стал мультикультурализм, основанный на идее «плавильного котла» – гармоничного сплава граждан страны и иммигрантов. Однако эта идея не возымела должного успеха, усилив дезинтеграцию иммиграционного сообщества относительно немецкого общества.

Ситуация значительно обострилась, когда правительством Германии была создана программа привлечения высококвалифицированных специалистов из-за рубежа вследствие длительного экономического кризиса, который привел к нехватке собственной высококвалифицированной рабочей силы и «утечке мозгов». В рамках данной программы были значительно упрощены условия въезда иммигрантов. В частности, имели место отмена положения о знании немецкого языка, разрешение супругам получить работу в любой отрасли и т.д. В результате принятые меры государственного регулирования в период с 2013 по 2014 гг. привели к нарастанию напряженности в социально-экономической и

политической сферах, что, в свою очередь, сформировало основу для усиления крайне правых сил. Так, созданные в данный период организации (например, Альтернатива для Германии) [4] активно набирали свою популярность.

В 2015 г. правительство ФРГ столкнулось с серьезным вызовом, когда иммиграционный поток в страну вырос в несколько раз, что было связано с военными конфликтами на территории стран Ближнего Востока. Возникший острый миграционный кризис оказал значительное влияние на внутреннюю политическую и социально-экономическую обстановку в стране. На этом этапе в основу государственного регулирования иммиграционных процессов лег выдвинутый А. Меркель лозунг «Wir schaffen das!» («Мы можем сделать это!»), который подразумевал разрешение проблемы в сфере приема и интеграции иммигрантов-беженцев в контексте «культуры гостеприимства» [2].

Переломный момент в формировании иммиграционной политики наступил в 2016 г., когда в канун Нового Года в Кельне со стороны иммигрантов были совершены многочисленные нападения на местных жителей. В результате в течение определенного периода город был охвачен волнениями. В связи с этим А. Меркель был поднят вопрос об ужесточении иммиграционного законодательства, однако не было предложено конкретного решения. Более того, канцлер отвергла идею закрытия границ.

В то же время на уровне ЕС с Турцией было заключено соглашение, предусматривавшее реадмиссию нелегальных иммигрантов, которые прибыли на территорию стран-участников ЕС после 20 марта 2016 г. Соглашение легло в основу государственного регулирования иммиграционных потоков в ФРГ в период 2017–2018 гг. Отличительной чертой этого периода стало проведение активной политики по уменьшению числа иммигрантов на территории страны посредством содействия их возвращению на родину.

Несмотря на реализацию принятого соглашения, правительству Германии в 2019 г. не удалось в значительной степени разрешить иммиграционную проблему в рамках принятых законов, особенно в сфере рынка. Это, прежде всего, связано со спецификой культурного аспекта иммиграционного сообщества, которая особенно ярко проявляется в ролевой модели взаимоотношений. Поскольку женщины-иммигранты в большей степени нацелены на ведение домашнего хозяйства, их сложнее интегрировать в рынок труда.

В контексте пандемии в 2020 г. правительство ФРГ не может предложить эффективного разрешения проблемы управления иммиграционными потоками. Более того, ситуация усугубляется тем, что на настоящий момент совместные действия Германии и других стран-членов ЕС по решению проблемы иммиграции являются малореальными.

Таким образом, иммиграционная политика Германии столкнулась с серьезным вызовом, который значительно обострил сложную политическую и социально-экономическую обстановку в стране. Кроме того, сложившаяся ситуация обостряется за счет ряда проблем относительно координации совместных действий в сфере иммиграции на уровне ЕС. Именно по этой



причине одна из ключевых задач нынешнего этапа государственного регулирования иммиграционных потоков в ФРГ состоит в оперативной выработке решения сложившейся проблемы.

#### **Список источников:**

1. Chronik Tabelle [Electronic resource] // Italiener. – Mode of access: [http://www.italiener.angekommen.com/Chronik\\_Tabelle.html](http://www.italiener.angekommen.com/Chronik_Tabelle.html). – Date of access: 13.12.2020.
2. Protokoll der Bundespressekonferenz vom 31. August 2015 [Electronic resource] // Bundesregierung. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2015/08/2015-08-31-pk-merkel.html>. – Date of access: 15.12.2020.
3. Основные положения закона об иммиграции: беженцы и переселенцы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dw.com/ru/основные-положения-закона-об-иммиграции-беженцы-и-переселенцы/a-1480413>. – Дата доступа: 14.12.2020.
4. Партия «Альтернатива для Германии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20170924/1505067064.html>. – Дата доступа: 14.12.2020.

*Д.Б. Мермер, студент  
mermer.darya@mail.ru*

*Филиал БГЭУ МТК (Минск, Беларусь)*

## **ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА**

На сегодняшний день взаимодействие государства и гражданского общества является актуальной темой. При этом для уяснения корня возникающих при их взаимодействии проблем важно ответить на вопрос о том, какое общество является гражданским.

Как известно, понятие «гражданское общество» употреблялось в работах Аристотеля, Цицерона и было тесно связано с идеями естественного права. В тот исторический период быть членом общества означало быть гражданином, членом государства, и тем самым быть обязанным жить и действовать в соответствии с законами без нанесения вреда другим. В этот период фактически отсутствует разделение между понятиями «государство» и «гражданское общество». Различие возникло с XVI–XVII вв., когда термином «государство» начали обозначать такие формы организации политической власти, как городская община, республика, княжеское господство. Само понятие «государство» было использовано Н. Макиавелли для объединения в нем понятий «республика» и «единовластное правление».

В дальнейшем возникали различные концепции государства и гражданского общества. Однако в целом модель гражданского общества базируется на идее Дж. Локка и А. Смита, которые утверждали, что в основе этого общества –

равенство, признание неотчуждаемых прав человека, а также сотрудничество на основе способности договариваться об условиях создания гармоничного и справедливого общества. Важным условием является также гарантированность государством естественных прав человека и невмешательство в индивидуальную жизнь граждан.

При этом государство обеспечивает гарантированность прав граждан (политических прав на участие в управлении), а гражданское общество в ответе за обеспечение прав человека (неотъемлемых прав личности на жизнь, свободу, счастье и др.). Основопологающим условием этих обязательств является личность и ее право на самореализацию в рамках существующих правил и норм.

Государство и гражданское общество предполагают взаимоконтроль и взаимоограничения государственных и негосударственных органов в целях реализации общих потребностей. Эти цели достигаются путем конструктивного сотрудничества на базе признания важности и значимости интересов сторон и взаимного уважения.

По мнению профессора А. А. Демичева, гражданскому обществу присущ ряд признаков. Во-первых, это общество подлинной свободы и демократии, в котором признается приоритет прав человека. Во-вторых, это общество построено на основе принципов самоуправления, свободной инициативы граждан. В-третьих, это общество социального рыночного хозяйства, в котором обеспечены свобода экономической деятельности, предпринимательства, труда, разнообразие и равноправие всех форм собственности и равная их защита, общественная польза и добросовестная конкуренция. В-четвертых, это общество, которое обеспечивает социальную защищенность граждан, достойную жизнь и развитие человека [4, с. 22].

Таким образом, для того, чтобы общество называлось «гражданским», оно должно базироваться на разветвленной системе территориального общественного самоуправления и высоком уровне правовой культуры. Однако рост преступности и других правонарушений свидетельствует о недостаточном уровне правовой культуры граждан, правовом нигилизме. Кроме того, неверное представление о праве и государстве – это существенная проблема. Часто правовой нигилизм проявляется в недооценке значения и роли права, а порой в игнорировании требований законов.

Надо понимать, что правовая культура немислима без человека, его сознания, его деятельности. Индивидуальная правовая культура предполагает не только всестороннюю правовую осведомленность, знание содержания правовых предписаний, но и положительное к ним отношение и их исполнение.

Важно воспитывать гражданское чувство патриотизма, любви к ближнему, к Родине уже с юного возраста. Формирование высокого уровня правовой культуры должно быть первостепенной, важнейшей задачей государства, т.к. именно высоконравственные и образованные граждане являются фундаментом гражданского общества, а также системы территориального общественного самоуправления.

### Список источников:

1. Князев, С. Н. Управление: искусство, наука, практика / С. Н. Князев. – Минск : Армита-Маркетинг, 2002. – 512 с.
2. Гражданское общество и государство (очерки теории и практики взаимодействия) / Е. М. Бабосов [и др.]; под общ. ред. Ю. М. Бубнова. – Могилев : МГУП, 2014. – 294 с.
3. Шевцов, Ю. Л. Объединенная нация. Феномен Беларуси / Ю. Л. Шевцов. – М. : Европа, 2005. – 256 с.
4. Демичев, А. А. Пути формирования гражданского общества в России: история и современность / А. А. Демичев // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2018. – № 2. – С. 22–26.

*І.І. Миц, студент  
iimys.iff18@gmail.com  
КУБГ (Київ, Україна)*

## ДІПФЕЙК І ПОСТПРАВДА ЯК СУЧАСНІ ПЕРЕДВИБОРЧІ ТЕХНОЛОГІЇ

Актуальність теми проявляється перш за все в тому, що за сучасних умов передвибірчі технології вийшли на абсолютно новий рівень. Значна їх частина впроваджується завдяки інтернету, а саме всіляким способам впливу на громадську думку завдяки неправдивій інформації і фейкам.

Ціль – розкриття відомостей про діпфейк і постправду і способів як їм можна протистояти.

Проблематикою технології діпфейку займалися А. Вальорська, О. Горчинська, О. Авякян. Вони розглядали проблеми, що діпфейк є продуктом алгоритму штучного інтелекту і те, що він розвивається з великою швидкістю. Скоро, без спеціальних алгоритмів, ми не зможемо розрізнити правдивий контент від підробленого.

В свою чергу А. Гарбузяк, А. Якімов розглядали постправду як негативне явище, через яке не тільки нагромаджується велика кількість неправдивої інформації, а й те, що вона може вплинути на думки громадян.

У загальному розумінні, deepfake (з англ. deep learning – глибинне навчання – та fake – підробка) є продуктом двох алгоритмів штучного інтелекту, у результаті якого генерується новий тип даних, який саме і є неправдивим.

Алгоритм аналізує як би могла виглядати людина на фото чи відео, або що б вона могла казати і в результаті виходить новий контент. Усе б нічого, але без детального аналізу це практично не можливо виявити і тому діпфейки можна використати як заяви відомих людей, які вони насправді не казали. Відомим прикладом такого явища є відео, у якому нібито Б. Обама негативно висловлюється у бік Д. Трампа. Хоч воно і було створене на комп'ютері, користувачі мережі повірили у його правдивість. Лише згодом його творці повідомили, що відео не справжнє.

Раніше такий контент можна було створити лише у провідних університетах світу. Проте із плином часу і розвитком технологій, зараз, кожен, хто має комп'ютер і доступ в інтернет може створити фейк.

А. Вальорська у своїй книзі «Діпфейк і дезінформація» виділяє різновид діпфейку – *shearfake*, тобто дешеві маніпуляції. Це маніпуляції із зображеннями, аудіо чи відео, що створюються за допомогою відносно простих технологій. Прикладами цього можуть бути зниження швидкості відтворення аудіозаписів або показ контенту в зміненому контексті. Підроблений дуже простими технічними засобами відеоролик зі спікером Палати представників Конгресу США Н. Пелосі. Оригінальна швидкість запису була знижена приблизно до рівня 75 %, а висота звуку була підвищена для підтримки природного тембру голосу. У того, хто переглянув відео, могло скластися правдоподібне враження, що Н. Пелосі була п'яною. У соціальних мережах воно було поширено мільйони разів. Це показує, як навіть найпростіші підробки спотворюють реальність і можуть бути використані в політичних цілях [1, с. 19].

Велике нагромадження інформації і вільний доступ до неї з можливістю вносити свої правки стало фундаментом для виникнення такої маніпулятивної технології як постправа. У загальноприйнятому розумінні це – обставини, за яких об'єктивні чинники надають менше впливу на формування громадської думки, ніж заклики до емоцій і особистих переконань. Або простими словами це гібридна правда, тобто інформація, яка не завжди відповідає істині, а орієнтована на емоції читача.

Реально постправа стала результатом того, що право голосу, завдяки Інтернету, отримали всі відразу. Обсяг інформації, як наслідок, став настільки більшим, що вже ніхто не в змозі перевірити її на вірогідність. Швидкість змін така велика, що ми весь час ніби живемо завтрашнім днем, тому перевіряти вчорашнє вже не має сенсу. Блокувати також не вдається, бо «демократичне суспільство відкрите, де вільно циркулює різноманітна інформація. Але принциповою умовою ліберальної демократії є те, що ця інформація має бути правдивою. Сьогодні можна побачити цей інформаційний вибух, який вже не дозволяє нам відрізнити правдиву інформацію від фейкової. У результаті ця неправдива інформація бере таку саму, або ж навіть більшу участь у формуванні політичних позицій громадян. Тоді відбувається ефект так званих «бульбашок» – це замкнуті інформаційні середовища, в яких перебувають громадяни. Там вони отримують певну інформацію, яка не обов'язково повинна бути правдивою, але тим не менше впливає на їхні судження та на соціалізацію».

Протистояти постправді в повній мірі неможливо через зростаючу кількість інформації. Проте, щоб не потрапити під її негативний вплив, її можна і потрібно розпізнавати. Джерело має бути первинним і містити автора. Соціальні мережі часто публікують неправдиву інформацію з помилками. Перш ніж вірити будь-якій новині, варто перевірити кілька джерел [2].

За прогнозами вчених, ми ще як мінімум пів року зможемо розрізнити де діпфейк, а де реальний контент. За цей час необхідно створити розпізнавальну програму на основі алгоритму, який і створює ці підробки.

Отже, з розвитком науково-технічного прогресу, передвиборчі технології міняються і виходять на новий рівень. В наш час вони певною мірою пов'язані з інтернетом і головний акцент робиться на викривлення і редагування інформації. І серед способів їх розпізнавання можна виділити простий – перевіряти інформацію самостійно, та складніший, який не доступний пересічному користувачеві інтернетом – створення програм і алгоритмів, що розпізнаватимуть фейки, чим зараз і займаються провідні компанії світу, такі як Google, Facebook та інші.

### **Список джерел:**

1. Вальорська, А. Діпфейк та дезінформація / А. Вальорська ; переклад з німецької мови В. Олійника. – Київ : Академія української преси ; Центр вільної преси, 2020. – 36 с.
2. Ладика, І. 5 думок про постправду Studway [Електронний ресурс] / І. Ладика // Studway. – Режим доступу: <http://studway.com.ua/postpravda/>. – Дата доступу: 18.12.2020.

*О.О. Найденко, студентка  
alexandranaydenko29@gmail.com  
КУВБ (Київ, Україна)*

## **ВЗАЄМОДІЯ ДЕРЖАВИ З ГРОМАДЯНСЬКИМ СУСПІЛЬСТВОМ В УКРАЇНІ**

Актуальність: Розвинуте громадянське суспільство є невід'ємною складовою всіх демократичних правових держав світу. Тому завданням державної політики є створення політико-правових умов для зміцнення громадянського суспільства, становлення громадських організацій як повноцінних учасників у вирішенні соціально-економічних та соціокультурних питань.

Ціль: Головним завданням є дослідження громадянського суспільства як явища, окреслення меж і сфер його діяльності, а також визначення взаємовідносин між ним та державними органами в Україні.

Питання взаємовідносин між державою та громадянським суспільством раніше досліджувались такими науковцями: М. Бойчук, В. Грабовський, Н. Липовська, Г. Шаульська, О. Зарічний та інші.

Правова соціальна держава та громадянське суспільство мають розвивати один одного, а саме, держава – створювати необхідні умови для розвитку і не втручатися в діяльність громад. Представники громадянського суспільства, в свою чергу, мають бути базою та підґрунтям правової держави. Отже, права і свободи є головною ланкою, яка з'єднує населення та країну. Плідна взаємодія держави та громадянського суспільства має вирішувати конкретні завдання.

Суспільство і держава – базові елементи системи взаємовідносин. І допоки існує людина – існуватиме суспільство, а від його структурованості залежатиме належне функціонування держави.

Громадянське суспільство – це специфічна форма самоорганізації громадян, які регулюють процеси поза сферою діяльності держави через певні норми та правила [1, с. 122]. Становлення громадянського суспільства є особливим періодом історії людства, держави і права. Головне його завдання полягає в розмежуванні державних і громадських інститутів, у їхніх партнерських відносинах, на відміну від традиційної зверхньої ролі держави. Такий розвиток є основою ефективного функціонування демократичного режиму.

Державу як публічно-владний інститут можна розглядати в якості керуючої системи стосовно громадянського суспільства як системи керованої. Разом із тим громадянське суспільство – це саморегулююча соціальна система, що детермінує державу [2, с. 214]. Саме від громадянського суспільства залежать сутнісні і системоутворюючі характеристики політичної підсистеми.

Отже, громадянське суспільство – це система, яка саморозвивається і саморегулюється. Цілеспрямований розвиток суспільства досягається без втручання держави як політичної владної сили. В цьому відношенні воно має власні внутрішні джерела саморозвитку, незалежні від держави.

Громадянське суспільство може бути стабілізуючим чинником запобігання деструктивним процесам, оскільки індивіди набувають можливості для самовираження та розвитку своїх потенціалів як соціальних суб'єктів. Система горизонтально-мережових зв'язків і каналів інформації забезпечує інтеграцію суспільства, гарантує історичну спадковість у його розвитку. На базі міжособистісної солідарності, що ґрунтується на спільності або близькості приватних інтересів, у людей виробляються механізми узгодження різних інтересів, відбувається врегулювання конфліктів [3, с. 256].

На сьогоднішній день проблематика громадянського суспільства розглядається в контексті забезпечення подальшого розвитку активності індивідів у суспільстві, можливостей розширення і поглиблення його демократизації, піднімаючи також питання обмеження функцій держави, посилення контролю її діяльності з боку суспільства.

Українські революції (Помаранчева революція 2004–2005 рр., Революція Гідності 2014 р.) неспростовно довели: більшість найголовніших державотворчих імпульсів в Україні насправді йшли не від держави до громадянського суспільства, а навпаки. Події останніх років продемонстрували, що за певних критичних обставин, коли державні інститути децентралізовані та ослаблені, спонтанна самоорганізація громадян здатна дати відбій, як внутрішній, так і зовнішній загрози національній безпеці. Українське суспільство гідно встало на захист національного суверенітету і демократичних перетворень.

Трансформація української політичної системи, спричинена подіями листопада 2013 – лютого 2014 рр., свідчить не тільки про зростання ролі громадянського суспільства в розбудові демократичної держави, але й про початок формування нового рівня відносин у трикутнику «громадяни –

громадянське суспільство – держава». Російська агресія проти України, загроза розпаду країни та втрати державності стали каталізатором посилення патріотичних почуттів та громадянської активності в українському суспільстві, зумовили розвиток самоорганізації громадян України, що проявилось у масовому припливі добровольців до лав Збройних Сил України (ЗСУ), появи патріотичних збройних формувань – добровольчих батальйонів (добробатів), які першими взяли до рук зброю й виступили на захист територіальної цілісності та суверенітету України.

Головними принципами державної політики сприяння розвитку громадянського суспільства в Україні мають стати її ефективність та збалансованість, прозорість та врахування громадської думки та «думки лідерів» – позиції громадських, благодійних, релігійних організацій, недержавних аналітичних центрів та науково-дослідних установ.

Таким чином, громадянське суспільство в Україні почне активно розвиватися лише тоді, коли суспільно-політичне життя країни у всіх його виявах наповниться ціннісним змістом, матиме у своєму складі продуктивні інтелектуальні групи й налагодить комунікації між ініціативними та відповідальними громадянами країни.

#### **Список джерел:**

1. Обушний, М. І. Політологія : довідник / М. І. Обушний, А. А. Коваленко, О. І. Ткач. – Київ : Довіра, 2004. – 599 с.
2. Про вибори депутатів Верховної Ради Автономної Республіки Крим, місцевих рад та сільських, селищних, міських голів : Закон України від 10.07.2010 р., № 2487-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2010. – № 35–36.
3. Галкин, А. А. Размышления о политике и политической науке / А. А. Галкин. – М. : Оверлей, 2004. – 278 с.

*А.О. Осипян, студент*

*О.И. Коврикова, доцент*

*arutyunnn@rambler.ru*

*ТГУ им. Г.Р. Державина (Тамбов, Россия)*

### **ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЛЕГИТИМНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В РОССИИ**

Вопрос легитимности политической власти для любого политического режима – это проблема его жизнеспособности и перспектив существования. Любая власть озабочена созданием механизмов собственной легитимности, поскольку это сущностная черта политической власти, в социальной природе которой закреплено стремление к воспроизводимости и долговечности. Власть считается легитимной, когда система ценностей власти и граждан находится в согласии, когда обе стороны взаимодействия – и управляющие, и управляемые –

не сомневаются в законности политического режима и законности предпринимаемых действий. Вследствие этого значительной частью населения оказывается определенная поддержка, а власть считается правомерной, эффективной и справедливой.

Проблема легитимности власти в России возникает перманентно и уходит своими корнями в глубины истории российской государственности. Важнейшим фактором, оказывающим на этот процесс определяющее влияние, является политическая культура, проявляющаяся как субъективный, но принципиальный мотиватор, который обуславливает отношения между государством и обществом. В целом ряде важнейших для политической системы функций, которые выполняет политическая культура, закрепляется процедур легитимации политического порядка [1].

Для политической культуры России более свойственно проявление консерватизма, наблюдается приверженность традиционным ценностям, верность обычаям, патерналистское отношение к власти, равнодушие большинства населения к возможности участвовать в управлении государством. Более того, авторитарные тенденции, признаки усиления которых стали очевидными уже в начале нулевых, население благосклонно приняло. Это можно объяснить тем, что социально-экономические условия жизни граждан имели траектории к заметному улучшению, а также наблюдались положительные изменения во внеполитических сферах. Легитимация российской власти характеризовалась феноменальной поддержкой института президентства: не только В. Путин избирался подавляющим большинством голосов, но и Д. Медведев испытал на себе преимущества подданнической политической культуры, будучи избранным президентом России на 2008–2012 гг.

Уровень поддержки населением нынешнего президента высок, если основываться хотя бы на факте его неоднократного переизбрания, спокойном принятии изменения статьи Конституции, касающейся увеличения срока президентских полномочий, и фактическом главенстве одной партии. Внешнеполитический курс власти, по большому счету вылившийся в противостояние с США и Евросоюзом, также не вызывает отторжения. Более того, на фоне вхождения в состав Российской Федерации Крымского полуострова россияне довольно спокойно и даже позитивно восприняли введение санкций, ограничивших ввоз иностранных товаров. Власть удачно обосновала свое решение не только как ответ на неблагоприятные действия Евросоюза, но и как проявление протекционизма, что вместо недовольства вызвало усиление патриотических настроений и дополнительный рост и без того высокого уровня легитимности. Даже последовавший финансовый кризис не подорвал доверия к власти.

Однако стоит оговориться, что такой высокий уровень поддержки населением власти возможен лишь вследствие заметного улучшения общего уровня жизни: пока большинство населения живет хотя бы относительно благополучной и стабильной жизнью, практически любая власть будет пользоваться его поддержкой. Конечно, в разумных пределах. Впрочем, если



власть начнет нарушать границы разумного, жизнь народа уже не сможет считаться стабильной и благополучной.

Для России процесс легитимации всегда был связан с усилиями власти в убеждении населения с помощью определенных инструментов: усиление патриотичности населения, убеждение его в том, что жизнь стабильна и благополучна, и т.п. Но это может продолжаться лишь до определенной поры, когда кредит доверия населения еще не исчерпан.

В наше время со своей позиции можем наблюдать обострение темы легитимности политической власти, поскольку уже трудно говорить о стабильном положении большинства россиян. Социологические данные показывают снижение уровня доходов у людей, имевших стабильное финансовое положение. Так, на все стороны жизни повлияла в том числе и пандемия коронавируса. Все это обостряет проблему легитимности политической власти. Появляется вопрос, сможет ли «верхушка» справиться с абсолютно новыми вопросами, которые могут навредить легитимности политической власти. Наблюдается и снижение рейтинга многих институтов власти.

Эффективными методами восстановления легитимности власти являются: улучшение экономического положения страны, укрепление национальной валюты, увеличение размера заработной платы и пособий, снижение цен, расширение сфер социальной политики, упрощение бюрократических процедур, укрепление позиций страны на международной арене и т.п. А в ситуациях, когда вопросы легитимности не удастся решить такими способами, социальные потребности начинают все больше озвучиваться «снизу». Тогда общество берет дело в свои руки и активизируется для решения этих проблем, возникают гражданские инициативы, которые могут обрести статус политической силы.

Сегодня мы можем наблюдать уменьшение тенденции голосования за партию власти. В каких-то регионах «Единая Россия» и вовсе теряет ведущие позиции в государственных органах. Ярким подтверждением являются выборы в городские думы регионов 2020 г. Так, к примеру, депутатами Тамбовской городской думы были избраны все кандидаты от партии «Родина». Это говорит о том, что подданническая культура граждан сменяется гражданской активностью, а партия правительства теряет свою легитимность.

#### **Список источников:**

1. Карпова, Н. В. Политическая культура как структурный элемент механизма функционирования политических систем / Н. В. Карпова // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2016. – № 1. – С. 182–199.

*Е.С. Ошевнева, студент  
elizavetaosh@mail.ru  
РАНХиГС (Москва, Россия)*

## **ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИМВОЛ КАК СРЕДСТВО УПРАВЛЕНИЯ МАССОВЫМ ПОВЕДЕНИЕМ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Проблема эффективной коммуникации в политических конфликтах, избирательных кампаниях и легитимации власти остается актуальной. Существует множество способов политической коммуникации, но при анализе практики прошлого и современности не так часто внимание уделяется политическим символам, однако они имеют большую коммуникативную значимость. В данной работе представляются результаты попытки обобщения и конкретизации теоретических и практических сведений о технологиях символической политики.

Политические символы обладают рядом специфических признаков: знаковая природа; сжатое, концентрированное выражение социально-политической реальности, способность выражать идеи и вызывать эмоциональные ассоциации.

А. В. Бабайцев дает следующее определение политического символа: «это развернутый по содержанию знак, который вызывает сильные эмоциональные ассоциации и используется политическими субъектами при осуществлении, изменении или удержании власти в качестве медиатора – особого посредника между человеком, группой людей и социально-политической реальностью» [1, с. 22]. Символическая политика заключается в применении данных знаков политическими акторами в целях продвижения «определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» [4, с. 92].

Принцип работы символической политики построен на ценностно-эмоциональном воздействии, посредством которого у реципиентов формируется модель восприятия социально-политической реальности и модель политического поведения. Так как эмоциональные переживания – это наиболее сильный фактор, влияющий на убеждения и поведение людей, символическая политика является действенным и, благодаря многообразию возможных форм и содержания, универсальным инструментом управления поведением и сознанием больших групп людей. Наиболее подробное рассмотрение этого механизма можно найти у С. П. Поцелуева [5], а также в исследовании Р. Кобба и Ч. Элдера [2]. Эти исследователи по-разному интерпретируют вышеизложенный тезис. С. П. Поцелуев утверждает, что главное в этом механизме – обращение к ценностям через эмоциональные ассоциации, в то время как Р. Кобб и Ч. Элдер выделяли три компонента политического символа: когнитивный (информационный), аффективный (эмоциональный) и оценочный (значимость символа для реципиента), среди которых наиболее значима аффективная и оценочная нагрузка символа.

Дает ли доступная нам сегодня совокупность теоретических знаний возможность провести достаточно информативный анализ политической коммуникации в рамках какого-либо события в публичной сфере? Чтобы выяснить это, представляется целесообразным проанализировать с помощью данного инструментария кейс, отличающийся наиболее интенсивной публичной коммуникацией посредством наиболее разнообразных каналов. Таким кейсом является Гражданская война в США, а именно, пропаганда Конфедеративных Штатов Америки (КША). Пропаганда сыграла немалую роль в мотивации и консолидации населения КША, поэтому рассмотрение этого кейса представляет особый интерес при изучении роли символической политики в управлении обществом.

Для наиболее полного анализа были рассмотрены примеры вербальной и невербальной политической коммуникации КША: речь Дж. Дэвиса 22 февраля 1862 г., государственная символика, изображения на банкнотах и монетах, и специфические ритуалы.

Были выделены такие виды символов, как политический язык, национально-государственная символика, политико-музыкальная символика, исторические фигуры, наглядно-агитационная символика и наконец, ритуально-процессуальная символика.

Населению КША был присущ культ силы и чести, практиковались дуэли. Также специфика жизни на Юге развивала у этих людей чувство персональной ответственности за свою жизнь и семью, поэтому в их мировоззрении укрепилась убежденность в собственном суверенитете. В целом систему ценностей и идеалов южан составляли демократия, консерватизм, честь, семья и независимость. Поэтому мы можем сделать вывод, что по ценностному содержанию большинство символов транслировали самое актуальное – ценности независимости и чести (например, изображения Дж. Вашингтона, выражения «отцы-революционеры», «долг», «справедливость», первый государственный флаг КША, имитирующий первый флаг Соединенных Штатов, множество других отсылок к Войне за независимость США, белоголовый орлан, фригийский колпак, изображения богини Афины на монетах).

По классификации Р. Кобба и Ч. Элдера, КША использовали в качестве символов сочетание наиболее эмоциональных и актуальных отсылок. В структуре большинства символов доминировало аффективное содержание. Это символы класса «политическое сообщество», которые являются наиболее абстрактными, но отражающими фундаментальные ценности. К таким относятся, например, выражения «свобода», «всеобщая польза», «справедливость», девиз «Deo Vindice», изображения фригийского колпака и белоголового орлана. Они способны консолидировать большие группы людей, а воздействие их наиболее длительно. Символы этого класса достаточно эффективны в масштабных политических конфликтах и избирательных кампаниях. К символам класса «ситуативное окружение» (наименее эмоциональным, но отсылающим к текущей проблеме) можно отнести

выражения «представительство» «самоуправление», изображения генералов армии КША на банкнотах.

Чтобы наиболее полно проанализировать смысловое наполнение данных символов, обратимся к подходу Г. Лассуэлла, который делил все политические символы на символы идентификации, символы требований и символы ожиданий [3]. Выяснилось, что намного чаще применялись символы идентификации. К примеру, выражение «отцы-революционеры», песня «Dixie», первый государственный флаг КША, изображения сцен из быта южан, сельскохозяйственных культур юга, первых лиц КША и правительственных учреждений на банкнотах. Достаточно часто встречались также символы требований: «самоуправление», «представительство», фригийский колпак и белоголовый орлан как символы независимости.

По типологии С. П. Поцелуева, пропаганду КША можно определить как символическую политику «сверху и снизу». Этот тип характеризуется выработкой властью мифов, ритуалов и культов, которые впоследствии поддерживаются и распространяются обществом. Через политические символы транслировались мифы независимого государства, свободной личности, великого противостояния и т.д. Они связывались с демократическими ритуалами и ритуалом революции. А комплекс этих мифов и ритуалов создавал культ свободы в сознании южан. Такой эффект был достигнут преимущественно за счет экстраполяции образа Войны за независимость США на образ борьбы Конфедерации против Союза. Это обеспечивало не только высокую мотивацию населения КША в Гражданской войне, но и их консолидацию, а также зачатки национально-государственной идентичности, т.к. культ свободы – это общая ценность и отсылка к общей истории.

Итак, данный обзор показал, что политический символ – это средство политической коммуникации с большим потенциалом: высокая манипулятивность, универсальность, простота применения. Согласно различным теориям, он имеет сложную структуру и большое разнообразие форм.

Концепция символической политики позволяет достаточно глубоко выстраивать, а также анализировать политическую коммуникацию. Проведя, данный анализ, мы можем сделать выводы о символах, наиболее востребованных и эффективных в политических конфликтах.

Это дополнительный инструмент проверки гипотез и аргументации. Однако на данном этапе развития этой теории остается актуальной проблема нехватки четких критериев типологизации и трактовки политических символов.

Тем не менее, концепция дополняет теорию политической коммуникации важными деталями. Таким образом, не стоит обходить вниманием феномен политического символа, занимаясь вопросами политического управления с точки зрения политической коммуникации.

#### **Список источников:**

1. Бабайцев, А. В. Подходы к определению понятия «Политический символ» / А. В. Бабайцев // Символическая политика. – 2014. – № 2. – С. 18–23.

2. Кобб, Р. Использование символов в политике / Р. Кобб, Ч. Элдер // Политическая лингвистика. – 2009. – № 29. – С. 131–145.
3. Лассуэлл, Г. Язык власти / Г. Лассуэлл // Политическая лингвистика. – 2006. – Вып. 20. – С. 264–279.
4. Малинова, О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России / О. Ю. Малинова // Полис. – Москва, 2010. – № 2. – С. 90–105.
5. Поцелуев, С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме / С. П. Поцелуев // Политические исследования. – 1999. – № 5. – С. 61–75.

*Р.А. Панца, магистрант  
rotarantsa@gmail.com  
ТвГУ (Тверь, Россия)*

## **СОПЕРНИЧЕСТВО США И КИТАЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ**

В последние годы в Азиатско-Тихоокеанском регионе начали происходить значительные геополитические изменения. Этот процесс обуславливается влиянием различных факторов, наиболее важным из которых, является рост Китая как политической, экономической и военной сверхдержавы. Быстрый экономический рост Китая обеспечил технологическое развитие Народно-освободительной армии и резко увеличил международное политическое влияние страны.

В течение трех прошедших десятилетий экономика Китая значительно расширялась из-за низкого уровня заработной платы, большой численности трудовых ресурсов, значительного спроса на продукцию и инвестиций со стороны транснациональных корпораций [1, с. 5]. Из-за этого в США пострадали многие отрасли промышленности, поскольку производство все чаще передавалось на аутсорсинг китайским фабрикам. Кроме того, китайские компании в течение нескольких десятилетий имели свободный доступ к рынку США, тогда как американские фирмы были вынуждены передавать интеллектуальную собственность и идти на другие уступки, чтобы получить доступ к рынкам Китая.

В настоящее время Вашингтон начал кампанию по принуждению Пекина к осуществлению крупных экономических реформ. Введя пошлины на товары из Китая на сотни миллиардов долларов, США затруднили выход китайских товаров на свои рынки. При этом Соединенные Штаты пытаются заставить Китай открыть свои рынки для американских товаров и услуг, а также прекратить принудительный обмен технологиями.

Подчинение требованиям Вашингтона сильно ослабит китайскую экономику, что может серьезно подорвать статус Коммунистической партии

Китая и ослабить влияние страны в регионе. Это является актуальной проблемой для китайского правительства.

Маловероятно, что текущий торговый спор между США и Китаем будет решен в ближайшее время. Однако велика вероятность того, что обе страны продолжат идти по пути экономического разделения. Правительство США поощряет транснациональные компании за вынос своих производств за пределы Китая и устанавливает барьеры для китайских инвестиций в предприятия Соединенных Штатов. В этом году американским политикам нужно будет рассмотреть вопрос о введении новых тарифов на 267 миллиардов долларов помимо пошлин, уже наложенных на китайские товары на сумму около 250 миллиардов долларов. Кроме того, есть вероятность, что американские политики могут ввести санкции в отношении Пекина из-за массового задержания уйгуров в китайских провинциях Синьцзян и Нинся.

Из-за зависимости Китая от потребительского рынка США ему будет сложно дать равноценный ответ. Экономически-развитые юго-восточные провинции Китая, на которых сосредоточена основная часть производственных мощностей страны, могут особенно пострадать от разворачивающегося торгового спора с США. Чтобы избежать экономического кризиса, правительство Китая может снизить налоги, увеличить объем субсидий и инвестировать в инфраструктурные проекты для повышения внутреннего потребления и экономического роста в частном секторе. Поскольку доступ Китая к рынкам США становится все более сложным, Пекин будет искать новые рынки в рамках инициативы «Один пояс и один путь» и заключать двусторонние торговые соглашения для получения доступа к ним [1, с. 34].

Происходящие события побуждают Соединенные Штаты в настоящее время занять более жесткую позицию в сфере развития и инвестиций в стратегически важные технологические сектора. Основываясь на опыте Германии и Франции, американцы создают барьеры для китайских инвестиций в стратегические отрасли промышленности. Американские технические предприятия, работающие с технологиями двойного назначения (гражданскими и военными), подвергаются усиленному государственному надзору. Данные технологии делятся на такие сферы, как аэрокосмическая промышленность, сетевые технологии 5G, искусственный интеллект, квантовые вычисления и высокопроизводительные полупроводники. Такие меры со стороны американцев будут негативно влиять на деятельность китайских компаний, часть которых уже признана создающими угрозу национальной безопасности США.

По мере того, как транснациональные корпорации стремятся уменьшить свою зависимость от Китая, находятся азиатские государства, которые могут извлечь выгоду из экономического разделения двух крупнейших экономик мира. Вьетнам, Таиланд, Малайзия, Индонезия и Филиппины предлагают привлекательные альтернативы производству в Китае. Кроме того, многие из этих стран уже имеют специализацию по производству определенных товаров. Например, Вьетнам производит высококачественную электронику и текстиль, а Таиланд и Малайзия имеют мощные автомобилестроительные кластеры.

В настоящее время некоторые американские компании в Китае рассматривают возможность перемещения своих производств из страны из-за нарастающего экономического противостояния. Независимо от того, переместятся они или нет, рынки АСЕАН станут привлекательными альтернативами для транснациональных корпораций, так как прямые иностранные инвестиции начинают расти во всем Индо-Тихоокеанском регионе. Данные изменения произойдут не сразу: компаниям потребуется время для поиска региональных партнеров и разработки новой системы соглашений. Вполне вероятно, что экономическое соперничество между США и Китаем принесет свои плоды не сразу, однако будет иметь продолжительные последствия.

#### **Список источников:**

1. China's Economic Rise: History, Trends, Challenges, and Implications for the United States [Electronic resource]. – Mode of access: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL33534.pdf>. – Date of access: 13.12.2020.
2. Новостные ленты информационных агентств Xinhua, Associated Press, Bloomberg, ИТАРТАСС, РИА Новости [Электронный ресурс].

*Е.А. Плаксина, магистрант  
helenplk29@gmail.com  
РАНХиГС (Москва, Россия)*

### **ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ГЕРМАНИИ НА ПРИМЕРЕ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗЕМЕЛЬ ТЮРИНГИИ И ГАМБУРГА**

Существование гражданского общества невозможно без существования государства. Г. Гегель утверждал, что общество и государство, соотносятся как рассудок и разум, одного не может существовать без другого [1, с. 136]. Гражданское общество можно назвать предпосылкой демократии, ведь именно при ней граждане могут самоорганизовываться без вмешательства со стороны государства. По мнению Ю. Хабермаса, демократическая самоорганизация общества – это процесс или процедура формирования мнений и воли народа [2, с. 194]. Ю. Хабермас также указывает, что политическая система является специализированной подсистемой для принятия коллективно связывающих решений, в то время как общественное мнение представляет собой некую «живую» систему, которая реагирует на проблемные ситуации [3, с. 26].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что гражданское общество, невозможное без государства как такового, с помощью дискурса своих участников и совместной выработки мер должно решать проблемы, имеющиеся в обществе, политике или экономике.

Для анализа наличия такой возможности в Германии необходимо обратиться к Основному закону Федеративной Республике

Германии. Возможность для существования дискурса гражданского общества закреплена в статьях 5 и 9 данного закона. Так, согласно статье 5, пункту 1, каждый имеет право свободно выражать и распространять свое мнение устно, письменно и посредством изображений, что непосредственно является предпосылкой существования дискурса между гражданами [4]. Согласно же 1 пункту 9 статьи, все немцы имеют право образовывать союзы и общества, что дает возможность для формирования институтов гражданского общества [4].

Стоит отдельно подчеркнуть тот факт, что Федеративная Республика Германия насчитывает в своем составе 16 федеральных земель. Каждая из них имеет свой специфический культурный, хозяйственный и экономический уклад. Эффективное функционирование региональной политики на местах зависит не только от федерального центра, но и от органов местного самоуправления и институтов гражданского общества, взаимодействие и дискурс которых необходим.

К примеру, город-государство Гамбург разработал совместно с институтами гражданского общества стратегию для успешного развития инноваций. Для лучшего понимания ее сути стоит рассмотреть текст «Региональной инновационной стратегии 2020 Вольного ганзейского города Гамбурга». Инициатива рассчитана на сплочение усилий гражданского общества и государственных структур в сфере образования, транспортировок, инфраструктуры, а также на улучшение инвестиционного климата как для инноваций, так и для бизнеса в целом.

На данный момент в Гамбурге существует кластерная политика, которая освещена в тексте стратегии. Она является одним из инструментов современной экономической политики в отдельных инновационных отраслях. Кластерная политика отличается от классической экономической политики, в частности, подходом политиков к экономическим субъектам на местах [6, с. 121].

Основа успешных кластеров лежит в тесном, хорошо функционирующем сотрудничестве частных компаний, науки, политики и гражданского общества. Гражданское общество в этой стратегии носит название «четвертая спираль».

Стоит отметить то, что в некоторых гамбургских кластерах гражданское общество уже представлено в форме профсоюзов и других ассоциаций. Так, к примеру, земли Гамбург, Нижняя Саксония и Шлезвиг-Гольштейн инициировали проект «Управление морским кластером Северной Германии» (нем. «Maritime Clustermanagement Norddeutschland», далее – MCN) в 2011 г. как транснациональную инициативу [6, с. 121]. Эта инициатива сосредоточила свое внимание на продвижении морской экономики с акцентом на судостроение, принимая во внимание специфические особенности северных земель в отношении секторов судоходства, судоходных компаний и портовых структур, морских технологий, в частности, в областях морской ветроэнергетики, образования и науки, а также морских услуг.

Основные задачи MCN заключаются в инициировании новых проектов сотрудничества через национальные границы и в синергии с существующей деятельностью для дальнейшего расширения сетей и дифференцирования



региональных компетенций. Это должно обеспечить получение рабочих мест и повысить конкурентоспособность морской экономики Северной Германии в целом. Члены кластера имеют офисы в Гамбурге, Эльсфлете и Киле, им обеспечивается поддержка на основе потребностей и с помощью постоянного дискурса участников.

Другим примером для понимания успешного сотрудничества государства и гражданского общества Германии является федеральная земля Тюрингия. В земле Тюрингия существует инициатива, благодаря которой планируется решить существующие проблемы в данной земле, что невозможно без постоянного дискурса. Правительство земли понимает, что население Тюрингии сокращается и стареет. Поэтому для устойчивой экономики и развития общества важно привлечь людей из-за пределов Тюрингии.

В рамках инициативы «Инициативы Тюрингенской культуры приветствия» (нем. «Thüringer Initiative Willkommenskultur») представители политики, администрации земли, бизнеса и общества объединились, чтобы открыть Тюрингию для иностранных мигрантов. Инициатива направлена на создание атмосферы, в которой религиозное, этническое и культурное разнообразие рассматриваются как преимущество, а интеграция не означает одностороннюю адаптацию.

Целью «Инициативы Тюрингенской культуры приветствия» является разработка модели поощрения культуры признания и интеграции мигрантов на территории земли Тюрингии, которая способствует устойчивому и перспективному развитию немецкой земли. Инициатива в перспективе должна повысить уровень жизни и обеспечить предприятия малого и среднего бизнеса сотрудниками. Для реализации данной модели инициатива объединяет усилия в различных социальных сферах деятельности и дополняет их действиями гражданского общества в сфере образования.

Благодаря существованию инициативы, государственная программы «Работа для Тюрингии» (нем. Landesprogramm «Arbeit für Thüringen», далее – LAT) была расширена в октябре 2015 г. и теперь включает целевую группу «Мигранты, лица, имеющие право на убежище, и лица, ищущие убежища». Одним из проектов, финансируемых в рамках государственной программы, является «Тюрингенский специализированный офис по работе и обучению беженцев» при Институте профессионального обучения и социальному управлению (IBS), который координирует проекты LAT по интеграции беженцев в работу и обучение [5, с. 14]. Офис также обеспечивает сетевое взаимодействие и обмен между всеми, кто участвует в процессе профессиональной интеграции беженцев, проводит обучение, выявляет нехватку финансирования и регистрирует факторы, которые благоприятны для интеграции беженцев на рынке труда или обучения.

Таким образом, на основании рассмотренных инициатив и стратегий можно сделать вывод о том, что благодаря подключению частных компаний и институтов гражданского общества государство получает возможность улучшить не только экономическое положение региона страны, но и состояние

экономики государства в целом. В случае разработки кластерной политики в Гамбурге и инициативы по продвижению морской экономики с акцентом на судостроение помогают развивать и поддерживать специфические особенности страны в таких секторах, как, например, судоходство. Благодаря успешному включению гражданского общества и существованию дискурса между его участниками данный сектор сможет оставаться конкурентоспособным и не лишит людей их рабочих мест. В случае же совмещения инициативы и государственной программы, связанных с адаптацией мигрантов, Тюрингия решает вопрос демографического кризиса и дефицита трудовых ресурсов. Кроме всего прочего, создание благоприятной среды для трудовой миграции в данную землю позволит обеспечить развитие инноваций, а новые экономические субъекты стимулируют местный рынок.

#### Список источников:

1. Равочкин, Н. Н. Гражданское общество в философии права Г. В. Гегеля / Н. Н. Равочкин, Ф. А. Кононов // Экономика, социология и право. – 2016. – №2. – С. 135–137.
2. Хабермас, Ю. Демократия, разум, нравственность / Ю. Хабермас. – М. : Наука, 1992. – 245 с.
3. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – Санкт-Петербург : Наука, 2000. – 145 с.
4. Основной закон Федеративной Республики Германия [Электронный ресурс] : принят 23.05.1949): в ред. от 29.07.2009) // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.
5. Das Thüringer Integrationskonzept – für ein gutes Miteinander! [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.thueringen.de/mam/th10/ab/integrationskonzept/intergrationsbrochurefinal.pdf> – Date of access: 04.12.2020.
6. Regionale Innovationsstrategie 2020 der Freien und Hansestadt Hamburg [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.hamburg.de/contentblob/4612440/f4fbf213d2c3e9136e83337595f52821/data/regionale-innovationsstrategie-hamburg.pdf>. – Date of access: 08.12.2020.

*Т.М. Плеханов, студент  
mak-li@mail.ru  
ВАВТ МЭР РФ (Москва, Россия)*

### **БОРЬБА С ИСТОРИЧЕСКИМИ ИНТЕРПРЕТАЦИЯМИ НА ПРИМЕРЕ СТАТЬИ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В.В. ПУТИНА О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ, ОПУБЛИКОВАННОЙ 19 ИЮНЯ 2020 г. В «РОССИЙСКОЙ ГАЗЕТЕ»**

В последние годы все мы видели ролики о сносе военных памятников, слышали и читали неоднократные заявления, искажающие итоги Второй мировой

войны, которые позволяли себе эстонские, украинские, польские и другие европейские политики. После этого на саммите лидеров стран СНГ в Ашхабаде в октябре 2019 г. было принято обращение к народам мира в связи с грядущим 75-летием Победы в Великой Отечественной войне. В тексте обращения помимо осуждения попыток фальсификации истории и переписывания итогов войны содержится также призыв к мировому сообществу ответственно выполнять свои обязательства по сохранению военных мемориалов, установленных в память о героях-победителях.

Но искажающая риторика продолжилась. Например, 4 февраля 2020 г. в ходе выступления в крупнейшем университете Кракова Э. Макрон обвинил Россию в попытке новой интерпретации исторических фактов Второй мировой войны. 3 февраля глава польского МИД Я. Чапутович обвинил Россию в попытке навязать свое повествование истории, назначить своих виноватых и победителей. До этого в январе 2020 г. в Европарламенте обвинили В. Путина в искажении истории Второй мировой войны. И это только малая часть официальных обвинительных заявлений европейских лидеров.

Некоторые граждане и журналисты, в том числе российские, «ведутся» на эти провокационные заявления европейских и украинских политиков, ставя под сомнение подвиг наших дедов и прадедов, бабушек и прабабушек. Поэтому нам видится крайне актуальной статья президента России «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим», которая была опубликована 19 июня 2020 г. в «Российской газете».

Немецкий политолог А. Рар высказался так: «Статья президента Российской Федерации В. Путина о главных уроках Второй мировой – это попытка в очередной раз сказать переписывающим историю западным партнерам: «Опомнитесь!» [1].

В своей статье В. Путин призывает наших партнеров (как любит выражаться Президент) предоставить право спорить о Второй мировой войне профессиональным историкам и людям, делающим выводы на конкретных документах и фактах, способных проводить объективные исследования исторических событий. А для этого необходимо наконец-то всем странам-участникам открыть засекреченные архивы, чтобы на их основе честно разобраться во всех черных моментах истории и вместе понять, почему произошла та война [2].

На примере фактов из личных биографий прабабушек и прадедушки автора статьи можно провести сравнение восприятия истории Второй мировой войны в России и в западных странах. Например, прабабушка автора Мария Павловна в юности попала в реальный немецкий плен. В плену ей «повезло» – ее не оставили в концлагере, а отправили работать на текстильную фабрику в красильный цех. Там от постоянного контакта с реагентами она на всю жизнь лишилась обоняния и заработала массу проблем со здоровьем. И этот плен был совсем не похож на тот, который показан в очень популярном на западе комедийном фильме про мистера Питкина, попавшего в немецкий плен.

Очевидно, что в интерпретации исторических событий для широких масс огромное влияние имеют СМИ и фильмы. Но в своей статье В. Путин призывает думающих западных людей основывать свои выводы на анализе уже рассекреченных документов и исторических фактах.

В. Путин очень аргументировано и детально написал о том, что сегодня европейские политики, и прежде всего польские руководители, хотели бы «замолчать» довоенное Мюнхенское соглашение [2].

В наши дни очень многие западные политики предпринимают попытки интерпретировать историю мировой войны так, как им удобно. Мы знаем об этом из многочисленных сообщений в СМИ. Но нам кажется, что СМИ не должны прививать общественности мысль, что «весь мир против нас». Ведь в Европе и странах ближнего зарубежья есть немало людей, которые до сих пор хранят память о советских солдатах. Например, в стране ранее упомянутого Президента Э. Макрона есть Парк «Сталинград» в г. Сен-Дени; Сквер имени Сталинграда в г. Марселе; Сталинградская набережная в г. Иси-ле-Мулино и г. Тулоне. Несомненно, наше и последующие поколения ответственны за то, чтобы сохранить эту память о военном подвиге советских людей в своей и в других странах, что и подчеркнул в заключении своей статьи В. Путин.

#### **Список источников:**

1. Рар, А. Если войну забывают, начинается новая война / А. Рар // Российская газета. – 2020. – 22 июня. – С. 1.
2. Путин, В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим / В. Путин // Российская газета. – 2020. – 19 июня. – С. 1.

*И.И. Пометько, студент  
pometchko.igor@yandex.ru  
БелГУТ (Гомель, Беларусь)*

### **ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ: СУЩНОСТЬ, ЦЕЛИ, ФОРМЫ**

Пространство постсоветских стран сопряжено с процессами демократических преобразований, происходящих во всех сферах общественной жизни, и, как следствие, с трансформацией массового сознания. Население независимых государств сложно и неоднозначно реагирует на происходящие в его жизни перемены.

Политическое сознание формируется под влиянием множества факторов и, в свою очередь, оказывает значительное влияние на различные аспекты жизни общества на всех его уровнях. Им в значительной степени определяется политическая культура населения и характер протекающих в государстве политических процессов.

В одних постсоветских государствах демократические ценности более прочно закрепились в массовом сознании, в других отношении общества к ним изменялось от полной поддержки до разочарования и даже отчуждения. В таких

условиях исследование развития политического сознания населения, и, в частности, особенностей политического сознания населения Республики Беларусь становится важной задачей.

Политическое сознание является совокупностью существующих теоретических и возникающих у людей политических представлений и установок. Политическое сознание представляет собой отражение и осмысление людьми политического бытия и предметное отношение к нему, направлено на осмысление целого на основе системы ценностей.

Посредством политического сознания, его характеристик отражается политическая сфера жизнедеятельности общества [2, с. 54].

Политическое сознание может допускать различные модельные описания. Выделяют два уровня или две сферы политического сознания: нижний (политическая психология) и высший (политическая идеология) [5, с. 43].

Структура политического сознания формируется политическими нормами и ценностями, политическими убеждениями и представлениями, теоретическими и эмпирическими знаниями [6, с. 23].

Политическое сознание формируется в процессе политической социализации. Законченный вид политическими ценностями и убеждениями приобретает уже после апробации их на практике, применения в конкретной политической деятельности субъекта, в результате обобщения жизненного опыта. Политическое сознание определяется культурной средой [3, с. 23].

Политическое сознание играет основополагающую роль в жизни общества, субъективно обеспечивает все процессы политической жизни общества и является важнейшей составной частью его политической культуры. Политическое сознание выполняет познавательную, когнитивную, идеологическую, оценочную, целеполагательную, коммуникативную, прогностическую и регулятивную функции.

Политическим сознанием оказывается значительное воздействие на политическую жизнь, развитие и состав политической культуры общества. Содержащиеся в нем представления, установки, ценности опосредуют отношение субъекта к политическим структурам [7, с. 63].

В политическом сознании выделяют следующие уровни: обыденный, профессиональный и научный. По субъекту политическое сознание делится на индивидуальное, групповое, массовое, общественное.

Выделяют аналитически сконструированные типы политического сознания:

- рациональное сознание;
- мифологическое сознание;
- аполитичное сознание [1].

Значительное влияние на формирование политического сознания белорусов оказали особенности исторического пути нашего народа и черты его менталитета. Политическое сознание белорусов отличает инертность и неприятие резких и/или кардинальных перемен.

Также существенными чертами менталитета, значительно повлиявшими на формирование политического сознания белорусов, являются миролюбие и

законопослушность (уважение к законам), которые обуславливают меньшую склонность белорусов к политически мотивированным протестным действиям, чем у народов-соседей [4].

#### **Список источников:**

1. Громова, Р. К типологии политического сознания россиян [Электронный ресурс] / Р. Громова // ЭСМ. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/484/992/1219/03gromova-10-15.pdf>. – Дата доступа: 15.12.2020.
2. Лобан, Н. А. Политическая психология / Н. А. Лобан. – Минск : МИУ, 2015. – 220 с.
3. Мамут, Л. С. Этатизм и анархизм как типы политического сознания (домарксистский период) / Л. С. Мамут. – М. : Наука, 1989. – 256 с.
4. Основы идеологии белорусского государства [Электронный ресурс] / Могилевский институт МВД Республики Беларусь. – Режим доступа: [http://www.institutemvd.by/images/materials/fpkpik/files/oibg/Lektsionniy\\_material.pdf](http://www.institutemvd.by/images/materials/fpkpik/files/oibg/Lektsionniy_material.pdf). – Дата доступа: 15.12.2020.
5. Поливаева, Н. П. Политическое сознание в условиях трансформации российского общества : дис... докт. полит. наук / Н. П. Поливаева. – М., 2009. – 462 с.
6. Суслопаров, А. Г. Место и роль политической культуры в системе политического сознания : дис. ... канд. филос. наук / А. Г. Суслопаров. – Иркутск, 1995. – 155 с.
7. Шмелева, О. Ю. Политико-культурное измерение системы государственного управления на современном этапе модернизации России (2000–2011 гг.) : монография / О. Ю. Шмелева. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского государственного университета, 2013. – 375 с.

*А.М. Самиев, студент  
samievalishka@gmail.com*

*ЮРИУ РАНХиГС (Ростов-на-Дону, Россия)*

### **ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В ИСТОРИИ РОССИИ**

Политическое время – условное название содержания политической жизни общества на определенном этапе его развития. Оно многомерно, имеет разные темпы развития. Настоящее в нем зависит от прошлого и определяет будущее. Содержание и рамки его определяются характером, последовательностью и длительностью взаимодействия субъектов и объектов политики, обуславливающих социальный прогресс.

Нельзя не согласиться с мнением ряда ученых, которые утверждают, что политическое время многогранно и имеет две формы: линейность и цикличность. То есть события могут происходить единожды, а могут повторяться. И этот процесс различен для каждого отдельного государства. Именно потому, что

политическое время бывает разным в разных странах, данная тема является, несомненно, актуальной для российских реалий.

Важно определить, какова же форма именно российского политического времени? Менялась ли она за весь период существования и развития государства?

В качестве объекта в данном исследовании выступает политическое время России, предметом является история России.

Цель данного исследования: выявить и четко определить тот тип политического времени, который преобладает в истории России и на современном этапе.

Для выполнения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Провести анализ и изучить историю появления термина «политическое время»;
2. Провести сравнительный анализ самых важных исторических событий России;
3. На основе всех выявленных исторических фактов понять, какой тип исторического времени преобладал в России на протяжении ее истории и какой преобладает сейчас.

С физическим временем происходят странные метаморфозы, когда его содержанием становится политика. Оно превращается в событийное, а не календарное время. Даты типа «Октябрь 1917 г.», «Август 1991 г.» – это вехи, символы, обозначающие событие, которое изменило ход отечественной истории, привело к перелому в политической жизни. Событийное свойство политического времени – его первая и важнейшая характеристика. При таком свойстве знание и оценка события как единицы измерения политического времени становятся объектами острой политической борьбы. Например, оценка событий Октября 1917 г. даже через 100 с лишним лет – это вопрос о легитимности власти большевиков, о причинах революций Февраля и Октября, об основаниях террора и т.п. Знание секретных протоколов к Договору о дружбе и границах, заключенному А. Гитлером и И. Сталиным в 1939 г., привело к сокрушению политической концепции о добровольности воссоединения Литвы, Латвии и Эстонии с СССР. Даже архивы ЦК КПСС стали предметом острейшей политической борьбы, так как дают новое знание о политических событиях.

Еще одна специфическая характеристика политического времени – мифологичность. Это его свойство обнаружено давно и под разными наименованиями присутствует в исторических хрониках многих народов. Например, у некоторых народов в их хрониках время делилось на реальное, когда события происходили недавно и хорошо запомнились, периферийное, когда событие заносилось на шкале времени в «давнее», но все же происходившее на памяти некоторых поколений, и наконец, мифическое. Для мифического времени характерна идеализация прошлого. Это может быть «золотой век» древних греков, патриархальный быт России.

Изучив мнения ряда философов и политологов относительно термина и понятия политического времени, мы позволим себе не согласиться с ними в том,

что политическое время имеет два типа. Мы убеждены, что оно может быть исключительно циклическим, так как все события, которые произошли в мире, будут повторяться еще не раз, просто с различными промежутками во времени, где-то это будет чуть быстрее, а где-то – медленнее.

Таким образом, нами установлено, что политическое время можно рассматривать с трех сторон: как положительно текущие моменты, как отрицательно проходящие события, а также как относительное затишье, можно сказать стабильность, которая зачастую проходит крайне быстро и превращается в другие формы, будь то положительные либо отрицательные. Для каждого государства присущи все три стадии, и все они сменяют друг друга на протяжении веков. «Плохие времена», рожают сильных людей, сильные люди создают «хорошие времена», «хорошие времена», в свою очередь, приводят к стабильности, а она порождает слабых людей, которые создают «плохие времена». В этом и заключается вся суть цикличности политического времени.

И Россия не исключение. Вся ее история – это несчетное множество войн, революций и реформ, подъемов и спадов. Но в данной статье хотелось бы осветить именно хорошие, положительные моменты нашей политической истории, те, про которые можно сказать «Вот было время!», которые внесли весомый вклад в нашу жизнь и историю и без которых мы бы, возможно, сейчас не существовали. Мы полагаем, что это время правления Петра I и середина XX в., то есть пик расцвета СССР.

Во времена Петра Российская империя, можно сказать, выходила на финишную прямую в плане развитости, как экономической, так и политической. Петр I открыл «окно в Европу», то есть расширил круг политических и экономических отношений России, что дало толчок «глобализации нового времени», а также развитию такой ячейки общества, как предприниматели, которые работают не только внутри страны, но и занимаются экспортом. А как мы знаем, экономика любого государства, по крайней мере сейчас, строится и держится, в основном, на предпринимательстве, то есть на малом и среднем бизнесе. Также Петр I ввел обязательную воинскую повинность, построил некую рациональную структуру в армии, а также создал флот и завоевал Прибалтику. Завоевание Прибалтики и создание флота дали невероятный импульс развитию как политических, так и экономических отношений Российской империи с зарубежными странами.

Что же касается времен СССР, то тут политическое время прошло все три стадии. Война (при И. Сталине), подъем и расцвет после нее (И. Сталин и Н. Хрущев), стабильность на грани стагнации (при Л. Брежневем), распад, то есть приход к «плохим временам», можно сказать, к гражданской войне (при М. Горбачеве). Это время уникально тем, что тогда страна побывала в двух жесточайших войнах, двух кровопролитных и долгих революциях, а также в одной «холодной войне», и при всем при этом она смогла зайти в следующее столетие в более-менее стабильном состоянии. Более того, советские люди смогли запустить первую в мире атомную электростанцию в 1954 г., спустя всего девять лет после той ужасной и разрушительной Второй мировой войны, а еще



через семь лет они стали пионерами в освоении космоса. И все это заслуга многонационального и патриотичного народа.

Касательно сегодняшней ситуации: Россия, как нам кажется, находится на перепутье между «плохими» и «хорошими» временами, и радует то, что вектор ее развития направлен к «хорошим» временам.

Итак, в ходе представленного исследования мы выяснили, что политическое время может проходить в трех формациях и что каждой стране с течением времени присуща та или иная его форма. Политическое время, как и обычное время, обладает такими способностями, как текучесть и скоротечность, благодаря которым и поддерживается сменяемость формаций в том или ином государстве.

#### **Список источников:**

1. Шестаков, Ю. А. История государства и права России : учебное пособие / Ю. А. Шестаков. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. – 310 с.
2. Василенко, И. А. Политическая философия : учебник / И. А. Василенко. – М. : ИНФРА-М, 210. – 320 с.
3. Рассел, Б. История западной философии / Б. Рассел. – М. : Издательство АСТ, 2016. – 1024 с.

*А.Д. Свистунова, студент  
alexandra.svistunova.as@gmail.com  
ТГУ им. Г.Р. Державина (Тамбов, Россия)*

### **К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ПРИНЯТИЯ ЗАКОНА О ДОМАШНЕМ НАСИЛИИ**

Домашнее насилие – важная мировая проблема. С каждым годом насилие в семье увеличивается. Отсюда возникает потребность в проявлении сильной политической воли, и урегулирование этой проблемы становится важной государственной задачей. Государство должно пропагандировать ненасильственные ценности, особенно это касается института семьи.

В России проблема домашнего насилия стоит остро. Помимо этого, в стране нет законов о предотвращении или профилактике семейно-бытового насилия, что является большим упущением. Отсутствуют и статьи в Уголовном и Административном кодексах, которые были бы направлены на предупреждение насилия в семье.

По этой причине большинство экспертов приходят к выводу, что без решительной политической воли вопрос о домашнем насилии в России так и останется нерешенным, что в последствие может привести к ухудшению положения жертв насилия.

Целью исследования стало выявление причин, по которым в России еще не принят закон о профилактике домашнего насилия. Были проанализированы выступления депутатов Государственной Думы, общественных и общественно-

религиозных активистов и экспертов, которые непосредственно принимали участие в разработке законопроекта.

Была рассмотрена ситуация с домашним насилием в республиках Северного Кавказа. В связи с культурными и религиозными особенностями региона ситуация с семейно-бытовым насилием отличается от остальных регионов России.

Очень важно понять, как обстоят дела с предотвращением и профилактикой домашнего насилия за пределами России, в частности, в странах СНГ. Были рассмотрены меры, применяемые для профилактики и предотвращения домашнего насилия в этих странах. Для анализа были взяты такие страны, как Казахстан, Киргизия, Азербайджан, Грузия, Молдова, Украина.

В результате исследования на основе статистики, приведенных аргументов и сравнительного анализа был сделан вывод о том, что домашнее насилие деструктивно действует на семью и разрушает ее. Без решительных действий со стороны государства вопрос останется нерешенным. Обращено внимание на необходимость применения активных действий, пока проблемы еще можно взять под контроль, подчеркнута важность пропаганды ненасильственных ценностей со стороны государства.

*Е.В. Семёнов, студент  
rote1221@mail.ru  
РАНХиГС (Москва, Россия)*

## **ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: КЛЮЧ К УДОБСТВУ, РАСШИРЯЮЩИЙ ПРОСТОР ДЛЯ МАНИПУЛИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ И ИСКАЖЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ**

Информационно-цифровые технологии – это прежде всего плод научно-технической мысли, позволяющий создавать и передавать ту или иную информацию на расстоянии. Основой является передача информационного кода, который будет расшифрован как можно большим количеством органов чувств. В современном политическом процессе, особенно в связи с коронавирусом, передача информации посредством цифровых технологий стала не просто трендом, но и необходимой действительностью. Несомненно, это принесло положительные плоды: обеспечение безопасности здоровья, комфортность работы из любой точки, покрытой сетью интернет, а так же удобство по созданию и отправке информационного кода. Но мы могли убедиться на примере многих событий, что удобство в итоге вызывает привыкание у людей. В чем же проблема и опасность информационно-цифровой системы и привыкания к ней?

Во-первых, стоит понимать, что доступ к Big Data является неравным для людей. Обработать и запрашивать информационный код в таких количествах, чтобы выявить статистику, могут только крупные IT-компании и непосредственно само государство. Так, С. В. Володенков утверждает, что

«простой пользователь становится объектом политического управления, мишенью для применения современных информационно-коммуникационных технологий на основе анализа Big Data» [1, с. 43]. Таким образом, государство может получить доступ к нашему «информационному следу», что позволит понять наши предпочтения, желания и взгляды на действительность. Имея на руках данную информацию, некий «конструктор» нашего текущего сознания, государство, с помощью ряда технологий получает возможность внедрения туда необходимых ему элементов и деталей. Так, одной из технологий по изменению общественного восприятия может служить процесс создания «окна Овертона». Для его воплощения субъектом анализируется текущая действительность и отношение объекта его влияния к тому или иному вопросу, а также конечная форма отношений и восприятия, к которой в идеале должен прийти этот объект. В итоге перед нами предстает новый тип сознания с новым набором ценностей и способов мышления. Государство, имея доступ к Big Data и возможности их обрабатывать, получает информацию, которая становится ключевой при воплощении процессов, манипулирующих нашим сознанием.

Информационно-цифровые технологии позволяют не просто считывать и изменять наш информационный код, но и формировать его. Современные цифровые технологии дают возможность кардинально преобразовать внешность и голос выступающего в информационном пространстве. Имеется возможность влияния на фон и исключения нежелательных моментов, к примеру, тремора пальцев или даже заикания. В информационно-цифровой среде политические акторы и само государство имеют свой собственный образ, который формируется с учетом анализа потребностей и желаний более низкой, не имеющей доступа к Big Data, но широкой аудитории. Д. С. Сергеева в своей научной статье отмечает: «Присутствие политических лидеров в социальных сетях – это уникальная возможность совместить продвижение политика и создать его собственный имидж» [2, с. 125]. Однако сам факт создания второй информационно-цифровой сущности, когда уже имеется реальная, является ярким примером сознательного искажения действительности. Информационно-цифровое поле создает «идеальных» личностей и образы, которые могут формироваться искусственно и не иметь ничего общего с действительностью. Современные технологии могут не просто собрать идеальную и нужную картинку, создавая по сути новую личность, они так же способны транслировать ее деятельность, которой в реальности может вообще не существовать. С развитием «Фотошопа» и ряда других программ, которые могут нарисовать что угодно, это становится возможным. Можно предположить, что с развитием информационно-цифровых технологий мы можем столкнуться с тем, что все транслируемые нам образы и лица будут фейковыми или мертвым. Голограммы и виртуальная реальность смогут в достаточной мере обеспечить инкогнито реальным правителям и сообществам, которые под личиной информационно-цифровой картинки смогут быть одновременно несколькими людьми, которые при этом будут спорить друг с другом, создавая образ реальности происходящего.

Однако, даже если не заглядывать в столь отдаленное будущее, то и сегодня можно увидеть, как информационно-цифровые технологии искажают действительность. Д. С. Сергеева, иллюстрируя работу «Twitter», показывает, что «некоторые блоги содержат в себе рекламу, пропаганду, лозунги и т.д., которые в той или иной степени влияют на сознание получателя» [2, с. 126]. И это пример лишь одной международной социальной сети, которая может искажать действительность и манипулировать нашим сознанием.

В связи с трудной эпидемиологической обстановкой и все большим переходом на дистанционный формат мы должны быть осторожнее в предоставлении информационно-цифровым технологиям всеобъемлющего «зеленого света». Ведь в первую очередь эти технологии рассматриваются большинством людей, лишенных доступа к Big Data, как сфера удобства, комфорта и развлечения. Далеко не в первую очередь пользователь информационной сети думает о манипуляции его сознанием. В итоге пользователи все больше и больше привыкают к удобному формату и не желают отказываться от него. Это создает стабильную платформу для политических акторов, которые могут манипулировать и искажать информацию. И они не переживают о том, что из-за ряда возможных скандалов и всплывающей реальной информации аудитория откажется от данного источника, передающего информационный код. Все потому, что программы, созданные информационно-цифровыми технологиями, в первую очередь удобны, комфортны и находятся в тренде.

#### **Список источников:**

1. Володенков, С. В. Digital-технологии в системе традиционных институтов власти: политический потенциал и современные вызовы / С. В. Володенков // Вестник Московского государственного областного университета. – 2018. – № 2. – С. 39–48.
2. Сергеева, С. Д. Формирование имиджа политика в современном информационном пространстве / С. Д. Сергеева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – С. 124–131.

*В.А. Теплюк, студентка  
lerochkateplu@gmail.com  
КУБГ(Київ, Україна)*

### **ВИКОРИСТАННЯ ІНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГІЙ У ВИБОРЧИХ ПРОЦЕСАХ**

У сучасних умовах і особливо в практиці розвинених країн, Інтернет видається важливою, а в деяких випадках вже невід'ємною складовою виборчого процесу. Розвиток Інтернет-технологій протягом багатьох років відкривав все більше і більше можливостей для інфраструктурних та інформаційних

передвиборчих планів в рамках організації та впровадження компонентів виборчого процесу.

Безперечно, сучасні тенденції у цій галузі знайшли своє відображення в українських реаліях, коли мережа характеризується швидким розвитком як кількісно – збільшення кількості користувачів, так і якісно – сприйняття Інтернету розвивається від суто розважального характеру до джерела соціально-політичної інформації та засобів політичної участі.

Посилаючись на світовий досвід ролі Інтернет-технологій у виборчих процесах, зокрема, і в політичній комунікації загалом, з одного боку можна стверджувати, що в сучасному світі глобальна мережа утворює нові можливості ефективного контролю громадянського суспільства над державою. Будучи набагато менш адміністративно контрольовано (ніж традиційні методи взаємодії між виборцями та державою), Інтернет має досить широкі межі для того, щоб стати відносно незалежним комунікативним процесом між громадськістю та державою з соціально-політичних та інших питань.

Як показує світовий досвід, веб-технології сприяють тіснішому спілкуванню виборців із партіями та кандидатами, створюють можливості для більш ефективного прояву їхніх уподобань та випереджальних вимог, створюють умови для об'єднання громадян заради політичних та інших соціальних інтересів.

Однак, з іншого боку, Інтернет-технології стають дедалі досконалішим та інструментом маніпулювання свідомістю виборців державним апаратом, партіями та кандидатами.

Багато сучасних дослідників сходяться на думці, що глобальна мережа має ряд ключових переваг, які можуть значно підвищити рівень ефективності виборчого процесу. Зокрема, серед них виділяють такі функціональні переваги Інтернету: засіб інформування громадськості про виборчий процес; інструмент збору, обміну та розповсюдження інформації.

Використання Інтернет-технологій у виборчому процесі слід розглядати з кількох ключових позицій:

- інформування населення про свої права виборців, правила голосування, а також надання доступу до інформації про кандидатів та партії, про хід та результати голосування та інші дані;

- використання Інтернет-технологій у виборчій процедурі: в діяльності держави з організації та проведення виборів, включаючи надання можливостей дистанційного голосування та обміну інформацією (наприклад, між виборчими комісіями та всередині них), а також як в рамках організації зворотного зв'язку виборців та громадського контролю за ходом голосування;

- використання Інтернет-технологій у виборчих кампаніях, тобто їх використання політичними партіями та незалежними кандидатами в агітаційних цілях.

*О.У. Халилов, студент  
kodilshokh@mail.ru  
ФерГУ (Фергана, Узбекистан)*

## **МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Международный терроризм является проблемой не только каких-либо конкретных стран, но и мира в целом. В современном мире проблема терроризма стоит на повестке дня мирового сообщества.

По вопросу о целях международного терроризма существуют два основных подхода. С одной стороны, выделяются его социально-психологические цели, связанные с влиянием на общество путем вселения в людей тревоги, страха, лишения их чувства безопасности и уверенности в будущем и др. С другой стороны, называются международно-политические цели, направленные на воздействие на государства, их внутреннюю и внешнюю политику, на весь ход международных отношений в целом. Фактически обе эти цели в равной мере преследуются международными террористами.

Но наряду с социально-психологическим воздействием международного терроризма на современное общество не меньшее значение экстремисты придают политическим целям. Действия международных террористов направлены главным образом против современных государств, их внутренней и внешней политики с целью оказания влияния на весь ход международных событий в целом. Политической целью такого воздействия является принуждение публичных политиков, представителей органов государственной власти или международных организаций к совершению нужных террористам действий или воздержанию от их совершения. Также среди целей террористов значительное место занимает разрушение либо дестабилизация ключевых политических, конституционных, экономических или социальных институтов и структур современных государств или международных организаций [1, с. 183].

В глобальном масштабе разработана нормативно-правовая база для противодействия терроризму. Основными документами, направленными на борьбу с международным терроризмом, сегодня являются:

- Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, от 14 декабря 1973 г.;

- Международная конвенция о борьбе с захватом заложников от 17 декабря 1979 г.;

- Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением боевиков от 4 декабря 1989 г.;

- Конвенция о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала от 9 декабря 1994 г.;

- Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом от 15 декабря 1997 г. [2, с. 391].

Кроме того, созданы международные организации для борьбы с терроризмом и экстремизмом. К примеру, в структурах СНГ, ШОС созданы антитеррористические центры.

США как великая держава активно борется против терроризма. Госдепартамент представил ежегодный доклад по терроризму. В докладе отмечены важные достижения США в борьбе с террористическими организациями в 2019 г. Так, в октябре прошлого года в результате военного рейда США в Сирии был ликвидирован лидер ИГ Абу Бакр аль Багдади. В докладе также отмечаются усилия США по решению новых и текущих проблем, таких как репатриация иностранных боевиков, особенно в Западную Европу, расширение филиалов и сетей ИГ в Африке, угроза терроризма на расовой и этнической почве [3].

Борьба против международного терроризма требует коллективных и усиленных мер мирового сообщества.

#### **Список источников:**

1. Милецкий, В. П. Международный терроризм: политико-правовое измерение теории и практики противодействия / В. П. Милецкий // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11 (1). – С. 180–189.
2. Цзинь, И. Международный терроризм. Основные пути борьбы против международного терроризма на современном этапе / И. Цзинь // Молодой ученый. – 2017. – № 20. – С. 389–392.
3. Госдепартамент представил ежегодный доклад по терроризму [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.golosameriki-com.cdn.ampproject.org>. – Дата доступа 24.06.2020.

*М.О. Харчик, студент  
tabax@mail.ru  
РАНХиГС (Москва, Россия)*

### **МЕДИЦИНСКИЕ ОЛИГОПОЛИИ США В РАМКАХ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

Ситуация в мире в условиях пандемии COVID-19, сопряженная с экономическим кризисом, характеризуется нестабильностью и колебаниями. В этих условиях возникает вопрос: какая политика будет эффективной в условиях эпидемии? Неoliberalная структура управления в США сегодня представлена бизнесом и является предметом спора о ее эффективности. Но государство, в отличие от частного бизнеса, несет прямую ответственность перед населением и поэтому сталкивается с политическими проблемами.

Медицина в условиях neoliberalной парадигмы ориентирована на текущий платежеспособный спрос и оказывается сверхспециализированной. Угроза эпидемии означает нагрузку на здравоохранение. «Бигфарма» – неофициальное название крупнейших компаний-олигополий (по разным

источникам, 15–50 компаний). В условиях создания любого лекарства (в т.ч. вакцины) любой небольшой стартап будет поглощен, соответственно, его формула будет выкуплена и «отложена». Нужны те лекарства, которые продаются ежегодно и на постоянной основе. В этой связи крайне невыгодны фундаментальные исследования: ими занимаются либо энтузиасты в нерабочее время, либо небольшие исследовательские лаборатории при университетах. Другая проблема: на лекарственные средства от ВИЧ, гепатита и других серьезных заболеваний фармацевтические гиганты склонны ставить высокие цены и получать сверхприбыль на 15 лет патента. По истечении 15 лет происходит «переозеленение» патента (причем не всегда законными способами), как правило, еще на 15 – 20 лет, мотивируемое изменением формы лекарственного средства (из таблетки в порошок). Как показывает практика, относительно дешевым лекарство станет только через 40–50 лет. У НКО не получается с этим бороться: у фармацевтических компаний больше ресурсов, и законодательства большинства крупных стран защищают владельцев медицинских компаний, обеспечивающих страну лекарствами первой необходимости и товарами-комплиментами. В условиях коронавируса лишь несколько крупных компаний могут до конца разработать вакцину и довести исследование до завершения. Крупные компании сейчас объединяют свои патенты на использование новых формул веществ (только они могут исследовать те самые принадлежащие им формулы, которые ранее были массово выкуплены у стартапов). Так уже было во время SARS, Эболы и других эпидемий.

История пандемий показывает, что обычно кризис спадает и эпидемию удастся локализовать, следовательно, разработка вакцины прекращается, так как если нет финансового смысла ее производить, то «Бигфарма» не будет ради общего блага и развития науки это делать. Если стартапы или университеты захотят продолжить разработку на основе существующих формул, то не смогут сделать это, так как у них нет прав.

В США после эпидемии SARS и MERS была создана коалиция по подготовке к борьбе с эпидемиями. Изучали в том числе и летучих мышей – распространителей вируса. Группа энтузиастов предоставляла «Бигфарме» и исследования, подтверждавшие угрозу опасности, но та по-прежнему не были заинтересованы в сотрудничестве. Деятельность «Бигфармы» направлена на максимизацию прибыли и отражает неолиберальную капиталистическую модель.

Летом 2020 г. Д. Трамп пытался купить у немцев вакцину и сделать ее «своей» для американских фармацевтических компаний. Но в то же время компания «AbbVie» постепенно отказывается от глобальных прав на препараты по предотвращению развития ВИЧ [1], при этом с компанией судятся НКО, требуя снизить цены на препараты против рака, ВИЧ и гепатита. Судебные тяжбы ничем не закончились. Крупнейшие компании взяли обязательства обмениваться опытом и выпустили общий пресс-релиз с призывом: «Мы сделаем скрининг общей базы лекарств, чтобы после расшифровки генома коронавируса те разработки, которые достались нам от Эболы, SARS, MERS, были



продолжены и стали бы максимально полезны; тем самым мы сэкономим время для создания вакцины». Как говорится, «Business as usual is not an option». Но здесь будет и большая доля маркетинга: государствам будет необходимо закупать эту вакцину.

Таким образом, некоторые фармацевтические олигополии в условиях коронавируса отказываются от своих масштабных патентных прав на лекарственные препараты и разработки в области вакцины. Запросы НКО в области медицины нашли небольшой отклик, но это случилось лишь в кризисной ситуации.

Фонд ВОЗ и ООН создан, чтобы собирать пожертвования на разработку вакцины от коронавируса. Фонд не облагается налогами, насколько это позволяет законодательство той или иной страны. Коллективное действие означает отход от неолиберальных моделей, так как неолиберализм ориентируется на мораторий на установку коллективных целей, то есть запрет на коллективное действие [2]. Стоит отметить, что весной, в период первого всплеска коронавируса, по состоянию на 28 марта 2020 г. 113 млн. долларов было принято и от физических лиц, и от корпораций. За две недели существования фонда сбор такой суммы – очень хороший результат. «Фэйсбук» перечислил 20 млн. долларов США, «Тик Ток» – 10 млн., «Бритиш Петролиум» – 2 млн.

После сообщения CNN о намерении Б. Сандерса выйти из президентской гонки США от Демократической партии ликвидировалась возможность для «социальной Америки». Б. Сандерс выступал в качестве демократа-социалиста и обещал изменить Америку за 60 трлн. долларов США. Его предвыборная программа предполагала введение всеобщего бесплатного образования, здравоохранения и даже бесплатного питания в школах. Оплатить расходы предполагалось новыми налогами на «сверхбогатство» и бизнес в целом. Что получил бы избиратель Б. Сандерса? Доступное и бесплатное здравоохранение «Medicare for All» (30 трлн. долларов США), программу «Доступное жилье» (2.5 трлн. долларов США), введение бесплатного высшего образования (2.2 трлн. долларов США) и установление МРОТ в размере 15 долларов США в час.

На лицо фундаментальная для США проблема – экономика. Здесь и начинается проблема неолиберальной машины. Современная монетарная теория, которой придерживается Б. Сандерс, сталкивается со следующей проблемой: США, являясь эмитентом резервной валюты, имеют возможность безопасно для себя поддерживать и низкую инфляцию, и спрос в экономике, и ВВП, и полную занятость за счет роста госдолга и госрасходов, а это влечет за собой опасность перехода к социализму и неуправляемой эмиссии доллара. Это скажется на мировой экономике из-за качества доллара как резервной валюты. 13 апреля 2020 г. Б. Сандерс поддержал Дж. Байдена, а значит, неолиберализм пока успешно лидирует. Жесткая экономия и монетарная политика продолжает управлять американским обществом. Отход от неолиберализма происходит только в очень критический момент. В конкретном случае – коронавирус способствовал введению некоторого базового дохода в период пандемии.

Показателем хорошей политики государства является экономический рост, и стратегией правительства становится погоня за инвестициями. Также государства вынуждены создавать благоприятные условия для ТНК, не подчиненных национальному праву. ТНК уходят в офшоры. Если в стране не будет благоприятных условий для бизнеса, то бизнес уйдет, государство останется без экономического роста, возникнут политические проблемы.

Неолиберальная политика частично, казалось бы, уходит, так как столкнулась с необходимостью координации, как во времена великой депрессии. Но это только на первый взгляд – поддержка Дж. Байдена бизнесом и сенаторами, выход из гонки Б. Сандерса и дальнейшее лидерство Дж. Байдена свидетельствует о противоположном явлении. А меры приняты только в силу кризисного момента, пережив который, победители будущих выборов захотят вернуться к неолиберальной политике. Социалистического поворота и солидаризации в американском обществе ожидать не приходится.

Кейнсианское государство провалилось еще в 1960-х. И Д. Трамп, как представитель бизнеса, во многом ориентирующийся на Р. Рейгана и его тезис «Make America great again», представляет неолиберальную модель управления. Популярный сейчас тезис «Мир не будет прежним» поставлен под сомнение, по крайней мере, для США. Рейганомика действует, но уже действует более мягко и менее консервативно. «Medical aid» – а точнее финансирование для нее – было сокращено при правлении Р. Рейгана, после чего началось создание в США экономики долга – то есть разворачивались процессы финансиализации капитализма (что продолжил Б. Клинтон). А сегодня, как результат, мы уже имеем дело с «Бигфарма», взаимоотношение с которой в кризисный период – в период коронавируса – вскрывает социально-экономические проблемы общества, решение которых ложится на политическую сферу. Трансформируется, в разной степени, политический курс.

#### **Список источников:**

1. Проблемы современной экономики: сравнительный анализ современного капитализма: вопросы теории и методологии / О. В. Аверьянова [и др.] // Проблемы современной экономики. – 2019. – № 4. – С. 39–46.
2. Мицель, А. А. Экономика и бизнес: модели олигополии / А. А. Мицель, С. В. Козлов // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. – 2007. – С. 4–8.
3. Ковалева, И. П. Экономика и бизнес: обобщенная характеристика рынка медицинских услуг / И. П. Ковалева // Актуальные вопросы экономических наук. Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями. – 2015. – № 5. – С. 7–16.

*А.Е. Ходоковская, студент  
Nastyia\_novikova2013@mail.ru  
БрГУ им. А.С. Пушкина (Брест, Беларусь)*

## **ПРОЦЕДУРА ИМПИЧМЕНТА КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ПРАКТИКА В США**

Статья 2 Раздела 1 Конституции США гласит: «Исполнительная власть предоставляется Президенту Соединенных Штатов» [1]. Политическое развитие США повлекло за собой увеличение значимости страны на мировой арене: из Западного аутсайдера первая республика современного типа превратилась в доминирующую военно-политическую и экономическую силу планеты. Столь значительное возрастание роли Соединенных Штатов не могло не привести к росту значимости такой фигуры, как президент США, превратив эту должность из регулятора внутривнутриполитических процессов в мирового «антикризисного менеджера»: «не будет преувеличением сказать, что президент США, по крайней мере неформально, предстает в роли «президента земного шара» [3, с. 270].

За более чем две сотни лет существования института президентства хозяевами Овального кабинета были как великие реалисты и прагматики (Т. Рузвельт, Р. Никсон), так и великие идеалисты (В. Вильсон, Дж. Картер). Роль «хозяина Белого дома» – мирового «антикризисного менеджера» – нуждается в серьезных политических ограничениях. Для предотвращения узурпации столь существенной в мировой политике должности в роли противовеса выступает двухпалатный Конгресс, в ведении которого находятся как экономические, так и политические меры давления на президента, в частности, импичмент – «предусмотренный законодательством особый порядок привлечения к ответственности высших должностных лиц за нарушение закона, отстранение их от власти до истечения срока полномочий» [2, с. 105].

Конституция США предусматривает, что «Президент, Вице-президент и все гражданские должностные лица Соединенных Штатов могут быть отстранены от должности по импичменту за государственную измену, взяточничество либо за другие серьезные преступления и правонарушения» (Статья 2, Раздел 4) [1]. Каждого из четырех предыдущих президентов (Б. Клинтон, Дж. Буш-мл., Б. Обама, Д. Трамп) пыталась подвергнуть процедуре импичмента, ни в одном из перечисленных случаев президент не был отстранен от власти таким путем, более того, «что касается практики привлечения высшего должностного лица страны к ответственности, то за более чем 200-летнюю историю существования США ни один из президентов не был отрешен от должности в порядке импичмента» [4, с. 134–135].

Процесс импичмента президента США можно разделить на две стадии: I стадия – Выдвижения обвинения Палатой представителей согласно Статье 1 Разделу 2: «Палата представителей избирает своего Спикера и других должностных лиц; и ей одной принадлежит право импичмента» [1]. Инициировать процедуру импичмента может любой из членов нижней палаты,

после чего предложение поступает на рассмотрение юридическому комитету Палаты представителей, «который рассматривает предъявленные обвинения с точки зрения их обоснованности и (в случае их одобрения) формулирует статьи импичмента» [4, с. 133–134]. Для принятия статей импичмента достаточно простого большинства нижней палаты, после чего утвержденные статьи отправляются на рассмотрение в Сенат.

II стадия – Принятие решения об импичменте Сенатом, т.е. непосредственное отрешение от должности. Особенностью Сената, как составной части системы сдержек и противовесов, является ряд судебных функций, в частности, согласно Статье 1 Разделу 3: «Сенату принадлежит исключительное право разбирательства дел по импичменту» [1], в случае принятия решения об импичменте (2/3 голосов Верхней палаты) президент отстраняется от должности и лишается права занимать практически любую должность в секторе исполнительной власти США. После отстранения от должности в отношении экс-президента может последовать уголовное преследование. Фактически, при успешном завершении I стадии (принятие статей об импичменте) Сенат выступает как судебная инстанция, нижняя палата примеряет на себя роль стороны обвинения, президент тем самым становится обвиняемым. Рассмотрение статей импичмента Верхней палаты происходило в отношении четырех президентов: Э. Джонсона, Р. Никсона, Б. Клинтона и Д. Трампа, ни в одном случае процедура импичмента не была проведена до конца (Р. Никсон сложил с себя президентские полномочия до начала рассмотрения статей обвинения в Палате представителей).

Импичмент, как форма сдержек и противовесов в политической системе США, играет роль своеобразного предупреждения или же способа ограничения президентских полномочий: «Возможность применения этой процедуры в отношении высших должностных лиц государства, включая и самого Президента, оказывает несомненное сдерживающее и предупредительное воздействие любым антидемократическим и авторитарным тенденциям» [4, с. 135]. С точки зрения процедуры отстранения от власти главы государства импичмент малорезультативен: «Следует признать, что для политической системы США импичмент, как и право президентского вето, есть оружие стратегическое, а не тактическое» [4, с. 135].

#### **Список источников:**

1. Конституция США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnstUS.htm>. – Дата доступа: 03.12.2020.
2. Погорелый, Д. Е. Новейший политологический словарь / Д. Е. Погорелый, В.Ю. Фесенко, К.В. Филиппов. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. – 318 с.
3. Травкина, Н. М. Институт президентской власти в США: в поисках модели современной идентичности / Н. М. Травкина // Политическая наука. – 2019. – № 4. – С. 262–283.

4. Тязин, Е. Н. Импичмент президента США и отрешение от должности президента Российской Федерации: сравнительная характеристика / Е. Н. Тязин, А. С. Кочнев // Символ науки. – 2016. – № 7. – С. 132–136.

*Р.О. Чаус, магистрант  
Rchaust@mail.ru  
РАНХиГС (Москва, Россия)*

## **ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ**

Развитие международных отношений на современном этапе включает в себя ряд процессов, в рамках которых страны все чаще прибегают к использованию негосударственных акторов: сетевых структур, частных СМИ, организаций неправительственного характера и так далее. Особое место в этом перечне занимают частные военные компании (ЧВК), которые являются реальной силой в сфере регулирования военных конфликтов. На настоящий момент примерная численность ЧВК составляет более 3000 компаний, которые осуществляют подготовку военных подразделений и работают более чем в 60 государствах [6].

В зарубежной и отечественной историографии отсутствует единый подход к определению понятия ЧВК, однако в большинстве случаев используется термин «наемничество». Современный этап формирования данного явления начался после Второй мировой войны, когда множество обученных военному делу людей остались невостребованными. Первые отряды наемников участвовали в подавлении национально-освободительных движений, охвативших ряд стран Африки, при неофициальной поддержке Бельгии, ЮАР, Франции и частично США. Так, Д. Стирлингом была организована авиадесантная служба (SAS) [4], которая впервые была задействована в Йемене (1962–1970 гг.), где показала себя действенной силой регулирования военных конфликтов.

Оценив характер деятельности SAS, Д. Стерглинг пришел к идее создания частного предприятия с целью оказания военных услуг подобного характера, что в дальнейшем и легло в основу становления ЧВК. В результате развития их деятельности на уровне ООН был принят запрет в рамках Дополнительного протокола [2]. Однако не все страны-члены организации ратифицировали этот протокол. Так, США прибегали к услугам ЧВК, которые исполняли роль регулярной армии в Афганистане и Ираке (например, MPRI («Military Professional Resources Inc.»), «Blackwater», «DynCorp International» и другие). Важно отметить, что деятельность ЧВК в рамках исполнения функций регулярной армии не попадает в официальную статистику военных действий. Так, потери, понесенные ЧВК, не считаются потерями армии.

Другим нормативно-правовым актом является Документ Монтрё от 2008 г. [1], который был ратифицирован только 17 странами и имеет исключительно

рекомендательный характер. Он включает в себя примерно 70 рекомендаций по регламентации деятельности ЧВК в зонах военных конфликтов.

Так, в рамках международного права сформировалась так называемая «серая зона». В результате государства чаще используют ЧВК как инструмент для достижения собственных политических целей в различных регионах мира. Именно в этом и состоит один из главных проблемных аспектов политико-правового регулирования ЧВК.

Особенно остро проблема правового регулирования деятельности ЧВК стоит в России ввиду отсутствия необходимой законодательной базы. В рамках существующих правовых актов деятельность ЧВК приравнивается к наемничеству (ст. 359 УК РФ), а создание или финансирование вооруженного формирования (ст.208 УК РФ) [5] является преступлением.

Вместе с тем в контексте формирования деятельности ЧВК в России был сделан промежуточный шаг в рамках обеспечения безопасности государственно-коммерческих предприятий. В 2007 г. был принят закон «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» относительно деятельности частных охранных предприятий. В нем оговорено, что подразделения особого назначения АК «Транснефть» и ОАО «Газпром» имеют право использовать спецсредства и оружие с целью сохранения продукции для государственных нужд [3].

Таким образом, масштаб использования ЧВК в мире огромен, и на настоящий момент ЧВК увеличивают свое присутствие и влияние в зонах военных конфликтов в различных регионах мира. Более того, ЧВК оказывают значительное воздействие на политику множества государств и вместе с тем представляют собой военно-политический инструмент, который на современном этапе используется многими странами. Именно поэтому совершенствование нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность ЧВК, необходимо для регулирования конфликтов и поддержания государственной и глобальной стабильности.

#### **Список источников:**

1. Документ Монтрё. О соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооружённого конфликта [Электронный ресурс] : [подписан 17.09.2008 г.]. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/montreau.pdf>. – Дата доступа: 11.12.2020.
2. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г. [Электронный ресурс] : [принят в Женеве 08.06.1977 г.]. – Режим доступа: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/pdf/geneva\\_protocol\\_III.pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/geneva_protocol_III.pdf). – Дата доступа: 10.12.2020.
3. Феномен частных военных компаний в военно-силовой политике государств в XXI в. [Электронный ресурс] / К. П. Курылев [и др.]. – Режим

доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-chastnyh-voennyh-kompaniy-v-voenno-silovoy-politike-gosudarstv-v-xxi-v>. – Дата доступа: 10.12.2020.

4. Рыжов, Н. А. О зарубежном опыте правового регулирования деятельности частных военных компаний [Электронный ресурс] / Н. А. Рыжов. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-zarubezhnom-opyte-pravovogo-regulirovaniya-deyatelnosti-chastnyh-voennyh-i-ohrannyh-kompaniy>. – Дата доступа: 10.12.2020.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный источник] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 08.12.2020 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2016.

6. Частные военные компании на современном этапе [Электронный ресурс] // Russian Council. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/blogs/dtdorovsky/chastnye-voennye-kompanii-na-sovremennom-etape/>. – Дата доступа: 10.12.2020.

*А.М. Шашков, студент  
shashkovam96@mail.ru*

*МГУ им. А.А. Кулешова (Могилев, Беларусь)*

## **ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭКСТРЕМИЗМА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ**

На сегодняшний день информационно-коммуникативные технологии присутствуют во всех сферах жизнедеятельности общества. Одной из самых активных групп пользователей интернета является молодежь.

Особую популярность за последнее десятилетие приобрели такие социальные сети, как «ВКонтакте», «Instagram», «Twitter», «Одноклассники», «Telegram», так как они упрощают коммуникацию среди молодежи, дают возможность делиться мнениями, впечатлениями, получать в короткие сроки массу общественной информации.

Содержание социальных сетей создается непосредственно пользователями сайта. Отсутствие экспертной оценки при размещении информации является отличительной чертой социальной сети по сравнению с традиционными средствами массовой информации. Информация, которая содержится в социальных сетях, может оказывать деструктивное влияние на сознание молодого поколения. Это обусловлено тем, что пользователями социальных сетей могут быть как обычные люди, так и представители различных радикальных и экстремистских групп, которые транслируют свои установки и ценности обществу. Можно предположить, что социальные сети без должного контроля со стороны государства могут стать инструментом вовлечения молодежи в ряды экстремистских структур.

Можно выделить следующие черты социальных сетей, которые дают возможность распространять экстремистские идеи и взгляды и вовлекать молодежь в свои ряды:

- анонимность, которую предоставляют социальные сети (в частности, возможность регистрации не под своим именем), дает возможность уходить от ответственности за пропаганду экстремистских взглядов;
- возможность координации экстремистских акции из-за рубежа;
- высокая скорость передачи информации;
- возможность влиять абсолютно на любую возрастную категорию населения;
- невозможность быстрого удаления администрацией социальных сетей экстремистских материалов.

Можно сказать, что уже существуют определенные способы вовлечения ничего не подозревающей молодежи во всевозможные экстремистские акции.

Специалистами выделяются три стадии вовлечения молодежи в ряды экстремистских структур посредством социальных сетей:

На первой стадии экстремисты собирают информацию о самых активных пользователях деструктивных каналов, групп и чатов. Изучают высказывания конкретного человека в блогах, социальных сетях с целью установления его психологического состояния, умонастроений (т.н. разработка онлайн-профиля человека), переписку посредством личных сообщений с самим объектом. В данном случае в группе риска находится, как правило, та часть молодежи, которая открыто демонстрирует ультрарадикализм в социальных сетях.

На второй стадии устанавливают контакт с потенциальным объектом, предлагают изучить определенную литературу или просмотреть специальные сайты (формирование «самообразования» объекта в нужном направлении).

На третьей стадии поступает прямое предложение вступить в экстремистскую организацию. Здесь участие в организации подается как способ решения проблем, выхода из житейского, психологического или мировоззренческого «тупика». Также на этой стадии объект и сам становится вербовщиком [2, с. 55–57].

Примером применения данной технологии может служить флэш-моб, суть которого заключается в том, что незнакомые между собой люди с использованием сети интернет договариваются о месте, времени и сценарии проведения определенной кратковременной акции [1, с. 38]. Такие акции применяют и экстремистские организации для вовлечения ничего не подозревающей молодежи в свои ряды.

Таким образом, социальные сети являются основным средством распространения экстремистских идей и взглядов среди молодежи как активного пользователя интернет-технологий. Этому способствует специфика социальной сети, в частности, анонимность, быстрая скорость передачи информации, невозможность быстрой идентификации и удаления экстремистских материалов. В целом социальные сети являются основным каналом вербовки новых членов в



ряды экстремистских структур. Однако, важно понимать, что это не единственная причина экстремизма. Интернет и конкретно социальные сети могут служить посредником в рамках более широкого процесса агрессивной радикализации молодежи.

Поэтому государству важно осуществлять контроль социальных сетей с возможной блокировкой деструктивных телеграмм-каналов, групп «ВКонтакте» и в других популярных социальных сетях, а также пользователей, в чьих постах содержится экстремистская информация.

#### **Список источников:**

1. Абалов, И. Ю. Об использовании молодежными объединениями сети интернет в экстремистских целях / И. Ю. Абалов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2015. – № 4. – С. 34–40.
2. Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде / М. А. Кочубей [и др.] ; под общ. ред. А. П. Новикова. – М. : Русь, 2018. – 93 с.

*М.А. Швед, студент*

*matveyka.shved@mail.ru*

*БрГУ им. А.С. Пушкина (Брест, Беларусь)*

### **ЛЕГАЛЬНОСТЬ И ЛЕГИТИМНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ**

Политические субъекты институализируются в рамках правового поля конкретной политической системы, обеспечивая таким образом легальный статус своего властного воздействия на иные субъекты. В ходе реализации политико-управленческих решений пришедшие к власти политические элиты спорадически сталкиваются с необходимостью действовать с определенной долей ущерба для общества, от оценки и реакции которого зависит успешная или провальная реализация управленческих инициатив, ввиду чего такие социально-политические ресурсы, как доверие и поддержка широких масс населения, являются жизненно необходимыми для приобретения, удержания и реализации властных полномочий.

Устойчивость политического режима зависит от уровня легальности и легитимности власти. Под легальностью понимается: «признание какой-либо организации, процедуры, общественного отношения существующими на законных основаниях» [2, с. 270], легитимность – это «политико-правовое понятие, означающее положительное отношение жителей страны, больших групп, общественного мнения (в т.ч. и зарубежного) к действующим в конкретном государстве институтам власти, признание их правомерности» [2, с. 271]. Данные понятие не взаимоисключающие, но и не взаимозависимые, ввиду чего власть может быть как легальной, но не легитимной (т.е. законной, но не иметь поддержки широких слоев населения), так и наоборот.

Легитимность как политический ресурс может иметь несколько источников: поддержка широких слоев населения, которая «является самой заветной целью всех политических режимов, именно она в первую очередь обеспечивает стабильность и устойчивость власти» [4, с. 73], деятельность государственных структур и роль внешнеполитических структур во внутривнутриполитических процессах страны.

Политические элиты, осуществляющие властные полномочия в структурах различных моделей государственного устройства, стремятся придать своим действиям легитимность, используя для этого различные основания: традиционные нормы, выборы, божественное благословение, на основе которых выделяются типы легитимности.

Классической является типология легитимности, предложенная М. Вебером. Анализируя категории господства и подчинения, ученый отмечает: «Господство (авторитет) ... выражается в подчинении, которое каждый раз может побуждаться разными мотивами – от простой привычки до чисто целерациональных соображений» [1, с. 252]. Исходя из данного утверждения, ученый делает вывод, что для господства над свободными людьми необходима обусловленность этого самого господства, которой индивиды будут оправдывать свое подчинение власти имущим. Веберовская классификация предлагает три «чистых» типа легитимности: рациональный (основой которой служит легальность власти в глазах людей), традиционный (основанный на традиционных нормах приобретения, удержания и реализации властных полномочий) и харизматический (базисом которого служат личный авторитет определенной персоны, вера в провозглашаемые этой личностью идеи). Ни один из вышеперечисленных типов легитимности не является самодостаточным и не может существовать как таковой в политической практике: «ни один из ... идеальных типов в исторической действительности не выступает в чистом виде» [1, с. 255].

На основе Веберовской традиции английский ученый Д. Хелд предложил в дополнении к существующей триаде следующие типы легитимности: авторитарный (население поддерживают власть из-за опасений за свою жизнь, благосостояние и т.д.), апатичный (общество не проявляет заинтересованности к деятельности политических элит), прагматический (люди поддерживают власть на основе личного интереса), нормативный (массы поддерживают власть ввиду сходства принципов, видения общественно-политического развития и т.д.) и идеально-нормативный. Рассматривая современные глобальные трансформации, ученый утверждает, что в нынешних реалиях именно поддержка населения является основополагающим ресурсом, необходимым современному государству для продуктивной жизнедеятельности: «когда апелляция к «божественному» или «светскому» праву перестала восприниматься и оказывать воздействие, именно лояльность граждан стала тем, чем должно было заручиться современное государство, непременно претендующее на легитимность, поскольку оно отражает и/или представляет потребности, желания и интересы своих граждан» [5, с. 54]

Следует согласиться с мнением российского политолога А. А. Керимова, что легитимность – «величина не постоянная, в зависимости от проводимого властью политического, социально-экономического, внешнеполитического курса она меняет свой характер» [3, с. 88]. Легитимность как показатель уровня поддержки населением действий политических элит сводится к эффективному разрешению членами политического истеблишмента следующих проблемных моментов: вовлечение широких масс населения в политическую жизнь государства (общество должно ощущать сопричастность и ответственность за происходящее, что дает политическим элитам определенный запас прочности в кризисных ситуациях), компетентное решение стоящих перед государством проблем (на политические элиты возлагаются обязанности эффективного управления государством и удовлетворения потребностей населения, если же политические элиты, опирающиеся в основном на данный тип легитимации власти, оказываются не в состоянии обеспечить должную результативность, на их место приходят другие), соразмерное применение принуждения (право легитимного применения насилия и принуждения является атрибутом государственной власти, но столь непопулярный способ легитимации способен привести к снижению уровня доверия и поддержки: «силой можно обеспечить легитимность лишь на определенное время и только при определенных обстоятельствах ... Постоянное использование силы повышает напряжение внутри самой политической системы и может ускорить процесс падения режима» [3, с. 90]).

Для демократических режимов характерна концентрация внимания на первом проблемном поле, т.е. вовлечении широких масс в управление государством. В данном контексте политические элиты вынуждены откликаться на требования общества и выстраивать политику в соответствии с ними, если же в таких условиях политические элиты оказываются не в состоянии обеспечить ожидаемую результативность, общество избирает на их место иных представителей. В свою очередь при тоталитарных и авторитарных режимах политические элиты делают упор на принуждение и идеологическое воздействие, тем самым избавляя себя от необходимости улавливать меняющиеся интересы и удовлетворять всевозрастающие потребности общества, внешняя и внутренняя политика выстраивается исходя из видения и интересов элиты, за счет интересов населения. Процесс политического оздоровления при таких режимах представляется затруднительным и малорезультативным: «Для таких режимов, в отличие от демократических, большой проблемой является отсутствие легитимных механизмов обновления органов государственной власти» [3, с. 88].

Снижение уровня поддержки и доверия со стороны общества может привести к кризису легитимности, процесс делегитимизации может носить как латентный (абсентеизм, снижение явки на выборах и т.д.), так и явный характер (протесты, революции и др.). Если же уровень легитимности власти падает (ввиду неэффективности, коррупционных скандалов, нехватки ресурсов, различных кризисов), но государство делает упор на методы принуждения, –

процесс делегитимизации ускоряется и радикализуется. На наш взгляд, снижение легитимности во многом происходит по причине несоответствия ожиданий населения реальной ситуации.

Мы полагаем, что легитимность служит критерием устойчивости государственного устройства, благоприятного социального климата, одним из важнейших ресурсов политических элит, необходимым для обретения, удержания и реализации власти. Ограниченность ресурсов и наличие целого спектра социально-политических проблем ставит политические элиты перед выбором наиболее приоритетных направлений развития и проблем, требующих скорейшего решения, ввиду чего деятельность политического истеблишмента может вызывать недовольство или прямой протест различных групп населения. Минимизировать последствия кризисных явлений и дать возможность политическим элитам реализовывать долгосрочные социально-политические проекты позволяют высокий уровень легитимности со стороны широких слоев населения, эффективная структура аппарата государственного управления и поддержка международной общественности. В свою очередь легальность и легитимность политических элит в совокупности выступают важными факторами обеспечения стабильности и эффективного функционирования политической системы в целом.

#### **Список источников:**

1. Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / М. Вебер. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 445 с.
2. Додонов, В. Н. Большой юридический словарь / В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылова. – М. : Инфа-М, 2001. – 790 с.
3. Керимов, А. А. Легитимность политической власти: проблемы дефиниции и основные теоретические модели / А. А. Керимов // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2015. – № 1. – С. 81–91.
4. Соловьев, А. И. Введение в политологию / А. И. Соловьев, В. П. Пугачев. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 419 с.
5. Хелд, Д. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Д. Хелд, Д. Гольдблатт. – М. : Праксис, 2004. – 576 с.

***Н.Ю. Шишов**, магистрант  
Shishoff.nickita2012@yandex.ru  
РГГУ (Москва, Россия)*

### **ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА ИЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ: ОПЫТ ВЕНГРИИ В 2010–2020 гг.**

Современный мир претерпевает трансформацию, находится на пороге важных перемен. Об этом свидетельствует множество факторов в совершенно различных сферах жизни общества, но, прежде всего, в политике. Так, на первые

роли в партийно-политических системах Бразилии, Турции, Польши приходят иллиберальные силы, которые отстаивают, прежде всего, этнонациональный подход и строительство сильных национальных государств (при ослаблении наднациональных институтов). Не исключением стала и Венгрия, которая, несмотря на более чем тридцатилетнюю историю перехода к демократии и усвоению либеральных западных ценностей, в итоге пришла к доминированию иллиберализма и даже стала одной из родоначальниц феномена правого поворота Европы в 2010 г. – год прихода к власти правоконсервативной коалиции Венгерского гражданского союза (партия Фидес) и Христианско-демократической народной партии (ХДНП) во главе с премьер-министром В. Орбаном [2].

Что же такое иллиберальная демократия? Несмотря на то, что в политической науке нет официально устоявшегося определения, опираясь на венгерский опыт, мы можем операционализировать понятие «иллиберальная демократия» следующим образом: разновидность элитарной демократии, направленная на строительство сильного этнонационального государства, при которой формально сохраняются механизмы либеральной демократии (регулярно проводятся выборы, действует свобода прессы, сохраняется верховенство права), но правительство опирается на авторитарные практики управления обществом и государством.

Перейдем к рассмотрению ключевых элементов иллиберальной политики и форм ее реализации, характерных для венгерской модели в 2010–2020 гг.

1. Идеология, в основе которой лежит не приверженность глобализму и большинству либеральных западных ценностей (к примеру, права человека, свободный рынок), но, напротив, укрепление национального государства, где национализм – основополагающая форма политической и социальной идентичности. К тому же правоконсервативная коалиция Фидес – ХДНП (и партия Йоббик) строят образ национальной венгерской идентичности вокруг общепережитых бед и страданий венгерского народа посредством героизации венгерской революции 1848–49 гг. и венгерского восстания октября 1956 г. (при «демонизации» коммунистического режима и акцентировании преступлений коммунизма), возвращения темы несправедливости Трианонского мирного договора 1920 г. на внутри- и внешнеполитическую арену страны, медленного оправдания политического режима М. Хорти (а так же Венских арбитражей 1938 и 1940 гг.) и участия Венгрии на стороне нацистской Германии во Второй мировой войне.

2. Особенность строительства иллиберализма в Венгрии объясняется одной важной деталью – сдвиг партийно-политической системы страны в 2010 г., в соответствии с которым центр политической культуры Венгрии сместился вправо. Победа правоконсервативной коалиции Фидес – ХДНП и успех праворадикальной партии Йоббик (при дезинтеграции леволиберального лагеря) привели к доминированию правой идеологии и правого мышления. На этом основании главная борьба за электорат развернулся между правоконсервативной коалицией Фидес – ХДНП и праворадикальной партией Йоббик. Более того, эта

борьба фактически размывала идеологическую границу между правыми и праворадикалами, о чем свидетельствует осуществление В. Орбаном таких неоднозначных инициатив (которые высказывала и партия Йоббик), как задача гражданства этническим венграм Карпатского региона, активная дипломатическая и экономическая поддержка венгерских общин за рубежом, защита христианства и традиционных семейных ценностей при непринятии и даже криминализации ЛГБТ-сообщества, отказ принимать беженцев во время миграционного кризиса 2015 г. и возведение заградительных барьеров на границе с Сербией и Хорватией и другие инициативы.

3. Подрыв системы сдержек и противовесов. Придя к власти в 2010 г., коалиция Фидес – ХДНП получила абсолютное большинство в Государственном Собрании (парламенте) Венгрии и сформировала собственное правительство [2]. Изначально в руках правоконсервативной коалиции оказались ключи от исполнительной и законодательной ветвей власти. Именно поэтому одним из первых шагов правительства В. Orbana стала ликвидация независимости судебной ветви власти в лице Конституционного суда Венгрии через нарушение принципа сменяемости судей и механизма кооптации. В соответствии с Основным Законом Венгрии 2011 г., за Конституционным судом было сохранено право на рассмотрение конституционности принятых, но не обнародованных законов, а рядовые граждане лишились права обращаться в Конституционный суд, эта прерогатива сохранилась лишь за Президентом, правительством и группой парламентариев численностью не менее четверти состава Государственного Собрания [10]. А в соответствии с 5 поправкой к Основному Закону Венгрии от 26 сентября 2013 г. были ограничены права Конституционного суда Венгрии пересматривать изменения в Основной Закон страны – теперь высший судебный орган мог проверять лишь процедуру принятия изменений, но не их содержание [7].

Подрыв системы сдержек и противовесов был юридически регламентирован через принятие Основного Закона (Конституции) 2011 г. и поправок к нему, которые прорабатывали «пути отступления»: в случае проигрыша правящей коалиции и формирования нового правительства назначенцы от партий Фидес и ХДНП останутся на руководящих должностях различного уровня (к примеру, в судебной системе или Совете по СМИ).

Отдельно следует подчеркнуть то, что коалиция Фидес – ХДНП до недавнего времени (в 2019 г. единичные кандидаты от оппозиции победили в 10 из 23 городов областного значения, среди которых Будапешт, Мишкольц, Дунайварош) преобладала в местных органах власти, имея своих ставленников (или независимых кандидатов, но близких к Фидес) на посту мэров крупнейших городов, что исключало конфликт между исполнительной и местной властями [4].

4. Ограничение свободы СМИ. Венгерское правительство в 2010–2020 гг. проводило курс косвенных репрессий в отношении неугодных СМИ через принятие ряда законодательных актов и, прежде всего, нового закона о СМИ в 2011 г., по которому был создан Совет по делам СМИ (полностью

подконтрольный правящей коалиции), фактически установивший цензуру (через юридическое закрепление таких терминов, как «несбалансированное освещение событий» или «нарушение моральных устоев») и облегчивший преследование независимых и оппозиционных журналистов (через установление огромных штрафов: до 90 000 евро для печатных и интернет-изданий и до 700 000 евро для теле- и радиокomпаний) [1]. К тому же данный закон регламентировал размещение оплачиваемой государством рекламы только на лояльных правящей коалиции площадках и ограничивал трансляцию сцен насилия и секса [1].

В итоге манипуляции правительства со СМИ привели к тому, что венгерские СМИ, несмотря на свободу действий, испытывают колоссальное давление со стороны государства (в лице контролируемого Фидес Совета по делам СМИ). Более того, среди венгерских медиа стала широко распространяться самоцензура и боязнь прямо (или ненароком) критиковать не только премьер-министра или членов правительства, но даже отдельных функционеров правящей коалиции, поскольку это грозит огромными штрафами (и как следствие банкротством), потерей рекламных контрактов и, как крайняя мера, потерей лицензии на вещание.

5. Минимизация протестного потенциала гражданского общества. Правительство В. Орбана, сосредоточив в своих руках управление страной, обратило свой взгляд на некоммерческие и неправительственные организации (соответственно НКО и НПО) с иностранным финансированием. К примеру, в 2017 г. парламент Венгрии принял закон, усиливающий контроль государства над неправительственными организациями, получающими иностранное финансирование, по которому данные организации на территории Венгрии должны регистрироваться как «организации, получающие иностранное финансирование», а также раскрывать иностранные суммы и имена жертвователей [3]. А уже в следующем году Государственное Собрание приняло пакет законов, получивших название «Стоп Сорос», направленных на борьбу с нелегальной миграцией. К примеру, был введен специальный 25-процентный налог на пожертвования из-за рубежа для НКО и НПО, помогающих мигрантам и беженцам на территории страны [9].

Отдельно следует отметить то, что правительству удалось «выдать» фонд «Открытое общество» миллиардера Дж. Сороса из Венгрии в 2018 г., а в следующем году Центрально-Европейский университет – частный университет, финансируемый Дж. Соросом – под давлением правительства был вынужден перенести кампус из Будапешта в Вену.

Таким образом, десятилетнее строительство илиберальной демократии В. Орбаном предопределяет политический, идеологический, социально-экономический и культурный конфликты Венгрии и Европейского Союза. И без обновления правительства и прихода к власти леволиберальных сил, без смены политико-правовых основ венгерской системы этот конфликт решен не будет.

### Список источников

1. 2010. évi CLXXXV. Törvény a médiaszolgáltatásokról és a tömegkommunikációról [Electronic resource]. – Mode of access: <https://net.jogtar.hu/jogszabaly?docid=a1000185.tv>. – Date of access: 19.12.2020.
2. 2010. évi Országgyűlési Képviselő Választás 2. fordulója – 2010. április 25. A pártok, független jelöltek eredményei országos összesítésben [Electronic resource] Official site Nemzeti választási Iroda. – Mode of access: <https://static.valasztas.hu/dyn/pv10/outroot/vdin2/hu/122.htm>. – Date of access: 19.12.2020.
3. 2017. évi LXXVI. Törvény a külföldről támogatott szervezetek átláthatóságáról [Electronic resource]. – Mode of access: <https://net.jogtar.hu/jogszabaly?docid=a1700076.tv>. – Date of access: 19.12.2020.
4. Helyi önkormányzati választások 2019 [Electronic resource] // Official site Nemzeti választási Iroda. – Mode of access: <https://www.valasztas.hu/helyi-onkormanyzati-valasztasok-2019>. – Date of access: 19.12.2020.
5. Bayer, L. In First Talk With Jewish Media, Hungary's Far Right Leader Strikes a New Pose [Electronic resource] / L. Bayer // Official site Forward.com. – Mode of access: <https://forward.com/news/world/362663/exclusive-in-first-talk-with-jewish-media-hungarys-far-right-leader-strikes/>. – Date of access: 19.12.2020.
6. Magyar szívvvel, józan esszel, tiszta kézzel. A Jobbik 2018-as választási programja [Electronic resource] // Official site Jobbik A Magyar néppart. – Mode of access: [https://blob.jobbik.hu/programs/magyar\\_szivvel\\_jozan\\_esszel\\_tiszta\\_kezzel.pdf](https://blob.jobbik.hu/programs/magyar_szivvel_jozan_esszel_tiszta_kezzel.pdf). – Date of access: 19.12.2020.
7. Magyarország Alaptörvényének ötödik módosítása(2013. szeptember 26) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://mkogy.jogtar.hu/jogszabaly?docid=A1300926.ATV>. – Date of access: 19.12.2020.
8. Prime Minister Viktor Orbán's Speech at the 25th Bálványos Summer Free University and Student Camp [Electronic resource] // Official site Magyarország jobban teljesít. – Mode of access: [http://2010-2015.miniszterelnok.hu/in\\_english\\_article/\\_prime\\_minister\\_viktor\\_orban\\_s\\_speech\\_at\\_the\\_25th\\_balvanyos\\_summer\\_free\\_university\\_and\\_student\\_camp](http://2010-2015.miniszterelnok.hu/in_english_article/_prime_minister_viktor_orban_s_speech_at_the_25th_balvanyos_summer_free_university_and_student_camp). – Date of access: 19.12.2020.
9. Uniós eljárás indul a magyar kormány ellen a Stop Soros miatt [Electronic resource] // Official site Index.hu. – Mode of access: [https://index.hu/kulfold/2018/07/18/stop\\_soros\\_eu\\_kotelezettszegzesi\\_eljaras/](https://index.hu/kulfold/2018/07/18/stop_soros_eu_kotelezettszegzesi_eljaras/). – Date of access: 19.12.2020.
10. Основной Закон Венгрии от 25 апреля 2011 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Magyar Kormány Nemzeti Könyvtár. – Режим доступа: [https://nemzetikonyvtar.kormany.hu/download/3/00/50000/orosznyomda\\_jav%C3%ADtott.pdf](https://nemzetikonyvtar.kormany.hu/download/3/00/50000/orosznyomda_jav%C3%ADtott.pdf). – Дата доступа: 19.12.2020.



*П.В. Юсупов, магистрант  
politologdela@gmail.com  
БГУ (Минск, Беларусь)*

## **ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БИЗНЕС-АССОЦИАЦИЙ И СОЮЗОВ С ОРГАНАМИ ЕАЭС**

В настоящий момент коммуникация бизнес-сообщества Республики Беларусь и органов ЕАЭС по вопросам принимаемых актов достаточно затруднена. Зачастую ассоциации и союзы не уделяют внимания работе со структурами ЕАЭС, так как это требует значительных временных затрат при неясности порядка данной коммуникации и малой величине практической выгоды. При этом технические регламенты ЕАЭС и Решения о внесении изменений в них имеют для бизнес-сообщества большое значение.

Согласно п. 17–23 Решения Совета Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) от 20 июня 2012 г. № 48, при подготовке проектов технических регламентов осуществляется процедура публичного обсуждения. Итоговым документом является «Сводка поступивших комментариев и предложений (сводка отзывов)» [1].

Процедура оценки регулирующего воздействия (ОРВ) определяется Разделом IX «Оценка регулирующего воздействия проектов решений Комиссии» Регламента работы ЕЭК и применяется к Решениям Комиссии, которые могут оказать влияние на ведение предпринимательской деятельности. Итоговыми документами являются «Сводка поступивших комментариев и предложений» и «Заключение об оценке регулирующего воздействия» [2]. Методика ОРВ не является достаточно проработанной. В частности, в заключениях отсутствует полная оценка влияния принимаемых решений на ведение предпринимательской деятельности.

В целях проведения ОРВ на правовом портале ЕАЭС создан раздел «Общественное обсуждение и оценка регулирующего воздействия». Отметим несогласование понятий «общественное» и «публичное обсуждение» [3]. Основными участниками процедуры ОРВ становятся органы ЕАЭС и ответственные органы государств-членов. Информированность бизнеса в Республике Беларусь о существовании данной возможности крайне низкая, а комментарии к проектам в большинстве случаев отсутствуют.

Тем не менее, п. 46 Порядка разработки ТР предоставляет возможность игнорирования процедуры ОРВ и публичного обсуждения при условии чрезвычайных обстоятельств (непосредственной угрозе жизни и (или) здоровью человека, имуществу и др.) при внесении ими изменений в ТР [1]. В ряде обстоятельств этот пункт используется не по назначению. Так с 26 июня по 10 июля в рамках этапа внутригосударственного согласования проходило общественное обсуждение проекта Решения Совета ЕАЭС «О внесении изменений в технический регламент Евразийского экономического союза «О

безопасности химической продукции 041/2017» [4]. Ответственным разработчиком была определена Республика Казахстан [5]. Несмотря на то, что предлагаемые к внесению изменения по смыслу не были обусловлены обстоятельствами п. 46, а ставили целью ликвидацию ряда барьеров в ведении предпринимательской деятельности и адаптацию норм к международной практике, проект не был направлен на ОРВ и публичное обсуждение, хотя по вопросам внесения изменений у бизнес-сообщества имелись дополнительные предложения. Министерство здравоохранения Республики Беларусь как орган – представитель Республики Беларусь (соразработчик) проголосовало против проекта, предложенного Республикой Казахстан.

Общественное обсуждение проекты ТР ЕАЭС также проходит и на этапе внутригосударственного согласования в Республике Беларусь. Тем не менее, на данном этапе внесение дополнений в предлагаемый проект не допускается [1].

Согласно Постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 27 сентября 2016 № г. № 772 «О вопросах рассмотрения, подготовки и отмены актов отдельных органов Евразийского экономического союза», Министерство экономики является республиканским органом государственного управления, уполномоченным Правительством на осуществление координации работы в Республике Беларусь по вопросам функционирования ЕАЭС, взаимодействия с ЕЭК. Важная роль в этом постановлении отводится и Министерству иностранных дел Республики Беларусь [6]. В случае направления бизнес-сообществом запроса в Министерство экономики или Министерство иностранных дел о вынесении какого-либо вопроса на обсуждение ЕЭК данными органами государственного управления осуществляется коллегиальное рассмотрение обращения с другими заинтересованными ведомствами, после чего принимается решения о целесообразности направления позиции в ЕЭК. Данное рассмотрение может занимать значительное количество времени.

В случае направления обращения напрямую в адрес ЕЭК по вопросу внесения изменений в ТР ЕАЭС, ЕЭК перенаправит обращение в адрес ответственного разработчика регламента и других обязанных в соответствии с ним национальных органов, согласно Раздела III порядка разработки ТР [1]. Рассмотрение этих вопросов также может занимать значительное количество времени.

Разработка проектов ТР ЕАЭС и проектов изменений в них осуществляется в соответствии с планом с учетом результатов мониторинга и контроля применения принятого ТР [1]. Это также создает большие временные и трудозатраты для стейкхолдеров по направлению и продвижению своих предложений. Нередко данный процесс может занимать более года.

Таким образом, коммуникация с органами ЕАЭС и по вопросам регулирования ЕАЭС не является популярной среди бизнес-сообщества. Причинами этого являются:

- неосведомленность бизнес-сообщества о наличии механизмов коммуникации по вопросам регулирования, непонимание работы данных механизмов;

– деятельность ЕЭК считается малопродуктивной, и ассоциации предпочитают направлять свои усилия на работу с актами приведения национального законодательства в соответствие с нормами ЕАЭС;

– слабая проработанность методики ОРВ, отсутствие полного раскрытия влияния принимаемой нормы на условия ведения предпринимательской деятельности, низкий уровень участия стейкхолдеров в публичных обсуждениях;

– рассмотрение вопросов, направленных в адрес ответственных национальных органов либо в адрес ЕАЭС, занимает значительное время.

По нашему мнению, исправить сложившуюся ситуацию могут следующие меры:

1. более активная работа органов ЕАЭС по информированию бизнес-сообщества о ведущейся работе;

2. сокращение сроков рассмотрений инициативных обращений в ЕЭК и национальных ОГУ, ответственных за работу с ЕАЭС;

3. информирование стейкхолдеров о способах коммуникации должно быть более полным;

4. совершенствование норм, регулирующих реализацию процедуры ОРВ и публичного обсуждения, их упрощение для участия более широкого круга стейкхолдеров;

5. повышение качества методик ОРВ путем более комплексного и качественного рассмотрения изменений условий ведения предпринимательской деятельности в регулируемой области.

#### **Список источников:**

1. Порядок разработки, принятия, изменения и отмены технических регламентов Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : утв. решением Совета Евразийской экономической комиссии, 20 июня 2012 г., № 48 // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: [www.eurasiancommission.org/ru/act/tehnreg/deptexreg/metod/Documents/Порядок разработки, принятия и отмены технического регламента Евразийского экономического союза.pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/tehnreg/deptexreg/metod/Documents/Порядок_разработки,_принятия_и_отмены_технического_регламента_Евразийского_экономического_союза.pdf). – Дата доступа: 19.12.2020.

2. Регламент работы Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс] : утв. Решением Высшего Евразийского экономического совета, 23 дек. 2014 г., № 98 // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: [www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/Documents/Регламент ЕЭК \(решение ВЕЭС 98 в ред на 12.2018\).pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/Documents/Регламент_ЕЭК_(решение_ВЕЭС_98_в_ред_на_12.2018).pdf). – Дата доступа: 19.12.2020;

3. Общественное обсуждение и Оценка регулирующего воздействия [Электронный ресурс] : – Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/Regulation.aspx>. – Дата доступа: 19.12.2020;

4. Проект решения Совета ЕАЭС «О изменений в технический регламент Евразийского экономического союза «О безопасности химической продукции» [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://forumpravo.by/forums/npa.aspx?forum=15&topic=15492>. – Дата доступа: 19.12.2020;

5. О разработке проекта изменений в технический регламент Евразийского экономического союза «О безопасности химической продукции» (ТР ЕАЭС 041/2017) [Электронный ресурс] : распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии, 29 марта 2019 г., № 42 // Национальный правовой портал Республики Беларусь. – Режим доступа:

<https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=F41900469>. – Дата доступа: 19.12.2020.

6. О вопросах рассмотрения, подготовки и отмены актов отдельных органов Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 27 сент. 2016 г., № 772 // Сайт Министерства экономики Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://www.economy.gov.by/ru/vz-eak-ru/>. – Дата доступа: 19.12.2020.

*Е.Е. Юшкевич, студент  
elevg39@gmail.com  
БГЭУ (Минск, Беларусь)*

## **ВОВЛЕЧЕННОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ ФРГ В МЕДИАПРОСТРАНСТВО КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ СТРАНЫ**

Значимость общественного диалога в публичной сфере государства, следующего демократическим принципам, невозможно переоценить. Благодаря этой форме взаимодействия обретаются сторонники, укрепляется легитимность власти и в целом гуманизируется образ страны. Федеральный президент ФРГ Ф.-В. Штайнмайер отметил важность организации дискурса в медиапространстве и заявил о том, что демократизация цифровых технологий является насущной задачей нашего времени [2].

Общение с целевой аудиторией в период глобальной информатизации все чаще происходит на основе интернет-платформ. Более того, эпидемиологическая обособленность определила медиапространство местом проведения брифингов, транслирования конференций всех уровней значимости и интерактивных взаимодействий в целом. В частности, это видно на примере видеоконференции о нормализации отношений между Сербией и Косово в присутствии федерального канцлера А. Меркель.

Технологии Веб 2.0 – интернет-проекты и сервисы, активно развиваемые и дополняемые непосредственно самими пользователями, – сделали возможным процесс двусторонней интернет-коммуникации, в которой задействованы и политические деятели. Согласно отчету «Twiplomacy», наиболее важные аккаунты на территории ФРГ ведут федеральный президент Ф.-В. Штайнмайер, федеральный канцлер А. Меркель, официальный представитель федерального правительства Ш. Зайберт и министр иностранных дел Х. Маас. Помимо публикаций последних новостей мировой и внутригосударственной политики, в

их аккаунтах появляются микроотчеты по проделанной работе, обращения к гражданам по конкретным повесткам и поздравления со знаменательными датами.

Если ранее речь шла лишь о традиционной функции передачи информации политическими деятелями, то сегодня в ФРГ особое внимание уделяется обеспечению обратной связи с аудиторией. Все чаще стали появляться публикации с открытыми для ответа вопросами, прямые эфиры с обозначенной повесткой, в то время как возможность комментирования и налаживания диалога всегда остается доступной. Подобного рода коммуникация в медиапространстве сравнима по своей сути со свободной коммуникацией в концепции хабермасовской публичной сферы [1. с.62]. Во-первых, центральными становятся сама повестка, качественная аргументация и конечный результат дискуссии. Вместе с тем личностные характеристики субъектов несколько размываются, но ответственность за слово по-прежнему принадлежит говорящему. Во-вторых, высказанные в медиапространстве предположения подвергаются обдумыванию среди большой группы людей, что создает возможность их анализа и доработки. Публичная сфера при этом является некоторым регулятором не только отдельных высказываний в блогосфере, но и всего информационного потока. Это происходит за счет того, что субъективный подход, отдельные искажения и ошибки нивелируются в ходе формирования общественного мнения. В-третьих, учитывая тот факт, что публичная сфера является основой конституирования общественного мнения, открытость к диалогу и выражение актуальных для общества интересов в медиапространстве являются составляющими индикатора оценки действий государственной власти и ее легитимности.

Нередким явлением становятся также открытые конференции, проводимые в формате диалога между политическими деятелями и активистами, представителями иных сфер с возможностью «подключиться» и/или непосредственно прокомментировать услышанное, задать вопрос. Обсуждение идеи в личном блоге до вынесения на более серьезный уровень позволяет политическим деятелям заранее как ознакомиться с мнением оппонентов, так и заручиться поддержкой сторонников. Такого рода взаимодействие также отвечает положениям концепции публичной сферы Ю. Хабермаса, за исключением лишь того аспекта, что при подобной организации значение личности говорящего не размывается, а, напротив, является превалирующим, что оказывает с точки зрения ответственности положительное влияние на общественное мнение.

В одном из своих выступлений федеральный президент ФРГ Ф.-В. Штайнмайер в очередной раз подчеркнул, что сегодня не стоит вопрос о том, является ли медиапространство по определению хорошей или плохой вещью для государства, поскольку политический дискурс в сети уже стал неотъемлемой частью нашей демократии [2]. И хотя достижение общественного согласия и всегда рациональная дискуссия – это лишь желаемые результаты, однако главная ценность вовлеченности политических деятелей ФРГ в публичную сферу страны

посредством медиапространства заключается в освобождении и разнообразии публичных отношений, что тем самым продолжает и развивает демократические традиции.

#### **Список источников:**

1. Товмасян, Н. Т. Публичная сфера: контуры теоретического образа / Н. Т. Товмасян // Идеи и Идеалы. – 2017. – № 3 (33), Т. 2. – С. 53–64.
2. Bundespräsident Frank-Walter Steinmeier bei der Veranstaltung der Konrad-Adenauer-Stiftung «Demokratie unter Druck – für eine neue politische Streitkultur» [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Frank-Walter-Steinmeier/Reden/2019/10/191017-Konrad-Adenauer-Stiftung.html>. – Date of access: 19.12.2020.

*Е.Р. Якутина, магистрант  
yakutina-1998@mail.ru  
СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)*

### **СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ РОССИИ**

В настоящее время для эффективного развития мирового хозяйства существуют такие мировые процессы, как интернационализация, глобализация и интеграция. Так, интернационализация характеризуется усиленным сотрудничеством государств и организаций, способствующим углубленному международному разделению труда, а также специализации и кооперации. В свою очередь, под глобализацией понимается более сложный комплекс трансграничных взаимодействий между физическими лицами, предприятиями, институтами и рынками. Такое явление находит свое отражение в расширенном воспроизводстве товаров и услуг, технологий и финансовых средств и в их потоке; в устойчивом росте и усилении воздействия международных институтов современного социума; в расширении масштабов трансграничных коммуникационных и информационных обменов [3, с. 47]. Интеграция предполагает процесс плавного перехода от традиционной системы межгосударственного сотрудничества в регионе к формированию национальных структур и передачу властных полномочий суверенных государств этим структурам.

Современные условия таковы, что каждая из стран мира, взаимодействуя с другими странами, достигает более качественных и эффективных итогов в мировом хозяйстве. Страны-участницы интеграции взаимодействуют исходя из своих политических, экономических, геополитических интересов. Для реализации этих интересов создаются различные интеграционные группировки. В мире насчитывается около 300 действующих региональных торговых соглашений, включая соглашения об экономической интеграции, об образовании

таможенных союзов и соглашения с частичной областью действий, распространяющихся на определенный перечень продукции [3, с. 56].

Развитие процессов интеграции в мировом хозяйстве, их цели, стратегии развития, принципы создания необходимых условий имеют общие закономерности независимо от географического положения и уровня экономического развития стран, образующих интеграционные объединения.

Процесс международной экономической интеграции включает в себя процессы международного разделения труда, увеличения степени открытости национальной экономики, активизации развития международных экономических отношений, роста интеграции экономик стран мира, повышения однородности экономической жизни, повышения научно-технического прогресса [1, с. 23].

Поэтому интеграция рассматривается как рычаг для ускорения развития национальных экономик, в рамках которого решаются глобальные проблемы государств-участниц интеграционных объединений. Среди представителей международной экономической интеграции можно выделить такие, как Шанхайская организация сотрудничества, Организация черноморского экономического сотрудничества, Евразийский экономический союз и пр.

В мировой практике сложилось так, что ключевыми интеграционными ядрами в мировом хозяйстве выступают Российская Федерация, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки и Китайская Народная Республика [4, с. 15].

Россия является участником следующих интеграционных группировок: Евразийский экономический союз, Всемирная торговая организация, Шанхайская организация сотрудничества и др. [2].

Проведем многофакторный корреляционно-регрессионный анализ за период 1970–2019 гг. с целью выделения ключевых параметров, влияющих на уровень эконометрической интеграции России в мировое хозяйство [2]. Данная объясняемая переменная оценивалась по десятибалльной шкале методом экспертных оценок.

Выделим факторы для исследования:  $Y$  – уровень экономической интеграции,  $X_1$  – уровень ВВП, млн. долл.;  $X_2$  – размер государственного долга, млрд. долл.;  $X_3$  – общая стоимость внешней торговли всего по странам мира, млн. долл.;  $X_4$  – уровень безработицы, млн. чел.;  $X_5$  – сальдо торгового баланса, млн. долл.;  $X_6$  – приток внешних инвестиций в страну, млн. долл.;  $X_7$  – размер экспорта, млн. долл.;  $X_8$  – размер импорта, млн. долл.;  $X_9$  – численность населения, млн. чел.

Параметры модели с включением фактора времени будут оцениваться с помощью метода наименьших квадратов.

С помощью персонального компьютера получим матрицу парных коэффициентов, на основании которых необходимо сделать вывод о факторах, которые могут быть включены в модель множественной регрессии. Данные указаны в таблице 1.

Матрица получена благодаря редактору Excel XP в пакете анализа, корреляции.

	У	X <sub>1</sub>	X <sub>2</sub>	X <sub>3</sub>	X <sub>4</sub>	X <sub>5</sub>	X <sub>6</sub>	X <sub>7</sub>	X <sub>8</sub>	X <sub>9</sub>
У	1									
X <sub>1</sub>	0,83	1								
X <sub>2</sub>	0,86	0,92	1							
X <sub>3</sub>	0,73	0,84	0,83	1						
X <sub>4</sub>	-0,57	0,58	-0,55	-0,50	1					
X <sub>5</sub>	0,84	0,96	0,92	0,82	-0,51	1				
X <sub>6</sub>	0,43	0,36	0,44	0,25	-0,18	0,46	1			
X <sub>7</sub>	-0,02	0,05	-0,01	0,03	-0,01	-0,08	-0,01	1		
X <sub>8</sub>	0,30	-0,03	0,04	0,20	-0,05	0,00	0,04	0,27	1	
X <sub>9</sub>	0,57	0,22	0,34	0,41	-0,42	0,23	0,15	0,16	0,67	1

**Таблица 1. – Корреляционная матрица влияния факторов на экономическую интеграцию**

Рассмотрим 1 столбец корреляционной матрицы, содержащий коэффициенты корреляции между зависимой переменной и каждым из факторов. Итак, переменная У имеет среднюю линейную зависимость с X<sub>1</sub>, X<sub>2</sub>, X<sub>3</sub>, X<sub>5</sub>, X<sub>6</sub>, X<sub>8</sub>, X<sub>9</sub>, с фактором X<sub>4</sub> – среднюю обратную зависимость, с фактором X<sub>7</sub> – сильную обратную зависимость.

Далее в ходе эконометрического исследования было сформулировано регрессионное уравнение, которое в дальнейшем позволило оценить качество модели.

Итак, мультиколлинеарность не обнаружена, при построении уравнения множественной регрессии методом включения факторов в модель на основе прироста скорректированного коэффициента детерминации в модель были включены только факторы X<sub>1</sub>, X<sub>2</sub>, X<sub>3</sub>, X<sub>5</sub>, и X<sub>9</sub>, т.к. они оказывали наибольшее влияние на качество модели. Было получено следующее уравнение:  $Y = -23,882 + 1,3 * X_1 + 0,0039 * X_2 - 3,547 * X_3 + 1,2 * X_5 + 0,196 * X_9$ .

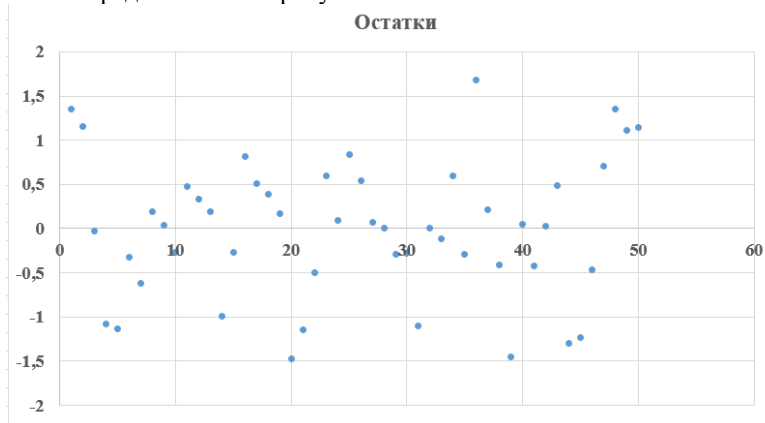
При проверке значимости коэффициентов регрессии и уравнения в целом на 5%-ом уровне было получено уравнение:  $Y = -23,882 + 1,3 * X_1 + 0,0039 * X_2 - 3,547 * X_3 + 1,2 * X_5 + 0,196 * X_9$  – значимо.

Проверив отсутствие систематических ошибок, т.е. гипотезу о равенстве нулю математического ожидания остатков, средние остатки составили: - 6,96; математическое ожидание = 0; среднеквадратическое отклонение: 0,7678; статика критерия: -6,348 – является критической точкой распределения. Тогда критическая область состоит из двух диапазонов: (-∞; -6,348) U (6,348; +∞). Значение статистики в критическую область не попадает, тогда нет оснований



отвергнуть гипотезу о том, что математическое ожидание равно нулю. В таком случае не наблюдается систематичность ошибок.

Проверим гетероскедастичность остатков графическим методом. Результаты представлены на рисунке 1.



**Рисунок 1 – Проверка гетероскедастичности остатков графическим методом**

Таким образом, наблюдается гомоскедастичность остатков, что свидетельствует о постоянстве условной дисперсии случайных величин. Для подтверждения гомоскедастичности была проведена дополнительная проверка с помощью теста Брешуа – Пагана, что в последующем подтвердило отсутствие гетероскедастичности. Далее были проведены и другие проверки на адекватность модели, оказывающие влияние на итоговое принятие модели.

Так было выяснено, что модель вполне адекватна и в дальнейшем может описывать зависимость между выявленными факторами. Ключевыми факторами, оказывающими влияние на экономическую интеграцию России в мировое хозяйство, стали уровень ВВП ( $X_1$ ), государственный долг ( $X_2$ ), внешняя торговля ( $X_3$ ), сальдо торгового баланса ( $X_5$ ) и численности населения ( $X_9$ ).

После выявления адекватности модели сформулировали точечный и интервальный прогнозы зависимой переменной при условии прироста факторов на 10 %.

Обозначим наше уравнения модели:  $Y = -23,882 + 1,3 * X_1 + 0,0039 * X_2 - 3,547 * X_3 + 1,2 * X_5 + 0,196 * X_9$ ; стандартная ошибка составляет 3,998; t-статистика = 2,009.

Рассчитаем прирост факторов на 10%:  $X_1$  составит 728 048;  $X_2 = 196,09$ ;  $X_3 = 23 388,32$ ;  $X_5 = 59 073,29$ ;  $X_9 = 157,07$  и  $Y = 8,42$ , что является выше среднего значения по десятибалльной шкале оценки экономической интеграции.

Значение ключевой переменной  $Y$  при приросте факторов на 10 % составит 8,4 единицы, т.е. при изменении уровня ВВП ( $X_1$ ), государственного долга ( $X_2$ ), внешней торговли ( $X_3$ ), сальдо торгового баланса ( $X_5$ ) и численности населения

( $X_9$ ) на 10 % уровень экономической интеграции будет составлять 8,4. Тогда как границы прироста на 10 % от среднего будут в промежутке (0,38;16,45).

Результаты проведенного исследования показали, что для Российской Федерации важно участвовать в международной экономической интеграции, поскольку взаимодействие со странами-союзниками будет способствовать решению стратегических вопросов в рамках национальной экономики и выстраиванию прочных союзнических связей. В результате каждая страна-участница получает эффект, который может быть больше или меньше эффекта у страны-партнера по объединению. Совокупность и синергия этих эффектов позволяет говорить об интеграционном развитии для объединения в целом.

#### **Список источников:**

1. Обуховский, В. В. Теории международной экономической интеграции / В. В. Обуховский. – М. : Экономика, 2007. – 46 с.
2. Официальный сайт Всемирной торговой организации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rtais.wto.org/ui/PublicMaintainRTAHome.aspx>. – Дата доступа: 10.12.2020.
3. Рогова, И. А. Международная экономическая интеграция: специфика и перспективы евразийских региональных объединений / И. А. Рогова, А. М. Палванов. – М. : Экономика, 2017. – 122 с.
4. Рязанов, В. Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствия для мирового хозяйства и России / В. Т. Рязанов. – М. : Экономика, 2016. – 695 с.

*Научное издание*

**СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА  
О ТРАЕКТОРИЯХ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА, БИЗНЕСА  
И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

Сборник материалов международной научно-практической  
(онлайн) конференции  
(23 декабря 2020 г.)

Ответственный за выпуск *Е. С. Пате́й*

Подписано в печать 08.06.2021. Формат 60×84/16.  
Бумага офсетная. Печать цифровая.  
Усл. печ. л. 22,55. Уч.-изд. л. 24,88.  
Тираж 10 экз. Заказ 19770.

Издатель и полиграфическое исполнение:  
общество с ограниченной ответственностью «Колорград».  
Свидетельство о государственной регистрации  
издателя, изготовителя, распространителя печатных  
изданий № 1/471 от 28.07.2015.

Пер. Велосипедный, 5-904, 220033, Минск.  
+375 17 361 91 40  
post@segment.by  
segment.by

facebook.com/segment.by  
vk.com/segment\_belarus  
instagram.com/segment.book



Интернет-магазин



Для авторов и ученых



Наш сайт

